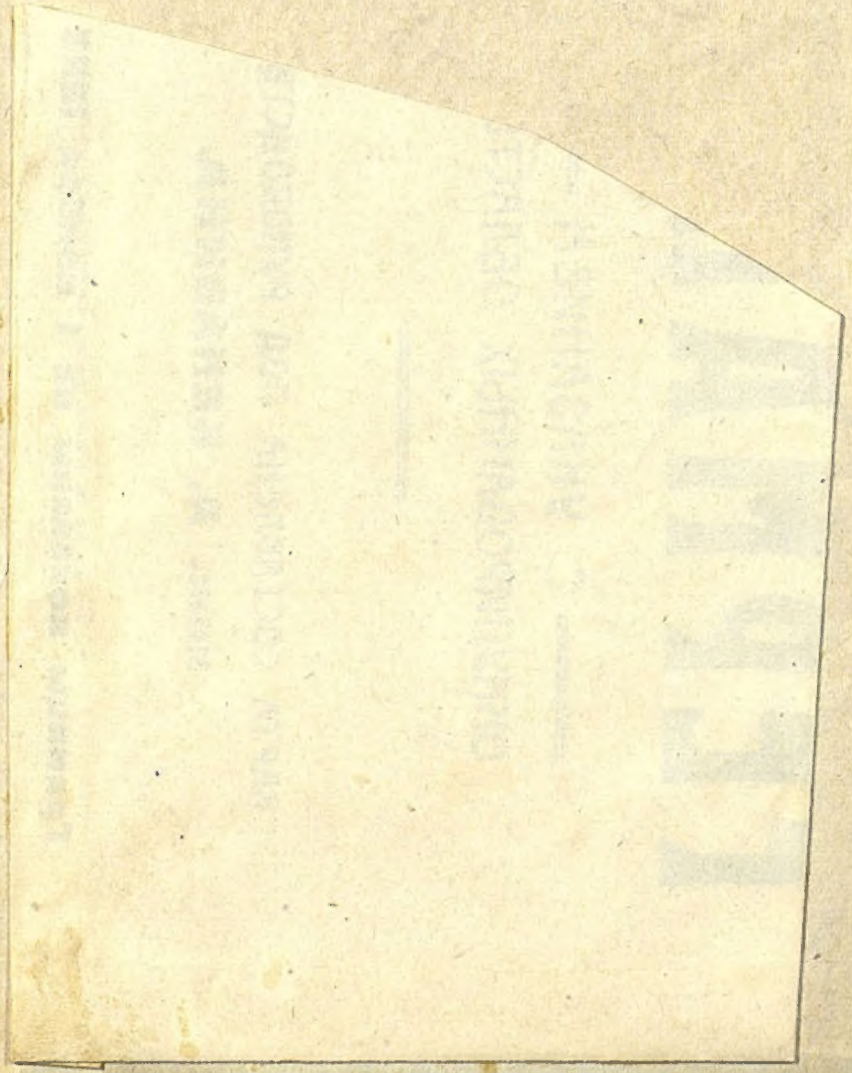
КН 66
Калинин
3 12
За этот
годы
КН 1
Л., 1926.



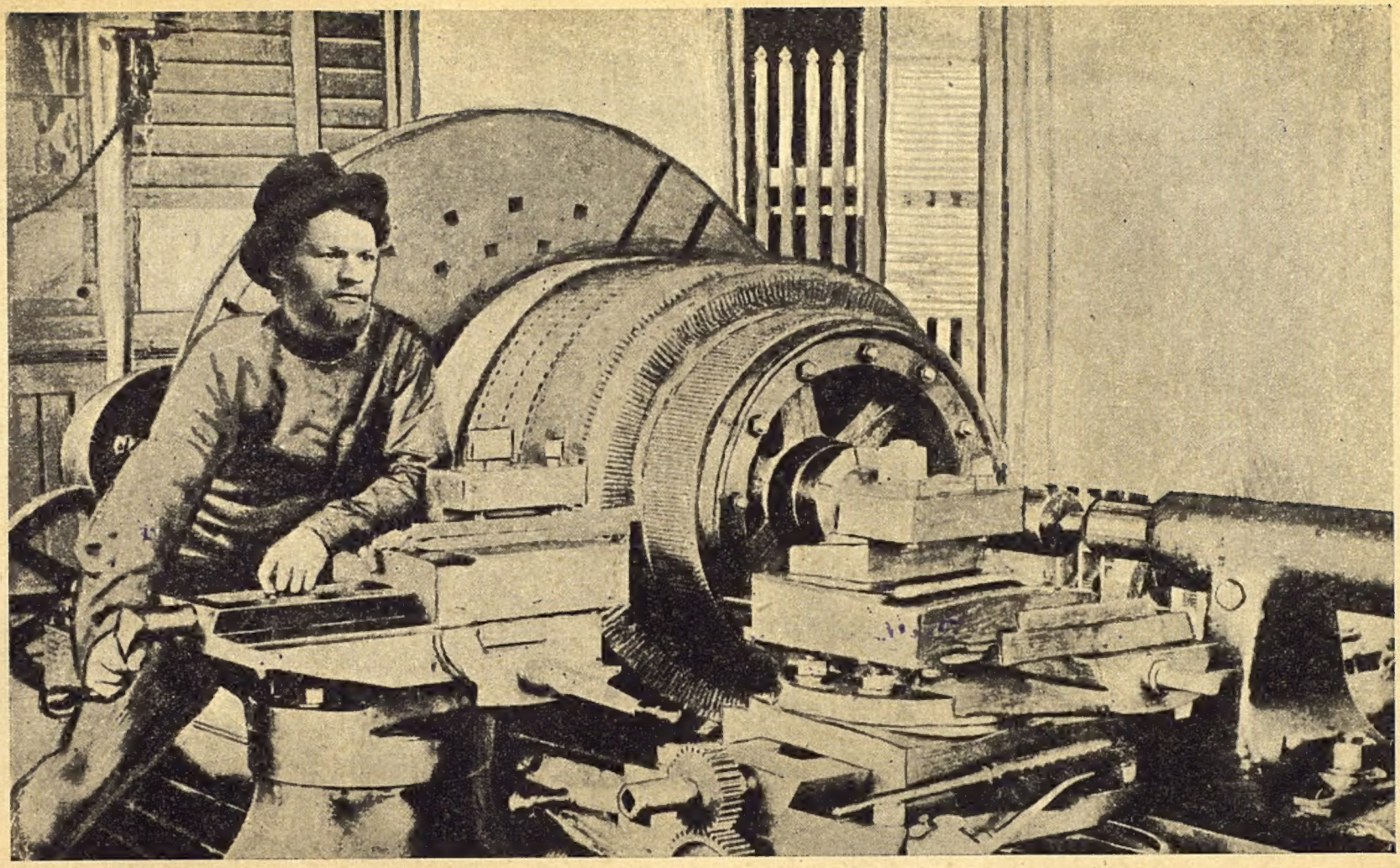
М. И. КАЛИНИН

ЗА ЭТИ ГОДЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. ЛЕНИНГРАД
1926

54324/8



М. И. за станком на электротехническом заводе в Ревеле в 1901 году, где работал токарем по металлу.

М. И. КАЛИНИН

КН 66
Калинин
3.12

ЗА ЭТИ ГОДЫ

СТАТЬИ. — БЕСЕДЫ. — РЕЧИ.

КНИГА ПЕРВАЯ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 54324/8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1926

Книга подготовлена к печати В. Ю. Беловым.
под редакцией М. С. Грандова.

Гиз № 11273.
Ленинградский Гублит № 13434.
23³/₄ л. Отп. 15.000 экз.

ОТ РЕДАКЦИИ.

По первоначальному плану, настоящее издание должно было включить все речи, которые были произнесены М. И. Калининым в разное время при поездках по Советской России, а также статьи, разбросанные по разным журналам и газетам.

Таково было задание, возложенное издательством.

Это потребовало очень кропотливой работы по собиранию материалов, так как всего труднее их было найти... у самого автора. Он сам их не скапливал никогда и — что всего досаднее — никогда не выказывал сочувствия попыткам со стороны сделать что-нибудь подобное.

И только в прошлом году было приступлено к задаче дать систематизированное и более или менее полное издание речей и статей М. И. Издательство, трудами своего представителя, тов. Белова, сгребло со всех концов все печатные и стенографические материалы. Дело близилось, как будто, к благополучному результату. Но первая же глава будущей первой книги, представленная автору на просмотр, была им целиком и без снисхождений забракована. А между тем наготове лежала еще одна большая стопка отобранных к печати материалов.

Причина такой неодобрительности оказалась в следующем. М. И. заявил, что он считает целесообразным и возможным опубликование только исключительно тех материалов, которые хоть сколько-нибудь характе-

ризуют эпоху, общие эпизоды этой эпохи, дух ее и содержание ее. Он указывал, что из речей прежде всего следует обратить внимание на беседы, а не на доклады. В этих беседах говорит не один кто-нибудь, а *все;* говорят события, — говорят и сами за себя, и за то, кто какое отношение к ним проявляет, как себя среди них ведет и проч.

Словом сказать, автор требовал как можно меньше... авторского, как можно больше общественно-характерного. На этом же основании первоначально он отверг помещение каких бы то ни было портретов.

Пришлось подискуссировать с автором и заставить его признать за издательством право считать и его самого, и его выступления... общественно-характерными! Кстати, тогда же родилась мысль и о заглавии книги: «За эти годы». Это заглавие, как и можно было ожидать, не вызвало возражений.

Все сказанное выше отразилось на характере настоящего издания. Из представленных автору речей и статей было отфильтровано (и бесповоротно) едва ли не девять десятых. Подберешь, скажем, материал на пять печатных листов и заранее не рискуешь показать больше одного. Но и за всем этим следовали дальнейшие и дальнейшие сокращения. Такому же сокращению подверглась и иллюстрационная часть. По части «авторских» портретов и снимков редакции пришлось отказаться от мысли дать те, которые рисуют дореволюционную личную жизнь М. И. в ее будничнодомашнем пролетарском быту.

Теперь считаем необходимым сделать несколько замечаний относительно материала, вошедшего в эту книгу.

Книга открывается ответом М. И. на статью 1923 года, помещенную в эмигрантских эсэровских «Днях» о Калинине и Петровском. Редакция считает,

что именно этот «личный» ответ всего более относится к тому «общественно-характерному» в нашей революции, о котором мы уже упоминали.

Затем следуют беседы, при чтении которых необходимо помнить, когда и в какой обстановке они происходили.

В заголовках всякий раз указывается соответствующий год. В свете этих указаний и необходимо давать оценку читаемым беседам. О беседах этих одно можно сказать: они так же неповторимы, как неповторимы и самые *годы*, к которым они относятся. Это первые годы Советской власти... От них ничего нельзя убавить и к ним ничего нельзя прибавить. Не отнимешь от них и того, что одной из центральных тем при разговорах деревни с главой правительства являлась, например... соль. «Нет соли!»... Тут вся наша деревня, как на ладони... Тут и эпоха вся. Невиданный ею героизм проступает именно сквозь «соль», сквозь невероятные лишения и страдания, в которых шла победоносная борьба. Обращаем внимание читателей, что беседы пришлось давать по сырым и отрывочно записанным стенограммам. И тут тоже сказалась *эпоха*. Стенограммы писались где-нибудь позади толпы, в давке, стоя, опирая тетрадку на спину кого-нибудь из сопровождавших М. И. сотрудников, среди шума и гула. В этой книге стенограммы печатаются *так, как они сохранились*, — без всяких исправлений.

Нет никакого смысла пытаться восстановить каждую деталь спустя целые годы. Да и надобности нет; все равно — жестов, движения на лицах, интонации голоса — всего этого не застенографируешь ведь. А в той мере, в какой все это в состоянии выглянуть из самого характера записанных разговоров, в этой мере стенограммы и в настоящем своем виде достаточно красноречивы.

Затем в книге следуют статьи о голоде и о поездках по России.

Статьи о голоде изобилуют цифрами, цитатами из помголовских отчетов, еще раз цифрами, еще раз фактами. Они перемешаны с выдержками из статей Кусковых, Прокоповичей, Кишкиных, взятыми из их газеты, выходившей в то время.

На фоне этих выдержек «сухие» помголовские отчеты звучат языком настоящего энтузиазма масс, языком будничной, но действительной работы по мобилизации всех сил страны в помощь пострадавшим районам. Может-быть — и наверное так было — помощь была далеко недостаточна, несоразмерна с грандиозными и вопиющими потребностями. Но сам по себе тот факт, как советское государство в целом стало на защиту отдельных районов, остается неизгладимым.

И именно сейчас, когда далеко уже позади вся жуть голодного периода, когда можно более спокойно оглянуться назад, — чтение помголовских материалов, рисующих отчаянную, иногда трагически-безнадежную борьбу за жизнь, развертывает необычайную картину интеллигентского самомнения и лицемерия Кусковых — с одной стороны, и величавой простоты пролетарского дела — с другой.

В этот же том вошли статьи: о шефстве, речь о селькорах, ряд описаний посещенных местностей России, статьи о самообразовании, статья «о смычке в ее повседневном преломлении».

Все статьи по вопросам крестьянской политики партии войдут отдельной серией во второй том.

Редакция.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ.

(РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ.)

«В Советской России есть два искусственных мужичка: в Москве г. Калинин — для средней и северной России и г. Петровский — для южной. Эти искусственные мужички выступают больше в торжественных случаях в столицах, а в промежутках они время от времени занимаются «смычкой» Советской власти и крестьянства. Они путешествуют в удобных вагонах, и в их обязанности входит «по-простецки», «по душам» потолковать с крестьянством. Так потолковать, чтобы у настоящего мужика создавалось впечатление, что «самым-то главным» стоит «свой человек», «наш простой мужичок», который просит «малепько еще потерпеть», Советской-де власти «трудно сразу...» Такие собеседования в особенности практикуются, когда Советская власть или собирается ошарашить настоящего мужика одним из многочисленных «единых» налогов или после того, как уже ошарашила».

Так пишут в заграничной газете «Дни», где сотрудничают высланные из России профессора, литераторы, эсэры — Керенский, Брешковская и многие другие, которые недавно, почти вчера, считали себя солью земли русской. И посейчас из них многие искренно верят, что они являются демократами, сиречь — защитниками народа, борцами за народные интересы. Чудаки!..

Много лет тому назад, на пятнадцатом году моей жизни, перед поступлением на завод, которое затянулось, я устроился кухонным мужиком у баронессы Будберг, занимая очень маленькое положение в иерархической лестнице ее челяди. У нее был камердинер Петр Петрович, к которому приходила вся камердинерская знать Петербурга; они в точности копировали своих господ: пили хорошие вина, вели светские разговоры, больше о чинах, орденах, карьере своих господ. Внешностью из них каждый сошел бы за канцлера любой европейской страны.

Я, как неотесанная еще столицей деревня, исполнял обязанность их слуги, хотя это и не входило в мои прямые обязанности, но ведь круг обязанностей маленьких людей очерчивается вышестоящими по их волеизъявлению, и я, по мере сил и разумения, накрывал на стол, откупоривал вина, стремился заслужить внимание строгих господ, что мне трудно доставалось, ибо постоянно возмущал их своей неуклюжестью и невежеством в столь трудной профессии, где, действительно, они являлись артистами, а мне, как сейчас помню, они казались пустыми, совершенно невежественными людьми, может-быть потому, что я основательно уже ознакомился с русской литературой и людскую глупость великолепно подмечал, что особенно свойственно юности. Таковыми сейчас мне кажутся демократы из «Дней».

В самом деле, неужели настолько глуп русский мужик, что достаточно с ним мягко потолковать, а он уши развесит. Так могут думать именно не уважающие свой народ — хамы или чудаки. Я думаю, демократы из «Дней» — последние. В них демократизма, народного духа нет ни капельки. Поверьте моей совести, русского мужика, да не только русского, мужика всех национальностей на мякине не проведешь. Тот, кто думает заговорить зубы ничего незначущими фразами, сам окажется в дураках, в каких вы сейчас и обретаетесь.

В чем сила наша, — таких, как я, Петровский? Не в том, что мы умеем заговорить зубы, — кто же в этом может соперничать с вами, такими, как Керенский, — она в том, что мы к мужику подходим без интеллигентской слащавости, говорим с ним не как с «меньшим братом» (как с ним говорили вы в прошлом), а обыкновенным языком, подразумевая в собеседнике не меньшее количество ума, сообразительности и понимания своих интересов,чем у нас самих.

Прочтите хотя бы мое описание северо-кавказской поездки. Там открыт краешек крестьянских митингов, преимущественно среди горских народов. Я уверен, вы не найдете ни одной фальшивой ноты (я говорю: не ошибки, а фальшивой ноты; под фальшью же я подразумеваю искусственное подлаживание к народу). Вот этой простой истины вам не дано, что нельзя подделаться к народу, что его чуткость в этом отношении исключительная.

И у нас с крестьянами идет не беседа, не благодушное переливание из пустого в порожнее, а горячее взаимное желание убедить друг друга. Неужели вы думаете, что крестьянин будет стоять шесть часов так себе, между прочим? Извините, так могут

думать только русские заграничные тюфяки. Русские попы в десятки раз лучше вас знают народ и, однако, в торжественные праздничные дни наиболее красочную обедню не рискуют продолжить более $2^1/_2$ часов. Только интерес, активное участие, внутреннее сознание участника собрания, что он не просто сидит, а добивается своей цели, делает незаметными, скоропроходящими часы митинга.

Мы ездим в удобных вагонах... Невольно мне вспоминается случай в 1919 году в одном из сел Казанской губ. Я задел одну из крестьянок, которая нападала на город: дескать, там живут лодыри. Я указал, что на ней надето великолепное плюшевое пальто, а она — лазаря поет о разорении. А она обратно: «А у тебя разве плохое пальто, сапоги?»

Выступает один из пожилых крестьян с обстоятельной речью, сущность которой сводилась к тому, что непристойно главе государства быть в лаптях, что это унизительно перед соседями. Аудитория вторит:

— Правильно, чай одного-то оденем.

Крестьянка, видя, что провалилась, оправдывается:

— Да ведь он первый задел меня. Что я, не понимаю, что ли, что не годится председателю быть в лохмотьях!

А четыре года спустя «Дни» из-заграницы делают допос, что Калинин и Петровский ездят в удобных вагонах. Очевидно, высокопросвещенные сотрудники «Дней» иначе не мыслят: если ты — крестьянин или рабочий, то какую бы обязанность ты ни исполнял, можешь продвигаться по святой Руси на крыше вагона или пешком, с посохом в руках на манер деревенских юродивых, на посмешище врагов рабочих и крестьян.

«В самом деле г. Калинин как-никак — президент, а не комиссар финансов, не финансовый «спец», и как-будто не особо умудрен в финансовых делах. Почему же именно ему, президенту, свыше — в Политбюро было приказано выучить шпаргалку с цифрами и выступать по бюджету».

Боже, сколько здесь яду, ненависти!

Как сейчас помню картину первых дней моего выступления петроградским городским головой (я был избран для себя неожиданно, таких ответственных ролей в прошлом мне исполнять не приходилось, это видно из вышеприведенных строк). Вместе с т. Мануильским мы прошли в зал заседания петроградской управы, где происходило заселание старой управы. Там был эсэровский цвет во главе с Шрейдером.

Говорят, «долг обязывает», и я, исполняя долг, возложенный на меня питерскими рабочими, по возможности внушительно заявляю:

— Я, избранный на основании всеобщего, равного и пр. и пр. петербургским городским головою, прошу вас сложить свои полномочия и оставить помещение.

В ответ посыпалось общее громкое «ха-ха-ха».

«Смотрите, смотрите, городской голова, какой городской голова! Ха-ха-ха!»

Признаться, я себя чувствовал примерно так же, как в своей юности перед камердинерами. В ответ нашелся лишь сказать:

— Уважаемые господа, вы рано смеетесь. Пословица говорит: «Хорошо смеяться последнему». А вы засмеялись первыми.

Их смешила моя внешность, смешило, что партия делает столь видимую глупость — берет человека прямо с завода, ставит на такую работу, которая является монополией привилегированной касты.

После я задумался над вопросом о том, почему у этих господ столь резко проявилась ненависть. Моя ли внешность только что пришедшего с завода человека, оскорбленное ли чувство касты, что в их святое святых, в органы управления, ворвался человек толпы с улицы, не владеющий общепризнанными дарами образования. Что касается образования, то ведь большинство их были незадолго перед тем на побегушках у бывших голов, Челышевых и прочих купцов, воспитание, культура которых растились в ресторанах на битье стекол и в кокюшнях.

Очевидно, единственное объяснение заключается в том, что тогда у них проявился буржуазный атавизм, может-быть не вполне осознанный. Они почувствовали родственную связь с буржуазией, почувствовали смертельную опасность буржуазному классу, что и вылилось внешне в страшной злобе персонально ко мне. Точно также газета «Дни», издеваясь над моими познаниями в области финансов, никак не может примириться с мыслью, что рабочий и крестьянин выступает с ответственным докладом по бюджету. Ясно, что этот доклад читается «по шпаргалке». Сотрудники «Дней» уверены, что ни одного крестьянина, ни одного рабочего не имеется на советской территории, которые более или менее сумели бы в общей форме изложить сущность бюджета. Могу уверить интеллигентов-эмигрантов, что доклад является моим индивидуальным творчеством и я не ставлю себе

М. И. во время летнего своего отпуска в родной деревне.

в особую заслугу его составление. Я впервые узнал ценность этого доклада, только прочитавши статью Маркова в белогвардейских «Днях», ибо политика учит: коль скоро враги ругают, значит вышло недурно. И, действительно, доклад, который продолжался не более получаса времени, между двумя основными докладами по тому же вопросу, между докладом зампредсовнаркома т. Каменева и наркомфина т. Сокольникова, потребовал огромного желчного фельетона в газете «Дни».

Почему же речь «по шпаргалке» так взвинтила и взбесила сотрудника «Дней»? Только потому, что он почувствовал, что доклад читан не по шпаргалке что он не является продуктом творчества «спецов», а содержит простое изложение мыслей о советском бюджете с точки зрения здравомыслящего рабочего, крестьянина или рядового коммуниста.

Нужно ли было персонально мне выступать на столь авторитетном собрании? Я раньше был против такого выступления, мотивируя свой отказ тем, что в бюджетном вопросе я пороха не выдумаю, что мои мысли явятся отражением мыслей миллионов крестьян и рабочих, на что тов. Троцкий возразил, что в этом-то и будет ценность, если сумеешь действительно их отразить.

Не могу судить сам, насколько мне это удалось. Судя по вниманию и ненависти, которые проявились в белогвардейских «Днях», видно, удалось.

«Что в советском бюджете нет расходов на императорский дом, — это бесспорно. Но возникает вопрос: а где же указаны кредиты для коммунистической партии? Ну, если скажем, что российская коммунистическая партия, если не целиком, то все же «самоокупается», то кто же платит жалованье г. Садулю? Французское министерство иностранных дел? А для коммунистических авантюр на востоке и на западе кредит отпускается по английской росписи». Так захлебывается писака из «Дней».

Не буду говорить о коммунистической партии. Враги сами говорят, что она может-быть самоокупается. Каждый рабочий и крестьянин скажет, что понесенные российской коммунистической партией жертвы, ее ежедневно вкладываемый труд на алтарь интересов рабочих и крестьян, все это дает ценность, которую не покроют все богатства мира.

Кто платит жалованье т. Садулю? Этим ядовитым вопросом белогвардейцы «Дней» хотят дискредитировать Советскую власть перед крестьянами. Не пройдет и этот номер.

Тов. Садуль, капитан французской службы, один из ответственных сотрудников прежней французской военной миссии в России,—социалист. Когда началась интервенция, нападение на Советскую Республику, он переходит открыто на сторону Советской власти, т.-е. рабочих и крестьян, оставляет родину, семью, обеспеченное положение, карьеру, встает в ряды борющегося российского пролетариата и крестьянства. Не надо быть коммунистом, чтобы понять, что таких идеальных людей во всем мире можно пересчитать по пальцам. И неужели вы рабочих и крестьян считаете такими глупцами, не могущими понять, что Садули и Домбали, остающиеся в Советской Республике, являются процентом от европейских рабочих за наши жертвы и победу.

Если Антанта возьмет на себя расход, я предложил бы сделать общероссийское голосование среди самых медвежьих углов: сделать ли почетным гражданином РСФСР Садуля или любого сотрудника «Дней» вплоть до бабушки Брешковской. В результате я не сомневаюсь. Попробуйте такое же голосование произвести во Франции, хоть бы в Париже, и у меня нет сомнения — французский пролетариат примет с распростертыми объятиями честного благородного француза. За Садуля мы в долгу перед французским пролетариатом. Будем надеяться, что при первых благоприятных условиях он будет нами возвращен французским рабочим с накопленным революционным опытом в Советской Республике.

«Мы не можем отрицать, что Советская власть кое-что заработала в уничтожении расходов по духовному ведомству, но этот заработок не так велик, так как из 40 миллионов рублей, о которых говорил Калинин (в действительности 46 миллионов), больше половины шло на учебные заведения, вместо которых Советская власть должна платить не меньшие суммы на свои школы. Кроме того, добросовестность требует подсчитать, сколько стране обходятся комсомольские безобразия и всякого рода живостервецкие соборы. Не «за так» же все это делается. Может-быть тут и экономии-то никакой нет».

Что называется, докатились. С каких это пор демократы стали отделять расходы на попов от расходов на изготовление попов? Не все ли равно и что хуже—прямая ли уплата попам или же на школы по подготовке попов?

Победа рабочих и крестьян вас совершенно свела с ума. Вы теперь бы продали свою душу не только попам, а самому чорту, лишь бы воротить свою мещанскую обстановку. Эх, демо-

краты! Ведь десятилетия считались народными поборниками, а как народ немножечко вас потрепал, чуждая вам одежда демократизма спала с вас, и вы оказались обыкновенными рабовладельцами, вернее — их сторожевыми псами. Не поблагодарит вас за это русский народ и его история.

Насчет «комсомольских безобразий»... Да, молодежь стала не та. Мне завидно смотреть, как росли мы и как растет современная молодежь. Выезжая за город, вы встречаете экскурсию за экскурсией. Молодежь не растет, а прет. И вы хотите, чтобы отцы, матери распространили на них ваше змеиное шипение, отравленное ядом разлагающейся падали. Нет, нет — это вам не удастся. Можно смело сказать: это — лучшее создание Советской власти. Можно радоваться, что ваша тлетворная рука их не коснется.

Я не коснулся вопроса о том, что мы убили производительные силы страны. Я не коснулся потому, что я об этом говорил бесконечное число раз перед рабочими и крестьянскими массами. Неужели рабочие и крестьяне не понимают, какое количество имений, усадеб, домов, фабрик и заводов разрушено ими. Но когда идет борьба не на жизнь, а на смерть с врагом, разбитых горшков не считают.

Вам, конечно, жаль ваших тюфяков и перин, но чтобы не мозолила глаз старая рухлядь, чтобы не возбуждала подлых воспоминаний, народ безжалостно их уничтожал и по-своему был прав, ибо то, что уничтожено народом, является только одной тысячной долей уничтоженного вами в империалистическую войну.

Сейчас вы — жертвы, несущие невзгоды гражданской войны, но и ваши невзгоды, как бы они ни казались вам велики, являются каплей в море народного страдания от 1914 до 1917 года. Вы не видели народных мук, вы их заглушали патриотическим воем, отделенные от народа своим мещанским уютом — домашним скарбом. А теперь проливаете слезы о разрушении производительных сил страны.

Почему мы не указали те каналы советского бюджета, по которым идут обратно средства к рабочим и крестьянам?

Я не знаю значительного параграфа бюджета, который бы в значительной своей части не шел по этим каналам. Расходы на железные дороги — самый большой расход бюджета, вероятно около 75 проц., идет на содержание рабочей силы с большой примесью крестьянства. Содержание армии? Но наши курсанты

на 70 проц. из деревни и дети рабочих. Ненавистная вам комсомольская молодежь? Но разве это не дети крестьян и рабочих?

Я допускаю (и кто-либо из вас это слышал), что какой-либо крестьянин или рабочий или богомольная старушка выражали негодование на комсомольцев, а вы приняли это за чистую монету. Нам невольно вспоминается старая история.

Лет двадцать пять тому назад зашел спор между моим отцом и его шурином в гостях. Тот расхвастался, что он имеет сына, который по зимам работает в городе, посылая ему деньги, а летом приезжает ему помогать в деревню. Обращаясь к моему отцу, он говорит:

— Я тебя жалею, что из твоего ничего не вышло. Связался с политикой, тебе помощи никакой.

Отец, который был со мной в общем на ножах, отвечает ему:

— Разве можно моего сына равнять с твоим? Ведь твой — непрокатанный сапог, и больше ничего.

Я не сомневаюсь, что не хуже, а еще с большим уважением современные крестьяне относятся к своему комсомолу, который, признаться, гораздо меньше избалован материальной поддержкой советского государства, чем хулиганские организации буржуазной золотой молодежи поддержкой своего.

В заключение пару напутственных слов:

— Не дело делаете, господа интеллигентные эмигранты. Время покровительственного отношения к народу прошло, а фетишизм кастового общепризнанного привилегированного знания приказал долго жить. Если хотите быть полезными своему народу, не мудрствуя лукаво, идите служить своему народу, но не властвовать. Управлять мы, рабочие и крестьяне, не умудренные в финансовых вопросах, будем сами. Хотя мы не очень высокого мнения о ваших специальных знаниях, но мы думаем — в большом хозяйстве советского народа и вы пригодитесь. Только отучитесь вы каждую фразу ставить в кавычки. Мы, народ простой, часто не понимаем соли кавычек. Наша действительная народная демократия всюду любит простоту.

«Известия» № 151 (1338), 8-го июля 1923 года.

БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ МОРДОВСКОЙ ВОЛОСТИ, УСМАНСКОГО УЕЗДА, ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ, В 1919 ГОДУ.

(На сходке присутствуют 250 человек.)

Сходку открывает председатель волисполкома. Председатель ячейки приветствует тов. Калинина и благодарит за посещение. Группа партийных товарищей поет Интернационал.

Затем выступает представитель от красных казаков т. Мошкаров, который обрисовывает перед крестьянами три власти: Деникина, меньшевистско-эсэровскую и Советскую.

Слово предоставляется тов. Калинину.

Тов. Калинин. Товарищи, я думаю сначала послушать, что скажете вы. Во-первых, я хочу услышать от вас, какие вы имеете нужды, а во-вторых, какие беспорядки у вас существуют и как их надо исправить. Я прошу рассказать все это.

Вяльцев. У меня отобрали 86 кож и овчины,

Калинин. Что, у вас завод был маленький?

Возглас из толпы. Какой там маленький!

Вяльцев. У меня для себя было. И вот взяли кожи и 37 овчин.

Калинин. А куда девали кожи?

Крестьяне. Преют, наверное, где-нибудь.

Рыжко. Относительно кож я тоже могу заявить, что у меня издохла последняя телка, а у меня 7 человек детишек, и я эту кожу отдал товарищу переделать, потому что мы все босые ходим. Вот и мою кожанку взяли и отобрали. А потом у нас на овец списки дают — отбирать будут. Вот у Василия Васильевича 15 едоков и тоже списки дают, чтобы отдавать, значит.

Косых. Я нахожу несправедливым земельный налог. По этому налогу обижены семейные люди. Я имею 15 едоков и весь

земельный налог со двора берут с меня. У них так распределяется: если одна десятина, то земельный налог не берется, с одной до 2-х десятин берется 90 рублей, а с 2-х до 4-х — 120 р., и так выше пойдет. И я имею 15 человек, у меня в двух полях десятин 10, так что я должен заплатить 3 000 рублей. А у кого два едока, он имеет 20 сажен и ничего не платит. И в прошлом году тоже сбор был и заявляли, но ничего не получилось, пришлось заплатить.

Шеин, Илья. Сейчас овец племенных брать нельзя. Когда брали неплеменных, то было не жалко, а теперь очень жалко. И берут, не сказывают никакое правило.

Калинин. А как у вас идут дела с волостным советом?

Малыгин. Наша Красная армия отбила теперь казаков далеко и соль уже в наших руках, а мы все-таки умираем без соли, народ мрет, а разрешения не дают. Вот нам бы взять гужевым путем соль. Обидно, что наша победа, а народ ест без соли. По 5—6 человек мрет в сутки. И обидно нам еще то, что нет ни от кого поддержки. А если кто один пуд привезет, то говорят, что это спекуляция, и отбирают.

Ходрин. Я в числе 10 человек семейства имел два пуда 11 фунт. мяса, два фунта масла и 9 овчин, и когда пришли ко мне с обыском, то все отобрали. Отобрали товарищи Черных и Коровников и взяли это все у меня без всякой расписки. Куда же все это последовало?

Калинин. Больше заявлений нет? Теперь я вам буду отвечать. Отобранную кожу возвратить нельзя. Причины отбора те, что мы не можем не одевать Красную армию. Вы говорите, что вы ходите босиком, но это неправда, вы можете одеться в лапти, чюни, а Красная армия разута быть не может.

Возглас с места. А из чего лапти-то плести?!

Калинин. Отбирают потому, что кожи не хватает.

Крестьяне. Какой не хватает, она гниет у вас.

Калинин. Вот я вам и говорю: что отобрали кожу, поступили правильно, а за то, что она гниет, за это они будут наказаны. И чтобы эти кожи не гнили, за этим должны следить сами крестьяне, потому что если сгноили, то от этого никому пользы нет—ни крестьянам, ни государству. Что касается овчин, то я не знаю, была ли на это разверстка. (Обращаясь к местным властям.) Товарищи исполкомцы, был ли у вас наряд на овчины?

Председатель волсовета. Наряда не было.

Заведующий земотделом. Приехал уполномоченный из Губкожи, предъявил мандат и потребовал набрать.

Калинин. И вы все поголовно отобрали?

Председатель волсовета. Брали то, что требовали.

Калинин. Сколько у вас овчин?

Вяльцев. 37.

Калинин. А какая у вас семья?

Вяльцев. 8 человек.

Калинин. Ну, так вы богатый человек.

Крестьянин (возгл. с мест). Нет, какой там богатый, он бедный... в глиняной избе живет.

Калинин. Изба-то глиняная, а в кубышке денег-то бог знает сколько.

(Крестьяне шумят, слышатся голоса, что кубышек нет.)

Калинин. Ну ладно, если вы не врете, то я постараюсь помочь с овчинами. Теперь относительно правильности земельного налога. У вас этот налог где был постановлен?

Зав. земотделом. Было постановлено на губернском земельном съезде 8 ноября в Тамбове. Было постановлено таким образом, что кто имеет до пол-десятины, тот ничего не платит, кто сверх десятины—90 руб., и т. д. У нас по статистическим данным урожай средний, значит с десятины — 90 руб., с 2-х до 4-х—100 руб., с 4-х до 6-ти—110 руб., с 4-х до 8-ми—120 руб.

Калинин. Почему же неправильный налог?

Крестьяне (крича и волнуясь). Совсем неправильный налог.

Калинин. Налог этот сделан на крестьянском съезде и мне кажется, что налог небольшой, и ведь он идет же на местные нужды.

Крестьянин. Надо еще разобраться, с какой десятины. То 10 саж., а то 30 саж. Если бы был равен налог, так ничего, а то два едока живут себе хорошо и налоги не платят.

Калинин. Тогда придется на ближайшем съезде поднять вопрос о несправедливости этого налога. Но мне кажется, что если говорить по совести, то семья из 12 человек на 10 десятинах работает лучше, чем два человека на одной десятине. Мне кажется, что при большой семье работать легче и уплатить легче. Возьмите, например, у большой семьи: если град побил одну полосу, то у него другая осталась, а на одной полосе как град выбил, так и есть нечего. Так что большой семье налогу платить меньше.

Крестьянин. Ну, если градом выбило, едоки-то остались.

Калинин. Есть пословица — что в большой семье хлеба найдется. Мой вам совет: соберите волостное собрание, обсудите вопрос о неправильности налога и вынесите решение, а я со своей стороны поддержу, и тогда на губернском съезде этот вопрос пересмотрится.

Крестьянин. А до губернского съезда заплатить надо будет.

Калинин. Ну, один-то раз и заплатите, а на будущий год уже будет пересмотрено. Так вот мое предложение: сделайте собрание, а потом внесите на съезд предложение об изменении, а я его поддержу.

Крестьянин. А почему, когда собирали налог, не сделали собрания?

Калинин. Да ведь этот налог на съезде проведен.

Крестьянин. Вот так же и сейчас: нам не дадут собраться, скажут, что раз съезд провел, то правильно.

Калинин. Съезд собирается через каждые 6 месяцев, и вы ко времени сбора съезда должны будете представить свой наказ. И если опять на съезде решат, что у кого больше земли, тот и должен платить, то тогда, конечно, вы должны будете подчиниться большинству. Другого выхода нет. Это единственный законный путь. Не можем же мы проводить так, чтобы в одной волости был один закон, а в другой — другой.

Крестьянин. А у нас по этому-то новому закону все большие семьи хотят расходиться, все по два человека будут жить.

Калинин. Теперь относительно племенных овец. Спрашивают, какую норму овец берут. По государственной норме разверстки 30% наличного скота. Если у вас одна овца на 10 человек, то ее все равно отберут.

Крестьянин. Так тогда голышом будем ходить.

Калинин. Вы, вероятно, сами виноваты, что не справились заранее, какой налог, сколько надо отдавать. У нас, например, в деревне, давно произвели учет. Они знают, что деревня должна отдать 30% и она закупила еще в сентябре месяце овец и телят, а потом сказала Наркомпроду: вот ваш скот, убирайте его. А крупный скот когда надо было отдавать, тоже взяли и собрали денег, купили у крестьянина. А в других местах просто накладывали на того или иного крестьянина.

Может-быть этот налог 30% и велик, но мне кажется, что он уж не так велик. Если, например, у вас тысяча овец, это будет около трех тысяч с ягнятами. Каждая овца дает в среднем два ягненка.

Среди крестьян шум протеста, возгласы: «Со стороны все говорить можно...». «Откеда он возьмет двух ягнят-то?...»

Калинин. Но я не знаю, у вас свет особенный, что ли? Если у меня три овцы, то один год будет 7 ягнят, ну а другой, несчастный — 4.

Крестьянин. А у нас троих скучит, а одного заморозит.

Калинин. Ну уже это разгильдяйство. Я говорю о нормальном положении.

Крестьянин. У нас свецки нет, чтобы к ней ходить.

Калинин. У вас что, обыкновенные русские овцы?

Крестьянин. Обыкновенные.

Калинин. Ну так у радивого хозяина все идет как следует, а у нерадивого всегда будет плохо. Таким образом, крупного скота берется 10%. По-моему, это много 10%. Взяты эти 10% вот откуда: каждая корова в общем живет 10 лет, а потом уже она сменяется. Таким образом каждый год меняется 10%. Но все-то дело в том, что когда корова сломает себе ногу, то крестьянин ее режет и съедает или продает, а на учете-то она числится. В волости числится 10 коров, а на самом деле в наличности десяти-то нет. И я думаю, что в ближайшем будущем эта норма будет убавлена.

Крестьянин. До каких же пор будут брать, чтобы на три двора одна корова осталась?

Калинин. Сейчас если у крестьянина есть 10 коров, то одну берем, и если у десяти крестьян десять коров, то все равно берем, потому что выхода нет. Конечно, я вполне с вами согласен, что это тяжело, я говорю, что может-быть в ближайшем будущем эта норма будет убавлена.

Крестьянин. А почему нам не дали 10% мануфактуры, соли и т. д., а в Москве на Сухаревке и того и другого сколько угодно?

Крестьяне. Вы как представитель власти и мы вам заявляем, чтобы вы другие порядки сделали.

Калинин. У нас в Москве бывает, что по 11 суток не выдаем хлеба и у нас население действительно мрет с голода. И тот несчастный аршин, который выдан населению, он несет

его на Сухаревку и продает. К вам в деревню последние юбки свезли из города.

Крестьянин. Отчего у нас мало хлеба, тов. Калинин? А потому, что земли мало. Вон есть фонд, он занял несколько тысяч десятин и там больше половины не сеяно, а которая была сеяна, то не убрана.

Калинин. Земельный вопрос это уже новый, кончим сначала относительно скота. Значит, по государственной разверстке полагается 10% крупного скота и 30% мелкого. Я просил изменить, уменьшить и мне сказали, что пока еще нельзя привезти из Сибири, и потому остается по-старому. Тяжело, товарищи, но что же сделать: выхода нет. Я врать вам не хочу: выхода нет. Надо выкручиваться как-нибудь. Я от души хочу, чтобы страдания уменьшались. Я хочу так, чтобы 10% взять и чтобы скот был, а вы уже придумайте, как лучше сделать.

Крестьянин. Вы хотите, чтобы и волки были сыты и овцы целы; тогда вы укажите нам путь, как это сделать.

Калинин. Я уже вам говорил, что у нас в деревне заранее закупили, и исполнили наряд безболезненно.

Крестьянин. А откуда нам брать, когда у нас ничего нет?

Калинин. Ну я понимаю, если бы вы жаловались, что у вас везде холодно, что у вас леса нет, а когда вы жалуетесь, что у вас нет скота, то это возмутительно. Если мы, Тверская губ., сами выполняем норму, то вы сами тем более должны выполнить.

Крестьянин. Вот вы говорите про Тверскую губ., а разве можно равнять: у нас сколько войск летом прошло и они обобрали нас с ног до головы.

Калинин. У нас пока еще не было войск.

Крестьянин. Так вот и нужно согласовать. Вы нашей нужды не хотите знать, а все только с нас спрашиваете.

Калинин. Вот я вас научу: если у вас были войска, то надо все списать, что у вас было взято, надо списать, что было столько-то войска, что взято столько-то. Эти списки принимаются в упродкоме, а если упродком не примет, то подайте мне заявление. Вам сейчас еще есть полная возможность все сосчитать. Вы соберитесь на сельский сход и обсудите, сколько у кого взято. Если знаете, какая брала дивизия, то хорошо, если не знаете, то ничего.

Крестьянин. 31 дивизия брала, а потом 8-я армия все лето стояла.

Калинин. Вот вы так и сделайте. По отношению к мясу, хлебу вы все выпишите, но конечно старайтесь не прибавлять, а выпишите все нормально, и тогда все это введется в норму.

Теперь относительно земли. Сколько у вас десятин приходится на душу?

Крестьянин. Две трети десятины посевной.

Калинин. А помещичьей земли вы сколько-нибудь получили?

Крестьянин. Нет.

Калинин. А есть она у вас где-нибудь близко?

Крестьянин. Около нас есть, и самая лучшая земля.

Калинин. А раньше кто эту землю обрабатывал?

Крестьянин. Да все время мы обрабатывали.

Калинин. А теперь за кем эта земля? За именем?!..

Крестьянин. Да, там, говорят, какая-то культура завелась.

Крестьянин. Нет, там сахарный завод.

Калинин. А раньше сахарный завод там был?

Крестьянин. Сейчас завод не на своей земле. Он только участок имеет.

Ларкин. Я хочу вам заявить, тов. Калинин, о хлебной разверстке. У нас в селе Чернявке Мордовской волости прошла разверстка так, что все крестьяне остались без хлеба. По Мордовской волости по учету хлеба не хватило 18 000 пудов, а между тем мы дали кроме разверстки с каждого едока еще по 4—5 пудов... Были у нас войска, которые поели все остальное, и в настоящее время, несмотря на то, что хлеба у нас нет, с нас требуют еще, и еще и мы все платим и платим. Надо на это вам, товарищ Калинин, обратить внимание. Мне было предложено ходатайствовать о сложении государственной разверстки с Мордовской волости. Земельный надел у нас 9 саж. Сначала было по 12 саж. Но так как каждый год у нас рождаются дети и наделы делятся, то у нас уже осталось сейчас по 9 саж. И мы скоро придем к тому, что у нас не на чем будет сеять. Кроме того, у нас был недород хлеба, и градом побивало, и мыши поедали. Так что я вношу предложение сложить с нас государственную раскладку, потому что иначе мы не выдержим.

Потом относительно разверстки скота. Вы, товарищ Калинин, сказали правильно, что разверстка 30% для нас приемлема, но только не по нынешним временам, потому что молодой скот еще в сентябре, октябре и ноябре месяцах поеден солдатами, ибо красноармейцы питались у того хозяина, у которого они

жили. И если мы в дальнейшем будем выполнять 30% норму скота, то нам придется отдать уже племенной скот. Надо будет отдавать овцу, в которой есть уже ягненок. Вот такая разверстка для нас уже неприемлема. 30% норма приемлема, когда у нас будет молодой скот, а в настоящее время у нас остался только племенной. Теперь, что касается лошадей, то у нас их брали совершенно не считаясь ни с чем. Если же у нас будут брать племенных лошадей, то крестьяне останутся без хороших лошадей.

Так я говорю сейчас от имени народа, чтобы в первую очередь сложить с нас хлебную разверстку, потому что у каждого хозяина не найдется и 10 пудов соломы, и во-вторых, сложить 30% нормы скота в виду того, что весь скот уже взят войсками, и сложить раскладку рогатого скота, ибо его почти совсем не имеется. А затем удовлетворить ходатайства крестьян относительно земли, потому что мы сейчас прямо бездельничаем. На 9 саж. земли не только других не накормишь, но и самому придется умирать с голоду. А рядом с нами 12 000 десятин лежат совершенно без обработки. Мы просим вас, товарищ Калинин, сделать так, чтобы у нас было по 20 саж. на едока. Я прошу вас об этом от имени всего народа.

Возгласы с мест. Правильно, все правильно!!!

Ларкин. Мы слышали, что на крестьянском губернском съезде решаются крестьянские вопросы, но вы имейте в виду, тов. Калинин, что на эти съезды нас не вызывали. Мы ходатайствуем, товарищ Калинин, чтобы нас на эти съезды вызывали. Мы, граждане настоящего общества, никогда не бывали на этих съездах. Мы только уже потом слышим, какие постановления проводятся в жизнь. А эти постановления может-быть иногда даже и неприемлемы. А если бы нас спрашивали, то наши товарищи давали бы наказы, как нам нужно сделать лучше.

Так пожалуйста, товарищ Калинин, я прошу вас от имени народа, займитесь вы этим делом, чтобы на крестьянских съездах были крестьяне. А то рабочие разрешают свои вопросы, вырабатывают проекты, а о крестьянах-земледельцах никто не беспокоится. Ведь крестьянин-земледелец в настоящее время является фундаментом государства, и вы должны обратить особенное внимание на этот фундамент. В настоящий момент есть два главных лица — это земледелец и рабочий. И мы должны слиться в одно и тогда мы создадим твердый, правильный фундамент для государства.

Возглас с мест. Правильно!

Калинин. Я уже раз сказал, что все то, что взяла Красная армия, будет принято в учет. Это требование законное. Но вообще снять наряд нельзя. Теперь относительно земли.

У вас, значит, сахарный завод имеет участок земли. Если вам дать этот участок земли, но с тем, чтобы вы выполняли наряд для завода, так вы согласны?!.

Крестьянин. Так там в этом заводе культура создалась. И сидят там прежние графы, которые попрежнему нас гонят в шею. И крестьянин туда до тех пор не может касаться, пока там все эти николаевские корни не сгниют совсем. А вот когда они пропадут, тогда крестьяне будут создавать свой новый завод, а сейчас там графы и разные управляющие, которые сидят там припеваючи. И вы, товарищ Калинин, не усмотрите за всеми — сколько там сидит разной сволочи.

Калинин. Это правильно, но на основании этого разрушать завод нельзя, потому что сахар нужен для всех.

Ларкин. А вы спросите у графа Орлова, для какой земли он разобрал завод и отправил его в Харьков. Это было, когда шел слух, что идет Мамонтов. Он воспользовался этим случаем, все разобрал и отправил в Харьков. И пусть черти унесут в воздух все безобразия, которые сейчас там делаются. И тогда мы будем есть новый сахар.

Калинин. Все это только одни слова. Пусть пропадет, сгниет, а когда сгниет на самом деле, то плохо сделается. Надо, товарищи, твердо помнить, что теперь все наше и если есть саботажники, как вот вы говорите, то давайте лучше будем говорить, как это искоренить. Давайте обсуждать, как лучше использовать этот завод. Нам сахар нужен, а на Украине все заводы разорены. Вот вы говорите, что у вас нет соли, а для того, чтобы получить соль, надо в свою очередь везти гужом из Царицына. («Просим, просим!»)

Крестьянин. А у нас поближе есть соль, в Бутурлиновке.

Калинин. В Бутурлиновке соль привозная, а вы гужевым путем можете привезти соль только оттуда, где она добывается.

Крестьянин. Да нам не для целой губернии. А только для своего населения. Может, можно где-нибудь и поближе.

Калинин. Вот это хорошо! Вам я должен дать, а на остальное наплевать?! Нет, это не дело. А сколько от вас верст до Царицына?

Крестьянин. 500 верст.

Калинин. Ну, значит трудно будет привезти.

Теперь нам надо решить что-нибудь относительно земли. Вы говорите, что вы построите новый завод. Это все только одни слова. Я вот никак не могу доехать до Борисоглебска. Уже несколько дней еду. А раньше было 5 часов езды. Вы говорите, что земли есть 12 тысяч десятин и что эту землю вы раньше арендовали — это говорит в вашу пользу. Но говорить, что вы на этой земле будете сеять хлеб, когда для завода нужна свекловица, этого нельзя. Где можно сеять свекловицу, мы не можем там растить хлеб, потому что для хлеба у нас есть Саратовская, Самарская губернии, где не родится свекловица. Мы должны заботиться о выращивании свекловицы, потому что она дает больше питательных веществ, чем хлеб. Но временно, если земля не занята под свекловицу, то временно ее можно отдать под пшеницу. Теперь вопрос о том, что земли с каждым годом делается все меньше и меньше. Это правда и я вам скажу, что вам не дадут в будущем бездельничать на этой земле. Ясно, что половина населения должна будет уйти в Уральскую или Донскую область, где свободной земли больше. А относительно завода сказать, что он убыточен для окружающего населения, это смешно. Завод — лучшее средство для выращивания лучшего породистого скота. Завод выбрасывает питательные вещества для скота. А если мы сейчас разделим землю, то через пять лет ее опять не будет хватать.

Крестьянин (с места). И сейчас еще крестьянство разоряется от того, что каждый год передел.

Калинин. Это неправильно. Делить каждый год — это разор. Мы в деревне разделились на 10 лет. И если к нам являются новые жители в деревню, то мы им говорим: извините, ждите до новых разделов. Мы сейчас — хозяева, мы должны заботиться, чтобы земля у нас давала лучший урожай. И теперь относительно земли имения. Если вы находите, что имением земля использовывается плохо, то сделайте приговор, покажите, что земля не использовывается, и я отдам вам ее во временное владение. Вот вы до весны займитесь этим делом. Если бы нынешней весной заявили, что в имении Орлова осталось столько-то десятин незапаханными, то я ручаюсь, что земля была бы у вас. Ко мне приходили многие крестьяне с такими заявлениями, и земля отдавалась им под временную запашку. Если же вы нуждаетесь в этой земле постоянно, то докажите это, мы

отрежем тогда этой земли, а вы должны будете показать, что вся деревня ваша действительно работает. Ручаетесь ли вы, что все полосы у вас разработаны одинаково? Нет ли у вас таких, которые ничего не получают со своей полосы?

Крестьянин. Есть, есть и такие.

Крестьянин. У него лошади не было, он оттого и не запахал.

Калинин. Если не было лошади, то надо было помочь. Так что по отношению земли я повторяю, что каждый год производить раздел — это разорение. Если есть в имении много земли необработанной, она расположена к вам близко и другие деревни на нее не претендуют, то вы напишите заявление, укажите участок и сделаем договор. А плакаться, что вам живется хуже других, — нечего. Я сам крестьянин, у меня есть хозяйство в деревне, и я знаю, что сейчас легче живется.

Крестьянин. Может, вас не тревожат.

Калинин. Какой там не тревожат! И корову реквизировали и чрезвычайка есть. Но что же делать? Я определенно говорю, что государство сейчас ничем не может помочь крестьянину. Мануфактуры есть у нас миллионы аршин, но ведь народу-то у нас сотни миллионов. У нас есть Красная армия, которую нужно одевать и обувать. Да кроме того, вы знаете, что попадаются жулики, которые не так ведут дело.

Вот вы жалуетесь, что нет соли, нет железа, а чтобы все это получить, нам, самое главное, нужно разбить Деникина. Я могу вам сообщить, что мы взяли Мариуполь, взяли Царицын. Много взято также пушек. Видите, мы начинаем его расколачивать. А когда мы победим Деникина, то сможем начать работу в Донецком бассейне. Там сейчас все разбито. В Царицыне, например, взорваны электрическая станция, водопровод. Взорвано много мостов. Перед нами впереди большая работа и надо помнить, что к нам на помощь никто не придет — ни бог, ни чорт. Надо самим выкручиваться. Раз мы взяли власть в свои руки, мы должны работать, налаживать. Конечно, во время работы происходит и много ошибок, но как же не ошибаться? Вот вы просите одно, а рабочие другое. Фабрики стоят и рабочие падают в обморок от голодовки и говорят: сначала накормите, а тогда сможем работать. И рабочим сейчас живется несравненно тяжелее, чем вам, хотя они работают не меньше вашего.

Крестьянин. Ну да, мы работаем 24 часа, а они 8 часов.

Калинин. Это полное непонимание. Я работал на заводе и работал в крестьянском хозяйстве. И в деревне работал много; бывало, поработаешь и сразу 4 фунта хлеба съешь, а на заводе 1 фунт съешь и больше есть не можешь. Это полное непонимание говорить, что рабочие 8 часов работают. Если вас с полей послать в завод, то вы скажете, что это проклятие, ад какой-то.

Крестьянин. А что вы скажете, легко косить?

Калинин. Особенно зимой, совсем трудно. Нет, товарищи, пришло время нам самим все налаживать. Хотим не хотим, а надо думать не только о Мордове, а о всем хозяйстве. Налаживайте, а центральная власть во всем пойдет к вам навстречу. А разорять завод я не дам. Если у них плохо дело налажено, то вы укажите, почему плохо. Когда говорите, что там сидит сволочь, то вы укажите, кто из них сволочь. Что они саботируют, это понятно, потому что они заинтересованы в том, чтобы показать, что вот рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки и не могут справиться.

Крестьянин. По нашему мнению, они будут очень рады, если их выгонят.

Калинин. А вот их выгонять-то и не надо, а надо заставить работать. Теперь, товарищи, если хотите, я могу рассказать вам о том, что делается по нашей республике, что делается на фронтах.

Крестьяне. Просим, просим!!!

Калинин. Месяца два тому назад у нас была очень большая опасность. В то время многие думали, что деникинская власть лучше, теперь многие из вас поняли, что все-таки при Советской власти они чувствуют себя лучше. Мы чувствуем, что все-таки сейчас нет жандармов, что если и есть ЧК, то эта ЧК — наша. Если есть реквизиция, то разве эти реквизиции делаются бывшими дворянами, как раньше было — Иван, привези то-то, и Иван привезет, да еще, шапку снявши, ждет неделю, пока примут. А теперь если и есть беспорядки, то это от нашего неумения, а самое главное, конечно, от общей разрухи. Два месяца тому назад Деникин начал на нас наступать и многие ожидали, что Советская власть будет свергнута, но наша Красная армия в нескольких местах нанесла решительный удар деникинским бандам. Началось это так: Деникин взял Орел и уже направлялся к Туле, но Красная армия не пустила его туда и разбила несколько его дивизий. После этого началось поражение Деникина. Под Воронежом тов. Буденный, крестьянин Воро-

нежской губ., столкнулся с деникинскими генералами Шкуро и Мамонтовым. И этот бывший унтер-офицер, простой крестьянин, нанес генералам самый решительный удар. С этого дня начались систематические поражения Деникина. И в какие-нибудь недели наши войска прошли расстояние в 400 верст. Теперь деникинские войска разделены на две части, одна из них пошла к Румынии, а другая на Кавказ. За это время взят Царицын, освобожден почти весь Донецкий бассейн. Но это освобождение не дает нам особенного облегчения. Мы не сможем сразу воспользоваться из Донецкого бассейна углем, потому что этот бассейн большей частью разбит. Рабочие частью убежали, частью убиты. Потребуется много напряженного труда, чтобы этот бассейн пустить в дело. А вот когда мы пустим в дело угольные копи, чугун и железо пойдут на завод, заводы приступят к выделке плугов и других земледельческих орудий. Таким образом, вы видите, что даже после победы не так скоро все можно будет получить. Пройдет, наверное, года полтора, пока на рынке появятся плуги и другие земледельческие орудия. В Ташкенте у нас есть порядочный запас хлопка. Сейчас хлопка мы вывезли два поезда. А всего там хлопка имеется до десяти миллионов пудов. Это было бы достаточно при современном положении на целый год работы, но благодаря тому, что нет угля, нельзя этот хлопок привезти. Одним словом, запасы у нас основательные, но использовать их трудно. Запас хлеба у нас тоже большой. В Сибири есть запасы, где хлеб лежит уже пятый год. И самая главная работа, это — наладить транспорт. Одним словом, товарищи, нам предстоит огромная работа, и мое искреннее желание, чтобы в этой работе приняли все самое живое участие. В этом успех нашей работы.

БЕСЕДА С КАЗАКАМИ КОТОВСКОЙ СТАНИЦЫ, ХОПЕРСКОГО ОКРУГА, ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ, 1 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА.

(Населения в области 8 000 ч. (На собрании присутствуют 400 ч.)

Сходку открывает Председатель Хоперского округа т. Парамонов. Он говорит, что центральная власть решила поехать во все захолустные города и местечки, чтобы, во-первых, народные массы воочию убедились, что из себя представляет Советская власть, и во-вторых, чтобы помочь в их нуждах. Советская власть не хочет, чтобы человек разорился до конца, она пришла и предлагает сообща подумать о том, как восстановить разрушенное хозяйство.

Тов. Парамонов указывает, что крестьяне должны проникнуться сознанием того, что среди них происходит; он говорит, что тов. Калинин хотя и является главой Советской власти и разъезжает по городам, но он разъезжает не как в былое время цари по монастырям и большим городам, а напротив, едет в самые темные, захолустные местечки, чтобы поближе узнать местную нужду и на месте выяснить отношения народа к власти.

К а л и н и н. Так вот, товарищи, перед вами власть. Вы можете изложить перед ней все свои нужды, а главным образом говорите, если есть какие-нибудь притеснения со стороны местной власти.

К р и в о в. Первым долгом, тов. Калинин, я считаю заявить, что в нашем округе первая нужда, это — недостаток соли. В ней все население терпит страшную нужду и добыть ее совсем негде. Это во-первых, во-вторых, в станице Котовской и Михайловской проходила боевая полоса, и мы шибко нуждаемся в хлебе. Так нуждаемся, что у некоторых даже нечего будет сеять.

Г о л о с а и з т о л п ы. Правильно, правильно!!!

К р и в о в. Так что было бы хорошо изыскать такие меры, чтобы было обсеменение. Затем у нас много пало скота и в ближайшее время не на чем будет работать. Нельзя ли будет как-нибудь прибавить рабочего скота?

Д е в я т к и н. Я обижен был Советской властью. Когда проходил Думенко, у меня было 3 быка и их поймали в Займище

и порезали. И помимо того взяли последнюю лошадь и овцу и ничего не заплатили. Было 9 копен пшеницы, пошли ночевать и вытащили три копны, и опять ничего не заплатили.

Боков. Я просил бы со своей стороны—и со мной будут согласны все граждане—нельзя ли в нашей станице разрешить ярмарку? На обозначенное число, чтобы мы могли съехаться и обменяться.

Калинин. Товарищи, ведь это не запрещалось делать.

Боков. Да, но мы не знаем, у кого что есть. А вы бы назначили день, и мы собрались.

Калинин. Так вы без меня соберитесь и сговоритесь.

Казак. С одной станицы ничего не сделаешь, надо несколько станиц собрать,

Калинин. Это ваше личное дело.

Казак. Наше-то наше, но мы просим и вас принять участие. У вас должен быть издан приказ о том, что на такое-то число назначается ярмарка.

Калинин. Но у нас в центре вообще не было запрещения относительно ярмарки.

Соломатин. У нас в станице больной вопрос относительно мельницы. Она у нас существовала с самого начала общества и бывало так, что проходила фронтовая полоса, и каждая власть возьмет с мельницы что хочет и уедет. И мы весной собирали со всех дворов и прудили эту мельницу. А теперь эту мельницу из нашего общества взяли. Отобрал ее продовольственный окружный комитет и дошло до того, что скоро она у нас совсем станет. Так вот мы вас просим, нельзя ли нам ее опять возвратить в общество.

Калинин. Председатель окружного совета, что вы скажете по поводу этого вопроса?

Парамонов. Я должен сказать, что когда у нас ощущается голод, то мы начинаем вопить, что у нас отбирают мельницу, а помните, как у вас трудно было вырвать хлеб, когда ваши амбары были завалены хлебом, а рабочие и крестьяне севера России вымирали с голода. Вы сами подумайте, для чего вам нужна мельница? Вы думаете, что у вас мельница будет в порядке? Вы думаете, что этой мельницей вы принесете больше пользы? Нет, эта мельница в настоящий момент должна отойти в продовольственный отдел округа, ибо округ имеет голодных не только в станице Котовской, а в станице Урюпинской, Михайловской и др. И если продовольственный

отдел не будет иметь этой мельницы, то подумайте, откуда он сможет взять хлеба. Вы должны думать о том, что если у вас есть кусок хлеба, а рядом стоит человек, который ничего не имеет, то вы откажете ему в этом куске.

Голоса с мест. Дадим и давали.

Калинин. Чья эта мельница была раньше?

Казаки (перебивая друг друга). Всегда была наша, общественная была.

Калинин. Хорошо, если она теперь будет вашего общества, то она так же будет работать?..

Казак. Лучше будет работать. Раньше были вальцы и жернова, а теперь только одни жернова остались.

Казак. Она всего Котовского общества. Ее наладило и содержало наше общество. И мельница была богатая и хорошо оборудованная. Работала около 2 000 пудов в сутки. А теперь потому и больной вопрос для общества, что она стала обрабатывать не больше 150 пудов в сутки.

Калинин. А кто управляет сейчас мельницей?

Казак. Есть у нас человек, назначенный от округа. Но дело-то не в том, кто управляет, а в том, что они забрали и уничтожают там. И у них нет канатов. И мы вот, как у власти, у вас просим, нет ли у вас канатных ремней, тогда бы эту мельницу можно было наладить, чтобы она служила всему округу.

Калинин. А если вам мельницу возвратить, то вы и ремни достанете и мельницу обработаете?

Казак. Мне кажется, что если у вас нет ремней-канатов, то нам будет еще труднее их достать.

Калинин. Если ее передать в станичный исполком?

Казаки. Тов. Парамонов зря насчет хлеба говорил. Мы насчет хлеба не стоим.

Калинин. Относительно хлеба я сам знаю, что хлеб самособою, а мельница сама-собою. Все равно в Компроде она не останется. Если и будет, то в земельном отделе.

Казаки. На работу-то нас небось выгоняли, а мельницу давно отобрали.

Калинин. Сколько сейчас дает мельница?

Предволсовета. Очень мало.

Калинин. Давно она в Компроде?

Предволсовета. С 15 декабря.

Калинин (обращаясь к Парамонову). А что, Компрод сумеет наладить мельницу?

Парамонов. Да, у нас пенька уже есть и канат приготовляется.

Казаки. Они мельницы забрали, а мы теперь как ни поедем, так всегда масло везем. А раньше небось нефтью все делали.

Казак. Почему раньше не так много шло нефти?

Калинин. Потому что нефтью смазывалась только мельница, а в картошку нефть не идет.

Казаки. Мы наверное скажем, что если оставить мельницу у Компрода, то она весною уплывет.

Богачев. Там мельницей не управляют, а только разоряют.

Казаки. Зачем у нас теперь отбирают масло? Если бы мы взяли в свои руки, мы бы и свиным маслом ее смазали.

Казаки. Раньше я за помол заплатил 14-ю меру, а теперь уже 10-ю берут, и у меня скоро у самого хлеба не останется.

Калинин. Сколько берут теперь за помол?

Казаки. Раньше брали 20-ю, теперь 10-ю — чуть не половину.

Казаки. Мельница работает в три камня и в три смены, а там нагнали 20 человек.

Председателя совета. Когда у вас были атаманы, то рабочие работали по 12 часов в день, а теперь у нас 8-часовой рабочий день и потому они работают в три смены.

Казаки. У нас 8-часовой рабочий день будет тогда, когда война кончится, а теперь у нас 24-часовой должен быть день.

Калинин. Так вы хотите, чтобы мельница была общественная?

Казаки. Точно так, мы этого очень желаем.

Калинин. Но ведь по существу она и сейчас общественная, только с той разницей, что вы хотите ее забрать в одну свою станицу. Но хорошо, я пойду вам навстречу. (Обращаясь к председателю округа.) Дайте им в аренду мельницу, заключите договор. Но уж только извините, у нас везде 8-часовой рабочий день и 12 часов мы вводить не дадим. Значит, мельницу вам дадут, но вы будете обязаны подчиниться всем техническим правилам, будете обязаны молоть не только себе, а и другим, а то вы своей станице все смелете, а другим не дадите. И если вы договора не выполните, тогда уже придет налаживать инженер и будет плохо. Я думаю, что вы меня понимаете — я мельницу хочу сохранить. Мельница — не жена, которую захотел — и можно сменить, а у вас на весь округ только три мельницы.

Казаки. А вы нам тоже помогите наладить.

Калинин. Конечно, мы будем помогать, если вы сумеете пустить в дело.

Казаки. Мы всегда запрягали волов и работали не по 8-ми часов, ни с чем не считаясь, лишь бы только мельницу наладить.

Чистяков. Мне думается, товарищ Калинин (я как человек сам не здешний), так со стороны мне думается, что вполне естественна и понятна просьба товарищей-станичников, они просят разрешить владеть мельницей. Несомненно, эта мельница должна отдавать часть муки для войск. Но чтобы получить эту часть муки, вам нужно поставить контроль, тогда мельница будет под вашим контролем, муку вы получать будете и в то же время не будете загромождать себя работой. Раз граждане сами создали мельницу, то почему же им не отдать эту мельницу? Но если вы предложите гражданам, что ваши требования такие-то, а для граждан эти требования будут неприемлемы, непосильны, то они должны будут отказаться от владения этой мельницей.

Калинин. Таким образом, у нас вопрос с мельницей решен: я поручаю тов. Парамонову войти в договор относительно технической работы мельницы, чтобы мельница непременно работала известное количество пудов в день. Мельница, конечно, будет в станичном совете.

Казак. А как же относительно того, что у нас с мельницы вальцы унесли?

Калинин. А куда дели ваши вальцы?

Парамонов. Их поставили на другую мельницу.

Калинин. Это правильно, нам иначе нельзя. Мы смотрим, чтобы у нас была налажена не одна только мельница, и я так думаю, что когда вы наладите мельницу и пустите ее полным ходом, то я скажу: молодцы ребята, тогда ее можно будет и в государство брать. Так что мы решим, что мельница перейдет к вам и если вы ее уже наладите, то на веки вечные она останется у вас. И вы сделаете так: если она в окружной продком работала 60 пудов, то вы сделаете, чтобы она работала 500 пудов, а если продком вздумает отнимать, то вы напишете мне письмо и я уже тогда буду за вас заступаться.

Казаки. А деньги, которые взяли на мельницу, возвратят нам?

Калинин. А за что их брали?

Казак. За помол.

Калинин. Да ведь им наверное мельница вообще была в убыток. И если бы не было сбора этих денег, то на что бы мы стали содержать армию, школу?

Казак. Вот потому-то мельница и разорилась, что деньги берут, а на ремонт не отчисляют.

Калинин. Нет, она разорилась потому, что не умеют управлять. Сидит человек, который совершенно не заинтересован в ее налаживании. А вы уже будете смотреть.

Алешина. Заведующий Киреев берет лошадей и как тяжелая, так он берет. Это берут представители армии.

Калинин. У меня уже есть доклад, что они здесь находятся зря и мы постараемся их выпроводить, и тогда у вас будет только местный продком. И тогда уже безусловно быки и лошади, которые необходимы для работы, уничтожаться ни в коем случае не будут.

Казаки. Они приказывают нам давать бычат хороших, а нет, чтобы полегче взять.

Калинин. А вы договоритесь с ними.

Казак. Они с нами и в разговоры не вступают.

Калинин. А если ему дать возможность менять, он будет взятки брать.

Казак. Что ж, лучше будем взятки давать, лишь бы бычка получить, нам им работать надо, земля непаханная.

Калинин. А что солдатки, мужья которых в Красной армии, получают паек?

Казачки. Нет, ни разу не получали.

Калинин. А сколько вас здесь находится?

Казак. Больше ста семей.

Предволсовета. Нам предписано представить списки для удовлетворения пособиями.

Калинин. Ну так вот, казачки, значит, списки составляются и вам будут платить с того дня, с которого взяли вашего мужа.

Казачка. Вот у нас есть вдовы, у которых мужья ни в той, ни в другой стороне, — померли просто, и ни та, ни другая сторона нам не помогает.

Калинин. Если у вас есть дети, то их можно отдать в приют, а потом наверное в скором времени ребятам будут завтраки в школах давать. Мы в России это дело уже понемногу наладили. В общем, конечно, помощь будет и вам, но только, наверное, не так скоро.

*

Батихина. А вот у меня два брата расстреляны белыми и остались только старики по 80-ти лет. Покорно прошу, если можно, помочь бы нам. Я одна у них осталась только дочь.

Калинин. Им помощь будет непременно.

Першков. Я желаю выяснить насчет подвод. У нас, если кто поедет, так едет на месяц, да и подводы приходится там оставлять. Как бы нам с этим делом справиться?

Калинин. Эта нужда везде. Я был в Самарской губ. и в Уфимской, и везде, где фронт, там эта беда. Вот теперь от вас фронт ушел далеко, и будет легче. Закон у нас есть, чтобы дальше 50 верст не смели угонять подвод. Но закон одно, а на деле другое. Вот красноармейцам ведь тоже не разрешается бесплатно брать. А на самом деле они всюду берут.

Казак. А все-таки не мешало бы сказать военным властям, чтобы они относились к населению лучше.

Калинин. Мы не только предлагаем относиться лучше, а мы даже судим их за это.

Казак. Вот еще бы относительно донских денег надо что-нибудь сделать: взяли на обмен, а сами не обменяют.

Калинин. Я уж об этом знаю. Но надо знать, кто отобрал и зачем отобрали. Во всяком случае я об этом поговорю. Больше у вас вопросов нет? Если желаете, я сделаю вам сообщение о наших фронтах.

Казаки с мест. Просим, просим!

Калинин. В последнее время взяты Таганрог, Мариуполь, Царицын, Ростов. В Сибири взят гор. Красноярск, скоро вся Восточная Сибирь будет наша. Здесь было заявление, что большой недостаток соли. Это недостаток общий, у нас соли есть много, но только к ней была закрыта дорога. Но надеяться, что будет скоро соль,—нельзя, потому что во время своего отступления Деникин все поломал. Насколько можно выяснить, в Царицыне взорван вокзал, электрическая станция, водопровод. Так что, наверное, месяцев 5 — 6 постепенно придется налаживать. Мне говорили в станицах, что соль можно привезти гужевым путем. Правда, гужом можно привезти 200 — 300 верст, но 800 верст не повезешь. Так что для того, чтобы привезти на всю Россию, нужно наладить транспорт,—только. А отчего расстроился транспорт, вам известно. Была борьба между красными и белыми. Красные — это рабочие и крестьяне, а белые— это генералы и помещики. И ваши умники присоединились к белым и за это пеняйте на себя. Теперь, когда мы победили,

М. И. на Украине в первой конной армии.

мы стараемся, чтобы скорее все наладить, ввести жизнь в нормальную колею. Если бы победили белые, то они заставили бы работать по 12 часов в сутки и от крестьян взяли бы все. Когда вы были у Деникина, то много он вам дал земледельческих орудий. А ведь, кажется, Деникину весь мир помогает и у вас все должно быть. А на самом деле они ничего вам не дали и это не удивительно, потому что и в Англии ничего нет. Нет нигде, потому что все выбрасывалось на войну: уголь, железо, сталь, все шло на приготовление пушек и других орудий. Война — это большое разорение. Сколько молодых жизней погибло за это время! Нас могут обвинять, что Советская власть ничего не сделала, но ведь Советская власть пришла к разбитому корыту. Мы уже взяли Россию, когда она была избитой, истрепленной. И много надо труда, чтобы все привести в порядок. Вот я потому и говорю председателю исполкома, чтобы он отдал вам мельницу, берите — налаживайте сами.

Казак. А вы помогать будете?

Калинин. Конечно, государство во всем идет навстречу. Если бы у нас были земледельческие орудия, тракторы и все необходимые предметы, то тогда бы и налаживать было нечего. Буржуазия кричит, что мы ее ограбили, а что мы на самом деле ограбили? Мы взяли огромное количество займов, но по существу мы получили только бумажки, но капитала не было. Мы должны были заплатить 20 000 000 000, но для того, чтобы заплатить, мы капитал должны были выработать. И мы уничтожили все долги, платить не будем, но для того, чтобы самим жить хорошо, мы должны налаживать хозяйство. Сейчас мы все внимание обращаем на Красную армию. Почему у нас нет сапог? Мы выпускаем 30 000 пар, одних шинелей мы делаем 400 000 в месяц, и в то же время у нас Красная армия раздета. Смотришь: пошел домой, оставил шинель, а приходит обратно — опять шинель давай. И так получается, что солдаты на фронте ходят раздетые, а в селах и городах ходят в солдатских шинелях.

И надо, товарищи, все-таки отдать справедливость, что наша армия одета не хуже деникинской. Вы, конечно, знаете, что Деникину помогали и англичане, и французы, и немцы, и японцы, и все-таки их армия хуже вооружена и хуже одета. Мы сумели при всей нашей голодовке пустить в ход патронные и пушечные заводы, мы выбрасываем в последнее время 40 000 винтовок в месяц.

Казак. А вот позвольте, тов. Калинин, у вас выяснить. Нам говорили, что есть такой декрет, что на столько-то десятин полагается одна лошадь. На сколько же десятин можно будет иметь скота?

Калинин. Никаких таких правил нет. Есть только распоряжение, которое еще пока не распространяется на Донскую область. Это именно то, что 10% крупного и 30% мелкого идет в распоряжение Комрода. Если же вы находитесь в фронтовой полосе, то у вас лошадей мобилизуют на войну, а на войне уже не разбираются, берут и последнюю.

Я еще вам хотел сказать, что в последнее время в Москве вышел декрет относительно всеобщей грамотности. Все до 60 лет обязаны будут учиться. Особенно у вас много безграмотных казачек. Надо их непременно учить всех.

Казак. Научить — так мужу подчиняться не будут.

Калинин. А, вот в чем дело? Вы сами перед генералами гнете спины и хотите, чтобы перед вами жены гнули спины. Нет, казачка должна быть свободна, муж ее должен уважать; если надо, так он должен и блины попечь в воскресенье. Ведь вы заметили, наверное, что молодые уже лучше относятся к женам, чем старые. Вот я думаю, что жизнь к тому идет. И мы ничего нового не выдумываем, а только хотим, чтобы у нас все были грамотные. Затем нужно и хозяйство налаживать, надо эти несчастные хибарки превратить в большие хорошие дома. Надо, чтобы когда мужья приедут с поля, жены их встречали с музыкой, жены их играли бы на пианино. (Смех, возгласы одобрения с мест.)

СОБРАНИЕ
НА СТ. СКОВОРОДИНО, ЧИТИНСКОЙ Ж. Д.

31-го июля 1923 года.

Секретарь ячейки. Слово для приветствия принадлежит тов. Новгородову.

Новгородов. От имени рабочих и крестьян приветствую приезд председателя ВЦИК тов. Калинина и в лице его ВЦИК. Товарищи, после столь тяжелого времени, пережитого крестьянами на Дальнем Востоке, благодаря умелому подходу ВЦИК, рабочим и крестьянам удалось сбросить с своих плеч бандитские организации, интервенцию и восстановить в настоящую минуту Советскую власть. Рабочие и крестьяне заверяют, что построенная Советская власть раз навсегда останется твердой и что они твердо стоят на-страже тех знамен, которые водружены, что рабочие и крестьяне твердо держат в своих руках власть, и тот, кто посмеет броситься на нас, с тем чтобы подавить народное движение, тем рабочие и крестьяне дадут надлежащий ответ. Да здравствует ВЦИК, да здравствует Калинин, Ленин и Троцкий!

Матвеев. Товарищи, я коснусь кратко, конечно, взаимоотношений между Советской Республикой и ближайшими здесь граничащими государствами, Китаем и Японией. Взаимоотношения эти, разумеется, вас очень интересуют, тем более, что Япония недавно была интервентом на Дальнем Востоке, а Китай недалеко под боком, кажется, в шестидесяти верстах.

Как дело обстоит в Китаем? За последние месяцы в Китайском правительстве (в Пекинском правительстве, а это надо различать, так как в Китае было много всяких властей, царей и генералов) в данное время с Советским правительством вело переговоры Пекинское правительство. Как Китай, так и Советское правительство имеет много насущных интересов и Пекинское правительство в последнее время возбудило вопрос о том, чтобы открыть русско-китайскую конференцию. Представители

Советской республики, находящиеся в Пекине, Харбине, все время имели предварительные переговоры относительно тех вопросов, которые должны стать в русско-китайской конференции. Какие вопросы самые важные должны обсуждаться на этой конференции? Это вопрос о Китайской ж. д. Советская Россия вполне правильно считает, что дорога, построенная на русские средства, должна принадлежать Советской республике, но за последнее время, в силу разных объективных условий, дорогой овладели не столько китайцы, как французы, японцы; вообще хозяев очень много. Китайцы прекрасно понимают, по горькому опыту, который испытали за прошлые годы, когда у них хозяйничали японцы, французы, американцы, — поняли, что гораздо лучше, целесообразнее им договориться об этой дороге с Советским правительством.

Дальше вопрос: китайцы необычайно интересуются нашими реками, Амуром, плаванием по Амуру китайских пароходов. По прежнему пекинскому договору китайцам предоставлялось право плавания от Казакевича и по Аргуни, по Амуру вверх до Покровского, права на плавание от Хабаровска до Николаевска они не имели. Теперь китайцы не ограничиваются этим правом плавания, они хотят плавать с Харбина на Николаевск, это понятно почему? Потому что транспорт из Харбина легче всего и дешевле можно направлять через Николаевск в Японию и т. д. Вот эти вопросы они ставят. Кроме того они хотят, чтобы пропускали их военные суда по Амуру. Но практика не только за время революции, но и за прошлое царское время установилась такая, что военные суда нельзя пропускать. Причина вполне понятная. Кроме того, китайский народ, китайские рабочие, китайская либеральная буржуазия, учитывая всю международную обстановку, понимают, что им гораздо выгоднее объединиться, известным образом, с Советской Россией, чем с Японией, Америкой и другими странами.

Сомневаться насчет настроения китайских рабочих, как бы слабо они ни были организованы, не приходится. Их симпатии, их стремления, как большинства рабочих всех стран, понятно, на стороне Советской России; так и китайское крестьянство и либеральная буржуазия склонны войти в союз с Советской Россией.

Но что происходит в Китае? Там идет жестокая потасовка между различными классами, между различными генералами, и когда подходим к вопросу об открытии русско-китайской

конференции, то выходит, что переговариваться не с кем: правительства нет, или один генерал сбежал, или один генерал погнал другого, — не с кем договориться. Пока крестьянство не объединено, не стоит у власти, пока оно не организовано, не имеет в своих руках власти, а эта власть в руках генералов и буржуазии, реакционной прежней манчжурской династии, до тех пор, разумеется, нет возможности договориться. Какая же выгода Советской России, что она сегодня с Пекинским правительством договорится, а через неделю это правительство полетит вверх тормашками? И мы ждем, когда в Китае на более или менее продолжительное время установится правительство. Только тогда возможно будет договориться. Дальше, товарищи, что происходит? В Китае попрежнему есть белогвардейцы, которые время от времени делают вылазку на пограничное население наше. Конечно, мы на-чеку, на-страже и когда бандитизм переходит на нашу сторону, даем ему твердый ответ. Китайцы, особенно либерально настроенные, более или менее сочувствуют Советской России, но там много течений, много влияний. Японцы поддерживают белогвардейские организации, но, конечно, вся эта белогвардейщина, все это — ничтожество. Они могут причинить нам ту или иную неприятность, но ждать со стороны Китая больших, серьезных наступлений не приходится. Была ведь попытка генерала Пепеляева, вы знаете, чем она кончилась. Он сидит в тюрьме вместе со своей бандой.

Скажу несколько слов об отношениях с Японией. Японцы не только во время революции, но и в прежнее время знали, «где раки зимуют», и где и что для них лакомо на Дальнем Востоке. Они все это давно поняли, изучили и безусловно основательно пустили корни, это в рыбных промыслах и лесных, которые имеют для них очень большое значение. Товарищи, у нас были чрезвычайно острые взаимоотношения между Советской Россией и Японией. Они были нашими интервентами, мы дрались с ними здесь основательно, дрались годы целые. В результате отплыли они, и только в одном месте сидят на нашей территории — на Сахалине, главным образом держат Северный Сахалин. Япония входит в Антанту, она координирует свои действия с западно-европейскими государствами, и в прежнее время, как только происходил нажим Запада на Советскую Россию, как только происходила блокада, так и японцы незамедлительно делали нажим, наскоки с востока на нас. Но теперь времена меняются, обстановка меняется. Та же Советская Россия уже не

та, что была в прошлые годы и три года тому назад. Япония поняла, учла, да и у них есть рабочий класс, больше организованный, чем в Китае. Рабочий класс не только говорит в Японии о своих интересах, но уже и выступает, не только в забастовках, но и на митингах, даже дерутся с полицией. Та же японская буржуазия заинтересована и в рыбных промыслах и лесных угодиях и учитывает состояние и силы Советской России. Если бы раньше было, два с половиной года тому назад, если бы Керзон, министр иностранных дел Англии, предъявил такой ультиматум, то поверьте, товарищи, что Япония поддержала бы его. На этот раз произошло несколько иначе. Керзон и Франция сделали наскок на Советскую Россию, предъявили ей ультиматум; казалось бы, Япония должна была бы поддержать Керзона, не то оказалось. Конечно, там была часть японцев, реакционеров, которые были рады этому ультиматуму, но они не проявили особенной поддержки этому ультиматуму. Почему? Потому что японцы учли и поняли цену этому ультиматуму и учли состояние и силы Советской республики. Наш представитель в Токио, тов. Иоффе, ведет переговоры с японским правительством, оно со своей стороны выделило представителей. Правда, товарищи, это еще не русско-японская конференция, а предварительные переговоры по русско-японским конфликтам. У нас уже были две конференции, и обе окончились неудачно, разговоры были краткие, делегаты разъехались. Теперь обе стороны очень осмотрительно действуют; для того, чтобы в третий раз не разъехаться, решили по молчаливому согласию, согласиться на то, чтобы разобрать все самые острые моменты, узнать, чего хотят от нас, и узнать, что мы требуем.

Есть ли у нас точки соприкосновения, есть ли у нас согласие? Я думаю, что когда эта договоренность будет, тогда русско-японская конференция окончится более или менее благополучно.

Сейчас у нас уже японцы сняли огромные рыбные промысла, платят аренду деньгами исправно, и речь шла даже о сдаче им лесных концессий, но тут постигла неудача: они хотят много привилегий, благодаря чему их проект не утвердили. Теперь вносятся поправки в этот проект. Они, как будто бы, чуточку обиделись, но не очень, ибо их лесные промышленники просят пустить их на Всероссийскую сельско-хозяйственную выставку и надеются, что им будет резрешено.

Теперь насчет милитаристов японских. Вы о них, конечно, слыхали много. Эти милитаристы отошли в сторону, до неко-

торой степени, и должен сообщить вам, что наши старые знакомые, генералы Сузуки и другие, получили отставку, их карьера кончена. Я спросил: почему? Получил ответ: послужили верой и правдой микадо, но сделали некоторые промахи и уволены на покой, на гражданскую службу, конечно, с большим капиталом, который награбили у нас. Прежнего влияния милитаристы уже не имеют. Последнее время, товарищи, в Чите получается много телеграмм из Токио от различных японских компаний, которые больше всего интересуются Камчаткой. Они предлагают ввезти туда свои товары по дешевым ценам. Так они говорят, по крайней мере. Раньше, за время революции, они просто, без всяких разговоров посещали Камчатку, грабили, хищничали. Теперь мы стоим на страже, где попадутся, забираем их товар даром и ничего. Вот какая перемена. Как-то к югу Камчатки подходит вдруг японский крейсер с миноносцем. В Камчатке есть небольшой отрядик. Раньше бы этот крейсер произвел бы вооруженное нападение. А тут происходило иначе. Председатель Губревкома говорит: «Не угодно ли удалиться?» Они начинают вести переговоры: «А позвольте передохнуть на берегу, в прошлом году у нас здесь потонул крейсер, его хотели бы поднять со дна». А председатель Губревкома заявил: «Ни одного японца чтобы не было на берегу»—и они не осмелились; очевидно у них другие намерения, другие цели.

Я передал все это кратко, доложил вам об отношениях с нашими соседями.

Как только начало наблюдаться, что у нас переговоры идут на-лад с Китаем, японская буржуазия пришла в амбицию. Начинают шмыгать японцы: «Да вы прогорите, сговаривайтесь лучше с нами». Просто ревнуют. Вспомните: два года тому назад такой ревности не было. К нам просто шли с оружием хозяйничать. А тут еще и Америка. Как только начали договариваться с японцами о концессиях, так и американцы обеспокоились, говорят: «Что вы с японцами договариваетесь, ведь они ваши враги, помните, как хорошо мы с вами жили в качестве интервентов, лучше с нами договаривайтесь». Ну, конечно, мы их выслушали, но все-таки говорим: «Сделайте конкретное предложение, мы его рассмотрим, обсудим и сами разберемся, с кем сговариваться». И заявили им, что мы ведь не империалисты, что если сговариваемся с каким-нибудь государством, то не для того, чтобы драть шкуру с какой-нибудь третьей державы. Если интересы одного народа, напр. китайцев, совпадают с инте-

ресами крестьян и рабочих Советской России, то мы с ними договоримся. Мы не империалисты и по их правилам не поступаем. *(Аплодисменты.)*

Б я л ы н о в и ч (Уполномоченный Наркомпути на Дальнем Востоке). Сегодняшний день на Дальнем Востоке мы открываем совершенно исключительную, так-сказать, страницу в нашей истории. Сегодняшней нашей беседе мы дадим залог в присутствии представителя и руководителя рабоче-крестьянской власти, что мы не только интересуемся жгучими политическими вопросами, но что мы будем укреплять завоевания Советской республики. Теперь, уже на протяжении целого ряда лет, мы все реже и реже отрываемся от станка, от плуга для того, чтобы хвататься за винтовку и итти в смертную схватку за Советское правительство, и больше уделяем внимания на нашу экономическую жизнь, чтобы устроить такую жизнь, как предначертано историей революции, чтобы осуществить те заветы, которые преподаны нам историей нашей революционной борьбы, которые выковывались на протяжении столетий упорной борьбы угнетенных с угнетателями.

Товарищи, мы только-что выслушали доклад тов. Матвеева о международном положении на Дальнем Востоке. Тов. Матвеев подчеркнул, что барометр международных отношений чрезвычайно чуток. Это не то, что погода: в одном месте дождь, а в другом ненастье. Он показывает непосредственную опасность, грозящую Советской России, когда пытаются напасть на нас врасплох. Наши враги надеялись, что им удастся снять шкуру с революционного медведя, которого, они были уверены, что в конце концов убьют. Теперь они не только не снимают шкуры, а время от времени стараются приласкать этого медведя, все же надеясь его погубить. Наши враги в погоне за наживой, за эксплуатацией рабочего класса, привыкли у себя, в малокультурных странах Индии, Африки, выжимать соки из своих рабов. Они и к России приблизительно с этими мерками подходили. Теперь вы видите, что на Дальнем Востоке — это вы можете воочию убедиться—в политическом отношении наступило некоторое затишье. Значит и наше положение стало несколько лучше.

Мы видим, хотя бы, такой пример, что после обострения с Англией, после таких наскоков, угроз, попыток втянуть в войну, рабоче-крестьянское правительство было поддержано единодушным протестом, прокатившимся на десятки тысяч верст. Не было ни одной маленькой станции, на которой бы не обсу-

М. И. у своего дома в Тверской губ.

ждался этот вопрос и не было двух мнений, как один возглас: «Не дадим ни пяди из своих завоеваний и в кабалу и рабство не пойдем». И вы видите, как та же Англия на одном и том же листе подписывает договор с Советской Россией. Значит ли это, что она не признает такого правительства, которое насильно захватило власть в свои руки и которое не отвечает их интересам? Сама жизнь, сама практика мощной рабоче-крестьянской страны заставляет их итти на уступки, ибо другого выхода перед ними нет. Вы видите, товарищи, что нам никто больше не диктует своих условий и не заставляет нашивать заплатки на наши красные знамена. Наконец-то вы увидели здесь у себя на Дальнем Востоке организованные, стройные советские органы рабоче-крестьянской власти. Наконец, в сегодняшний счастливый день здесь, в заброшенной, далекой, дикой тайге, где упорным трудом рабочие и крестьяне побеждали природу на тысячу верст, в этом далеком уголке тайги, — мы здесь видим стоящие вагоны, паровозы, слышим живой голос, живой и зовущий к дальнейшим завоеваниям. Наконец, сегодняшний день мы можем здесь приветствовать нашего высшего руководителя рабоче-крестьянской власти, всероссийского старосту тов. Калинина! *(Аплодисменты.)*

Он не по образу буржуазии и царских стран стремится показать народу все в блестящем виде, но он в правдивых словах, умудренный опытом рабоче-крестьянского правительства, умудренный своей личной жизнью, проведенной в борьбе за лучшее будущее для рабочего класса, — он в двух-трех словах обрисовывает положение вещей на языке, понятном для рабочих и крестьян. На его беседе, при которой приходилось присутствовать, выясняется картина государственного строительства, понятная и десятилетнему ребенку. Рабочий класс прежде всего должен надеяться на свои силы, принимать участие в строительстве своего государства и от этих двух обстоятельств будет зависеть успешность и окончательное завершение нашей победы.

Мы, товарищи, транспортники на Дальнем Востоке, будучи по своему расположению далеко в худших условиях, чем заводский пролетариат, мы здесь, транспортники, слишком растянуты тонкой ниточкой по длинной сети железной дороги и только с трудом можем сплачиваться в компактные массы для определения наших взаимоотношений и задач с трудовым крестьянством.

Вот, товарищи, политическая сторона на сегодняшний день рисуется более или менее благополучно. С одной стороны, организационная работа в центральной России в значительной степени, так-сказать, сделала успехи, которые даже западно-европейские буржуазные государства не могут скрыть и утаить. Мы видим, что и у нас в Дальневосточной окраине это организационное строительство также заканчивается. Мы видим, что сегодня имеем возможность здесь продемонстрировать перед тов. Калининым нашу солидарность, нашу устроенность, нашу организованность, что мы хорошо понимаем свои задачи, стоим твердо на своем посту и с полным сознанием творим одно великое целое, относясь добросовестно к возложенным на нас обязанностям.

Мы, товарищи, уже имеем возможность сейчас не заниматься несвойственными для нашей природы делами: это вырыванием, сжиганием, разрушением, опустошением. Мы видим, как медленно, но верно, постепенно, незаметно подчас для глаз, наше хозяйство улучшается. Если мы, товарищи, проявили такой энтузиазм, такую настойчивость в деле борьбы, то, товарищи, на трудовом поприще, в области производства, когда мы знаем, что уже шпалы сменены, уже отремонтировываются вагоны и паровозы, когда мы все это видим, — мы силы свои удвоим для окончательного завершения дела хозяйственного строительства. Мы, железнодорожники, не являемся теперь какой-то падчерицей, как мы были во времена царского правительства, которое смотрело на железную дорогу как на дойную корову. Рабочие тогда работали из-под кнута и небрежно относились к своим обязанностям. Сейчас каждый крестьянин должен понять, что транспорт является одним из основных факторов основания государства, без которого ни армия не может защищать страну, ни экономическая жизнь развиваться: вывозить сельскохозяйственные продукты для обмена, ни сама промышленность, требующая подвоза из данного места в другое разнообразных продуктов. Железная дорога является рычагом всей нашей экономической жизни и она должна пользоваться особой заботой, как у крестьян, так и у всех граждан. В свою очередь тоже и транспортники должны всеми силами помогать крестьянству, в особенности здесь, в этих глухих, заброшенных уголках, где нет сельского хозяйства, нет производства машин, нет средств изготовлять их. Следовательно, организуя кооперативные мастерские, организуя какую-либо кампанию для помощи оборудования крестья-

ского хозяйства,—этим самым, товарищи, мы будем увеличивать посевную площадь, увеличивать продукты сельского хозяйства. Вот, товарищи, та деловая, солидарная, дружная работа, которая должна лечь в основу между рабочими и крестьянами. При данных условиях наш транспорт является похожим, как будто бы взяли человека бедного да подарили ему часы с пятипудовой золотой цепью, повесили на шею и заставили носить. С одной стороны, очень хорошо, а с другой — шею давит. Наш транспорт при данных условиях является таким же предприятием. Но мы здесь с должным сознанием перед лицом тов. Калинина должны заявить, что мы со своей стороны примем все меры к тому, чтобы это хозяйство поддержать, улучшить, развить, чтобы улучшить экономическую жизнь, чтобы улучшить производство наших заводов. Так же, как было когда-то здесь 45 градусов мороза, под открытым небом, при отсутствии материалов ремонтирования и при недостатке паровозов, мы перевозили войска для защиты рабоче-крестьянского государства на Дальнем Востоке. Мы также с большим рвением будем изыскать все средства для производства продуктов, идущих непосредственно на пользу человечества. Мы знаем, товарищи, что далеко еще не велик материальный уровень, который нужен для успешной работы железных дорог, но в то же время, оглянувшись назад, на два-три года, мы видим, что этот уровень повышается к лучшему. Мы здесь из оторванной автономной единицы, мы сейчас уже имеем перед собой стройную систему, имеем определенный план, и мы должны, товарищи, так же, как в армии, бросить лозунг: учиться, чтобы побеждать. Мы должны подходить к улучшению способов утилизации наших богатств.

Вот, товарищи, это основные моменты. Их понимание и их выполнение есть теперь задача рабочего класса, который и здесь, на Дальнем Востоке, рука об руку с трудовым крестьянством вел борьбу за революционные завоевания. Мы, конечно, товарищи, знаем, что наличие регулярной армии, что улучшение оборудования ведет нас к гарантии от нападения, но все-таки мы всегда должны быть на-чеку, чтобы в любой момент стать вместе с регулярной армией под винтовку, если это понадобится для защиты рабочего государства.

Заканчивая свое слово, я выражу пожелание: да здравствует союз рабочих и крестьян! Да здравствует производительный труд на укрепление мощи Советского государства! Да здравствует Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

и возглавляющий его, наш уважаемый вождь, старший товарищ М. И. Калинин! *(Аплодисменты.)*

Калинин. Товарищи, нет ли желающих высказаться по каким-либо вопросам, или жалобы принести?

Мишенков. Мною подано заявление. Так как мы живем в Рухлове, то крестьяне в настоящее время очень властью обижены. Именно стоят сейчас у власти люди неответственные. Они были при Колчаке, вот напр., Новгородов, он при интервенции был секретарем, трудовому рабочему народу подписывал смертные приговора и расстреливал их же, а в настоящую минуту опять стоит. Мною было подано два заявления, о них не знаю: ваша милость получила или нет.

Еще хочу сказать о церкви. Из всероссийского декрета, чтобы церковь православная должна существовать, но отделившись от государства, но в настоящую минуту одного священника убили, а другой нас покинул и псаломщик хочет уехать.

Калинин. Почему?

Мишенков. Настоящие власти, так-сказать, бойкотируют священников, угрожают им. Вот Новгородов даже в схватку с ним разговаривает.

Калинин. Как же церковь без попа, как же похороны и крестины?

Мишенков. Значит помрет, зароем — и все тут.

Женский голос. Кто молится, тот молится, и пусть не мешают.

Калинин. Я начну, товарищи, с попов. Я считаю действие власти безусловно неправильным, если она насильничает, издевается над священнослужителями. Мы не мешаем, кто верует, пусть верует. Бороться с религией нужно на почве убеждения. Собирайте собрания. Доказывайте о том, что можно без священников хоронить, все равно, тело есть тело, и сгниет при том и другом обстоятельстве; доказывайте, что на том свете не будет лучше тому, кто отпет, это ваше право доказывать, но издеваться, мешать священникам исполнять свои обязанности— это решение неправильное и я расследую это обстоятельство и привлеку к ответственности ту власть, которая взяла ошибочную линию.

Очень часто бывает, что люди, бывшие раньше «белого» направления, всегда левее левых. Во всяком случае те, которые не были нашими политическими врагами, те мягче политику

ведут, они знают, что им доверяют, им не надо чересчур леветь, гнать, и действуют более или менее осторожно, понимая, что сразу ничего не сделаешь. Ведь нельзя человека в шестьдесят лет, который всегда веровал в бога, заставить перестать веровать, он думает: «Я скоро умру и может-быть будет опасно, вдруг в ад попаду». Молодежь не думает о смерти и потому может обойтись без бога. Центральная власть великолепно это понимает и учитывает. Мы боремся с церковью по целому ряду мотивов. Во-первых, потому, что прежний царизм благодаря церкви вносил успокоение в рабочую массу. Вот на этом свете плохо, но зато вы, все нищие, слепые, хромые, нищие духом, будете жить хорошо на том свете. *(Аплодисменты.)*

Мы считаем, что это вредное успокоение. Мы с этим взглядом ложным боремся и будем бороться. Мы думаем, что мир кончается здесь. Пусть, что хотят доказывают, а мы думаем, что если получим счастье, то получим только на земле, а как только умрем, то наше тело превратится в землю и земля нами распоряжается и тело разлагается на свои составные части. Поэтому мы говорим: ищите счастья на земле, чтобы человек не искал его на небесах, а когда он будет его на земле искать, то он будет и бороться за свое счастье.

Вот главная причина, почему мы боремся с церковью, но вместе с тем великолепно понимаем, что если будут над попами издеваться, будут административными мерами мешать исполнять служебные обязанности, этим самым мы превращаем их в мучеников и у крестьян невольно поднимается чувство, что у власти люди — насильники, а церковные служители — это мученики. При неправильном действии властей религиозное чувство не уменьшается, а увеличивается, и тот, кто думает, что он с религией борется, он, собственно говоря, укрепляет ее. И это правильно. Наша власть крутые меры воздействия должна предпринимать с священниками, связанными непосредственно с контр-революцией и с колчаковцами тесными нитями. Несомненно, здешняя власть совершила величайшую ошибку, и заявление тов. Мишенкова, по-моему, справедливое заявление; ошибается не он, а власть.

Поэтому я поручу тов. Матвееву, ответственному руководителю всей Дальневосточной окраины, расследовать это дело и дать общую линию, что Советское правительство со священниками, как со священниками, не воюет. У нас недавно выпущен из тюрьмы Тихон, который раскаялся, заявил, что с Советской властью бороться не будет, что он признается, что вел

контр-революционную работу, — и мы его выпустили, считаем лишним его держать, мы с ним не воюем полицейскими мерами.

У меня самого есть мать, ей слишком 60 лет. Я не верю в бога приблизительно лет 25, однако, когда я приезжал молодым, она возьмет и крест мне наденет, иначе плачет. Не мог я заставить мать изменить свою веру:

— «Вы как хотите, а я со стариком хочу быть в раю».

Поэтому власть, которая ведет такую политику, не лучше прежней, и снова заявляю, что этот вопрос мной будет через тов. Матвеева расследован и, если нужно, накажем виновных. Я понимаю, что попа очень трудно теперь достать. У нас, в коренной России, крестьяне, конечно, все православные, но вместе с тем они же, когда Советская власть наступила, они отобрали у попов землю, а земля—там самое ценное. Так во многих деревнях жаловались мне попы на крестьян, что плохо платят за требы и землю отняли. Я им советовал: скажите, что уезжаете, теперь попа трудно найти и крестьяне испугаются. Ведь крестьяне помолиться любят, а заплатить не любят. А я говорю: если хотите помолиться, то нужно и заплатить. И когда крестьяне поняли, что священника трудно получить при современных обстоятельствах,—возвратили землю назад. Советская власть не лишает священников земли, но дает им столько, сколько полагается по трудовой норме. Вот как мы относимся к религиозному вопросу.

Теперь—наше международное положение. Это положение Советской республики, среди других европейских государств, как правильно сказал тов. Бялынович, более или менее налажено сносно и последний конфликт с Англией окончился благополучно, теперь острых конфликтов между нами и ими собственно нет. Но, конечно, западно-европейские государства очень подозрительно, ревниво относятся к развитию и укреплению Советской республики. Разумеется, можно ждать, что как только будет удобный случай, они выступят против нас. Даже конфликт между нами и Англией был пробой английского правительства, может ли оно позволить себе произвести нападение на Советскую республику. Оказалось—нет. Внутри самой Англии было очень много людей, идущих против этого нападения, популярностью это нападение в Западной Европе не пользовалось и западно-европейские правительства боятся напасть. Само общество европейское теперь переживает процессы расслоения

современного общества. С одной стороны, формируется левая партия, рабочие, крестьяне, все недовольные, с другой — формируется контр-революция, в роде наших контр-революционеров. И эти две силы взаимно точат ножи. И есть промежуточные элементы, которые стоят немножко и за правительство и за старый строй, хотят, чтобы правительство было не такое левое и не такое уж правое. И сейчас в Европе мы наблюдаем этот процесс разделения самым решительным образом. И самый рабочий класс в Европе примыкал большею частью к так называемой социал-демократии, и только в последнее время, в Германии, мы знаем, создалась коммунистическая партия, которая существует только три года. И за эти три года ее влияние выросло, стало даже больше влияния социал-демократии, которая существует лет 30 — 40. На самом последнем съезде профессиональных союзов металлистов, — эта один из самых главных, решающих союзов, представляющих самую сильную профессиональную группу рабочих Германии, — были избраны делегаты на съезд коммунистов, и, конечно, они будут стоять на коммунистической линии. Этот пример великолепно иллюстрирует, как рабочий класс переходит на коммунистическую точку зрения. Поэтому в Западной Европе открыто готовятся к борьбе между собой. С одной стороны, рабочие заготовляют оружие, с другой стороны, и капиталисты организуют отряды, фашистские отряды, как прежде у нас союз русского народа. Вот такие союзы, которые обучаются военному строю для борьбы с рабочими и крестьянами. Когда два основных класса, две силы подготовляются к взаимной борьбе, тогда это положение делается неустойчивым и эта неустойчивость, разумеется, сказывается и на отношениях к Советской республике. Поэтому сейчас мы войны не ждем, но быть спокойными, быть уверенными, что мы завтра не подвергнемся нападению, нет никакого основания. Мы должны быть готовы к нападению каждый день и в соответствии с этим строим свою армию: дружную армию, поддержанную железнодорожниками, увеличиваем количество пушек, пулеметов, снарядов и прочих вещей, которые непосредственной пользы человеку не приносят, а которые содержим только потому, что боимся нападения на Советскую республику.

Что касается внутреннего состояния, то оно за последние два-три года сделало более или менее значительные успехи. Я не буду останавливаться в отдельности на каждом вопросе этих успехов, это, я думаю, как верно заметил тов. Бялынович, вы

замечали на некоторых успехах в отношении вашей железной дороги. Уже сейчас, через семь месяцев, сюда привезли пару сотен новых шпал, а раз уж вам привезли шпалы, значит московские дороги тоже занимаются усиленным ремонтом, а это вызывает усиленную работу фабрик и заводов и начинает подниматься наше сельское хозяйство.

Но, конечно, «не так скоро дело делается, как сказка сказывается».

Поэтому хозяйство наладить не так легко, если разорены крестьяне и если на восстановление хозяйства требуются года. Предположим, у крестьянина был пожар, или неурожай, и когда его спросишь, сколько лет пройдет, чтобы он восстановил свое хозяйство и опять твердо встал на ноги, то он скажет: лет пять, а то и больше, а конечно, восстановить государство в тысячу раз сложнее, оно восстанавливается гораздо медленнее, чем хозяйство отдельного человека. Конечно, на это потребуется значительный срок, в этом нет никакого сомнения. А до тех пор, пока не восстановлено хозяйство, до тех пор крестьяне будут чувствовать тяжесть, они будут угнетены налогами, а рабочие будут получать сравнительно маленькую заработную плату, потому что ни заработная плата рабочих, ни благосостояние крестьян не поднимутся до нормального предела, пока не будет восстановлено все хозяйство.

Сейчас Амурская жел. дор. тяжелым бременем ложится на плечи русского крестьянина, потому что она приносит большие убытки. При нормальном состоянии она будет или безубыточна, или очень небольшие убытки будут, которые будут покрываться другими железными дорогами. Теперь доходных дорог почти нет. Эти дороги убыточны потому, что у крестьян почти нечего вывозить, а с другой стороны, крестьяне, живя бедно, мало требуют себе товаров, меньше мануфактуры покупают, орудий сельско-хозяйственных, меньше украшений покупают, и жены у них меньше требуют всякого «шила-мыла».

Вот это состояние тяжело ложится и на рабочих и на крестьян, но оно постепенно, понемногу изживается, и мы думаем, что общими силами и рабочих и крестьян хозяйство будет восстановлено. А как только мы восстановим наше хозяйство довоенного времени, мы, разумеется, дальше пойдем, потому что человек есть человек и его никогда не удовлетворишь. И при довоенном времени наше хозяйство считалось самым отсталым хозяйством во всем мире. Мы наше хозяйство должны двинуть

вперед, чтобы темп его развития шел быстрее, чем он шел до сих пор. Крестьяне могут улучшать свое сельское хозяйство только тогда, когда рабочие дадут ему в достаточном количестве те средства производства, которые необходимы для крестьянства, начиная от рассортировки семян и кончая гармошкой, на которой он играет в свободное время. С другой стороны, и крестьянин должен доставлять рабочему хлеб и продукты для изысканных блюд, которых мы теперь не привыкли есть, но которые с развитием хозяйства научимся есть. Наше стремление — усилить этот темп хозяйства, а это произойдет только с постепенным улучшением средств производства, когда будут новые шпалы, хорошие паровозы, которые будут гребовать мало топлива, и малое количество людей будет обслуживать эти поезда, может-быть человек пять будет исправлять свои обязанности; когда техника улучшится, когда быстро будет итти развитие благосостояния и культуры крестьян.

Есть ли надежда, что добьемся этой цели? Я думаю, что есть. Я не думаю, что стомиллионный народ, который тысячу лет был в угнетении, на котором тысячу лет ездили враги народа, я не думаю, чтобы он, свергнувши своих поработителей, чтобы он не сумел наладить свое хозяйство. Я не думаю, чтобы наши купцы, дворянство, чтобы они были лучше, умнее целого народа. Я думаю, что народ с этими задачами справится.

Почему слабы наши успехи? Это очень естественно. Наши успехи слабы, но успехи есть. Вот возьмите, как Германия разоряется, решительно, буквально на наших глазах. Нам, конечно, очень трудно приходится. Во-первых, рабочий класс у власти раньше не был, поэтому выдвинутая власть не на высоте положения, потому что она не привыкла управлять. И культурная сила в верхушках класса, и только сейчас происходит выучка.

Например—в армии. Там через академию, через военные школы производим новый командный состав из крестьян, потому что если крестьяне не будут командовать полками и дивизиями, до тех пор нет надежной армии. То же и в производстве. Мы из крестьян и рабочих выдвигаем новые силы, которые должны стать руководителями работ, должны работать по-совести, они будут отдавать все силы на это дело. Разумеется, я не хочу сказать, что из дворянского класса, из старого класса нет старательных специалистов. Конечно, есть. Целый ряд величайших ученых европейских на нашей стороне. Один из крупнейших профессоров мира, профессор Тимирязев,—когда у нас

организовалась Советская власть, ему было слишком шестьдесят лет, а он был избран членом Московского Совета. Это член королевской академии Англии, член русской академии, он считается одним из мировых ученых. Ему было больше шестидесяти лет, большевиков бояться ему нечего было, честь и слава ему была не нужна, он и так ее получил, а он открыто перешел на нашу сторону, считая, что Советская власть несет с собой лучшее будущее. Да и целый ряд людей науки также перешли на сторону Советской власти. Я знаю целый ряд инженеров, исключительно талантливых, они перешли на сторону рабочих и уже сейчас заявляют, что они думают, что в ближайшие годы их знание и опыт при Советской власти лучше развернутся, шире, чем было прежде при капитализме. И это очень естественно. Их душевное состояние сейчас, с моей точки зрения, должно быть лучше. Если они будут мало-мальски лучше зарабатывать, семьи будут лучше обеспечены. Прежде они работали на капиталиста и они, главным образом, работали из-за материальных интересов, наживались и замечательные инженеры с большим талантом способствовали обогащению крупных капиталистов; а теперь они сознают, что они работают на государство,—это большая разница.

Вот все это дает уверенность, что крестьянство и рабочий класс России за эти пять лет, потерявши много времени и принесшие кровавые жертвы, они все-таки справятся на этом тяжелом пути и, несомненно, сумеют построить рабоче-крестьянское государство не хуже старого дворянского государства, а я думаю, что государство рабочих и крестьян должно быть лучше, чище и благороднее. И я думаю, что Россия станет нам больше матерью, чем она была до сих пор, ибо до сих пор для огромного большинства людей она, по существу говоря, была мачехой. Иначе наши солдаты целыми тысячами, целыми батальонами не переходили бы на сторону германцев, отдаваясь в плен, только потому, что не чувствовали ее действительной матерью, а считали мачехой. Крестьяне и рабочие должны создать такое государство, чтобы оно для них было родной матерью. Но необходимо, чтобы наша родина была родной матерью не только для наших рабочих и крестьян, а для всех трудящихся мира.

Я хотел бы спросить вас: верно ли заявление Мишенкова. Мне кажется, редко на собрании человек говорит неправду!

Председатель общины верующих. Я не скажу, чтобы я был религиозный, но отец мой, как и все старики,

веровал; много спорили мы с ним, а когда умер, я его схоронил, как он мне завещал, по церковному обряду, это все могут подтвердить.

В последнее время стало ощущаться положение такое: на содержание духовенства поступало средств мало. А со стороны населения против власти ничего не было, и если я ложно говорю, то могут подтвердить это. За последнее время мне пришлось услышать об отъезде священника. Этот отъезд происходил исключительно из экономических соображений, содержать его не на что было. Что касается убийства священника, за это местные власти не отвечают. Церковное имущество, правда, приходилось взять на учет, как декреты сказывали. Мне приходилось это сделать, остальное ничего не могу сказать, а со стороны власти не было никакого притеснения к духовенству.

Житкин. Я сам православный, был на заседании, когда обсуждался декрет, и тот, кто заведует церковью, церковный староста, объяснял всем это. Я думаю, что нам надо благодарить комиссариат за этот декрет. А только хочу сказать, что Новгородов не против священников действовал, а только когда стали православные говорить, что нужно нам содержать священника, чтобы он не уезжал, то Новгородов спросил: а многие ли из вас заплатили продналог? Оказалось, есть какие-то два-три человека, остальные не заплатили. Вот это Новгородов действительно сказал. А вот на счет священника, которого убили, я не знаю, кто его убил. А наш сделал бал, когда был именинником, повеселились, потанцовали хорошенько, и поп танцовал,—это мне дочка сказывала, и эти, которые приходили к нему на собрание, уж очень близкие к нему мужики, все — гу-гу-гу да гу-гу-гу: говорили: как бы тебя, батька, не убили,—и этот последний вспполоумился и убежал.

Савич. Хочу сказать на счет убитого этого священника. Он приехал в субботу к вечеру. В воскресенье была служба. Когда из церкви шли, то бабы кричали про священника; непутевое что-то говорили. Оказывается, когда выходил с проповедью, говорил против существующей власти, что она недолго просуществует. Я не был в церкви, но мне товарищи подтвердили, что он действительно говорил против власти. Вот и стали говорить, что с ним сделать. Вечером комсомольцы и комячейка собрались на заседание обсудить это дело, хотели допросить того, кто был в церкви и слышал, как он выражался против власти, а потом отправить в Благовещенск, чтобы судить. Как

раз избрали этот комитет, но комитет не успел допросить. Вечером как раз у нас был спектакль. Перед открытием спектакля прибегают, говорят: убили священника. Кто убил, никаких следов нет. Убили на квартире старосты. А что сама власть не предпринимала против священника ничего плохого, что она решила принять меры—хотела только допросить и передать в суд. А убийство произошло вечером, и кто убил—неизвестно.

Калинин. Грабежа не было?

Савич. Деньги остались, только мало, около 20-ти рублей.

Мишенков. Товарищи, я хочу только сказать тов. Калинину, что я крестьянин Смоленской губ., трудоспособный работник, ни на кого посягательства не имел. Мне вот 62 года, а я вот на плечах красноармейцам таскал в горы пищу во время белых, не жалея своего коня. Я крепко стою за власть, я сам сердцем думаю, но как только во власти стоят такие, как Новгородов, что он сам, как бандит, а у меня мозоли на руках. Я рабочий, у меня все есть, хозяйство в порядке, дома при мне сыновья живут, всего хватает; где одолжаем, туда долги несем. Никогда не клеветал, а меня же в суд тащат, отправили, можно сказать, как на луну, в Благовещенск. Суд обжаловал, сумел.

Калинин. За что судили?

Мишенков. Будто я бойкотировал Советскую власть, я преступник политический, а не какой другой преступник; я преступления не совершал, на это есть от общества приговор, общественный приговор.

Калинин. Что вы можете сказать, Новгородов?

Новгородов. Я рабочий. При Колчаке я служил семь месяцев вольнонаемным секретарем земской управы.

Калинин. С какого времени вы коммунист?

Новгородов. С 20-го года. Так вот, товарищи, объясню тов. Калинину. Я скажу в свою защиту, что рабочие и крестьяне, которые избирали меня, знали, кого избирают и доверили мне ответственный пост. Кроме того я житель местного района с 1909 года, хорошо известен рабочим и крестьянам, а Мишенков не принимал участия в избрании и вообще он совершенно не посещает общие собрания и т. д. Далее, товарищи, с момента назначения меня на должность председателя волревкома, мне пришлось здесь впервые организовать аппарат волостного правления, и вот с этого момента были получены декреты от Дальневосточного комитета с № 1 и т. д. и вместе с тем распоряжения от Ревкома о проведении тех или

других декретов в жизнь. В декрете об отделении церкви от государства есть номер, где говорится, что все церковное имущество необходимо так или иначе передать обществам верующих на законном основании, и все это поручено мне было произвести в течение двухмесячного срока. Мною, поэтому, были сделаны соответствующие распоряжения председьревкомам для оформления этого дела. В тот момент у них организации еще не было, мы, как власть, не могли это имущество передать той или другой общине частного характера. Это дело самих граждан, заинтересованных в деле. Так или иначе они организовались. У них не было в то время священника. Я предлагал имущество церковное под полное наблюдение этой общины верующих, которое должно было помещаться там до момента приезда священника. Время тянулось. Декрет, сам по себе говорящий за то, что этот декрет должен быть приведен в двухмесячный срок,—срок истекал. Я являюсь ответственным лицом, должен был настаивать на скорейшей передаче этого церковного имущества. Однако, я до некоторой степени делал снисхождение для той общины, какая организовалась в тот момент. Оказалось, что это имущество было целиком на ответственности бывшего еще раньше церковного старосты, некоего гр-на Рюмина. Я более или менее разъяснил этот декрет, сказал, как надо поступить, как принять это имущество. Созвали общее собрание, на этом общем собрании я присутствовал и так как товарищи, которые состояли в церковном совете, недостаточно усвоили то, что мною было разъяснено, то мне же на этом общем собрании пришлось в свою очередь разъяснить этот декрет. По разъяснении этого декрета, все, так-сказать, присутствовавшие на этом собрании, из коих большинство были женщины, остались весьма довольны. Я закончил общее собрание; после закрытия мной было предложено 20-ти правомочным гражданам и этим лицам было сдано церковное имущество. Затем я сделал напоминание о том долге каждого рабочего и крестьянина в смысле несения подоходно-прогрессивного налога, сделал призыв о том, чтобы этот налог был внесен. В среде присутствующих было 79 человек и когда мною был задан вопрос: сколько же из среды присутствующих внесло все государственные налоги, как то: страховку, прогрессивно-подоходный налог, то из числа присутствующих подняло руку только пять человек. Я был на съезде губернского совета и об убийстве священника ничего не знал. Теперь ведется расследование своим чередом. Что касается насилия со стороны вла-

сти, то этого насилия не было, и товарищи, которые здесь присутствуют, я думаю, они могут подтвердить, что это справедливо.

Сиблин. Я секретарь волисполкома. Мне пришлось встречать, что тов. Мишенков всегда был противником власти и в настоящее время не внес тот или иной доход в пользу Советской России.

Массунов. Я должен заявить, что только-что выступивший Сиблин, я хочу о нем сказать, что его самого не мешало бы обдернуть, что он человек резкий и сам вредит делу строительства нашего хозяйства.

Мишенков. Наше Рухловское население знает о моей жизни. Я здесь 12 лет живу. Чем я живу, лихоимством ли, грабежом? Работаю я, рано встаю, поздно ложусь. Вот Сиблин знает, я говорил: дайте работу, и продналог все будут платить. Никто против не идет. Говорил ли я это, тов. Сиблин, или нет? За мной не было никаких дел. Если бы я был противник Советской власти, то зачем же мне на своих плечах было таскать? Я шесть человек кормил при Колчаке. За что я это сделал? Товарищи, как вам не стыдно, стоящие у власти, побиваете вы нас.

Голоса. Правильно! *(Аплодисменты.)* Погибаем мы через этих негодяев.—Сына моего погубили, арестовали его, загубили, пороком сердца умер.—Я всем хочу, чтобы у всех было как у меня.

Рюмин. Товарищ Калинин, я был на похоронах убитого священника. Здесь доведено до сведения, как будто бы власти бездействовали. Там, правда, в это время произошли перевыборы милиции, но мы не потеряли надежду, что дело будет разъяснено. Уже принимаются все меры по этому делу. Я, главным образом, говорю, я православный, а благодарю в лице вашем правительство за этот декрет и благодарю за издание такого. Это правильный взгляд нашего советского правительства.

Голос. Я Сиблина защищаю. Ему приходится плохо, кто не заплатил продналога, тот его ругает. Сиблин нехороший человек, — обвиняют. Я скажу, что здесь две стороны: одна сторона православная, другая неправославная, и бьют друг дружку, этот к себе тянет, а тот к себе, вот и дерутся. Я православный, они же меня называют коммунистом, хотя я и не коммунист, а всем скажу, что по закону должны поступать.

Ласкеев. Я был помощником начальника милиции уезда. После убийства в Талдане, всем известно, что я выехал туда,

по приезде пришлось посетить труп священника в квартире церковного старосты. Мною было обнаружено, что целью убийства не был грабеж, так как такое убийство ясно указывало, что нанесены тут раны чисто террористически — восемь ран. Было неприятно смотреть на этот труп. Местные граждане тоже видели. Действительно, выяснилось, что священник служил в воскресенье, по совершении службы читал проповедь и там высказывался против существующей власти. Вечером, по рассказам граждан, священник вышел гулять, а между тем партия собралась для обсуждения дела. Священник же говорил: надо уезжать мне, узнавал, когда скорый поезд будет. По прибытии поезда в это время совершилось убийство. Как выяснилось, оно было совершено холодным оружием, финскими двумя ножами. Это в конце концов разъяснится. Со стороны партии принимаются меры, чтобы не было террора, и будут приняты меры на случай дальнейших репрессий, и теперь всякие репрессии будут подавлены. Кто может сказать, что я действовал неправильно?

К а л и н и н. Значит, я могу обещать, что дело будет расследовано до конца? Кто бы не убил, для меня ясно: убить мог контр-революционер или коммунист-дурак.

Г о л о с а. Или легкомысленный.

К а л и н и н. Такой коммунист—обыкновенный бандит. Мне же кажется, что контр-революционер (голоса: «Справедливо») для того, чтобы посеять вражду. При народе делаю замечание комсомольцам и коммунистической ячейке—не их обязанность арестовывать священника, не дело союза молодежи. Ваша обязанность была написать заявление в местную милицию. Коммунисты не должны в административные функции лезть. Мальчик 15-ти лет—он лезет во власть! Они обязаны выйти поспорить, кто кого побьет на честном собрании; от коммуниста требуется особенное честное отношение ко всему (голос: «Правильно»). Поэтому общая линия власти неправильная, неверная. Так не годится. Какое геройство попа арестовать! Всякая баба арестует. Если бы вы при Колчаке арестовали, это было бы храбрым делом, а сейчас в этом храбрости нет. Необходимо это себе зарубить на носу. Озорства не должно быть и мы его не потерпим. Сама коммунистическая партия и секретарь взяли неверную линию направления. Это деление на православных и не-православных, что это такое? Это доказывает, что политика неверна, коммунисты против православных не идут. Как мы можем итти, когда мать у меня православная, а я не-православный? Это

вопрос веры, но не вопрос борьбы. Очевидно, местные власти взяли неверную политику и обострили отношение, а это не должно быть. Конечно, нельзя оставить тов. Новгородова, при самой его честности, я не знаю, честен он или нет,—оставить его нельзя (голос: «Спасибо»). Человек, который служил семь месяцев, служил у наших врагов, конечно, он может быть теперь и честный коммунист, но его нельзя ставить там, где все его знают, всегда ему скажут, что он перешел из-за материальных средств. Он может в другом месте служить, где его не знают, что он служил при Колчаке,—сменить его нужно. Секретарь, видно тоже человек резкий. Конечно, налоги большие и раздражать крестьян нельзя. Иначе чем мы будем лучше колчаковской власти? Надо уметь использовать и кулака, заставить его служить и местной власти. Коммунисты указывают путь, а Советскую власть Мишенковы строят! *(Аплодисменты.)* Ячейка—как сливки, а весь народ—молоко. Ячейка, вместо того чтобы собрать общее собрание и обсудить дело убийства попа, она как будто бы замазывает это дело; это величайшая ошибка, нетерпимая ошибка. Это вредит коммунистической партии. Если бы убили белогвардейцы, то они должны бы были оставить записку, что убит коммунистами, это лучший способ дискредитировать партию. Это должно быть исправлено. Это ваша обязанность (обращается к Матвееву). Хотя я не заметил ни одного поступка, который бросал бы тень на Новгородова, однако там, где он служил Колчаку, он служить не может. Каждая женщина скажет ему, когда он будет требовать продналог: «Знаю тебя, ты служил ведь Колчаку» (голоса: «Правильно»).

Полицейскими мерами мы не можем управлять, а нужно так действовать, чтобы и налоги брать и остаться хорошим человеком, чтобы сказали: «А все-таки он хороший человек». Я допускаю, что Мишенков сильный, здоровый мужик и подход у него мужицкий и сила в нем и из его сыновей формируется армия крепкая (голоса: «Справедливо»), и этих Мишенковых, крокодилов здоровых, должны заставить работать, налаживать советское хозяйство. Конечно, здесь еще первичная обстановка. А Мишенковы—крепкий фундамент Советской власти. Нельзя Мишенкова коммунистом сделать, изменить его психологию, нельзя требовать от черной крови, чтобы она была белой, заставить верить, что бога нет, а есть природа. Надо брать от них то, что они могут дать.

Сначала в России в сельские советы были избраны коммунисты, а потом их начали забаллотировывать, а теперь снова появляются коммунисты, потому что они располагают большим количеством лучших людей. Это факт, не подлежащий сомнению. Конечно, в партии есть люди и воры и мошенники, а все-таки большинство состоит из здоровых людей и коммунистическая партия должна прислушиваться к голосу народа.

Потом я говорю, что секретарь хороший человек, это мое впечатление, у него только резкий подход к крестьянству, а крестьянина надо уметь гладить, чтобы он чувствовал, что власть ему сродни. Отец своего сына тоже жестоко дерет, когда сын маленький; когда сын большой и силы у него больше, то он может поколотить отца, однако, сын чувствует, что к нему подходит отец. Крестьяне должны чувствовать, что здесь не враги перед ними, а свой человек и если карает, то по необходимости.

Вот то небольшое количество слов, которые я считал необходимым здесь сказать, и я преднамеренно сказал ячейке перед всем народом, чтобы она чувствовала, что ошибается.

Вместо того чтобы прибегать к административным мерам, молодежь должна бы была выйти на общее собрание и спорить. Хотите, устройте собрание в воскресенье, во время обедни, только не мешайте службе, или после обедни, пригласите священника и докажите, чья религия лучше, и тогда у вас подход будет вполне коммунистический, а теперь на вас смотрят, как на власть, а к ней в большинстве случаев доверия не бывает и это надо запомнить.

Губайдулин. Я хотел бы узнать: будут ли у нас бумажные деньги в нашем районе?

Калинин. Конечно, бумажные деньги будут ходить, но не думаю, чтобы это было для вас так приятно, потому что они падают. Сейчас выпускаются червонцы, кредит государственными учреждениями. Червонцы в цене не падают, но это монета государственного банка. Государственный банк, предположим, имеет в своих хранилищах 10 миллионов рублей золотом, но он выпускает на 20 миллионов червонцев и на эти деньги делает операции.

А теперь позвольте пожелать вам всего хорошего.

БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ БЕССОНОВСКОЙ ВОЛОСТИ, ПЕНЗЕНСКОГО УЕЗДА, ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ, 10-го СЕНТЯБРЯ 1919 ГОДА.

(Волость находится в 10 верстах от города; население 15 000, на сходе присутствуют 700 человек.)

Сходку открывает председатель волисполкома т. Новиков.

Калинин. Я приехал к вам выслушать, узнать, как вы живете, может-быть есть противозаконие. Говорить общие речи я нахожу здесь лишним, это вам расскажут местные товарищи, а для меня самое важное узнать местные нужды и неприятности. Можете говорить все не стесняясь; что я приехал сюда — это исключительный случай и вам надо им воспользоваться.

Председатель волисполкома просит говорить крестьян по очереди и называть свои фамилии.

Мартов. К нам приезжали с Обуховского завода и заявляли, что может быть обмен продукта, а у нас его не допускают, я согласен отдать и норму, но и обмен должен быть допущен, у нас хлеба не хватает совсем и мы должны его менять на лук и картошку.

Калинин. У вас, значит, нет хлеба, а есть огородная овощь?

Мартов. Точно так.

Карпушкин. Граждане, о создавшемся положении нам говорить не приходится, потому что центральной власти это ближе, она лучше учла то положение, которое создалось на Руси, но нам нужно предложить центральной власти, чтобы она изучила, в какой местности какое положение. А то центральная власть на всю Россию отдает один приказ, одно распоряжение, и так как условия не одинаковые, то на местах создаются неблагоприятные положения. Нельзя же равнять всю Россию. И вот наша Бессоновка—это одно исключительное село по всей России, которое живет на своем несчастном клочке земли, и ниоткуда ни одного аршина прибавки к этой земле мы получить не можем.

И мы должны сейчас известить председателя ВЦИК, чтобы он постарался произвести социализацию земли скорейшим образом, потому что если он этого не сделает, то наше 15 000 население обречено на смерть. Мы на своем клочке нынешний год получили урожая по 4 пуда на едока. И я прошу от лица всех граждан, чтобы скорее социализировать землю и произвести расселение. Надо иметь в виду, что Бессоновка занимается огородничеством и ей нужно непременно клочок культурной земли.

Дальше продовольственный вопрос, он у нас стоит на уровне с Москвой. Хлеба своего нет и мы от рождения кормились на обмен лука с Саратовской губ., — теперь же по издании хлебной монополии мы не имеем права на этот обмен, мы возим лук, но у нас по дороге его отбирают, а если успеем обменять, то на обратном пути хлеб отбирают. Мы говорим, чтобы власть позаботилась, чтобы мы были обеспечены хлебом и чтобы получить хлеб не только для людей, но и для скота. Если бы только центральная власть знала, как мы здесь водим скот. Они скажут, что коровы ходят на пастбище, но это пастбище на 10 верст, и если бы корова умела говорить, то, придя из этого пастбища, она прямо бы сказала: я была на каторге. А насчет лошадей и того хуже. Лошадь мы никоим образом не можем отвести на пастбище, потому что, работая весь день, она и не пойдет за эти 10 верст, и мне нужен хлеб, чтобы ее кормить. А у меня карточки: ржаной соломы 120 снопов на два едока, и хватит всего этого на месяц. И что же я должен делать как не продавать картошку и лук и покупать хлеб? И я просил бы, чтобы власть как-нибудь постаралась насчет Бессоновских крестьян.

Еманов. Мне интересно, было бы слышать от тов. Калинина, в каком духе могут производиться скотские наряды. Декрет есть: 10% крупного и 30% мелкого, и вот этот скот распределен неправильно. Мелкий еще собирать возможно, а крупный — что же, возьмут последнюю корову, мужик разорен и никакой замены нельзя произвести.

Коршунов. Я, конечно, много говорить не смогу, а буду толковать все о том же луке и огородничестве. Я хочу сказать, как мы добываем хлеб, мы должны сказать это власти открыто. Я буду говорить напрямик. Тов. Карпушкин выяснил ясно, что хлеба у нас нет и я теперь хочу выяснить тов. Калинину, как и чем мы живем, как добываем хлеб.

Летошний год не знаю сколько было назначено по распределению, но нам по норме хлеба не дали, и мы, я должен ска-

зать откровенно, достали этот хлеб окольными путями. Просуществовать картошкой и луком мы, конечно, не можем, и удовлетворить нас в первую очередь власть тоже не может, потому что у власти есть на первой очереди Красная армия, да и потом не одно село Бессоновка. Я хотел бы, чтобы и все граждане сказали, что вот действительно эти окольные пути, которыми мы добываем хлеб, неправильны и чтобы нам разрешили делать товарообмен. Я прямо расскажу, как мы это делаем; едем мы в другие села с огородническими предметами: луком и картошкой и обмениваем на хлеб. Ведется это уже сотни лет. Приезжаешь в село и начинаешь менять. Кто берет чашку, кто фунт, кто два, а некоторые ведрами и таким образом объедешь много окружающих сел, и те имеют лук, а наши 15 000 тоже сыты. И те товарищи, которые взяли чашку луку и дали нам взамен хлеба, они не оскудели, а Бессоновка стала сыта. И вот, если бы нам центральная власть это разрешила, то Бессоновка была бы совсем удовлетворена. И потом, если бы центральная власть нам это разрешила, то ей не пришлось бы заботиться о том, чтобы привозить для нас несколько вагонов хлеба, мы бы достали его сами и не сделали бы никакого подрыва, потому что мы не брали бы из запасов, а брали бы от граждан, которые охотно давали бы свою норму на чашку лука. И нам бы было хорошо и для Советской власти было бы благополучно. И мы бы были очень благодарны Советской власти. Если бы центральная власть знала, в каком положении мы находимся, то она вошла бы в это положение и помогала, а то ведь у нас сейчас как? Едет гражданин, у него раз все отобрали; едет второй — тоже отобрали; едет третий — опять отобрали, и он нищим становится, он разорен, но он все-таки едет и будет ездить до тех пор, пока с голоду не подохнет или хлеба не достанет. Я вот тоже ездил недавно из Петровска и вез всего $1^1/_2$ пуда овса и $^1/_2$ пуда ржи (нам обменять не дали). И встретился мне на поле коммунист (это он так себя именует). Встретили нас 7 человек — это после села Князевки, Саратовской губ. Мы говорим — у нас буквально ничего нет. Оно так и было: мы возили в Петровск лук, но нам его не разрешили обменять и пришлось взять деньгами, и мы ехали совсем порожние, везли только на корм лошадям. И вот, значит, встречают нас эти пьяные коммунисты. Что, говорят, у вас есть?.. Мы говорим — ничего нет. Начинают обыскивать и находят по 2 пуда овса и говорят — не имеете права возить, мы у вас

реквизируем. Мы говорим: а чем же лошадей кормить? Они говорят: из Саратовской губ. мы можем выпустить только 10 сухарей. Мы говорим — ладно, поедем... А они вынимают револьвер и начинают стрелять, оно хотя и в воздух, а все-таки гражданам, людям безоружным, неприятно — думаем, могут и в лошадь попасть. Да и лошадь бьется. Он два раза выстрелил и говорит: «Вы думаете, что у меня все патроны? Нет, у меня еще есть». Я тогда говорю, что это подрыв власти (а он ведь председатель Князевского исполкома). А он кричит, что сейчас застрелю и уже товарищи на коленках стали просить, чтобы он помиловал. Это позор, товарищи.

Голос из толпы. Это правильно, правильно.

Калинин. Это что, Петровского уезда, Князевской волости?

Коршунов. Да. Петровского уезда.

Усов. Граждане, я могу дать те мотивы, которые могут благоприятствовать нашему товарообмену.

Насколько мне известно, реализация урожая уже началась и я думаю, что центральной власти это известно, в каком порядке должна проходить эта реализация. И я думаю, что наш товарообмен, так же как обменивали раньше, нисколько не повредит этой реализации, так как центральная власть строго установила и возьмет те излишки, которые нужно взять. Согласно закона остается норма для крестьянина и, когда мы ездим, то каждый гражданин обменивает исключительно из своей нормы. И я укажу, что огородничество имеет большое значение для жизни и, если воспретят товарообмен, то граждане, которые могли бы иметь чашку луку, они от Советской власти этой чашки не получат, потому что она не сможет так удовлетворить деревню, как удовлетворяем мы. Сейчас огородничество разрушено почти во всей России. И у нас только благодаря привычке и культуре крестьяне остались верны своим занятиям. И я могу сказать, что после революции огородничество не только не ухудшилось, но улучшилось.

Потом я еще должен указать центральной власти на несправедливость: когда я был уполномочен от исполкома в город для сделки цен, то мне пришлось встретиться с т. Петровым, которому я дал вопрос относительно соли, и т. Петров сказал, что соли есть у нас 10 000 пудов, но вам не попадет, потому что мы отпускаем только организациям,—и вот мы не понимаем этой несправедливости, почему организации могут заготовлять себе продукты, а крестьяне не имеют возможности.

Потом, тов. Калинин, не знаю, как это считать, упущением или еще что-нибудь, но только нам до настоящего времени не отпустили дров: весной дали только на 250 семей, а вы сами знаете, что дрова готовятся весной, а если заготовлять осенью, то их пойдет больше. Да еще у нас совсем неизвестно, дадут нам эти дрова или нет.

К а л и н и н. Мне кажется, что самое лучшее, что у вас есть, — старая работа, ценная работа, с которой центральная власть безусловно будет считаться. И я думаю, чтобы выйти из этого тупика, вам надо будет принять государственный наряд. Теперь в Москве ненормированными продуктами заведывает очень разумный человек и если бы вы к нему поехали и взялись поставить для государства лук, картофель, огурцы и доставить их туда, куда скажут, то тогда, несомненно, с вами будут считаться как с организацией. А если будете делать по отдельности, то, конечно, ничего не получится. Ничего бы не стоило, конечно, правительству дать вам разрешение поехать в Саратовскую губернию для обмена хлеба, но разрешишь вам, а под вашей фирмой поедут и многие другие. Вот в Пензенской губ. до пасхи хлеб был сто рублей пуд, а как разрешили ездить организациям, то он сразу стал 800 р. пуд, и фабричные говорят — давайте нам другую губернию. Вот в Самарскую губ. никого не пускали и там идет ссыпка, а попробуй пустить туда — что будет?

И вам я предлагаю сделать — именно взять в подряд. Вы люди опытные, а главный заведывающий в Москве тоже человек опытный. Он наверное пойдет на соглашение с вами, даст денег через местный компрод, а вы возьмитесь за все так, чтобы никто вам не мешал. Вы должны будете сами приготовить больше, делать солку и т. д. Я, со своей стороны, вам посодействую, но вам придется выбрать ответственных лиц, которые дадут обязательства, что вы доставите для государства то-то и то-то, а вам взамен дадут хлеба, соли и др. продуктов. В общем вы будете как поставщики государства и у вас тогда никто реквизировать не будет. Если вы будете доставлять в армию, то вам армия многим будет содействовать.

Вот вы выберитесь, приезжайте в Москву, приходите ко мне, а я тогда сведу вас с этим заведывающим и вы тогда сговоритесь, сколько вы сможете давать, а вам тоже будут давать, потому что вы тогда будете в роде военной фабрики, а как военная фабрика—всегда лишнего дадут. В общем вы в обиде,

конечно, не будете: вы знаете, сколько вы можете дать для государства, чтобы для вас самих это было безболезненно. По-моему, у вас слишком ценная деревня и для государственной власти это была бы просто находка. Но только, если вы сами не возьметесь за это дело, то придут чиновники, которые и вам навредят и товар сгноят. Я уверен, что вы в убытке не будете. Когда вы будете поставлять товар, у вас будут связи с Москвой и вы и мануфактуру всегда получите скорее.

Крестьянин. Это что же, коммуна будет?

Калинин. Тут дело не в коммуне. Вы выберете одного или нескольких ответственными хозяевами и пусть они поручатся, что деревня может поставлять столько-то овощей. Вот в Моршанском уезде приехали стекольщики и сами пустили завод и уже наработали 200 000 фляжек солдатских, и невольно Продком и все за ним ухаживают—и продовольствие и все дают в первую очередь.

Усов. Товарищи, внимание на минутку. Вот я слышал, что т. Калинин сказал, что мы не имеем организации, что значит наши продукты идут неизвестно куда. А мне кажется, что давно известно и в Петрограде и в Москве, что из Бессоновки получается сушеная свекла, морковь. У нас есть сушильные заводы, на которые огородники ежегодно привозят овощи. Разве это не организация, разве не известно в центре, что Бессоновка все эти продукты сдает исключительно центру?

Но я приветствую и слова т. Калинина, чтобы нам сделаться организованными, чтобы наши продукты не расходились по разным Петрокомпродам, губпродкомам, а шли прямо в центр. Хорошо было бы, если бы мы смогли так устроиться, что через кооперативное о-во по нарядам выпускать товары.

Калинин. Относительно сдачи скота я должен сказать, что в разных местах делается по-разному. Был я в волостях, в которых крестьяне говорили: берите у кого угодно, и брали у первого попавшегося крестьянина и разоряли его; а был я и в таких волостях, где крестьяне говорили, что мы вам корову отдадим сами, и вот они собирают деньги и платят тому крестьянину, у которого взяли. А в некоторых местах просто брали корову и покупали на общие средства крестьянину, у которого отобрали. В разных местах делают по-разному, а если у меня спросят, ладно ли делают или нет, то я говорю — все ладно, все законно, только скотину давайте. А в одном уезде и так было, что губпродком обзавелся дегтярным заводом и высо-

кую цену поставил, а когда реквизировался скот, то крестьянин тоже платил по вольным ценам. Нас заставляет брать эту скотину необходимость, нам хотя два раза в неделю нужно кормить раненых красноармейцев. Вы знаете, что у нас в больницах лежат тысячи тифозных.

Крестьянин. А вот у нас, тов. Калинин, когда реквизируют скот, то не позволяют ставить корову, а берут у кого хотят и берут последнюю. А когда мы хотели откупить корову, так они про нас сказали, что сукины дети: у них денег много.

Калинин. Я скажу губпродкому, чтобы он не вмешивался в крестьянские дела, а вы вот, чтобы в ваши дела никто не вмешивался, вы будете поставщиками, агентами своего товара. А то приедут разные компроды, Петрокомпроды, Иванокомпроды, товары у вас отберут и у нас капусту сгноят, и мы из тухлой капусты щи будем есть, А вы возьмите все на себя. Я прямо говорю, что я чувствую, что из вас будут хорошие люди — вы будете у нас учителями, а теперь Советская власть очень нуждается в учителях крестьян и рабочих. А я уверен, что если вы дело свое здесь наладите, то без сомнения и хлеб у вас будет. К нам 15 телеграмм каждый день идет, отдаем мы тем, кто больше работает, кто старается больше наладить свое хозяйство. Я прямо говорю, что положение у нас тяжелое. Когда взяли власть, то было совсем плохо, а теперь оно понемногу улучшается, и я думаю, что когда мы наладим, то мы не только от крестьян не будем требовать 10%, а напротив, сами будем крестьянам давать, потому что я сам хозяин и отлично понимаю, как тяжело теперь отдать последнюю лошадь, но и у меня положение таково, что я предпочитаю спасти жизнь ста красноармейцев, чем оставить у крестьян 100 коров. А пока, товарищи, желаю вам всего хорошего; думаю, что общими силами как-нибудь жизнь наладим.

БЕСЕДА
В ТАМЬЯНО-КАТАЙСКОМ КАНТОНЕ, КАТАЙСКОЙ ВОЛ., ДЕР. СЕРМЕНЕВО, В ДЕКАБРЕ 1922 ГОДА.

Казиргалин. Вообще я описывать не буду о последствиях голода, но в общем коснусь вопроса настоящего положения, в чем именно трудно в настоящее время населению.

Обременительно подействовал продналог, но больше половины его выполнено и главным является вопрос о взимании ссуды. У нас здесь, в Катайской вол., урожая не было и население совершенно не в состоянии уплатить, потому что до кондиционного качества зерну не дойти. Здесь граждане Катайской волости занимались скотоводством, но с наступлением голода и разрухи скотоводчество окончательно пришло в упадок; которые исключительно занимались скотоводством, у тех настоящего промысла теперь нет. Приходится заниматься хлебопашеством, и вот неурожай многих погубил. Граждане, чтобы уплатить ссуду, должны продавать коров, лошадей, дом и в конце концов они должны разориться и сельское хозяйство будет падать до нищенской степени.

Очень тяжело в дровяном и лесном положении. Слишком высоки таксы на получение дров. Богачей у нас нет, большая часть бедняки, они не в состоянии купить по той таксе, которая установлена здесь. Поэтому многие, не имея ни лошади, ни дров, с наступлением зимних морозов, страдают и начинают болеть от простуды, так как одежда окончательно износилась.

Народное просвещение стоит на самой нищенской ступени. В настоящее время мы, можно сказать, при одной школе. В ней нет ни парт, ни классной доски, — буквально ничего. Насчет учебников говорить не приходится, учебных пособий нет, а школьное здание не отремонтировано, благодаря чему часто происходят заболевания детей. На отопление достать дров неоткуда. Граждане своими средствами не могут снабдить лошадьми, потому что половина без лошадей, и надеяться на местные средства не приходится в виду критического положения самого населения. В настоящее время в школе нет стекол. Неоднократно приходилось обращаться в отдел народного образования.

Не имея заработка и не имея лошади и урожая, в настоящее время уже многие из населения голодают; немало беспризорных детей, а также и калек, которые не знают, куда и к кому обратиться.

Калинин. Сколько населения у вас в деревне Серменево?

Голос. 1860.

Калинин. Сколько было до голода?

Голос. Да третьей части не осталось.

Калинин. У вас, значит, земли много оказалось; наследство осталось после смерти хозяев?

Казиргалин. Земля, конечно, осталась, а имущества никакого нет, потому что сначала съели скотину, а затем все остальное, даже своих детей ели — было людоедство.

Калинин. Есть ли уехавшие во время голода?

Голос. Таких нет.

Калинин. Сколько лошадей в Серменеве и чем занимались зимой?

Кизиргалин. Лошадей у нас не больше 30-ти. Раньше занимались зимой лесным промыслом, имели лошадиную силу, рубили дрова, возили уголь на завод, каменную руду и т. д. Теперь все граждане этой работы лишены в виду того, что нет лошадей. Вторая причина — лесная стража не позволяет самовольно рубить. В виду этого сокращены заработки и питание. Кроме того есть жители, живущие среди гор и леса. Зимой выехать в деревню они не могут. С одной стороны, нет лошадей, а с другой — сугробы мешают.

Калинин. Сколько с вас берут за дрова?

Голос. Сейчас стоит кубическая сажень сосновых дров 4 р. 40 к. — такса 14-года применена. Сухостойник — 2 р. 20 к. куб. Бесплатно отпускается погорельцам, инвалидам, состоящим на обеспечении страховой кассы. Безлошадным только по удостоверению исполкома отпускается. Особенно если человек нетрудоспособен, тогда отпускают бесплатно. Для учреждений, как школа, исполком отпускает за плату. Для учреждений на 30% дешевле. Лес продается без торгов и скидка от 25 — 70%, такса 14-го года.

Калинин. Как вы думаете, поправляется ли деревня или слабо поправляется?

Казиргалин. В общем стала поправляться.

Калинин. Что надо делать, по-вашему, чтобы поправилась?

Голоса. Усилить сельское хозяйство, необходим скот, орудия и лошади. Раз лошадиной силы нет, значит и земли нет. Сами ее обрабатывать мы не в состоянии.

Калинин. Сколько стоит сейчас пуд хлеба?

Голоса. 700 — 800 руб., это ржаная мука стоит, а белая 1 200. Конечно, цена еженедельно поднимается. По-старому это будет копеек 70 — 80, а раньше она стоила 60 — 70 коп. За

помол берут 4 фунта с пуда. Это очень тяжело для населения. Раньше брали 2 фунта с пуда.

Калинин. Теперь, пожалуй, дешевле не смелют, теперь камень дороже стоит, труд дорого стоит, аренда также.

Как вы обрабатываете землю, у кого лошади нет, где ее берете?

Голос. Обыкновенно мы составляем компанию, артель, и таким образом обрабатываем землю. Обыкновенно мы землю два раза пашем, путем конной силы. Конечно, орудия необходимы, иначе сельское хозяйство падает. Навоз кладем, но теперь сил не хватает удабривать.

Калинин. Сколько у вас на среднего крестьянина засеяно?

Голоса. Раньше по 30 — 40 дес. сеяли, а теперь на среднего хозяина приходится от 1 — 3 дес. самое большее.

Калинин. В настоящем году самый большой крестьянин сколько засеял?

Голос. Самое большое засеяли 3 десятины.

Калинин. Значит, у вас поле стоит незасеянным. Как озимые посеяли, больше прошлого года или нет?

Голоса. Посев озимого средний, несколько меньше прошлого года, потому что не имели семян. Сегодня нам не давали семян. У кого имелись семена, тот и посеял.

Калинин. Сколько должны семенной ссуды?

Голоса. В среднем от 5-ти до 15 пудов.

Калинин. Значит вы настаиваете, чтобы ссуду отложить без наложения пени до следующего урожая?

Голоса. У нас большая просьба, если возможно поддержать яровыми семенами, — без государственной поддержки не справимся.

Калинин. Что вы здесь сеете?

Голоса. У нас идет овес, ячмень, гречиха, а на просо надеяться нельзя. Картошка тоже ничего идет и раньше ее садили. Главная беда сегодня — картошка гниет и граждане не надеются даже оставить на семена. Очевидно, от мокроты.

Калинин. По-моему, ссуду нужно отложить только тем, кто является небогатым, а кто состоятельный, тот должен платить.

Голоса. Богатых нет у нас. Их нельзя назвать состоятельными.

Калинин. Вот, напр., у вашего председателя дом хороший, жена старательная...

Голоса. С взиманием ссуды многие вымрут весной, а просили бы окончательно снять, если возможно.

Калинин. Это пока еще невозможно. Конечно, разговор идет не о том, чтобы вас разорять, а о том, чтобы то, что имеете, и еще 5 — 10 миллионов распределить между всеми. Вообще помочь всем не в силах государство. Надо, товарищи, прямо сказать: помочь всем не в силах правительство.

Голоса. Мы просим отложить, отсрочить.

Калинин. Раньше должно-быть вы хорошо жили. Ведь места у вас хорошие. Сколько у вас пахоты по грубому подсчету?

Голос. Десятин по 10 — 15 в среднем на одного хозяина, на дом.

Калинин. Сколько сена скосили?

Голоса. Пудов 100, пожалуй, не больше.

Калинин. Это не может быть, потому что пара лошадей съедает уже 300 пудов. Вероятно, скосили пудов 400 — 500?

Голоса. Действительно, в среднем так будет.

Калинин. У вас арендовал кто землю?

Голос. Брало заводоуправление, и сейчас берут частями.

Калинин. Предположим, если была у вас бедная башкирка, напр. Быть-может у нее земля есть, лошади нет, земля голая ходит. Вы разрешаете ей сдать свою землю за деньги? Разрешает общество или нет, ибо по закону это разрешается.

Голоса. Сдают, у нас нет такого запрещения.

Калинин. Значит, вы смотрите правильно на это. Значит, у вас здесь школа учится плохо.

Крестьянин. Я хотел описать школьное здание. Ремонт не произведен, стекол нету, нет учебников. Из-за учебников большой недостаток. Те учебники, которые выслали, те за плату, и дети беднейших граждан не в состоянии купить по курсу дня, и книжки лежат. Отопления тоже нет.

Калинин. Ну, это вы сами виноваты. Чтобы вам не отопить школу, это смешно. Простым мусором могли бы натопить.

Голоса. Власть запрещает. Мы не в состоянии дров привезти, потому что слишком дорого стоит провоз.

Калинин. Тогда вы имеете право мусор обобрать. Лесничий всегда найдет возможным оправдать себя. Нужно только сговориться. Чтобы лесничий не нашел возможным бесплатно отпустить лес, в особенности валежник — это я не поверю.

Голос. Мы несколько раз обращались, и ничего не получили. Правда, отбросы есть во всяком лесу, напр. валежник, он гниет и его бы нужно, для предохранения от пожара, очищать. И все-таки не разрешают.

Калинин. А вот вы церковь отопляете?

Голоса. В неделю раз топим.

Калинин. И муллу содержите, и у нас содержат попа.

Голос. Здесь была бесплатная служба, конечно, есть кое-какие пожертвования.

Калинин. Ну что вы, смеетесь, что ли? Ведь он не может жить без денег, откуда-то должен получать, чтобы жить. У нас, напр., русские крестьяне отобрали все земли поповские. Теперь поп приходит к крестьянину и говорит: давай землю, иначе брошу церковь. Я не против того, чтобы вы молились, но подумать о школе вы должны, она также необходима для будущего ваших детей. Об этом вы должны подумать.

Голоса. Пожалуйста, научите, как это подумать.

Калинин. По закону школу сами должны содержать. Школьное здание должно содержать само общество. Конечно, власть может-быть пришлет когда-нибудь помощь, но ведь денег и средств у нас тоже нет. Ведь чтобы помочь, я не могу просто из кармана вынуть, а должен откуда-то взять. У самой власти денег нет.

Голос. У нас ничего не осталось, обращаемся к гражданам с ремонтом школы, но они выносят постановление, что сами не в состоянии. И в результате все это остается ни с чем.

Калинин. Надо как-нибудь налаживать, а так еще хуже будет. Ребята останутся неграмотными, будут пьянствовать, безобразничать.

Голос. Если будем последний пуд отдавать на продналог, то нам самим жить нечем будем.

Калинин. Половину ссуды мы отложили. Конечно, придется, вероятно, и еще отложить. Я вам вполне верю, что разорение 21-го года в пять лет не поднимешь.

Казпргалин. Я хочу сказать, что уж очень урожай плох и сейчас многие голодают. Как после нового года станут жить, не знаю. Теперь и скотины нет, есть нечего. Весной половина населения будет голодать и начнет вымирать. Запасов ни у кого нет. Граждане говорят, что не в состоянии не только школе помогать, но и себя кормить. Так что граждане ничего не могут сделать.

Голоса. Убедительно просим ссуду отложить.

Казиргалин. Хлеба теперь нет, скотины нет и не на что надеяться. Сейчас продналог кое-как половина населения уплатила.

Калинин. По какому разряду платили продналог? Продналог ничего, не страшен был бы, если бы урожай был средний.

Голоса. По третьему разряду.

Калинин. Что же вы думаете зимой делать?

Голос. Зимой обыкновенно заводские работы работали, большею частью на лошадях, а теперь пешие. Поэтому делать совершенно нечего. Немножко тут помогала железная дорога, а в настоящее время и тут дела мало. Кроме того нет обуви. Вот зима наступила, и сидим совершенно без одежи. Последние силы тянем.

Калинин. Надо поддерживать друг друга. Годика два проживем — будет лучше. У нас и теперь стало лучше, некоторые места совершенно излечились. У вас, кроме того, завод под боком, а завод много значит, есть где яйцо продать и на эти деньги хотя бы горсть соли купить. Конечно, без завода вам плохо.

Голос. Без завода можно бы жить,— была бы скотина. Если в Катайской волости помощи не будет, пожалуй, к июлю месяцу половина перемрет.

Калинин. Ничего, проживете, теперь не дадим умереть.

Голос. Просим, главное, ссудой не беспокоить, лишнего не станем просить. Теперь страшное у нас назади.

Голос. Особо страшное, конечно, миновало, но до сумы нельзя допускать, нищенствовать нам уже надоело. Не надо этого допускать.

Калинин. Конечно, теперь надо так сделать, чтобы лучше жилось.

Голос. Чтобы самому было хорошо и другому ладно; поэтому и просим поднять нас на ноги.

Калинин. . . . . *)

---

*) Конец записи беседы в архивах не сохранился. Ред.

СХОДКА В СЕЛЕ ВЯЗОВАЯ-ГАЙ, ПУГАЧЕВСКОГО УЕЗДА, САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ, 16-го АВГУСТА 1921 ГОДА.

Председатель волисполкома Головин. Так вот, граждане, приехал к нам всероссийский староста тов. Калинин уяснить вам кое-что.

Калинин. Я хочу, чтобы вы мне доложили.

Головин. В нашей местности страшный голод и масса людей от недоедания помирает. Надежды к посеву никакой нет, кроме поддержки вашей правительственной. Весь народ страшно голодает.

Калинин. У вас не ездили закупать спекулятивно?

Головин. Ездили, но ничего не привезли; ездили в Петропавловский уезд в Сибирь с неделю назад 5 человек по разрешению от нашей волости, и они привезли только для себя.

Калинин. А на что они покупали?

Голос с места. На деньги и товары: платье, рубашки, юбки, сапоги, брюки и т. д. Урожай у них есть старый, но только туго продают и кроме того там отбирают отряды. У меня двоюродный брат в Петропавловском уезде 25 пудов закупил и перепродал снова, потому что невозможно везти.

Калинин. Да, из Сибири нельзя было вывозить, но сейчас, кажется, можно.

Голос с места. Но там страшная дороговизна и может купить только тот, кому сродники доверили какие-нибудь платья, потому что лишней одежды у наших граждан нет. У кого есть, тот и обходится хлебом. Поэтому совершенно мало привезли, на 7 000 населения разве семь человек управятся? Поэтому надежда у нас плохая, если этот месяц протянем и следующий; даже в настоящее время умирают с голода. Все кости пообъедали, все деревья, колосья собирали, некоторые уехали собирать вниз по Волге, верст за 200 — 300.

Калинин. Я приехал от центрального правительства проверить величину голода, затем, чем можно, помочь. Я должен вам сказать, что голод захватил изрядную часть России, приблизительно 12 губерний голодают.

Голос с мест. Батюшки!

Калинин. Самые хлебные губернии: Самарская, Саратовская, Коммуна Немцев Поволожья, Царицынская, Астраханская, Уфимская, Оренбургская, а затем в целом ряде губерний есть средний урожай, немного ниже среднего, и только по окраинам на западе и в таких как Гомельская, Витебская, Смоленская — там хороший урожай, но в этих губерниях больше картофель сеют. Затем большой урожай в Киевской, Подольской и Волынской губерниях, но там слаба Советская власть, там вряд ли удастся много взять. В западной части Украины Махновщина, а та часть Украины, где Советская власть крепка, там урожай не важен (Херсонская губ.). Затем на севере хороший урожай: в Тульской, Тамбовской, Пензенской. Одним словом, если с юга протянуть к северу, то верст 1 000 неурожая, а с запада на восток — верст 600. Поэтому на лошади трудно ехать. Они как ни трудятся, но все равно, что в глухом лесу человек запутается. Например, неурожай в прошлом году охватил 5 губерний, но он был в различных местах и поэтому он не имел такого значения. Несколько уездов Тульской губ. были неурожайными, и в Царицынской губ. В нынешнем году эти 5 губерний засеяли полностью. В этом году часть из них перешла в урожайные губернии, как Тульская и Орловская губ., а Царицынская — там снова все пропало. Эта небольшая губерния по Волге. Но теперь туда присоединили три уезда области Войска Донского и Верхне-Донецкий округ. Так что в общем, если учитывать по прошлогоднему состоянию, то положение сейчас близко к той же картине. В прошлом году был везде плохой урожай, но все-таки был, а в нынешнем году в одном месте хороший, а в других полный неурожай. Поэтому положение сравнительно трудное. Теперь снабдить продовольствием требует огромного количества хлеба, и везти далеко. Теперь в Сибири возьмите Петропавловский уезд Омской губ., там урожай плохой, может-быть у них урожай такой, какой был в прошлом году у вас, и только одна губерния с хорошим урожаем, это так называемая Алтайская губ., и мы думаем оттуда миллионов 20 взять. В прошлом году взяли миллионов 35. В нынешнем году колоссальнейший урожай. Эта

губерния больше Самарской губ. и по количеству земли и по доброте земли.

Так вот, товарищи, надо выкручиваться из этого положения. Я думаю, что правительство кой-что поможет. Не знаю, сколько мы успеем озимых семян доставить. Всего на Самарскую губернию нашими властями предъявлено на 6 миллионов пудов, но я думаю, около миллиона пудов привезти сумеем. Это будет $^1/_{10}$ часть того, что надо. Яровых семян больше привезем; озимые есть, но мы не успеем доставить, вероятно, у нас запасных семян нигде нет, надо взять, обмолотить, собрать, а вы сами знаете по себе, кто не голодает? Надо приехать, напоминать, подтолкнуть — вы сами знаете, но все-таки, я думаю, около миллиона пудов дадут, в особенности в неурожайных местах близких Самаре. Я думаю, что к 15 сентября семена будут поступать. Теперь мы уже получили известие, что 30 вагонов идут с семенными материалами. Вот состояние какое, в сущности говоря, сейчас. Нельзя сказать, чтобы я вам обещал чересчур много, но все, что можно, все сделаем. Ведь у нас огромное количество ребятишек, в настоящий момент около 60 000 ребят взято в приюты, вероятно, к осени тысяч 100 будет. Их надо накормить. Одним словом, сыто не накормим, но так, чтобы человек не умер. Теперь предпринимаем вывозку из Самары. За десять дней вывезено тысяч 15. Это кажется большая цифра, но сосчитайте все население — это мелочь. Конечно, мы сейчас вывозим лишнее население — беженцы, и то Польша задерживает, не всех принимает, затем ремесленников, которые нуждаются. А затем переселенцам ехать зря — тоже погибель, поэтому лучше здесь как-нибудь.

С места. Тут тоже смерть.

Калинин. Да, если вы зарежете лошадь, то получите 15 пудов мяса и можете продержаться с травой и сеном.

С места. А если нет лошади?

Калинин. Товарищи, если лошади нет, коровы нет, жены нет, то незачем сидеть. Я говорю, товарищи, о большинстве населения, я не сомневаюсь—много людей перемрет. Все зависит от умения, надо и голод уметь побороть.

С места. Все помрем.

Калинин. Вопрос во времени, когда помрем. Нам желательно, чтобы люди не умирали. Ведь в Самарской губ. населения 3 миллиона и чем больше сохранится, тем лучше, но часть людей, конечно, перемрет. Ведь у вас сегодня умер чело-

век от голода — это лучший пример, но тут надо самим предпринять все усилия. Власть, конечно, будет делать все, что может.

С м е с т. Власть сумела взять, а дать не умеет.

К а л и н и н. Семена идут, но не так скоро. Теперь говорят: власть сумела взять. Власть всегда больше берет, чем дает, власти надо прокормить войска, наконец, мы сейчас берем от людей в урожайных районах для того, чтобы вам привезти, потом мы много не взяли хлеба. По существу говоря, очень небольшую часть. Я знаю, сколько дала Самарская губерния за эти два года, очень небольшое число. В 19 году немножко дали, а теперь уже три месяца возим в Самарскую губ., разумеется, не в деревню, а в город. Надо вспомнить 60 тысяч детей, надо их кормить. У вас полей сколько засеяно, $^1/_{10}$ часть? Вероятно, в первый год войны было засеяно процентов 90, во втором году меньше, а в 3-м и 4-м еще меньше. Тут отчасти и мы виноваты, потому что крестьянство не испытывало голода здесь, оно только полгода тому назад начало испытывать, а у нас начали голод испытывать еще в 16 году; поэтому у нас приспособились бороться, у нас нигде не было слов, что мы для Советской власти не будем запахивать, этого у нас не услышишь. А у вас, когда я был в 19 году, я слышал: на чорта мы будем пахать, паши—не паши, все равно возьмут, а пришло время—надо давать. И если бы мы ни одного пуда в 19 году не взяли, вы что же представляете, что вы сейчас не голодали бы? Великолепно голодали бы. Ну, конечно, может-быть 5 человек не голодали на всю деревню, а остальные голодали бы также.

С м е с т а. Нет, мы бы не все голодали, друг по дружке были бы сыты.

К а л и н и н. Я ведь знаю, как в 11 году вы друг по дружке жили. Я знаю, как умирали в 91 году, старики наверно помнят, сколько людей умерло.

С м е с т а. Это от холеры.

К а л и н и н. Оно всегда так: как голод, так и холера, как и тиф, так и война.

(Шум.)

Одним словом я говорю, конечно, надо как-нибудь пережить. Правительство со своей стороны поможет то, что может. Я думаю, ярового даст побольше, чем озимого. Около миллиона пудов даст.

С м е с т а. Это как капля в море.

М. И. в деревне в 1924 г.

Калинин. Да, это сравнительно, как капля в море. Вам сколько требуется в Самарской губ., миллионов шесть на губернию?

С места. 3 600 000 пуд. должны везти, а остальное своими средствами.

Калинин. Ну, если мы везем одну третью часть этого, то это больше, чем можно ожидать. Вам больше с вашей скотиной не засеять, чем одну треть.

С места. Сейчас мы еще в состоянии посеять, но с осени совсем не засеем.

Калинин. Я сам сознаю это. Поэтому у нас все внимание направлено на то, чтобы озимые семена сюда доставить. Вопрос в том, что их надо привезти, надо собрать. Время идет. Во всяком случае надо пахать, хотя не так много, но третью часть приготовить. Я думаю, что с будущей недели будет поступать хлеб, он уже идет.

Член президиума губисполкома. 25 000 пудов семян пришло.

Калинин. Так что вероятно с будущей недели начинают распределять семена, но я говорю, неурожай охватил колоссальную местность, буквально все лучшие губернии. Разумеется, эти губернии у нас особенно измучены даже теми же разверстками, потому что в прошлое время Украины у нас не было, Сибири не было. В 19 году чем мы должны были армию кормить? Украина была в руках Деникина, а Сибирь в руках Колчака. Если бы был урожай, то было бы ничего. Но я думаю, как-нибудь выкрутимся, не первый год выкручиваемся.

С места. Плохо.

Калинин. Я думаю, что вам отчасти не мешает испытать голод (с места: «Тяжело»). Потому что я был у вас в 19 году, вы ругались и говорили, что «вы дождетесь: вас бог накажет». А я говорил: вы не кричите о боге, вы сами поступаете безбожно. Они говорили: ну, нам всегда хватит. У меня скорее было бы желание, чтобы у вас в будущем году был урожай, но вышло иначе. Ну, ничего, это школа, надо ко всему привыкнуть. (Голос с места: «Очень суровая школа».) Если хлеб у вас есть, вам ничего не нужно, а вот голод наступил, увидели, что без помощи других не проживешь. Сегодня ты богат, а завтра ты нищий. Так и в деревне: сегодня деревня богата, а завтра неурожай. Разумеется, так положение оставаться дальше не может. Сейчас мы боремся с неурожаем для того, чтобы сохра-

нить жизни. Но надо иначе бороться с неурожайностью. Мы ведь видим, в 11 году люди вымирали, теперь люди вымирают, одним словом, как 11 лет, так и голод. Приходится с этим как-нибудь бороться. Это дело будущего. Я думаю, что когда люди переживут голод, они будут более приспособлены. Теперь говорят, у вас голод, но ведь голод обязывает обратно бороться.

С места. Все равно конец.

Калинин. Ну да, если опустить руки, тогда лучше утопиться в вашей речке.

С места. Так просто идешь, и руки у тебя опущены и не идут к этой работе.

Калинин. Я знаю, я в 18 году голодал. Чувство голода ощущал. Все как-то тебе есть хочется, спать ложишься, хочется есть; ребятишку любого спроси, только жрать хочет. Не беспокойтесь, великолепную школу голода пережили. Когда всякую дрянь ели, очистки картофеля, — все это было, все это испытано. Но опускаться нельзя. Это все равно, что в холодные дни, когда вы идете в метелицу, когда захватывает вьюга зимняя, у вас является желание лечь. Кто ложится, тот умирает, а кто идет, выбиваясь из сил, тот выживает. Я сам в Орловской губ. в степи в ночное время ехал и запутался. То же самое и с голодом: ложишься — и погибнешь. Вот сейчас люди едут на лошадях семействами. Почему они едут? Хочется спастись. Я говорю, что со своей стороны правительство семенами поможет. Время от времени часть людей будем вывозить. Всю Самарскую губернию не вывезем. Вывезем наиболее голодную, обездоленную часть и у кого хозяйство совершенно разрушилось, потому что у кого хозяйство сохранилось — нет резона вывозить. Я думаю, на новом месте будет не сладко жить, может-быть через 10 лет только выправится, он помрет, но может-быть дети выпрямятся. Поэтому выезжать нужно тем, у кого выхода никакого нет. В сегодняшний день выяснится вопрос, поеду ли я вниз по Волге или поеду в Алтайскую губернию для сбора в пользу голодающих. Теперь ведь больше продналога взять не можем, а там крестьянство богатое, оно, без сомнения, будет жертвовать. Я хочу предложить им 1 ф. или $^1/_3$ ф. с пуда. Это миллиона 3 собрали бы. Я бы хотел 1 или 2-х человек взять отсюда с тем, что если я поеду в Алтай, то я возьму. Можно было бы взять стариков, умеющих мало-мальски говорить, не красиво, а пусть крестьянин расскажет, какой голод. Надо

сказать, что мы тоже были не беднее вас, не забывайте же. Нынешний год вы богаты, а на будущий год, может, вы будете нищими. Если вы не поможете, у нас будет неурожай и у вас будет неурожай. Я думаю, что Алтайская губ. что-нибудь поможет. Но вот все, в сущности говоря, — все, что я могу сказать. Я снова скажу, что власть делает все, что может. Но, разумеется, что главное внимание обратить на то, чтобы своими силами бороться. Помощь все-таки будет недостаточна, в особенности для прокормления. Может-быть по два пуда в год. Но я думаю, что если примешивать суррогаты, то как-нибудь продержитесь. Я предложил бы вам наметить старпков и завтра пусть бы они приехали ко мне. Мы проезд дадим. Вот все, что я хотел сказать.

С места. Благодарение за нравоучение.

Крестьянин с места. Товарищи, старшина советской нашей республики тов. Калинин,—он многое и многое сейчас говорил о нашей жизни, как мы голодаем. Я все-таки осмелюсь подчеркнуть те слова тов. Калинина, где он говорит, что только для Самарской губ. не более 1 миллиона пудов будет вывезено семян; но это совсем мало и мало. Наши ближайшие высшие учреждения описывали нам и наши уполномоченные говорили, что почти 5 миллионов пудов уже назначено для Самарской губ., и притом наш председатель губисполкома т. Сокольский поехал в центр ходатайствовать еще 4 миллиона, так, чтобы засеять все наши поля раньше, потому что у нас в настоящее время скотина совершенно негодная, а к весне всем видно, что лошадей совершенно не будет. Товарищ Сокольский, я думаю, что он хорошо знает положение крестьян и знает, что лошадей мало. Теперь как тов. Калинин нам говорит, что только 1 миллион а нас заставляют все-таки пахать, и пашню мы приготовили, как в 20 году, по 25 десятин, которые до сего времени не сушатся. Теперь наши граждане и входят в этот тупик, опять мы напашем, опять измучаем наших лошадей, и опять останется пашня на произвол судьбы, это лишняя работа и поэтому я вернусь к тем словам: зачем заставлять крестьян напрасно копать землю, если нет совершенно надежды. Надо было бы сказать: не надо напрасно рыть землю, если нет хлеба; притом как у нас многие граждане голодают и едят траву, землю, даже глину (кости). Я попросил бы тов. Калинина, чтобы он обрисовал когда будут сулить это продовольствие, которое в левую руку взято. И в самом деле, если продовольствия не будет, то хотя и засеем, все равно надо ожидать гибели. Один месяц про-

тянем, а в сентябре совершенно туго станет. Только разве 5 или 10 хозяев останется. Я попросил т. Калинина, нашего вождя, обрадовать нас немного.

Калинин. Товарищи, я предпочитаю меньше обещать, чем дать. Я вам сказал, что назначено 1 800 тысяч пудов. Сокольский хлопочет еще больше. Может-быть и два и три миллиона. Я привык обещать всегда меньшую цифру. Из Тульской, Калужской и Воронежской, я считаю, что крестьяне сразу не успеют собрать. Я не думаю, что полностью сразу будет привезено, но врать вам у меня нет ни малейшего желания, если привезут полтора миллиона, скажут: Калинин обещал столько, а привезли меньше. Я предпочитаю лучше молчать, чем преувеличивать. Я не хочу вводить вас в заблуждение. Миллион, думаю, будет наверное, даже при неблагоприятных обстоятельствах. А гарантировать наверное нельзя. Я привык всегда лучше уменьшать, иначе все скажут: приехал, нахвастал и уехал. Лучше немного поскупее быть в обещаниях. А когда даешь, попроще давать. Положение трудное, я сам знаю, и то, что нужно будет давать, дадут, но сказать, что в августе придет продовольствие для еды, — нельзя. Не раньше конца сентября придет, потому что первый сбор идет на обсеменение. Нам 10 миллионов надо развезти по голодающим губерниям, ясно, что сентябрь уйдет на обсеменение. Конечно, можно обещать турусы на колесах, а потом уехал, — как хотите разделывайтесь. Сокольского я в Москве видел, он у меня был, он остался хлопотать. Но у Сокольского кроме вас еще заботы, у него есть дети, есть кого кормить. Поэтому обещать, что сразу навезут хлеба и продовольствия, нельзя. Я сказал, что может-быть за год, если бы по 2 пуда обошлись на человека, — хорошо было бы; я считаю, что крестьянин с двумя пудами легко проживет. *(Шум.)* Вы впервые слышите это, а мне приходилось десятки раз говорить, я был на фронте; придешь к солдатам на западе—они три дня не ели. Тут из вас кто-нибудь был на фронте, говорите, были по три дня не евши?

С места. Были, но все-таки ждали.

Калинин. Я приезжал к ним и говорил: нет, ребята, ничего, стремимся ваших мужиков ограбить и привезти вам. Но легко обобрать, как вы думаете? Здесь приехал американский представитель, он думает может-быть там собрать немножко помощи. Но это все в сторону, пока я беру то, что у нас есть. То, что можно привезти. Я знаю, что нужно крестьянину 15 пуд.

По существу же, самостоятельный крестьянин расходует 22 пуд. на человека, но, разумеется, тогда, когда у него скотина и прочее. А в голодной местности живут на 4 пуда в год. У нас паек считается 6 пуд. в год, не крестьянам, а в городе, а крестьянин ест мясо и т. д. *(Шум.)* Одним словом, надо прямо сказать: у нас голод, надо хлеб беречь, как жену в первый месяц муж бережет, когда любит. Поэтому я говорю, что надеяться на то, что привезут, нельзя. Привезут — слава тебе, господи. Я бы тоже мог сказать: вот приехал американский журналист, обещает привезти хлеб, будьте спокойны, а потом крестьянин подождал бы недельку и сказал бы, что обманщик был, а в это время вы последний хлеб бы съели. Но может-быть и привезут. Мы ведь сами закупаем. Но это может-быть будет, а может-быть и нет. Рассчитывать надо на два пуда. Я ведь сам крестьянин и умею рожь на обухе молотить не хуже, чем вы. И дом у меня недурной, крестьянский, и урожай у меня в нынешнем году хороший, и вам по фунту с урожайного пуда пришлю, и знаю, что с двумя пудами можно прожить. Но, конечно, всегда в животе будет чувствоваться... Ну что же: голод есть голод. А может-быть пять пудов доставим, тогда скажут, что Калинин доставил больше, чем обещал. Я знаю, что положение трудное. Я беру то, на что можно надеяться, а не то, что надо доставить. Я знаю, вам надо на каждого доставить по 12 пудов. А вот если по два пуда доставим, то это будет хорошо. И еще, если бы сразу привезти, а то может-быть будут давать по 10 фунтов, а ведь два пуда сразу значит больше, чем три пуда в отдельности, потому что распылится по мешкам. То, что в силах, правительство сделает. Теперь часть населения, вероятно 200 000 человек, увезем. 200 000 чел. это все равно, что ввезти миллион пудов хлеба. Как ни плохо, но зато населения убавится. Теперь мало рождается, больше мрут.

С места. Я думаю, что больше рождается, потому что работы нет на полях.

Калинин. Но они слабосильные и скоро умирают. Больше мне нечего сказать. Я только скажу, что правительство обращает все внимание на вас. Озимых семян мы могли бы собрать для вас 3 миллиона, но привезти мы не успеем. Вот у меня в моей волости только в воскресенье было собрание для обсуждения вопроса о помощи голодающим. Неделя пройдет, пока сбор сделают, вероятно через месяц к вам будут приезжать крестьяне с хлебом, пожертвованиями.

Соловьев. Товарищи, я приветствую тов. Калинина за все нравоучение, только мне кажется, когда у нас голод, то является продналог, а когда у нас был урожай, то мы не понимали и сейчас не понимают крестьяне, что такое продналог. Нам обещано по два пуда. Мы тоже испытали голод и сеять нечем. К словам тов. Калинина, правда, я питаю уважение, но вот есть уполномоченные этой власти, приезжаешь к ним,— они совсем разговаривать не хотят: я тебя арестую. Обещано по два пуда, по они сюда не дойдут, особенно крестьянам беспартийным надеяться нечего. Каждый делай выход себе, если найдет выход, спасет душу, если нет — смерть.

Жидков. Я хотел бы попросить т. Калинина, так как в настоящее время есть красноармейки (которых мужья 4 года проливают кровь за нашу Советскую республику), остаются семьи на произвол судьбы. Действительно, в те годы они были обеспечены и им помогали дружно, но в настоящее время они оставлены на произвол судьбы, даже негде ничего найти. Также красноармейцы, которые кровь проливали на фронте и прибыли в бессрочный отпуск по демобилизации, также остаются без ничего. На произвол судьбы оставляют жен и детей своих и скрываются. А также у нас есть вдовы и калеки, есть приюты, которые категорически отказываются и не принимают и говорят, что нечем кормить. Мы входим в положение, но я бы попросил тов. Калинина, какие меры будут приняты с сиротами. И также я попросил бы т. Калинина посмотреть на этих несчастных, может, где откроют столовые, потому что в нашей волости отказали. Я неоднократно ездил в губернию, обращался, но нигде содействия не получал.

Глазунов. Я попросил бы т. Калинина обратить на эти губернии внимание, которые при старом режиме сочувствовали создателям данного строя, теперь оказались нашему начальству ненужными. Как в 20 году, так отряд за отрядом; все молодые люди, которые были на фронте, оставили жен и пошли все туда, не считаясь с тем, что красноармейцы там страдают не за себя, а за благо народа, за власть, за все. Приходит красноармеец домой и смотрит: семья осталась нагой. Начальство нас бросило на произвол судьбы. Они к нам пришли с такой благодатью, с двумя пудами. Все мы, товарищи, служили, все были по 8 суток голодные, а теперь нечего ждать. Спасайся как кто может.

Крестьянин (с места). Я тоже обращаюсь к тов. Калинину: как спасаться, каким выходом? Мы попросили бы здесь всех начальствующих лиц, нет ли возможности обратить внимание на жалких людей. Мы с голоду умираем. Либо пропуск дайте, чтобы спасти семейство. Как у меня знакомый человек бился с детьми, у него жена умерла, и бросил их. Каково ему было с детьми расставаться? Дети просят хоть крошку хлеба. Даешь эту крошку, и эти сироты умирают с голоду. Так обратите, товарищ Калинин, на нас, голодающих людей, внимание. Мы не противимся Советской Республике. Когда с нас брали, мы отдавали, а сейчас нам не дают хлебца. Если не обратит внимания на нас, как центр, так и ваша милость, то через месяц или два у нас населения останется третья часть. Так, пожалуйста, обещайте поскорее. Нет ли возможности достать нам пропитания? А вот этих бедных сирот отец как бросал, он с ними обмирал, расставаясь.

Крестьянин (с места). Что же теперь, думает ли высшая власть Самарскую губ. хотя бы поддержать? Без Самарской губ. не может Россия никогда прожить. Всем известно, народ трудолюбивый, копошится, как жук, несмотря ни на какие тяготы, и если бы они не хотели поддержать Россию, то без Самарской губ., я уверен, не может ни одно начальство прожить. Все погибнут без этого народа. А если бы вошли в положение. Как в 19 году приезжали непроизводительные люди и получали пайки. Но мы производили, не зная дня и ночи работали. Красноармейцы были на фронте, жены пахали, сеяли. Подошло время, когда производители остались непричем. Что же мы будем делать? Всю бытность только кормили людей, только петроградские организации и разные. От них мы ничего не получали. Я сам, как производитель, все прожил.

Калинин. Товарищи, нового вы ничего не сказали. Голод есть голод. И когда товарищи великолепными речами высказывали о том, как тяжело тут,—тут без всякой речи видно. Вы все стараетесь агитировать, как будто бы я не верю. Ведь иначе я бы не приехал к вам, если бы не было голода, я и так вижу, я слишком понимаю. Тот, кто говорит речи, тот еще сытый человек. Достаточно взглянуть на ваших лошадей, чтобы увидеть состояние вашего хозяйства. Что же касается выезда, то я уже сказал, что из Самары вывезти больше не в силах. Если вы записаны—вас вывезут. Есть, конечно, трудности, может-быть за взятки вывозят. (Голос: «Да».) Это я знаю, я допускаю.

Я поручил местной власти, чтобы повнимательнее относились. Ведь в исполкоме ваши товарищи сидят, их дело посмотреть за всем. О том, что взятки берут, сомнения нет. Мы привыкли на взятках жить уже десятки лет. И в пять лет взятки не прекратишь. Но птичьему велению ничего не сделаешь. Я думаю, что все не перемрут. И, когда теперь мы задерживаем людей, так вовсе не для того, чтобы они здесь вымерли, а потому, что дорогой скорее умрут. Правительство отлично понимает, что Самарская губерния, — одна из лучших губерний. Поэтому для нас самих выгодно, чтобы побольше людей осталось. Так что в этом отношении все, что можно, будет сделано.

Теперь о продналоге. Говорят, что продналог все-таки проходит. Государство вообще все налоги сняло с вашей губернии, а для местных нужд, где есть маленький урожай, берут продналог для того, чтобы поделиться с другими. С моей точки зрения это правильно. В губернии попадаются села, где есть хоть какой-нибудь урожай. Ведь мы, если где-нибудь даем, то откуда-нибудь берем. Ведь Калинин с луны не может взять. Ведь когда я говорю: по два пуда, то значит где-нибудь, какие-нибудь мужики должны их дать. И если бы дали 2 миллиона озимой да 4 миллиона яровых и еслиб дали по 2 пуда, то я бы сказал, что такого правительства нигде нет. Здесь раздаются церковные речи, как нищие поют под окнами. Конечно, вы страдаете, ведь вы находитесь в голодной местности, а голод есть страдание. И тут хоть ной, хоть плачь. А вы что же думаете, что с вас только брали? Ну да, в 19 году основательно взяли, иначе мы давно были бы побиты. Когда сосчитаем то, что взяли, то не так много. Вот здесь говорят: вы там кормите людей, которые только молоточками стучат. Но ведь они везут 200 000 населения, а кто увозит? Тот, кто четыре года голодает, — молоточком хоть плохо, да все-таки стучит. Попробуйте привезти на лошадях миллион пудов хлеба, и вы увидите, что это значит. В прошлом году сколько вы брали за провоз пуда хлеба? Я знаю вас, у меня тоже матушка вечно стонет — говорит, что «ваши обобрали». А как обобрали? Полпуда хлеба забрали. Ведь я сам крестьянин, понимаю цену деньгам и труду. И на фабрике работал лет 20. И когда вы кричите, что с утра до ночи, как черви, роетесь, я бы посадил вас на фабрику, то вы бы сказали: нет, я лучше червячком поработаю. Теперь скажите, из вас кто-нибудь работал на фабрике? Скажите, где

М. И. на сенокосе.

лучше работать? [С места: Я считаю лучше крестьянством заниматься (рабочий-токарь.)] Ну, ведь рабочий, токарь по металлу, это привилегированный слой. Если я крестьянин, работаю, то я 4 фунта хлеба пожираю и когда лег спать, то ты меня не разбудишь. А когда я проработаю три дня на заводе, так я ни пить, ни жрать никуда не годен, а к 40 годам — на тот свет. Почему же все бегут с завода, кто из деревни прежде уходил в город, нищий? (С места: Лодыри.) Вот я вас мобилизую на завод тульский пушечный или пороховой, откуда человек выскакивает, как из бани. И как проработает два года, так и уходит, иначе он гибнет. По этому ценить чужой труд нельзя. Лучше крестьянского труда нет. Каждый рабочий согласен был бы обменяться. Но мы их насильно задерживаем.

А как вы думаете, может ли крестьянин обойтись без рабочего? (С места: Нет, не может). Обратно, может рабочий обойтись без крестьянина? (С места: Нет, не может!) Да, может! (*Шум.*) Подождите, не волнуйтесь. Вы думаете, что я за рабочих так стою? Рабочие возьмут хлеб из советских хозяйств. Наши советские хозяйства были возмутительны, а теперь вам семена везем из совхозов. И характерно, что урожайность в совхозах стала лучше, а три года крестьяне надо мной смеялись и говорили, что «вы там дармоедов кормите». Я говорил им: подождите, не торопитесь. Для того, чтобы наладить совхозы, нужно 10 лет. Ведь мы кого в совхоз взяли? Неопытных. Это правда. В совхозы пошли люди, которые никуда не годились. И вы хотите, чтобы негодный элемент стал в 2 года хорошо работать. Надо их накормить, надо, чтобы они видели плоды своих трудов. Теперь у них дисциплина начинает подниматься. Начинают окна вставлять в помещичьих усадьбах. А как вы думаете, если в будущем году будет урожай, сколько надо времени крестьянину на то, чтобы наладить хлеба, — 5 — 6 лет? (С места: 20.) Вам 5 лет понадобится при благоприятных условиях, а, конечно, если у крестьянина жена умерла, корова околела, дом сгорел — вот вам и 10 лет. Теперь вы говорите, что мы хозяйства не наладим в 20 лет. А когда совхозы плохо работали, вы кричали, как медленно налаживается дело. Удивительно, как умеют люди различно оценивать. Я теперь говорю вашим земотделам: надо металлическим заводам отдать ваши хозяйства. Колодцы кто выроет? Завод. Завод сможет отремонтировать и поправить совхозяйства. И я знаю — пока совхозов не будет, крестьянские хозяйства не будут налажены. Вы кричите, что вас обобрали.

Я согласен, может-быть вас обобрали. У меня тоже корову реквизировали, я не спорю, тогда я Предвциком еще не был. И мать моя не забывает, каждый день напоминает, что корова была хорошая. А раньше как жили? У вас еще жирно жили, потому что свиньи были; я беру наши хозяйства, я видел, как люди жили. Мой отец рассказывал, как жили. У моего отца была совсем плохая избенка, два окошка было, а перед смертью он лучшую построил, надорвался и не достроил трубы, а когда он умер, нас два брата осталось. Мы опять разделились, и я опять без избы остался. У нас может-быть только два состоятельных крестьянина на 70 домов. А вы кричите: обобрали. Обобрали потому, что мы должны были спасти заводы, железные дороги, спасти север. Теперь у вас неурожай и мы 10 миллионов пуд. берем из северных губерний. Я крестьянам прямо говорю: выручайте, голодает та губерния, у которой три года отбирали. И как вы ни крутитесь, без помощи друг друга вы ничего не сделаете. И если бы сейчас север не был засеян, то вообразим, что мы у вас ничего не взяли за все годы. И северные губернии не были бы засеяны. Что вы думаете, вы бы в лучшем положении были? Конечно, нет. Вымерло бы процентов 80. А теперь мы думаем обойтись пятью процентами. Положение с виду кажется отчаянным и всюду на 500 верст неурожай. И спасти вас может рабочий, как бы он ни был плох, ибо без его помощи мы не могли бы доставить вам хлеба. Но если бы даже железной дороги не было, то и тогда без рабочего вы не могли обойтись, ибо железо вам нужно, без железа крестьянского хозяйства не может быть. У нас на севере хоть есть леса. Чорт с ним, с железом, я сделаю сошник с деревянными ножками, а на вашей земле не выедешь на деревянных, да и дерева-то нет. Поэтому мы бережем рабочего, как вы бережете хорошую лошадь. Вы думаете, слесаря, кузнеца, столяра легко найти? Вы знаете, что хорошего кузнеца труднее достать, чем хорошего попа. Вы говорите, что не надо рабочих, пока хлеба нет, но когда достаточно хлеба появится, вы скажете: надо железа.

Вы представьте себя хозяином не своей хаты, а всей деревни. Что вы требуете от своего старосты? Чтобы он не пускал скотину в хлебные поля. Чтобы он держал общественный сарай в порядке. Те же самые обязанности и у государства, — обязанность в момент невзгод притти на помощь. Только при общей помощи можно жить, а если каждый замкнется в своей деревне, так далеко не уйдем. Я великолепно

знаю, что Советская власть пока дала только голод и холод, но ведь вы получили помещичьи земли, советских хозяйств у нас одна сотая часть. Вы знаете, борьба прямая кончилась только в нынешнем году; года два мирной жизни,—тогда мы изживем голод. А когда мы мало-мальски подработаем, тогда мы приступим к улучшению крестьянской жизни. Ведь у нас была империалистическая война, гражданская война, армия перешла всю Россию почти из конца в конец. Потом неурожай два года. У нас умники на севере будут говорить: ах, какие грабители, продналогом отбирают, а потом еще как нищие просим по 1 фунту хлеба. Однако, этот умник бессовестный человек, он сознательно хочет одурманить людей. Мы знаем, что без помощи никогда не проживем, как вы не проживете без помощи соседа в трудные минуты. Когда кто-нибудь умирает, вы идете к соседу, чтобы он гроб сделал. Это у себя в маленьком деле. Поэтому снова, заканчивая, я говорю, что правительство со своей стороны сделает все, что может. Лицемерить нечего. Мы и золотой фонд расходуем на продовольствие. У нас около 1 000 000 пуд. семян закуплено в Америке, но будет ли они привезены? Одним словом, нужно продумать ту работу, которую должно проделать государство. Это не так легко. Всегда так кажется: когда у меня что-нибудь берут, то кажется так много, а когда дают, то кажется, что мало. Так создана человеческая натура и, в особенности, крестьянская. *(Шум.)* А у вас по деревням ходили дураки и дурочки, а вы над ними смеялись. (С места: Мы их кормили.) Как ни плохо в советских детских домах, очень плохо, теперь особенно, но скажу по совести: в детских домах в тысячу раз лучше, чем было дуракам и дурочкам. Когда умирает крестьянин, остаются маленькие дети. Что с ними делается? Они превращаются в дурачков. Кто их доводит? Окружающие крестьяне. Кто им бросает вслед камни? Мальчишки. Я видел несчастье и поэтому, когда мне кричат: мы погибнем... Ну да, вы погибнете. Я знаю, сколько людей погибало раньше под баржами. Сколько у нас дураков и дурочек! Их создавала насмешка. Не беспокойтесь, испытали вашу помощь, когда под окнами стучали... Когда вы говорите, что начальство откормлено... Да ведь вы его выбираете. Выбирайте начальство с тонкими шеями. Ведь у вас есть право выбирать в каждые три месяца. Всегда крестьяне говорят: мы бедны, бедны. Но я должен сказать: так, как при Советской власти, крестьянство так богато никогда не жило. И никогда такого привилегированного положения у крестьян не было, как

в настоящий момент. (С места: Нам виднее.) А я думаю, вам не виднее, вы только видите свою деревню, а я сейчас на колокольне стою и оттуда вижу всю Россию, все население,— я вижу бывших генералов, бывших представителей буржуазного класса: бывших помещиков, учителей, и вижу докторов, инженеров, комиссаров, одним словом, — и всех рабочих и крестьян. И что же я вижу? Учителя голодают в то время, как эти же губернии живут недурно. Я знаю, что из нашей деревни раньше вывозили все, яйца крестьяне ели только на пасху. Я сам хозяин, имею 2 коровы, по-нашему, это хороший крестьянин; у меня 3 десятины, так что нельзя сказать, что я негодный хозяин, комиссар, который умеет грабить; я умею деньги держать в хозяйства. И вот как взгляну сверху, я вижу, что лучше крестьян никто не живет. Я беру всю Россию, а не отдельные места. Если в деревне крестьяне не имеют земли, они мученики, а средний крестьянин — по-нашему 3 десятины пахотной, — он никогда лучше не жил, мясо он почти сам все съест. Как бы ни кричали о разверстке, это мелочь. Мы знаем, сколько прежде вывозили. А кто голодает? Рабочий, интеллигент, инженер, техник. *(Шум.)* Вы думаете, я буду приятные речи говорить? Учителя голодают, священники стали голодать. Я не верующий в бога, но во многих местах, когда проезжал, я видел, что последнюю землю у священника брали. Я говорил священнику: припугни, что ты уедешь. У меня в деревне у священника тоже землю отобрали, и только тогда, когда он припугнул, вернули. Мне поп не нужен, а матери моей нужен, меня как угодно хороните. Конечно, теперь вы несчастные, слезливые речи говорите, но это когда вас основательно голод постиг. Теперь начальство тоже голодает. Ведь здесь, в этом учреждении, писарь при царизме толстел, у него вот какой живот был, вы сами поросят несли. А теперь жиреет здесь человек? (С места: Жиреет). Ведь он здесь у вас четыре месяца, а за четыре месяца можно растолстеть на 8 фунтов. Даже если мы убавим 8 фунтов, то у него будет достаточно, и он еще говорит, что он у вас похудел. Поэтому особенно стонать нечего. Если бы к вам приехал интеллигент, то его можно разжалобить слезами. Если бы вы к нам так же относились, к правительству, как правительство относится к вам, поверьте моей совести, мы далеко шагнули бы вперед. В конце концов я должен сказать: ничего от крестьян мы не берем. У нас есть другие крестьяне, вы думаете, что вы только крестьяне. Сколько у вас взяли разверстки? (С места: 135 пуд. с 4-х деся-

тин). 135 пуд. в мирное время — 135 руб. (С места: В мирное время это богатство, а теперь нам ничего не заплатили.) Кто же у вас взял? *(Шум.)* Этот вопрос мы расследуем. Тут вы как нибудь стараетесь меня объегорить. Вы платили разверстку сами или же отряд отобрал? (С места: Сами.) Тогда обязаны платить. Этот вопрос мы расследуем; если у вас действительно хлеб взяли по разверстке и вам не заплатили, то вам заплатят. Я в сегодняшний день в Самаре запрошу об этом. *(Шум.)*

Крестьянин. Я, тов. Калинин, слушая ваши слова, заметил несколько упреков. Вы, мол, плачете, жалеете о разверстке, которую давали. Я говорю: большинство отдавало охотно. И затем я слышу вторичный упрек — вы сейчас плачете от недорода. Мы не плачем, потому что этими слезами не поможем. Мы только плачем потому, что власть нас бросила на произвол судьбы. Здесь задали вопрос: скажите, когда ваше хозяйство поправится? Я хотел ответить, что поправка нашего хозяйства зависит от власти, смотря как она сумеет пособить; если она сумеет сохранить год, обсеменить поля, я думаю, мы хозяйство в год поправим, а если так, как сейчас, будем брошены на произвол судьбы, ясно,—за 50 лет не поправимся. Я слушал вашу речь, что может помочь железная дорога, но я ездил в Петропавловский уезд и видел тысячи детей, брошенных на железной дороге, и им никто не рад. Теперь все организации открыто едут по железным дорогам и в своих интересах везут себе хлеб, спекулируют. Я думаю, что власть сумела бы запретить. Транспорт в распоряжении целиком у власти. Теперь все голодающие губернии дошли до ужаса, до гибели. И теперь власть может запретить вывозить хлеб и взять там, где он есть, и доставить. А то суют все организации, а миллионы людей страдают и плачут. Я очевидец, один человек вез со мной 400 пудов хлеба; разве он заплачет со мной? А я когда-то давал государству. Я попросил бы тов. Калинина принять все меры к уничтожению волокиты. Собрать еще два миллиона, но посеять, и выйти скорее из этого положения не через 10 лет, а при первом урожае.

Калинин. Я целиком присоединяюсь. О том, чтобы приостановить движение, об этом думать нечего, достаточно взглянуть на Самару. 10 жуликов по всей дороге всегда найдешь. (С места: Их большинство стало.)

Товарищи, позвольте с вами расстаться, сделаем все, что в силах.

(С места: Просим и приветствуем за чистосердечное сознание, что вы не обещали того, что нельзя сделать.)

*

СХОДКА В СЕЛЕ ПЕТРОВКЕ, ПРИМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

12 августа 1923 года.

Шишлянников. Для трудящихся Приморья, прошедших большую школу в тяжелый период борьбы, наступил день, когда к нам приехал глава нашего Советского государства тов. Калинин.

Мы Советскую власть в Приморье установили недавно, всего девять месяцев тому назад. Впервые после белогвардейщины и интервенции стала Советская власть. Какие задачи встали в первые моменты, когда власть была установлена? Задачи простые и ясные: мы должны были ликвидировать наследие, оставшееся от белогвардейщины, и установить Советскую власть, и мы за эту задачу взялись. Сначала существовали революционные комитеты, после избрали советские органы власти по конституции. Мы получили в наследие от павших белогвардейцев разрушенное хозяйство, пустую кассу, и нам пришлось как-нибудь хозяйничать; все трудящиеся были привлечены к работе. Мы собрали тут продналог, и он произведен впервые и впервые столкнулись с отношением, когда участие населения должно было выразиться не только в том, что оно политически поддерживает Советскую власть, а с момента, когда стали проводить продналог, крестьянство должно было принять участие в государственной жизни, экономически помогать, и мы знаем, теперь имеем почти 90% того продналога, который центром дано было провести, и мы его выполнили. Теперь более или менее порядок установлен, установлена твердая Советская власть, все элементы, нам враждебные, мы убрали, теперь задача — подтолкнуть, пододвинуться к Советской России, которая далеко ушла от нас вперед. Мы должны здесь обратить внимание на наши экономические задачи, на восстановление хозяйства. Перед нами стоит новая задача, сельско-хозяйственный единый налог. Как мы с ним

справимся—покажет будущее, теперь перед губернией и волостью стоит задача: все внимание обратить к подготовке этой работы. Эта работа государственная, когда все крестьянство, весь рабочий класс принимает участие в восстановлении экономики нашего хозяйства в Приморье. Задача не только в том, чтобы собрать налог, и чтобы было участие крестьян в государственной жизни; наша задача заключается еще и в том, чтобы наше сельское хозяйство развилось настолько, чтобы ценности в государстве больше накоплялись, чтобы часть средств мы могли сейчас же использовать на поднятие нашего сельского хозяйства, на его развитие. Вот задача, стоящая перед губисполкомом, и мы теперь земельным органам сразу даем целый ряд определенных задач: по дорожному устройству и землеустройству. И третья задача, которая стоит перед нами, это найти сбыт продукта нашего производства. Вам придется, товарищи, платить налог и деньгами и натурой, главным образом деньгами, а для этого надо найти сбыт своих продуктов. Наша задача заключается в том, чтобы найти сбыт этим продуктам, того, кто может их покупать. Мы ставим задачу — через кооперацию произвести закупку у сельского населения его продуктов, дать, с одной стороны, кооперации сырье в свои руки, тот товар, которым будет торговать, и с другой стороны, дать сбыт продуктов сельского населения.

Вот три задачи, стоящие перед губернскими органами, которые стоят в порядке дня. Для того, чтобы успешнее провести сельско-хозяйственный налог, каждый сейчас должен принять участие в хозяйстве, волостной исполком проводит подготовительную работу.

Сегодня, когда встречаем тов. Калинина, Всероссийского старосту, я именно остановился на этих задачах, которые общи не только Приморской губернии, а и для всей России. Мы, встречая тов. Калинина и побеседовав с ним, найдем для себя новые силы, новый запас энергии, чтобы успешнее решать те задачи, которые стоят перед нашими советскими органами в Приморье. Мы должны будем сказать тов. Калинину, что когда он уедет отсюда в центральную Россию, к крестьянам Москвы, когда столкнется с крестьянами центральной России, он должен отсюда, от нас, увезти братский привет крестьянам России от нашей Приморской губернии и вместе с тем сказать, что мы здесь твердо знаем свои задачи, что мы их проведем в жизнь и, как

трудящиеся единой семьи, твердо стоим на завоевании Советской власти, экономически здесь укрепим Советскую власть. Я, заканчивая свое краткое слово, предлагаю в честь тов. Калинина провозгласить громкое крестьянское ура. (*«Ура». Аплодисменты.*)

К о р о б и н. Я по поводу, как представитель волости, упомяну о продналоге: мы хотели бы вкрениться в вопрос, чтобы пояснили нам. Конечно, нам стеснительно, ибо крестьяне не вполне знакомы с сущностью, и приходится высказываться, а за это нашего брата препровождают чуть ли не в тюрьму, карают. Я просил бы, чтобы не было никаких предупреждений относительно этого.

Относительно продналога, конечно, заинтересованы как я, так и вся публика. Мы в настоящее время безусловно сомневались и говорили, что неужели продналог взимается и в центральной России? Теперь нам пришлось столкнуться с представителем центра. Продналог безусловно в настоящее время нам показался чудным, не потому, что приходится нам платить, это считаем необходимым, обязательным для поддержки государства, он велся и раньше, когда государство сильно было и крепко, а приходилось тянуть. В настоящее время, безусловно, он оказался тяжеловатым, и мы немного обижались и на правителей здешних, может-быть власть на местах по-своему идет к нам, да и слухи носятся: там одно, а здесь другое, теперь же ведь власть одна и должна в одних рамках осуществляться. Нам тяжел налог потому, что здешний край далеко по своему урожаю и по климатическим условиях нельзя сравнить хотя бы с Николаевской или с другой какой-либо Амурской областью, и нам тяжелым показался налог. Одно надо сказать—с нас срочно требуют палог. Конечно, мы стремимся к улучшению сельскохозяйственного быта, а он оказался слишком тяжелым, даже раньше того не переносили и не ожидали в настоящее время, и считали, что наша народная власть должна стремиться. А то везде слухи: одни то говорят, другие другое: как так? дождались народную власть, а теперь с нами не считаются, налоги все срочные и в короткий срок, который немыслим для населения. Если бы налоги не были так срочны и полегче бы обходились с этим. А то вот приходится бороться с спекуляцией, но наоборот произошло в прошлом году, да и в настоящее время приходится не убивать спекуляцию, а укреплять. Чем именно? Дается срок короткий, иногда пятидневный; если человек по каким-либо условиям, финансовому положению пропустил срок, от него требуют

нени. Спекулянты, видя это, сводят наши продукты и чуть ли не пол-имущества приходится продавать, иначе будешь в тюрьме сидеть. Конечно, нужно исполнить гражданский долг, а все-таки приходится итти к спекулянтам, продавать корову за бесценок, за 10 — 15 рублей, а у спекулянта карман для наживы большой. Так что же? Граждане, заплатив налог, должны в то же время обнищаться? А при таком положении не только не разовьешь сельского хозяйства, а только овсом питаться будешь. Пшеница пропала, ржа заела. Продналог же требуют и чтобы заплатить, то надо шесть-семь голов отвести, и при таком положении не улучшается, а падает крестьянское хозяйство. Мы хотели бы просить, чтобы нам пояснили и не сомневались, везде ли налоги взыскиваются, нельзя ли как-нибудь полегче подойти к крестьянам, чтобы дать народу окрепнуться, а если в дальнейшем такой налог заплатить, то совершенно не при чем останешься, а нам говорят: в России так-то идет, этак-то. А то приходится в этом году вместо пшеницы овес отдать, и останешься на неизбежную гибель, на голод, заболевание и смерть. (Голоса: Правильно!)

Келлерман. Здесь есть рыбацкое селение Лифляндское. Главным доходом является рыбная ловля. Ходят слухи, что местное правительство в нынешнем году предназначило ту часть сдать с торгов. Если это будет, то население дальше существовать не может, поэтому просьба общества, чтобы этот берег, где они производят лов, остался бы за ними. А если нельзя, то чтобы наделили земельными наделами.

Титков. Как раз относительно рыбалок я был в управлении, и то, что будут платить, это уже решено, и установлено известное расстояние, на котором крестьяне со своими снастями будут производить лов. Желательно, чтобы на 24-й год все означенные рыбалки остались во владении крестьян и чтобы рыбные места остались на расстоянии 23-го года.

Коробин. Я бы хотел спросить о земельной реформе в Советской России, и как она предполагается? У нас наболел вопрос, даже до убийства доходило за кусок земли. Интересно было бы узнать, проводится ли какая-нибудь реформа и в какое время можно ожидать. То просили бы, чтобы эта реформа проявилась в жизнь в короткое время, чтобы каждый знал свой кусок земли, на котором мог бы трудиться, а то переменить границы. У нас в среднем приходится сеянной земли три четверти десятины, а на сопках голый камень, ничего там нет, никакая

трава не растет. Очень печальное положение. Местные распорядители предлагают нам отнять от той деревни покос, в роде какого-то перевода. (Голос: У нас кто распахал, тот и пользуется землей, только покос уравняли. Здесь новоселы живут. Кто приехал 15 — 20 лет, тот распахал и пользуется. Бывает — сохи бросят, да и за кулаки.) Земельный вопрос настолько наболел, что доходит дело до суда. Кто успел раньше захватить, распахал своими силами, иногда при помощи желтого труда. Мы стремимся, чтобы земельная реформа удовлетворила население, теперь семьи прибавились, а земли нет. Поэтому лезет деревня на деревню, избивают; приходится скотину иногда стрелять. Хотелось бы узнать, какой выход.

Калинин. А где скотину пасете?

Коробин. Скотину пасем на неудобице. Мест тоже не хватает, трава плохая, у скотины одни ребра, даже летом никто покупать не хочет.

Мадан. Я соглашаюсь с только-что сказанным по поводу земли, но мне поручено от Бессарабского общества. Тут высказался представитель Лифляндского селения, но остальные представители, не знаю почему, не высказываются. Но только наша Бессарабия совершенно не имеет возможности достать селедки и поставить снасть. Объясняют: ты не имеешь права, ты не рыбак, потому что получил пятнадцать десятин земельного надела, а я имею право пользоваться, у меня нет земли. Раз будет вся земля поровну со всеми разделена, то также и берега. Во-вторых, говорят: мы крестьянство снабжаем, а должен сказать, что, откровенно говоря, живем у берегов, а селедок не пробуем. Это спекулянты свирепствуют, все скупают, а крестьянам последний сорт остается и ездишь за ним за сорок верст. (Голос: Правильно.) Вы, представители от берегов, высказались, а остальные нет. Я могу доказать, что семь с половиной пудов овса свез и селедки не имел. Я вам говорю, товарищи, чем это объясняется: да тем, что надо в Японию отвозить, между тем говорят: крестьян снабжаем. В виду того, что лифляндский представитель требовал, чтобы им отрезали пятнадцать десятин, то я хотел бы, чтобы каждый имел возможность ловить хотя бы для себя, чтобы таких выходок в Бессарабии не было.

Васьков. Товарищи, дело так обстоит насчет рыбалок: в первую очередь рыбаки вывозят рыбу для крестьян и объявляют по селам, чтобы приезжали брать по низким ценам: первый сорт сорок копеек пуд. (Голос: Да купить не на что, денег

не было.) Дело так обстояло, что приезжали из Рождественки и без денег люди отпускали, потому что денег нет. Мы, петровцы, до сих пор денег не получали.

Калинин. Много народу у вас занимается рыбной ловлей?

Голос. Человек 70. Нанимают иногда корейцев и китайцев на подмогу, хотя теперь запретили, приходится пополам работать: снасти его, его труд. Работаем артелью из 5 — 10 человек.

Титков. У нас в деревне Речице ловили шестнадцать лет, а в прошлом году сдали этот участок Кашкину, который имеет хутор и служит на пароходе, деньгу зашибает.

Мадан. Я еще хотел объяснить, что такой единый сельско-хозяйственный налог труден, потому что требуют в срок. Объясняешь ему: повремени, денег нет, а в ответ: врешь, ведь вот рыбаки, они в первую очередь оплатили. Нас же, бессарабцев, ведут под арест, потому что остальное население заплатило. Побережные места, конечно, заплатили, у них доход, раз-раз, и готово; а у нас распутица, нужно хлеб продать, продашь 20 пудов, едешь еще. Просил бы, чтобы на такие деревни обратили внимание или была бы отсрочка, потому что бессарабцы несут последнее продавать. А в этом году урожай пшеницы пропал. Лично я один работник, три десятины посеял, и все пропало, как коснется ржавчина, то конец. Оказывается, еще не будут допускать нас к берегам.

Коробин. Я хотел бы получить объяснение о финансовом положении, скоро ли кончится перевод нашей беде. Я давно стал бедствовать, денег нигде не достанешь, а приходится платить продналог. Привезешь продукты в город, там продашь дешево, а все покупаешь дорого.

Рыльский. Теперь, товарищи, я слышу на общем собрании — все хлопочут, жалуются, которые по пятнадцати десятин сеют, хлопочут о земле, о рыбалках. Какое же теперь дело наше, между крестьянами временно проживающими? Работы совершенно нет, крестьянину совершенно заработка нет. Чем будем жить мы? Ни средств у нас нет, ни земли, а между прочим китайцы и корейцы даже целые деревни разрабатывают, а русскому крестьянину земли нет, ни хлеба нет, ни дела нет. Что ж, нам приходится голодной смертью помирать? Раньше по постройке железной дороги работали, работать приехали, а выехать не на что. Теперь в городе тоже дела нет и нам пришлось разойтись по деревням

и по деревпям дела нет. Не разрешите ли нам какую-нибудь десятину-другую, нас порядочное количество и верно — приходится голодать. Нельзя ли удалить китайцев, корейцев, а вручить эти казенные участки русскому населению и помочь в нашей беде?

Марковуль. Вот говорят: петровцы имеют большую силу, они богаты, скоро платят. А это неправильно, не все же есть рыбаки, не все могут скоро заплатить.

Коробин. Я хотел сказать о школе, в каком положении школа находится. Как известно, что стремимся к тому, чтобы было образование и больницы, чтоб образование влачилось, и когда был председатель Щелков, говорил: платите продналог, граждане, зачитывал, что с этого года все снимается, и школа и больница, и все возьмет государство. Конечно, если бы был урожай хлеба хороший, тогда могли бы содержать школу, больницу, а теперь предстоит, что даже оплатить квартиру учителю нет средств. Раньше доход был кое-какой, то у арендатора, то у кого другого, и доход этот шел на школу, на сторожа, а на этот год слух есть, что крестьяне должны взять на себя эти государственные учреждения. И мы определенно сказали, что не в силах нанимать квартиру, а учитель говорит: от вас зависит; у нас же дохода нет, ни хлеба и ничего и если правительство не возьмет, то школа совсем закроется. Если бы вы помогли?

Рыльский. Вот временно проживающим крестьянам, позволят ли нам пользоваться надельными участками? Если не полагается, то как-нибудь бы отсюда выбраться. Ведь и мы старались и настаивали, чтобы была земля и воля.

Лобзев. Насчет продналога. Первый налог был труден, по одному рублю был с души и то труден был, а теперь с каждым месяцем все дороже, на-завтра будем платить два рубля, а тут не в состоянии пятидесяти копеек заплатить, и крестьянская жизнь все ухудшается, скот сдать некому. Вот приходили продналог спрашивать, я говорю: надо вот пшеницу собрать, да и вам отдать, а самому непричем остаться.

Калинин. Какой вы добрый для правительства!

Лобзев. А где же я-то возьму, если у нас ничего нет? Я остался в одной голой рубашке. С одной волости меньше берут, по одному рублю, а с нас за что, что же наши бабы, заводские что ли?

Калинин. Должно-быть ваши бабы красивые. *(Смех.)*

Васильенко. Мне кажется, что из этого положения выход есть, выход и форточка давно открыты, это кооперация и объединение; но у нас настолько косностью поражено все местное население, что на организацию кооперации и артели ни у кого еще нет желания, каждый думает только о себе, а перейти на новый принцип жизни, артель, не решается. Можно было бы и рис возделывать. Я полагаю, что настоящая нужда толкнет некоторых к этой мысли, ведь корейцы под носом уже сеют. Здесь слышатся жалобы и стоны, но кто может помочь? Никто, это зависит от нас. Мне кажется, самое верное — рыбная ловля, возделывание риса, не каждому в отдельности, со своей сошкой, а объединиться в артель.

Волкогонов. Я должен сказать тов. Калинину насчет просвещения. В самой Петровке и окружающих волостях насчет просвещения идет очень туго. Да. А насчет просвещения второй ступени здесь только могут обучаться, которые более зажиточны. Я скажу за самого себя. В прошлом году я отдал девчонку во вторую ступень, и она обошлась мне столько, что нынче не вздумаю, и навряд ли и другие деревни тоже, которые думали сдавать, так что дети будут выброшены за борт. Да. Я бы просил председателя ВЦИК посодействовать этому, подсобить Петровке. Ведь детей приходится за 25 верст отдавать, нужно нанимать квартиру, да по два рубля заплатить за право учения; я бы просил подсобить нам в этом.

Васьков. Будет ли помощь красноармейцам и их женам, которые погибали за свободу в этой революции? Ибо бились мы все за свободу и желали, чтобы всем одинаково было. Насчет леса хочу сказать. Лес переходит под казну, если нужно какую оглоблю отрубить, то приходится за 25 верст ехать, чтобы брать билет. Я бы просил, чтобы отменили это дело, а чтобы лес был не казенный.

Конуровский. В настоящее время я инвалид гражданской войны, за все время не получил пособия, а все инвалиды заплатили государственный продналог. Надо ли с них брать продналог или нет? Говорят: с вас лично не берут, а с вашего хозяйства. Следовательно, инвалид должен разрушить свое хозяйство и оплатить свой продналог? Я вот это хотел спросить.

Черпюк. Я хотел добавить по отношению к инвалидам. Все граждане отстаивают собственные интересы, каждый бился; трепещут и земли, и моря, и леса, трепещут и жаждут получить

помощи от правительства. Многие обращались в Собез, свидетельствовали их, и до настоящего времени никаких результатов нет, будет ли им оказана какая-нибудь помощь, не будет,—ничего неизвестно. В настоящее время в Собез принимают только тех, которые совершенно не имеют ничего. Если есть инвалид, у него пять-шесть едоков, одна лошадь, избенка, он уже считается как самостоятельный хозяин, ему уже отказано от помощи, а фактически на это существовать не может, и многие могут помереть.

Максимнюк. Вот здесь некоторые граждане все время плачут, имеющие по шести-семи коров. Представьте себе, каково переносить налог служащему, получающему 25 рублей жалованья, работающему по шести-восьми часов, — а они все плачут.

Васьков. Товарищи, время наступило сейчас не по шести-восьми часов работать, а по 24 часа, пока не установится государство.

Рыльский. Я слышу, что обижаются, что крестьяне по семи-восьми коров имеют и не в состоянии платить продналог. А вот они-то получают по 20 рублей в месяц, а носят сапоги лаковые, а мы, крестьяне, работаем день и ночь и кроме лаптей и старой рубашки не имеем ничего.

Голос. Да и то если бы были крепкие, а то рвань.

Калинин. Чем больше кулак, тем он хуже одевается, наоборот, бедняк может на последние деньги форсить. Это еще ничего не доказывает.

Кирпичников. Вот обижаются, что 25 руб. получают. Я вот весной ходил к властям: дайте хоть полдесятины земли, все нет, да нет земли, а корейцы-то имеют. А тут сорок три рубля продналогу надо платить; не заплатил, пришли за мной; жену бьют, за то, что в срок не отдали денег. Жена вступилась: за что вы арестовываете? А он ее коленом: марш отсюда, а вы идите. Мы бились, дрались, у меня самого первого взяли лошадь, телегу и надеялись: вот придут товарищи, будет свобода, а оказывается сдавили нас: сиди в тюрьме да вшей корми.

Голос. За то свобода!

Кирпичников. Говорят, нет земли, а сами сдают китайцам.

Голоса. Правильно!

Рыльский. Действительно, он правильно объясняет. Прошлый год хотел засеять одну десятину. Прихожу к тов. Щело-

кову, он с подозрительностью осмотрел меня и видимо оценил на десять копеек (*смех*), говорит: нет у нас земли, вся роздана. — Кому? — Да кому ни роздана, да роздана. А под посом корейцы сидят да опиум разводят. Я соображаю, в волостной комитет: дайте мне десятину посеять жито. — Нет у нас, нет. Что ж, чем же мы должны заниматься — воровством или убийством? Нельзя же производить такие пакости.

Калинин. Сколько всего китайцев, корейцев?

Голоса. Китайцев 705 человек, корейцев 595 человек, русских 4193.

Калинин. Что ж хорошо китайцы живут?

Голоса. Да нет, корейцы плохо живут, больше полутора десятин у корейцев нет, они обрабатывают плохие земли, да и по сопкам. Они сами ее обрабатывают.

Калинин. Я одно могу сказать, что берега и реки не являются монополией той деревни, которая примыкает к ней. Напр., если есть в каком-нибудь месте у вас золотая россыпь, так это не значит, что она принадлежит одной деревне, пользуется, разумеется, государство, это значит — весь народ получает прибыль.

Что касается налогов, то налоги у нас такие же приблизительно, как и у вас, конечно, свой налог, своя скала. Вы хотите знать, какой у нас налог? Я беру соседа по своей деревне. У него семья пять человек, пахотной земли две с половиной и две с половиной выгона, лугов. Пахоть разделяется на три поля. (Голоса: У нас так же.) Он платит по шестому разряду 30 рублей; вот налог помимо остальных налогов. Урожай ничего, но если бы вы так стали обрабатывать, то и у вас был бы урожай. Ведь подумайте: пять человек, а в обработке полторы десятины, у него одна лошадь, две коровы, три овцы. Под озимое пашут три раза. Осенью перед заморозками, там, где снят овес, толока. Осенью запашут, весной в мае месяце с навозом вспашут, третий раз около первого спаса пашут под озимое. Урожай бывает по шестьдесят пудов, у кого, конечно, есть скотина и лошадь своя, у некоторых даже до 80-ти пудов доходит, а у кого мало скота, у того пудов сорок — тридцать, и если навозу не положить, то ничего не уродится. Теперь вы видите, можно ли им хозяйничать. У него был затем налог подворный: шесть миллионов рубл., т.-е. около шести руб. золотом, затем был гражданский, как у вас, гужналог, трудналог. Гужналог — это шесть подвод в год. Трудналог: с мужчины и женщины по тридцати копеек,

или мужчина 30 коп., женщина 15, если не будут работать. Если все подвести, то будет рублей 40 — это все налоги.

Голос. Как земля распределена?

Калинин. Земля вся распределена по душам. По наличию душ. Всех крупных владельцев земли подравняли. Мой сосед, который имел пять десятин, имеет теперь полторы. Семья побольше, земли побольше, и наоборот. Произошло общее уравнение. Закон нам разрешает: общество имеет право большинством разделить землю. Во время революции общество имело право один раз землю разделить, надел сами распределяют по душам, по работникам. У нас огромное большинство разделено по наличию душ. Везде, где земля разделена, они не имеют права раньше, чем через девять лет, вновь разделяться. Владеть землей могут, как хотят, могут чересполосицей разделиться на отруба, участки, могут разделиться по хуторам. Луга большею частью в общественном пользовании, лес перешел в государственный фонд, много лесу за революционный период уничтожено. В последнее время декрет вышел, что леса местного значения и леса, которые входят в крестьянское поле, могут переходить к крестьянам. Луга есть двух сортов, одни входят в крестьянское хозяйство, напр., рядом с вами есть большая государственная дача и от этой дачи луга примыкают к вам, тогда эти луга переходят в государство, а крестьяне имеют преимущественное право аренды, и за эти луга они не платят продналог. Если крестьяне хлопочут, чтобы этот луг к ним перешел, то приезжает землемер, и луга отмежевываются крестьянам, тогда они аренду не платят, а это входит в продналог. Если, напр., десятина на человека пала, то 4 пуда платят, а если десятина с восьмой, то уж будут пять пудов платить. Крестьяне считают, что выгоднее иногда продналог, иногда аренда. Тяжесть на крестьян, конечно, очень велика, в общем и целом они платили прежде меньше прямыми налогами; крестьянский двор, который платит сорок рублей, раньше платил рублей 20. Теперь, разумеется, часть лугов помещичьих отошла к крестьянам. Почему теперь тяжелее накладывают на крестьян? Главная причина та, что у нас водки нет, водка только в Приморье. У нас продажа вина с 14-го года запрещена. Это основной доход, от которого правительство имело около миллиарда рублей, теперь этого дохода нет. Если сосчитать без водки, мы получаем с крестьян меньше. Прежде на каждый крестьянский двор падало в среднем приблизительно около ведра водки, рублей восемь-десять от водки получали доход

с каждого дома. У нас такого дохода нет. Затем старый царизм много займов делал за границей. Мы должны были заграница еще до войны около 18 миллиардов рублей, это тоже давало около 500 миллионов рублей в год. Лет 35 тому назад такого долга было около миллиарда, а за время Александра III и Николая II долг возрос. Пока не платим, не знаю, придется ли платить, — увидим. Затем вывоз из-за границы был большой, затем косвенные налоги, как на спички, табак. Теперь, хотя налоги и большие, но крестьяне покупают меньше; чай тоже стал продуктом роскоши. Теперь большей частью морковь пьют, всякую дребедень; всего мы получаем третью часть дохода в сравнении с довоенным. В этом году мы сами получили миллиард двести миллионов, а в будущем получим миллиард пятьсот миллионов, а государственный бюджет царизма в 14-м году был 4 606 миллионов, мы только что приближаемся к царскому бюджету. На крестьянина всего наложено 400 миллионов золотом, третья часть бюджета, остальную часть дают доходы с государственных предприятий, из городов, всего мы получаем полтора миллиарда, потребности растут невероятно, и с крестьян невозможно налоги убавить. Главную статью расхода нельзя убавить, массу денег поглощают железные дороги, они отбирают третью часть, около 400 миллионов. Убытки от железных дорог большие, мы и то много частных линий закрыли, ваша Амурская ж. д. бешеный расход приносит. Следующая статья — это армия. Если взять армию и железные дороги, они поглощают половину всех доходов. В армии сейчас 610 000 человек, 600 000 человек армия всей Федерации и 10 000 кавказской республики, национальная армия. Следующая большая статья—это Наркомпрод, который собирает. До сих нор мы собирали налоги больше натурой и меньше деньгами, а натуральный сбор теряет процентов сорок: часть воруют, небрежно относятся, пропадает, гинет, напр. мясо гнило, хлеб подмочили, затем распыляется, замусоривается, только последний год был строгий прием. Ведь везде есть жулики, разве у вас-то нет жуликов? (Голос: До сих пор не водилось.) Что же вы, ангелы, что ль, тут сидите? В общем и целом один раз поймаешь, а пять раз проскочит, и утери от самого налога очень большие.

Затем целый ряд других статей, напр. мы содержим на казенный счет 500 000 человек беспризорных детей. Это так незаметно кажется, а на самом деле почти целая армия. Затем помощь помгольческая, да и разные организации содержат детей, так что выйдет миллионов двести. Затем Наркомпрос. Мы содер-

жим разные институты, университеты, содержим милицию, государственные аппараты, хотя и жалованье получают мизерное.

Школы зависят от себя. Там, где деревня хорошо и настойчиво работает, где она сама помещение готовит, учительницу поддерживает, смотришь—потом волостное или уездное начальство поможет, и содержит мало-мальски. А там, где тяп-да-ляп, моя хата с краю, даже дров не привезут,—там школы закрылись. У нас крестьянин в сущности так же мыслит: продналог заплатил и кончено. Я же вам сказал, куда деньги тратятся. Мы получаем одну треть довоенного времени, а убытки большие. Дай бог на эти средства содержать армию да флот. Что касается тяжести, то главная тяжесть ложится на крестьянина центральной России, а окраинам еще и не снилось. С одной стороны, они недавно присоединились, с другой стороны, аппарат Советской власти еще слаб, а расходы главным образом падают на окраины. Мы Сибирь поддерживали и тогда, когда она не была наша. Ваша Дальне-Восточная республика считалась самостоятельной, а денежек не было, Москва посылала, на счет Москвы и жили, за прошлый год 8—9 миллионов прислали. Когда советизировалась ваша власть, мы и предложили: а нельзя ли, милостивые государи, перейти на собственные средства? Немножечко вам, конечно, поможем, мы считаем, что в общем и целом здешний мужик не беднее нашего мужика. Вот те речи, которые вы здесь говорили о бедности и т. д., я это слышал и у себя. Я в своей деревне бываю, там-то великолепно знаю каждого, что у кого есть, на левую или на правую ногу сегодня сосед стал,—тоже стонут о бедности. Может-быть у вас более слабый человек скорее погибнет, потому что народ черствеет и сама природа черствая, а раз природа, то и люди черствые, да и массу людей сюда посылали порочных. Инвалидам у нас нет-нет да и помогут. Мы красноармейским семьям немножко помогаем: ну в воскресенье пойдут и запашут, у нас сплошь и рядом во время войны это вошло в обиход. А ведь хлеба родится мало, если соберут 150 пудов, семья шесть-семь человек, пудов 20 трудно отдать на продналог. Ясно, что нужно еще подрабатывать, зимой идет в город на заработки. Вы что же думаете, работа сама к вам придет? Вот меня выслали на север Архангельска, там пара тысяч жителей, и ближайшая деревня верст на 20; взяли заступ да полдесятины обработали, посеяли картофель. Я не признаю, что нельзя найти работы. Конечно, если беспомощный человек, слабосильный, у него нет сил — это другое дело, но пока я здо-

ровый, чтобы я не нашел работы, этого не бывает. Если здесь работы нет, я пешком уйду из деревни; тот, кто хочет найти, найдет, хотя, конечно, трудно. Недаром от нас сюда бежит народ.

Вот я у вас слышу о китайцах, корейцах, как будто бы они от вас землю отняли. Я сознательно спросил, какие земли они занимают. Мое личное мнение, что они ничего, кроме прибыли, не дают (голоса: Правильно), а разрабатывают они худшие участки, работают они день и ночь; не может принести трудящийся человек убытки. Если бы они были спекулянтами и тогда жаловались бы, тогда, конечно, кроме убытков от них никакой пользы бы не было. А на основании ваших слов я вынес впечатление, что китайцы, корейцы работают на худшей земле, что они работают в качестве рабочих у здешних более крепких, состоятельных крестьян. Жаловались, что предпочитают русскому корейца. Это, по-моему, сказки. Смешно говорить: рядом со мной сосед, я его хорошо знаю, как работника; чтобы я в таком случае китайца, неизвестно откуда пришедшего, пустил в дом, а рядом живущего знакомого соседа не пустил? Надо же зарубить на носу, что мы пришли к китайцам, а не китаец к нам в Москву пришел. Это родина китайца, мы пришли к нему и эксплуатировали его, а мы их гоним, их большими безбожниками называем, а вот мы, православные, хотим на том свете хорошо жить. Земля-то не русская, шестьдесят лет как она к нам перешла, китайцы же тут тысячу лет жили, и как будто бы мы больше прав имеем? Если вы ищете справедливости, то ищите в корне вещей, для оправдания своего существования здесь. Китаец не является животным, он такой же человек, а вы, каждый, являетесь насильником. Мы заставляем их работать как буйволов, смотрим на них как на собак. И тут же мы, православные, очень святые. А это лицемерие, издевательство и таким путем в царство небесное не попадете. Что ж вы, думаете, у бога желтых нет? Тогда он не бог, а преступник. Вы думаете, русский крестьянин попадет направо, а китаец, кореец на левую сторону от бога? Мы не замечаем, когда зло делаем, все, что от нас, — хорошо, а то что не от нас, — все очень дурно. Эта вражда человечества ни на чем не основана. Мы здесь гости и вместе с тем насильники: тех, кто тысячу лет здесь жил, мы выжили и превратили в рабство. Это время кончается, мы хотим у себя рабство уничтожить, должны помнить: как желтые люди, так и белые одинаково люди: труд цвета не имеет. *(Аплодис-*

менты.) Китай тоже очень сильное государство и очень, очень сильно растет, за какие-нибудь десять лет далеко народ шагнул вперед, и он заставит считаться с собой. Японцев недавно макаками считали, а как дунул на нас, и почетным человеком стал. Поэтому, когда говорите: китайцы, корейцы, то уж извините, они также право на землю имеют, и никогда не можете сказать, что у вас больше прав на землю, чем у них, и если бог справедлив, то он скажет вам: идите вы в Москву, пусть китаец идет на сопки. Нельзя на насильничестве все строить. По-простому говоря, по совести, китаец и кореец больше имеет права на землю, поэтому вы уж помалкивайте. Вот если собрать суд из других народов, то присудят, что петровцы имеют меньше прав. Это мы привыкли по-старому, в роде как холуй, он перед барином пресмыкается, а в приемную вышел—«я сам барон». Перед исправником очень низко кланялись, а перед китайцем «я тебе покажу».

Мы будем стремиться давать им те же права, потому что мы стремимся создать рабоче-крестьянское царство, все должны быть равны, а какое же равенство, если рядом будет раб! Это рабское равенство, это издевательство над равенством. Теперь, когда пройдет десяток лет, китаец таким же будет человеком, только цвет другой. Почему корова, белая или черная, все-таки остается коровой? Только и разница, что одна больше молока дает, другая меньше. Эти старые замашки, барские замашки надо раз навсегда выкинуть. Ну, конечно, если китаец торгаш, тогда другой разговор, тогда нужно бороться с ним, а когда трудовой человек, то он полезен.

Мы к сибирской земле очень осторожно подходим, мы еще не тряхнули старых владельцев, которые по сто десятин имеют. Главная причина та, что здесь революции не было. Когда вы кричите: мы управляли в революции, мы страдали, то посмотрите — у нас вот тряхнули богачей, не успеваешь, бывало, документы подписывать, сами произвели раздел земли. Царизм разорял буквально все и создавал здесь на окраине. Даже Китайская ж. д. тоже на московские деньги сделана, а между тем теперь 50 миллиардов долгу, который висит над нами, а мы ни копейки не заняли. Теперь мы Дальревкому предложили: попробуйте себя поддержать сами, мы отдали Дальревкому и доходы, полученные от японцев за рыбные промысла. Царизму выгодно было притеснять японцев, китайцев и корейцев и на почве этого обогащать отдельных людей. Возьмите: казакам дадут льготу, старожилам, смотришь

в деревне один богач, а десять нищих, и все равняются по богачам. Мы так не делаем. Вот вы говорите: трудно содержать больницы, берете налоги, да еще больницу содержать. Тогда что же выходит: Москва одна должна содержать всю армию, а за что же московский мужик должен содержать Амурскую ж. д. (Голос: Это горе,— не дорога, лучше пешком пройти.) Это неправильно, это говорит тот, кто не ездит, а ведь Амурская дорога— это связь с Россией. Давайте, порвем железную дорогу, через полгода здесь будет японская территория, что же думаете—вас свободными оставят? Почему корейцев 16 миллионов людей, а присоединены к Японии, вас же всего два миллиона людей, вас притянуть — это чепуха для Японии. Люди не думая так говорят. Железная дорога является связью против японцев.

У себя мы ладим с крестьянином, приучили его нести повинности, вы не испытали восемнадцатого года; вот он посидел один раз и уже кричит, а у нас по десяти раз сидели, когда выбивали так называемый революционный налог. Все это бедняки крестьяне делали; такую чистку производили. Теперь, когда более или менее успокоились, теперь нет председателя волости с револьвером, теперь рядовой непартийный мужик сидит и его слушаются. Положим, здесь Советская власть очень нажала на вас, значит при той власти жилось хорошо и вы нажились? у вас есть накопленное? (Голос: Ничего не нажились, последнее растратили.) Где же, ваши богатства от старой власти? Тысячу лет у вас была хорошая власть и кроме нищеты ничего не дала. Да, мы накладываем на вас тяжелые повинности и все-таки думаем, что мужики живут не хуже и 99% не будут против, а будут бороться с нами до изнеможения. Ведь в армии ваши же сыновья служат и умирают не за нас, а за себя. Конечно, наша власть не является идеальной, мы такие, какие есть, со всеми дефектами, со всеми неприятными сторонами, слишком много нам надо делать, а сразу не переделаешь, и с крестьян надо взять побольше. Кто бывал на железной дороге, видел, как шпалы меняют. Советская власть всего девять месяцев пришла, а уже шпалы меняют, вот как мы хозяйствуем, пришли большевики и шпалы начали класть, да и все мосты взорваны. (Голос: Потому что дрались.) Ну что ж, продадим вас Японии и Япония купит, она прибыль от вас получит. (Голос: Лучше передайте нас родине.) Конечно, Советская власть тяжелые налоги накладывает, но она не стремится разорять крестьян (Голос: Уж через три года от нас ничего не останется.) Мы накладываем так, чтобы дать возможность крестья-

нам хозяйничать, мы слишком мужики сами, чтобы понимать. Мы доказали это, когда голод явился, тогда мы основали помощь и поставили на ноги хозяйства. Никогда бы царизм работы такой не произвел, а говорят еще о том, что мы разоряем; мы не успели вас разорить (голос: Теперь хватит), но повелевать над китайцами и корейцами—этого не позволим. Правда, я считаю, что в Сибири тоже надо было бы поровну землю разделить, но если сами не стремитесь, то на кой чорт я буду к вам лезть? Раз петровцы не поднимают вопроса о переделе, то чорт с вами, живите по-старому,—лучше приехать к вам и с миром уехать, чем не угодить ни тому, ни другому. Переделы зависят от вас, тогда земельные органы произведут эти разделы. Ясно, какая-нибудь группа, не имеющая земли, ищет земли, но внутри общество не зависит от самого общества, и вы все-таки должны более или менее равной землей владеть. Мы бьем политику на середняка: не хотим, чтобы крестьянин разорялся, не хотим, в то же время, чтобы параллельно вырастал кулак; мы поддерживаем рост среднего слоя, а если ваньку будете ломать, так с кого же брать? Конечно, надо брать с здорового человека. Все это для вас еще новость, а мы пятый год работаем. Если мы вас будем разорять, тогда разговор другой. Вот здесь сто крестьян, у каждого разное благосостояние, как надо обложить? Более состоятельного побольше, середняка средне, а бедняка по-бедному. Можно обложить с одного рубля — это 10%, справедливо это будет или нет? По-моему несправедливо, потому что человек, владеющий ста рублями, ему десять процентов — покурить-заплатить, а по-моему со ста рублей должен двадцать рублей отдать, если пятьдесят, то пять рублей, если десять рублей, то пять процентов, то-есть пятьдесят копеек. Справедливо ли это? (Голос: Как же сказано, если имеешь десять талантов, то и получай их.) Потому сказано, что мы христианскую религию предали на служение капиталиста, а когда христианская религия вначале несла проповедь, то распинали того, кто эту проповедь нес. Вы сейчас только словами играете. Когда Христос шел с религией своей, и его распяли. Когда же религия проповедывала на пользу капиталиста, то уж извините, раз есть пять талантов, то сами таланты его награда. Да с кого же государству взять? Ясно, если хорошая семья, хороший заработок, сына во вторую ступень послал, и 24 рубля платит в год, то вы все еще забываете: государство должно еще 24 рубля заплатить за вашего сына, да и не 24, а еще больше, ибо во второй ступени содержать на

24 рубля нельзя, так как содержание не 80, а 280 рублей стоит. Так что вы свои налоги пригоршнями возвращаете с государства и уже двести рублей получаете за сына, который учился. 24 рубля они увидели, а что государство 100 рублей заплатило—не видят. Да кто же пользуется? Опять-таки состоятельный крестьянин, а он говорит: у меня пять талантов, это бог дает. Вот он говорит: восемь человек во второй ступени было, это уже восемьсот рублей, а когда он вносит налоги, кричат: пятьдесят рублей заплатили, а когда государство на сто рублей ограбили, то не видят. Вы кричите: помоги, помоги; я бы с удовольствием помог, у меня самого ничего нет, ни копейки собственных денег нет; я должен от кого-то взять, нет святых, которые в окна бы бросали; мы только перекладываем деньги из одного кармана в другой. Прежде чем помочь, надо взять от кого-нибудь. Раньше об этом нам не нужно было думать: раньше дворяне об этом думали, они считали, что бюджет не крестьянского ума дело. С бюджетом я выступил с речью о финансовом положении. Заграничная печать кричит: «Батюшки, откуда Калинин по бюджетному вопросу знает? Ему, вероятно, записку написали, а он, как попка, повторяет». Вот теперь просвещаю вас, что государственный бюджет с неба не берется, а его надо создавать. Расходов у нас много. Промышленность только начинает улучшаться, мануфактура у нас очень дорога, и думаем, два-три года будет еще дорога; главная причина та, что нет у нас хлопка и работаем на американском хлопке, потому что когда были голодные годы, то туркестанские крестьяне перешли от хлопка на пшеницу, которая дорого стоила. Вот теперь повезли туда хлеб, он подешевел, и крестьяне начали переходить на хлопок. А в это время приходится покупать американский хлопок. Я думаю, что крестьянское хозяйство более или менее поднимается и после шестилетнего грабежа, когда действительно грабили и разоряли крестьян, наше хозяйство начало подниматься на ноги. На выставке это докажем. Крестьяне за эти два года твердо стали налаживать хозяйство. Теперь стали стремиться выйти на отруба, потому что серьезно принялись за дело; отчасти тут помогли из Германии пленные, затем поняли, что с неба ничего не возьмешь, да и желали блеснуть; поэтому о разорении говорить довольно смешно. Всего с крестьян получаем около четырехсот миллионов золотом на сто почти миллионов человек, это разве налоги? В то время как Америка, в среднем, платит теперь двести. Нашим крестьянам тяжелы налоги потому, что они бедны; если бы они

вырабатывали на тысячу две тысячи, то заплатить ничего не стоило бы ему, а подтолкнуть вас надо, но чтобы слишком не нажимать и в нужный момент поддержать. На этом и хочу кончить.

Общее финансовое положение, в общем, не важно: слишком мало средств можно уделить на налаживание промышленности и необходимо отстраивать заново школы, дороги. При таком состоянии, когда человек за пять верст от дому не может выехать, хозяйствовать нельзя, в то время как в Германии пудов 30 наложат и вези хоть сто верст,—ничего. Вот перед вами стоит задача: как вам выбиться? Я считаю, что ваша деревня, напр. Петровка, не находится в худших условиях, этого быть не может. Тепла у вас достаточно, а если есть тепло, значит все есть. (голос: Все погорело.) Там, где три месяца ночь, что эскимосы делают? Только ищут тюленей да оленей. Тут надо только умение приложить и даже то, что пшеница погибла, это от нашего неумения. По голове щелкнуло, надо во-время оглянуться. Теперь среди вас есть молодежь, которая много чего видела, и чтобы здесь тысячи человек не прокормилось — это позорно. Если бы у вас в одной деревне был неурожай, то наплевать, но это по всему уезду идет. А когда приедешь в школу рядом, как, напр., я был в Никольск-Уссурийске, крестьянские семена и школьные—совершенно точно из другого мира. Здесь пропало и здесь пропало, а середина хорошая, а еще говорят, что наука не нужна. Вот у немцев всегда урожай: есть дождь — хороший урожай, засуха— опять урожай, а у нас засуха — неурожай, тепла много — неурожай, холод — опять неурожай. Я не беру только вашу деревню, а беру всю Россию в целом. У нас вечно неурожай, а настоящий неурожай по статистике через каждые пять лет бывает, а через 20 лет — бедствие. Так жить нельзя, соответствующая борьба должна произойти, и результаты в улучшении хозяйства коренным образом проявляются там, где много пленных возвратилось. Тут земли много, налоги большие, а земли пустуют. А надо суметь обработать кусочек маленький, чтобы я, как из двора вышел, махнул косой да и ладно, а тут изволь-ка за 30 верст тащиться. Ясно — от такого хозяйства корма не будет. Чего вас разорять, когда вы все нищие? По существу говоря, у вас может-быть есть в Петровке 30 человек ничего, могут иметь мясо, сало, следующие уже гораздо хуже живут, а процентов шестьдесят—нищие, а кричат: вас разорили. Нечего вас и разорять. Уж если по-просту говорить, то надо все взорвать

и строить снова, со всеми вашими кундами-мундами. Американцы вымыли бы вас вместе в одном котле с китайцами и японцами. *(Смех.)*

Мы теперь работаем уже скоро шестой год и у нас уже крестьяне о налогах мало говорят, все больше о порядке в учреждениях, требуют себе больше власти иметь в советах. Вот о чем теперь говорят, чтобы власть им давали; этому я сочувствую. Если вас не шпигануть, то вы сами ничего не сделаете. Вам нужно самим серьезно взяться за хозяйство. У вас может быть земля плохая — это я допускаю; за пятнадцать верст ходить в поле нельзя, это верная гибель. Тогда надо подумать разделиться. Тот, кто уходит за пятнадцать верст, будет получать 15—20 десятин, а кто останется—три десятины. Вам надо поставить задачу, — быть ближе к земле.

Вторая задача с рыбой, это также надо продумать; если вы мало-мальски будете ловить, то кое-какие доходы будете иметь. Ведь это смешно думать, чтобы крестьянская власть кулаков поддерживала, а когда вы такие тюхи да матюхи,— конечно, ничего с вас не получится. Если вам все помогать,— ляжете спать и проживете все. Так к чорту такая подмога! Вы сами должны найти способ себе помочь, чтобы вот Калинин приехал, этим воспользоваться, чтобы был уже готовый материал и ему только надо подписать. Так нечего стонать, я не люблю стонущих людей. Стонать нельзя, когда сама природа требует, чтобы человек бороться умел; в случае, если беда нагрянула, должен суметь одолеть, не погибать же. Сами ищите, Советская власть пойдет навстречу. Устраивайте крестьянские артели, рабочие организации, работайте; мы не помогаем бездельникам, не хотим Собез делать, не хотим человеку помогать, когда с него ни шубу сшить, «ни богу свечка, ни чорту кочерга»; потому что ведь социальное обеспечение дает тоже крестьянские денежки; вы или просто прикидываетесь сиротами, или просто никчемные люди. Если прикидываетесь, то это я еще понимаю, хотите перед центральной властью смошенничать; а если уж никчемные люди, то уж и делать с вами нечего. Советской власти выгодна не та страна, которая нищенствует и стонет, а которая борется, налаживается, и вместе с тем, конечно, вам поможет и власть, если увидит, что вы сами работаете. Вам дадут леса, например, а вы возьмете да сожжете в бабьих печках и ничего не будете иметь. Так какая польза тогда вам помогать? Одним словом, Советская власть вовсе не хочет грабить, она хочет

строить хозяйство; наша задача поднять крестьянское хозяйство, потому что мы знаем, если не поднимем его,—тогда гибель, нас заедят, завоюют, потому что и царизм к этому шел. Я ручаюсь, если бы был царь, то было бы гораздо тяжелее, проценты надо было бы платить и платили бы.

Разрешите мне на этом и закончить и пожелать вам, чтобы вы, вместо того чтобы ждать, что с неба посыплется манна небесная, или как городская барышня мечтает о женихе или выигрыше на несуществующий билет, — то бросьте это, от этого не разбогатеете; а китайцев выгнать—эту мысль выгоньте. Надо подумать, как лучше использовать то, что дала природа. Если поставите вопрос ребром, что при таком состоянии хозяйствовать нельзя, тогда напишите заявление председателю исполкома, что деревня Петровка имеет столько-то жителей, столько земли, нам нужны новые участки для такого-то количества народа. Сами соберите пару тысяч для уезжающих, а вы все хотите, чтобы вас перевозили как телят. Нет, сами платите, а мы поддержим. Вот тот путь для деревни, тогда не будете кричать, стонать, что Советская власть вас разоряет, и увидите, что Советская власть не губит крестьянское хозяйство.

От души хотел бы, чтобы вы поделились всем, что я сказал, с остальными селами и деревнями; для этого я сюда и приехал. Если и есть у вас остальные отдельные места дурные, то все ж таки есть свободные участки, на которых можно жить. Мы думаем, и корейцам хватит. Если в одном моем уезде 250 тысяч человек кормится, смешно, чтобы здесь не устроить более или менее хорошее хозяйство; но надо развернуться самим, а как только крестьяне будут разворачиваться, развернется и исполком, ибо исполком получает директивы от центра, способствует всеми силами налаживанию крестьянского хозяйства. И я думаю, что при Советской власти мужик не обеднеет, а разбогатеет, потому что революция для этого и сделана, это не секта. Революция сделана для того, чтобы лучше жить, богаче, культурнее, и я не сомневаюсь, что рабочий и крестьянин добьется лучшей жизни. Это я говорю на основании пройденного пути, и эти шесть лет прямо доказывают, что рабочий и крестьянин добьются своей цели. Внешние природные условия дают вам возможность идти нога в ногу с советской республикой и создать могучую советскую республику. Вот к этому-то и призываю вас. Это то, к чему стремится Советская центральная власть. *(Аплодисменты.)*

Представитель Ольгинского уезда. Я рабочий Сучевского предприятия, услышал о приезде великого и дорогого товарища, всероссийского старосты. Наши товарищи сочли своим долгом выбрать делегацию и послали приветствовать меня от имени трех тысяч рабочих углекопов, а также и просить приезда его на Сучевское предприятие, чтобы поделиться с ним всем тем, чем живет Советская Россия и тем мировоззрением, как смотрит центральная власть на такое предприятие, как Сучевские каменноугольные копи.

От Шкотовского села приветствуем тов. Калинина и очень просили бы его приехать и вообще посетить наше село.

Калинин. По случаю моего сегодняшнего отъезда обратно в Советскую Россию я при всем желании приехать не могу.

СХОДКА В ДЕР. МИХАЙЛОВКЕ, НИКОЛЬСК-УССУРИЙСКОЙ ВОЛОСТИ.

9 августа 1923 года.

К а л и н и н. У кого есть заявления и жалобы, говорите свои фамилии, для того, чтобы можно было записать.

П а р х о м е н к о. Вот на счет сына. Он в германской войне был и попал в Тамбовскую губернию; как бы его вызвать оттуда? Я один остался, его отец, а жена нашла другого мужика, он просил пособие, чтобы можно было выехать. Адрес его: Тамбовская губ. и уезд, Печерская вол., село Литвиновка, Почтовое отделение Рассказово, Никите Петровичу Рязанову, для Пархоменко.

Ж е н щ и н а. Крестьяне свой хлеб тебе показывают; весь пропал, лучшего нет, рожа напала, да и зима бесснежная была, хлеб и пропал.

К а л и н и н. А как считается деревня, богатой или нет?

Г о л о с а. Считается богатой, да богатств-то мало у нас. Привезешь овес, покупают у нас за 30 коп., а на рынке торгуют за 40.

К а л и н и н. А сколько раз вы пашете землю?

Г о л о с. Под пшеницу раз пашем, в среднем десятин десять-двенадцать сеют. Раньше засевали по 30-ти десятин, а в этом году и 20-ти, вероятно, не посеешь, а на тот год будем вас просить помочь нам. Уж очень тяжел для нас налог.

К а л и н и н. Наше дело—брать. Теперь и на Дальнем Востоке перейдем к единому налогу; это вам в начале так трудно кажется, а потом привыкнете.

К р е с т ь я н и н. Более зажиточные уплатили обще-гражданский налог, остались малозажиточные и бедняки, а с каждым днем цена увеличивается; сегодня не успел заплатить, денег не было, и вместо одного рубля тебе уж надо завтра два заплатить.

А где же денег взять? Нельзя ли попросить, чтобы брали по той же цене, как вначале, т.-е. по одному рублю?

Крестьянка. Уж будьте царем и богом, подумайте о нас.

Калинин. Как видно, здесь бабы здоровые.

Крестьянка. Ну что ж, давай поборемся. *(Смех.)* От налогов-то погибаем, передышки-то не дают.

Председатель волисполкома. Все налоги подоспели, один за другим в самую горячую работу, потому что мы получили об едином налоге две недели тому назад.

Калинин. У нас в России пятый год берут налоги, а у вас только начали — и вы уже стонете.

Крестьянка. Вы только отдышку дайте, а про то не говорим, что совсем платить не надо. Это не хорошо, голубятко, так делать.

Крестьянка. Здесь не Россия, земля не так родит. Да и семена приходится за границей покупать, пшеницы совсем нет.

Калинин. Приучайтесь хорошие зерна руками отбирать. Вот рядом на опытном поле уродилась же пшеница. Сначала посеяли сажень, теперь десятину, а в следующем году можно будет десятин пять посеять. Вот они также просят денег, чтоб можно было существовать.

Крестьянин. Что нам до опытного поля. Ничего они нам не дают, а когда крестьянин везет сено, они заворачивают и лошадей кормят. Это просто случай, что хорошая пшеница.

Калинин. Будет уменье, и у вас урожай будет. Если вы соберете хоть мерку хороших зерен, то увидите — не хуже школы получится.

Крестьянин. Времени нам нет с этим возиться. Если б еще двадцать работников было, а если двое и десять десятин, то дай бог с своей работой управиться.

Калинин. Это верно, вам нужны уже готовые семена.

Крестьянка. Насчет солдат, — попросить, чтобы сняли поборы.

Калинин. Все-таки вы живете в сто раз лучше, чем прежде жили, раньше по 11-ти лет солдатчину отбывали, а у вас какие-нибудь пять лет, а вы уже стонете. С солдата не берут налогов, а если есть семья, то другой разговор, если есть хозяйство, напр., муж, жена и сын красноармеец. Красноармеец идет за двоих, опускается на целую скалу. Положим,

ложение идет на одну десятину. Человек с одной десятины платит пуд, если две десятины—платит два, если три—три и т. д. С одной десятины один пуд, а с пяти уже 25, и тут имеет значение, если к семье прибавляется один человек. Если у вас 4 или 5 десятин, для вас не будет значения, есть ли сын или нет, а если у вас четыре с половиной и если новая душа прибавится, то уже считается как четыре. Некоторые попадают в льготы, некоторые не попадают. Вам на солдатчину стыдно жаловаться, ведь Советская власть—ваша. Если вы нищие, то беднота не от нас получилась, а от старой власти, от Калмыкова и японцев с Колчаком. У нас же в России говорят, что в Сибири богатеи живут, что японцы вам ситцу навезли; значит,у вас можно кое-что подобрать.

Голоса. Да что ты, какие богатеи? Совсем обносились, все драные.

Калинин. Советская власть пока первый налог с вас берет, и то жалуетесь. Кто в сопках был, тот меньше всего стонет, чем тот, кто здесь спекулировал. Знаю я, народ везде одинаков, да и здесь много украинцев. Вероятно, по-украински говорят. (Голоса: Да уж обрусели все.) Больно уж много вздору на Советскую власть болтают.

Крестьянка. Покамест еще не кричим, а что будет дальше, посмотрим.

Крестьянин. Я не понимаю, что тут — смех, или для дела тов. Калинин приехал?

Калинин. Можно, смеясь, дело сделать, и серьезно — ничего не решить.

Крестьянин. Хотел бы попросить: у меня внук служит, а семейство двенадцать душ, один сын немой, затем четырнадцати лет, баба, да девчата маленькие, жена старуха и сын от болезни умер, а первый внук в солдатчине, — нельзя ли его возвратить?

Калинин. Сколько времени он служит?

Крестьянин. Еще первый год.

Калинин. Ничего поделать не могу, а если действительно имущества нет, тогда, разумеется, дети будут социальным обеспечением переданы в приюты. Если есть обеспечение, то будут жить на это обеспечение. На военной службе должны все служить и льгот никаких нет.

Крестьянин. Нужно ли военнослужащему налоги платить? У нас требуют.

Калинин. Налоги берутся с засеянной земли. Если есть земля, продналог платить будут, если даже и будет красноармеец; налог платится не с неба, а с засеянной земли, если бы даже семья состояла из пяти детей. Раз земля засеяна, то налог берется. Когда неурожай, тогда другой разговор. Вот даже если бы осталась вдова с пятью человеками детей и у нее есть земля, и она должна была бы платить. Конечно, это тяжело и надо было бы уничтожить такие налоги, но расходы государства такие большие, что их уничтожить невозможно. Если же урожая нет, тогда деревня должна позвать понятых из местного исполкома. Они должны обойти поле и оценить, какой процент погибший. Для этого есть комитет, который оценивает сколько погибло, процентов 20—30 или 90, и когда будет 90%, тогда уже принимается общая зажиточность вашей деревни и состояние крестьян. Если, напр., у вас все погибло, а есть много коров и лошадей, то на вас не так сильно отразится неурожай. Поэтому комиссия и принимает во внимание неурожай и общее состояние крестьян. Закон, это — очень сложная вещь. Одного очень легко коснется, а другого зарежет. Местной власти дается очень маленький процент на помощь крестьянству. Если она собирает тысяч двадцать, ей дается всего тысяча рублей, на эту тысячу рублей власть может скинуть какому-нибудь отдельному человеку, принимая во внимание, если, напр., у кого сын в армии и полный неурожай. Вообще, трудно давать льготы, когда средств мало. Во что оценивалась у вас земля?

Председатель волисполкома. Оценивалась по обычной таблице разрядов и десятина обычно оценивалась в сто пятьдесят рублей.

Калинин. Это вполне нормальная оценка. Нормальный доход у вас с десятины будет около десяти рублей.

Крестьянин. Вот я платил 190 рублей золотом, 20 десятин обрабатывал земли, у меня десять покосов, четыре рабочие лошади, четыре коровы, семья десять душ, два работника, я и брат. Маленькие дети да у меня жена с ребенком.

Калинин. Значит, выходит приблизительно шесть рублей с десятины?

Крестьянин. Здешние земли нельзя сравнить с российской. Если бы имел десять десятин харьковской земли, то был бы помещиком, а здесь сижу без хлеба и босой.

Крестьянин. А мне пришлось до тысячи пудов овса продать, чтобы справиться. Половину деньгами заплатил, а

потом овсом, потому что не мог сразу выплатить. Работаешь, трудишься, десять душ семьи, и самому приходится в лазарет ездить лечиться, какое уж тут хозяйство. Если будете брать такие налоги, то хозяйство наше не повысится, а понизится.

Калинин. Сколько здесь корова стоит?

Крестьянка. Корова стоит два рубля пуд мяса, корова молочная — 25 рублей, хорошая, на племя — рублей 60.

Крестьянин. У нас ены ходят. Мне пришлось на ены продать овес, а затем деньги обращать в золото. Был раньше хозяином, а теперь стал бедняком, и хозяйство наше унизится.

Калинин. В прошлом году какой был урожай?

Крестьянин. В прошлом году средний был урожай, а в нынешнем году пшеница пропала и жито пропало.

Крестьянин. Отец мой за сорок лет всего налогу 150 рублей заплатил, а я за один год 190 рублей.

Калинин. Давайте, точнее подсчитаем, сколько приходилось прежде платить. Кто у вас содержал школу, например, старшину?

Крестьянин. Это все отдельные расходы были. Содержание школы рублей тысячу в год стоило.

Калинин. Ну то-то, ведь все это надо подсчитать.

Крестьянин. Обще-крестьянский сельско-хозяйственный сбор платили рубля три. У нас шестьсот пятьдесят девять дворов на волость, старшине платили 180 рублей, да лошадей надо было поставлять, лошади в год стоили 300 рублей, писарю рублей 40.

Калинин. Итак, после подсчета приблизительно выйдет рублей 20, это выходит почти в десять раз меньше.

Крестьянин. Раньше больше засевали. Вот раньше я засевал 50 десятин, а теперь в три раза меньше.

Калинин. Вот мы сейчас Мурманскую жел. дор. колонизируем, посылаем туда работников, на 12 лет освобождаем от солдатчины, от налогов. Теперь того, что ваши деды видели, никто не получит. А хотите от налогов освободиться, поезжайте на Мурманскую дорогу, на 12 лет все налоги снимутся.

Голоса. А где эта дорога-то и можно ли поехать туда посмотреть?

Калинин. Мурманская дорога за Петроградом, верстах в 500 — 700 к Ледовитому океану, а насчет уж бесплатного проезда, то этого—извините, поезжайте на собственные денежки.

Голоса. А вот ведь раньше деньги давали — сюда посылали.

Калинин. То было раньше, когда край заселяли, а теперь на время пока переселения прекратили, слишком дорого стоит.

Конечно, вам по-новости тяжелы налоги кажутся, заплатить 190 рублей при теперешнем хозяйстве не легко; если продадите две скотины, например, рублей за 60, если хозяйство продадите теперь на 300,—ваше хозяйство, конечно, больше стоит, рублей 500, я всегда скидываю, хотя в уме считаю, что оно больше стоит. А у нас в России целые семьи живут, имея по две десятины, и налоги платят.

Крестьянин. Если бы у меня две десятины было, я пропал бы и государству пользы не дал бы, а если у меня 20 десятин, я буду богатым и государству пользу принесу, конечно, если будет урожай.

Калинин. Вам надо научиться так же ухаживать за землей, как у нас. Мы пашем три раза, два не годится, да и должны навоз навезти, если не навезем, то ничего не уродится, и закрывай лавочку, иди по миру. Вот у нас считается хорошим поле в две десятины. Самый лучший урожай был в 20-м году, пудов по ста двадцати с десятины снимали, средний урожай давал 80 пудов, и то только у крокодилов, которые за землей хорошо ходят. У нас, в большинстве, зиму на заработки уходят, что же с них взять? Рядом у меня обрабатывает сосед, — пять человек семьи, — обрабатывает $2^1/_2$ десятины, у него выйдет в сущности по три четверти десятины на человека; вот как ему налог платить? У меня же семь человек семья, а земля одинаковая; я заплатил 18 пудов за этот год, а он 30, разница в том, что у него две коровы, у меня одна, у него пять душ, у меня — семь. Если присмотреться к хозяйству, то с него не возьмешь ничего, а приходится с заработков брать. У нас хлеб ценится один рубль пуд приблизительно. За сколько десятин у вас не берут ничего?

Крестьянин. У нас таких случаев не было, а это с 25 единиц хозяйство освобождают.

Калинин. У нас, раз земли нет, то налог не взимается.

Крестьянин. Дело в следующем: по здешним климатическим условиям, если крестьянин живет только крестьянским трудом, он посеет 8, например, десятин и семья в пять душ, то с голоду пропадет.

Крестьянка. В прошлом году платили, хотя и трудно было, а в нынешнем году откуда возьмем, не знаю.

Крестьянин. Нельзя землю равнять. Где хорошо родит, а где ничего и все-таки если не заплатишь в срок, то берут—арестовывают.

Крестьянин. Да еще пшеницу нужно у китайцев купить, там климат другой и земля другая — чернозем, пшеница хорошо родится.

Калинин. При едином налоге будут даны три срока для уплаты: первый срок — в октябре месяце, второй — в декабре и третий — в мае, чтобы крестьяне осмотрелись, собрались с духом, а остальные налоги отменяются. Мы слишком заинтересованы, чтобы крестьянское хозяйство развивалось, небось власть рабоче-крестьянская. Да и там, где язвы нет, урожай в общем ничего.

Крестьянка. Лет 12 — 15 тому назад, когда достаточно было земли, здесь урожай на пшеницу был хороший и климат был помягче, по ста пятидесяти пудов пшеницы снимали.

Крестьянин. Уж мы пашем, бороним, не ленимся.

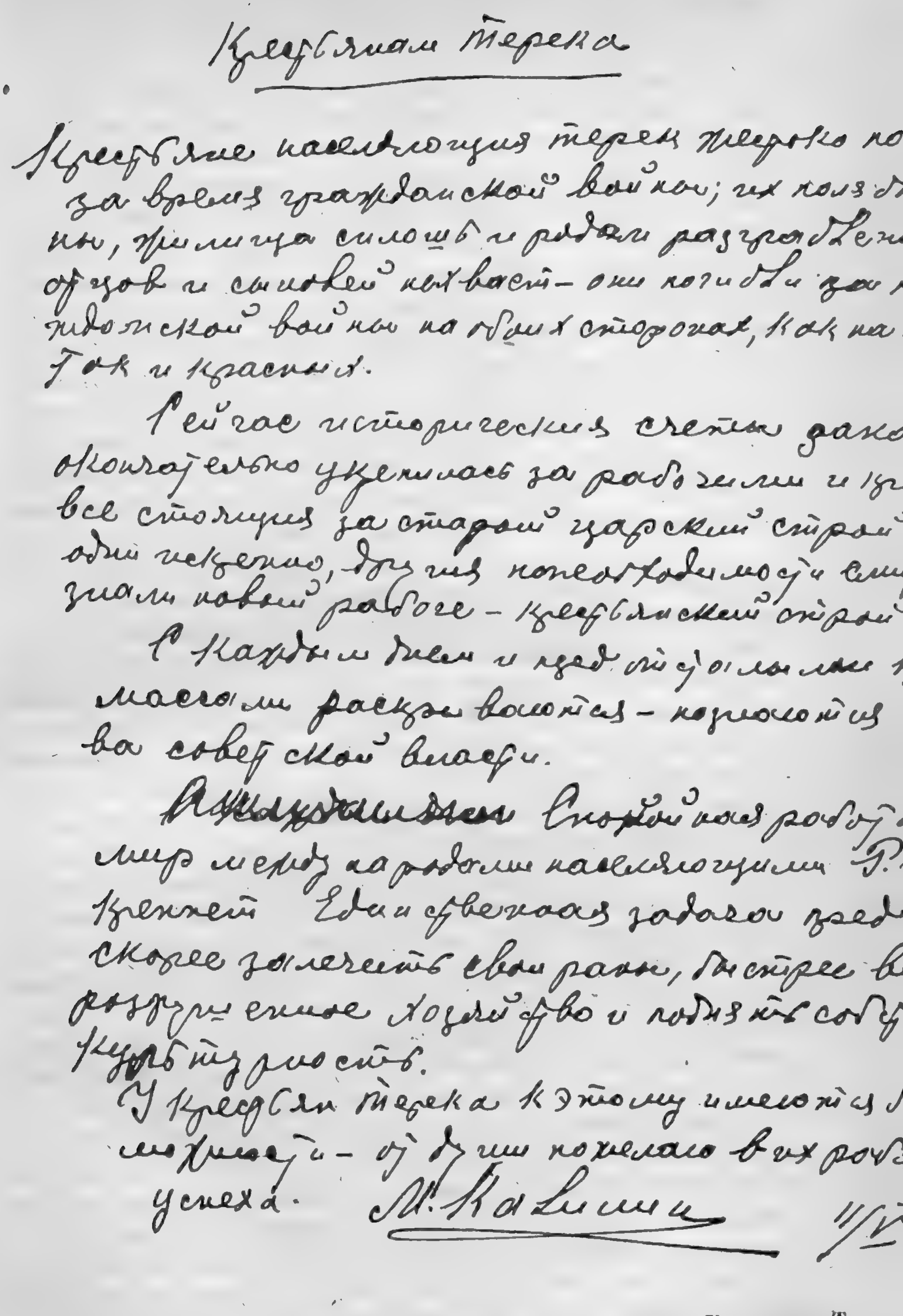
Калинин. Да уж видно, здесь бабы оборотистые. Чтобы не было никаких недоразумений, надо во-время запастись документом, надо, чтобы комиссия осмотрела, какое количество земли засеяно. Надо сто раз послать делегацию в Исполком, чтобы осмотрели, потому что учреждение есть учреждение, у них пока-что не болит, а болит тогда, когда начинаются беспорядки.

Крестьянин. Разрешите жалобу донести, она касается не только меня, но и всего уезда или губернии. Я сельский секретарь села Михайловки, и вот в такое положение поставлены у нас секретари Приамурской области: было такое распоряжение из центра, что сельские секретари будут приняты за счет государства, было распоряжение, чтоб не брать с них повинностей. Теперь это постановление отменили и выясняется, что сельские секретари по 12 руб. жалованья должны получать, а вот уже четыре месяца как мы ничего не получили, приходится день и ночь работать в страдное время, приходится прямо голодной смертью помирать, и нас таких много.

Калинин. Это местные власти чересчур размахнулись. А я настаиваю, чтобы сельские секретари были на счет самого населения.

Крестьянин. Вот говорили, дороги поправят, учителей содержать будут, а приходится нам самим платить.

Калинин. Что же делать? Государству армию приходится содержать. Мы получаем пока-что с народа одну третью часть.



Крестьянам Терека

Крестьянское население Терека жестоко по
за время гражданской войны; их хозяй
ны, тысячи сплошь и рядом разграблен
отцов и сыновей нет вовсе — они погибли за г
жданской войной на обеих сторонах, как на
так и красных.

Сейчас исторический спор закон
окончательно утвердилась за рабочими и кр
все стоящие за старый царский строй
одни искренно, другие по необходимости сми
знали новый рабоче-крестьянский строй

С каждым днем и год от году
массами расширяются — налаживаются
ва советской власти.

[illegible] Спокойная работа
мир между народами населяющими Т
крепнет. Единственная задача [illegible]
скорее залечить свои раны, быстрее в
разрушенное хозяйство и поднять свою
культурность.

У крестьян Терека к этому имеются в
можности — от души пожелаю в их работе
успеха. М. Калинин 11/V

Факсимиле рукописи М. И. Калинина «Крестьянам Терека»

Главная причина, это— водка не продается в центральной России, да и здесь не ахти что она приносит. Нам окраины очень дорого стоят, от окраин мы никакой пользы не получаем, а за эти пять лет мы еще 20 миллионов золотом выделили, даже немножко побольше. Мы, в сущности говоря, едем на рязанском мужике. Одна Амурская губ. большие убытки дает. Конечно, царское правительство занимало за границей деньги, и сейчас долг у нас в шестнадцать миллиардов от царского правительства остался. Вот за что идет борьба. Я ручаюсь, что если бы было царское правительство, то крестьянам еще тяжелее приходилось бы с налогами. Мы счастливы, что не платим пока-что долгов и брать — не берем. В долг можно лет сто жить, а когда-нибудь надо будет заплатить. Подумайте — десятки миллиардов остались после царского правительства. Если бы вы сказали, вот что царское правительство оставило, ему должны, тогда другой разговор бы был.

Вы вот все жалуетесь, а у вас с хозяйства 200 рублей остается на ваши нужды. Другое дело рязанский мужик: ему приходится в извоз бросаться. Вам же можно и одеться и обуться. Дальревкому мы заявили: денег нам не надо, а то, что соберете, вы расходуйте на местные нужды. А здесь тоже широко размахнулись: губернии лишние создали. Ваша волость тоже увеличилась по размеру, каждое село после революции хотело превратиться в волость, а потом и сели: средств не хватило, перешерстили. Пришлось Ревкому пойти по сокращению. А мы и ваши железные дороги взяли на свой расход, это что-нибудь да стоит. Сибирская железная дорога самая убыточная. Старое царское правительство выезжало на центре России, создавая окраины, давая им разные льготы, а мужик в сущности везде одинаков. Мы за шесть лет не разорили наших мужиков, они беднее не стали, и ручаюсь, что мужик будет бороться за нас, полюбит Советскую власть, ведь и армия наша из тех же мужиков состоит. Сразу порядок не наладишь. Вот будет волостной съезд советов, возьмите его за жабры. Надо по одежке протягивать ножки. Я и говорю, что мы от Дальнего Востока и Сибири, начиная от Томска, ни копеечки не получили. Вы лучше вспомните, как старое царское правительство с вами расправлялось. Вспомните, как в 1902 году в Харькове вас пороли, как Оболенский порол; это еще до японской войны было, а, может, кто из вас там в это время был? Мы, правда, нажимаем на крестьян, но иного выхода нет. Мы с вас получаем налоги, а рабочим не платим,

железнодорожники жалуются — очень им плохо приходится, получают по 22 руб., а у нас получали 14 рублей в августе месяце, а несколько месяцев тому назад всего 4 рубля. Передохли бы железнодорожники, если бы не спекулировали и не возили зайцев. Поэтому, когда железнодорожник попадется и его судят, я вхожу в положение и думаю: попался, надо спасти.

Голос. Да что, ведь они работают часа четыре, не то, что мы.

Калинин. Попробуйте встать на железную дорогу да и поработать, тогда узнаете, легка ли эта работа. Вы народ крепкий, сибиряки.

Крестьянка. Мы, старые, крепки, а народ слаб.

Калинин. Мы ведь армию не можем распустить и то ее убавили в два раза. Как у вас сократишь, напр., милицию, когда рядом бандиты разгуливают по Иману? Вот крестьянин ехал, восемнадцати лет, а его убили, даже не был коммунист он, да и среди вас, вероятно, контр-революционеров пруд пруди. Конечно, белогвардейцев из Владивостока выпроваживаем, пусть потрясутся да одумаются в Москве.

Легко не может быть сейчас; заметьте, все мужское население, буквально все, было на войне. В казачьих станицах, где населения 12 тысяч было, а теперь всего 8, остались старики, вдовы, ребятишки маленькие, там и землю делить нечего, выйдет из-за околицы и пашет.

Крестьянин. А у нас и скот держать здесь нельзя. В прошлом году пропало много скотины от чумы.

Калинин. Здесь вам придется большую работу произвести, вероятно, врачей мало, а ветеринаров еще меньше.

Голоса. Коли есть деньги, так врачи найдутся и понаедут.

Калинин. Больших льгот правительство вам дать не может, вы дурного от революции еще ничего не видели, пока только первый налог платите. Вы мне кажетесь избалованными, вы не видели первого проявления революции; у нас не осталось ни фабрикантов, ни помещиков, крестьяне все растащили и поделили. А мы голодающим помогли, около 100 миллионов израсходовали на хлеб, сколько значит из золотого запаса ухнуло на поддержку крестьян. Я был в августе месяце 21-го го а у голодающих. Для меня самого положение казалось отчаянным, хотя виду не показывал. Собрал народ — у всех полная безнадежность, ничего у них не осталось,— ни скота, ни имущества. Я им сказал: по

два пуда дадим, они говорят: вы с ума сошли, так сдохнем; коли хотите помочь, больше давайте. А больше дать было невозможно, и все-таки многих спасли, я нарочно ухудшал положение, чтобы каждый сам изыскивал способы для своей поддержки. Конечно, вымерло процентов 10. Неурожай этот был в 21 году, а голод в 22. Это были ужасные картины, такие бедствия никогда не видел, и когда такое горе посмотришь, здесь все остальное смешным покажется. В Бузулуке целые горы трупов лежали.

Голоса. Собирайте понемножку с нас, на дольше хватит. А то разорите, и пользы от нас не будет.

Калинин. У нас деньги с каждым месяцем падают, поэтому ввели пени, у вас другое дело — вы платите серебром, и рубль всегда рублем остается. В Чите этот вопрос будет поднят и срок вам увеличат, это все во внимание принимается. Вы вот подворные налоги еще не видали, а все жалуетесь и денег просите на школы, а я вам говорю: извольте-ка школы на собственные средства содержать. Теперь вам легче будет, теперь будет единый налог.

Голоса. Мы еще посмотрим, может будет выше неба.

Калинин. Ведь государство вас бережет. Ведь как на лошадь накладывают? Чтобы взяла столько, сколько сможет свезти, накладывают так, чтобы не задохлась. Так же и к вам относятся. Вот когда доходы будем с фабрик и заводов получать, тогда крестьянские налоги кончатся, или водкой начнем торговать.

Крестьянка. Уж лучше не открывать, от нее подохнешь скоро.

Калинин. Теперь железные дороги еще пять лет будут убыточны, такая дорога, как ваша, например.

Почему мануфактура дорога? А потому, что мы хлопок покупаем в Америке на золото, и это очень дорого стоит. Наши фабрики, вместо того чтобы изготовлять 100 000 кусков материи, изготовляют только 50, и больно все разбито, а вот когда придется за границу платить, тогда еще тяжелее будет, а пока мы отмахиваемся. А ведь наши милые союзники за снаряды с нас требуют, которые царское правительство от них получало. Сами-то они требовали, чтобы мы наступали, а за снаряды счет поставили, по дорогой цене, да еще брака присылали. Нас грабили все: Япония, Америка, русские белые, только на одной сибирской дороге, от Уфы до Омска, 500 мостов было взорвано.

Вот вы все это поправьте, входите и вы в положение государства. На чорта бы к вам царь сюда приехал? А я приехал; нужно, чтобы вы знали, что рабоче-крестьянское правительство с крестьянами очень считается, да только чтобы и вы входили в положение. Наше государство грабили всякие мерзавцы, которые были паразитами и уехали паразитами, уезжая все уничтожали. Например, в Царицыне бросали бомбы внутри зданий, все разрушили. А после этого вы хотите жить задаром, божьим изъявлением, этого не может быть.

Голос. Как сибирские золотые приски работают?

Калинин. Слабо работают, мы добыли пудов двести золота в нынешнем году, а прежде по всей России добывали до 2 000 пудов. Но это ошибка думать, что золотые приска особенно выгодны. Золото—такие же деньги, как и хлеб. Возьмите: если вывозим хлеб за границу, тоже золото получаем. Вместо того чтобы золото добывать, на него деньги растрачивать, выгоднее хлеб продавать, а золото не является особенно выгодным предприятием. Уж если хотите, то самое выгодное — это нефть в Баку, это хорошую прибыль дает. В нынешнем году добыли 200 миллионов пудов нефти, а туда сыпнули 24 миллиона денег, потому что надо ремонт произвести, все вышки плохи стали, машины попортились; если не отремонтировать, на будущий год будет убыток. Кроме того расходы по хозяйству у нас: мосты надо чинить, водокачки поставить, шпалы новые, мы сменили до 50 миллионов шпал. Железные дороги в общем никогда себя не обрабатывали, разве только такая дорога, как Москва и Петроград. Но ваша дорога, которая на пять тысяч верст простирается, всегда убыточна была. Я нарочно вам все говорю, чтобы вы знали, какое у нас положение.

Крестьянка. Скажите, как насчет церквей в России?

Калинин. Церковь отделилась от государства, она самостоятельна. Церковь передается в ведение религиозной общины, они избирают комиссию, принимают церковь по описи и хранят имущество.

Голоса. Нам трудно церковь содержать, все деньги на продналог тратим.

Калинин. Это сказки, у вас в церкви золото осталось, ризы не обобрали, а у нас ризы брали на голодных, и они дали около трех миллионов пудов хлеба. Теперь же церковные деньги будут в ведении того общества, которое руководит. Если есть

лишние деньги в церкви, то можно их передать, например, на содержание детских приютов.

Голос. А вот у вдовы одной отобрали иконы, да еще хотели в суд передать.

Женщина. Как же, комиссия была по случаю обновления икон.

Калинин. Что это такое — обновление икон?

Голос. Здесь чудеса были, назначалась комиссия, которая собрала эти иконы для экспертизы.

Федора Гавриленко. У меня две иконы забрали, одно «утешение». Я одинокая, а это было благословение, думала помереть с ними.

Голос. В уезде 2 000 икон обновилось.

Калинин. Я все это проверю и считаю, что напрасно брали иконы.

Голос. Была черная икона, вдруг стала белеть и начала блестеть.

Калинин. Я в эти чудеса не верю, я предпочел бы, чтобы вывозимые в центральную Россию белые перекрашивались в красный цвет, чтобы было обновление живых людей, или чтобы лучше у вас одежда обновилась. *(Смех.)*

Голос. А уж нам пусть лучше обновляются иконы, пусть что кому нравится.

Калинин. А как вы думаете, к чему это? Это может быть к голоду? Хотя признаю, что человеку может быть дорога икона, и не надо было бы их забирать.

Голос. Я хотел бы узнать насчет леса.

Калинин. Теперь прошел декрет: леса местного значения переходят в деревню, так что часть леса возвратится; у нас уже произошла размежевка, переделы разрешаются через 9 лет, а теперь запрещены совсем. Этот передел будет от общества зависеть, если у вас большинство выскажется за передел и если за время революции его не было, то имеете право.

Крестьянин. Здесь, когда переселяло царское правительство, то давало стодушевой надел на семью и 15 десятин; наше село — почти все сто десятин надела имело. За сорок лет прирост большой населения получился, в виду прироста населения старая размежевка была сломана, поделили на души, но за семь-восемь лет опять прирост получился.

Калинин. Это зависит от вас: соберите сходку, все Михайловское общество, составьте приговор, затем подите

в волостной исполком, он должен удовлетворить ваш приговор, и если не будет жалоб, то можно делить, а если будет кто-нибудь против, то уезд окончательно постановит, у нас три года дележка происходила. У нас многие переходят на хутора и отруба. У нас землю делили на три сорта, делали оценку; за хороший сорт надо платить сто рублей, второй — пятьдесят, третий — 25. Я понимаю, что у крестьян стремление своим домом жить, тогда они лучше хозяйничают, а по воскресеньям вот у нас не работают, говорят: грешно, а я считаю лишним рукой махать и думаю — вредно для людей много молиться.

Женщина. Потому что мало молимся, и пшеница пуста.

Калинин. Вот в Забайкальской области четыре года не было урожая, а сегодня урожай, так отчего же это? От обновления ли икон или другая какая причина? А я-то думаю, что скорее вашего в рай попаду.

Крестьянин. Да ты уж и так, батюшка, в царстве небесном живешь, сам себе хозяин.

Калинин. Я такой же крестьянин, как и вы, и нахожусь под строгим контролем. Каждый из вас свободно может выйти в начальство. Вот будьте председателем, соберите налог, да чтобы народ хвалил и во-время налоги бы собрали.

Голоса. Правильно! *(Смех.)*

Калинин. Если проведете хорошо, в волость попадете, затем в уезд, а затем, если не председателем ВЦИК, то возле меня будете.

Крестьянин. У вас и так лишних много.

Калинин. Лишних много, а умных мало *(смех)*, умному человеку дорога открыта будет.

Голос. Насчет денег нам скажите.

Калинин. Мы теперь понемножку вводим червонцы, которые равняются десяти рублям. Они не падают в цене. Года через полтора-два может-быть ену не будем принимать, но пока свои советские знаки не вводим сюда. Я думаю, что через некоторое время мы разрешим нашим органам советскими знаками налоги брать, делается это исподволь. Если мы сумели завоевать Дальний Восток, то деньги ввести торопиться нечего.

Сегеда, Петр. Я на комиссию подал заявление и документы. Я был в русско-германской войне, из комиссии 16 месяцев известий нет никаких, а с меня налоги требуют. Я не могу обрабатывать для себя куска хлеба.

Калинин. Если у вас есть имущество, то с него и будете платить.

Сегеда. Я заплатил 20 руб. золотом, всего четыре десятины обрабатываю, имею две лошади, одну корову. Нынешний год заплатил аренду за бывшую церковную землю, с семян еще требуют шесть рублей золотом с десятины, и пшеница пропала. Я не знаю заключения врача, документов обратно не получил, я еще подавал в уезд, в городскую управу.

Калинин. Поручаю председателю губисполкома расследовать это дело.

Крестьянка. А все-таки придется Советской власти нам пшеницы дать. *(Смех.)*

Калинин. Теперь разрешите пожелать вам всего хорошего и надеяться, что постепенно ваше хозяйство наладится и вы полюбите Советскую власть.

БЕСЕДА С КАЗАКАМИ СТАНИЦЫ ИЛОВЛИНСКОЙ 2-го ДОНСКОГО ОКРУГА, В 1920 ГОДУ.

(На сходке присутствуют 700 чел., население 15 000 чел.)

Сходку открывает председатель Рогин. Затем выступет представитель Наркомпрода поезда «Октябрьская Революция» т. Бобров, обрисовывает пред казаками общее положение Советской Республики.

Товарищ Калинин предлагает казакам рассказать, как они живут, в чем нуждаются.

Бойков. У нас в войну Иловлинская станица много пережила убытков. У нас был фронт, и власть переходила из рук в руки, все брали и брали, и скота не осталось совершенно, а что касается быков, так весной совсем пахать будет не на чем. А наши граждане особенной профессии не имеют, занимаются главным образом земледелием, а если кто и имеет какую-либо другую профессию, то очень мало, Относительно корма для скота тоже добыть совершенно негде. В этом отношении у нас критические обстоятельства и где просить — неизвестно. Конечно, если бы утвердилась Советская власть, то может-быть можно было найти исход. То же самое можно сказать относительно всех товаров, во всем этом население очень бедствует. За все время войны ничего нельзя было достать и в настоящее время население нуждается в керосине, соли, Народ совершенно не знает, куда обратиться, как помочь горю. Большинство семей осталось совершенно без рабочих рук, очень много сирот, вдов, стариков, которые не получают никакого социального обеспечения. Так что в общем можно сказать, что в Иловлинской станице очень плохие обстоятельства.

Калинин. Сколько раз переходила станица из рук в руки?

Старик казак. Шесть раз власть была кадетская и семь красных.

Калинин. А много у вас ушло к кадетам?

Ромашев. Ушли, но не так много. Некоторые ушли с семьями, другие без семей. У кого жена одна, взял да ушел.

Калинин. А мобилизация у кадетов была?

Ромашев. Да, мобилизация была и много ушло по мобилизации.

Калинин. А у вас в станице есть иногородние?

Крестьянин. Да.

Калинин. Насчет земли у вас споров нет?

Крестьянин. Земля почти вся лежит нетронутой, работать нечем.

Калинин. Сколько было скота в деревне?

Казак. Пар двести было.

Калинин. Сколько осталось?

Казак. Не больше 20 пар.

Калинин. Ну, а как же вы думаете, что можно сделать, чтобы обработать землю?

Ромашев. Теперь если бы была возможность заработать и пойти скот купить. А то у нас существовал надеж на скот и у кого было по одной корове, и то пали. И теперь нет ни молочного, ни рабочего скота. А землю кто успел осенью запахать, то теперь весной нечем будет обработать.

Калинин. Значит, вам надо разрешить покупать скот?

Ромашев. Да, нам бы разрешить покупать за Доном. Там позиции не было и там больше скота осталось. И потом нам нужно хлеба, войска стояли на квартирах, приходилось давать хлеба, а теперь самим нечего есть.

Калинин. А много у вас в Красную армию мобилизовано?

Казак. Человек до тысячи, а то и больше с хуторами.

Крестьянин. 24-й и 25-й полки тов. Буденного состоят преимущественно из наших и Качалинских.

Калинин. А чем теперь живут казачки? Хотя кажется у вас в станице гусей много.

Казачка. Всех переловили, которые были.

Калинин. А наши красноармейцы тоже гусей едят? Я в Москве должен сказать, кто больше ест — наши или белые?

Клецкая. У меня лошадь взяли со всей упряжью и ничего не заплатили. Можно ли надеяться, что заплатят?

Калинин. А бумага у вас осталась?

Клецкая. Они дали мне бумагу и печать приложили.

Калинин. А вы как, богатая?

Клецкая. Какая богатая. Жить нечем.

Крестьянин. У меня тоже лошадь увели из 14-й дивизии.

Калинин. Ну вот, выпишите все и приходите на поезд, чем будет можно, вам помогу. А как у вас ситцу здесь хватает?

Крестьянин. Какой там ситец! Соли с керосином нет, а о ситце мы и думать забыли.

Калинин. Ну ладно, работайте пока, а мы вам года через два привезем ситцу и всего.

Казак. У нас когда в прошлом году стояли войска, то они нам ничего не платили, а выдавали записки с печатью, и у нас было набрано на 18 000 р. Я был избран отвезти эти записки в Царицын в финансовый отдел, и финансовый отдел эти записки принял, чтобы проверить. Потом нам прислали бумагу, чтобы получить эти деньги, но только вместо 18 тысяч мы получили всего 9 тысяч, а остальные сказали — не дадут и записки там остались. Их передали в штаб X армии, и до сих пор ничего не слышно. И вышло так, что некоторые граждане и до сих пор никаких денег не получали.

Калинин. Ну, эти деньги не пропадут. Ваши записки, вероятно, в Камышевке лежат в ящике.

Казак. А потом нам предлагали — у кого есть донские деньги, вносить их в совет, говорили, что будут обменивать, но до сих пор никто ничего не получил.

Калинин. Про эти деньги мне уже известно, но сейчас казна платить не будет, а когда Деникин будет совершенно разбит, то кто будет очень нуждаться,—тому будет выплачено, а то сейчас если начать платить, то потребуются очень огромные суммы и Деникин будет переплавлять к нам свои деньги, а они нам совершенно не нужны.

Крестьянин. И за подводы нам тоже совершенно не платили, говорили, что придите и получите, и граждане ходили и совершенно не могли найти того, кому и подводы давали.

Калинин. Ну что же, война есть война. Потом все будет уплочено. Все равно ведь вам теперь с бумажками делать нечего. Я не знаю, правду ли мне говорили, что у вас целые кубышки денег зарыты. Правда это или нет?

Смест хором. Какие кубышки,— это наговаривают.

Свиридов (казак-красноармеец). В прошлом году 19 октября нас мобилизовали, по 40 слишком лет кому и того мобилизовали, а теперь в других дивизиях отпустили, а в нашей 30-й дивизии мы просили начальника, а он говорит, что ему на это приказа не было. И нам то обидно, что все товарищи уже дома, а мы почему-то, пять человек, служим.

Калинин. А сейчас вы в отпуску?

Свиридов. Я сейчас командирован.

Калинин. Я сейчас сделал распоряжение, что кто в отпуску, тот чтобы оставался дома. А вам пока придется послужить, отпустят всех до 33 лет. Но, конечно, не все сразу делается.

Калачев. Вы говорите, что у нас денег много, а нам вот надо послать в центр для приобретения машин, ситцу и т. д., а на наши деньги нам там ничего не дадут. А красноармейцы, когда приходили, мы им все давали, а нам даже и денег не оставили, и теперь если поедем, и покупать не на что.

Калинин. Все, что есть, товарищи, все дадим. Ситцу наверно получите не раньше, чем года через два. Конечно, вы получите ситец и раньше, но только немного, по 8 аршин на семью, ну, а через года-два всякий получит по сарафану, это уже будет другое дело. У нас сейчас в Москве есть запас миллиона три, но и населения у нас свыше 100 000 000. И мы, чтобы не обидеть, делим всем поровну.

Казак. Вы говорите, товарищ Калинин, что мы получим года через два, а мы бы желали узнать, что мы получим до нового года.

Калинин. Точно указать нельзя, но приблизительно каждый на штаны и рубашку аршин 6 получит.

Калачев. Мы хотели вас просить, нельзя ли как-нибудь помочь, чтобы дали земледельческие орудия?

Калинин. Конечно, на Донскую область отпустят и земледельческих орудий. Мы всегда стремимся там, где больше родится хлеба, снабдить всем возможным. Но разумеется, много дать не можем, — человек 50 получат по 2 плуга. А вот у нас на севере так заведено, что земли красноармейцев,— так как одной женщине трудно справиться,—то земля красноармейцев обрабатывается обществом. Это уже теперь проведено законом и будет обязательно и для вас. У кого нет лошадей, то всем обществом запахивается в воскресенье. Сейчас пока еще сразу трудно наладить, а вот когда все установится, то из-за границы будем привозить и земледельческие орудия. А теперь пока еще ничего нет, надо беречь каждый старый кусок железа. Мы железом сейчас беднее, чем мануфактурой: когда взяли Урал, то там Колчаком все было в лоск разбито. Но я думаю все-таки, что годков через 5 — 6 справимся. А относительно ваших нужд, то со мной едет представитель Донисполкома и конечно он будет хлопотать обо всем, что вам необходимо. Сейчас уже сделано распоряжение, чтобы от вас вытряхнулся штаб.

Казак. Товарищ Калинин, плуги-то мы как-нибудь сами сделаем, а вот во что запрягать—нет у нас. Что будем делать, сами не знаем.

Калинин. Сколько у вас сейчас ценится вол и лошадь?

Крестьянин. Бык 20 000, а лошадь 15 000.

Калинин. Я боюсь, что если мы вам дадим свободную торговлю, то у вас очень дорого станут цениться. Вон у вас сейчас лошадь уже доходит до 80 000, а у вас вол может дойти до 150 000 р.

В общем я говорю, что центр, со своей стороны, сделает все, что от него зависит, а вы в свою очередь тоже уже постарайтесь налаживать хозяйство.

Казаки. Мы не отказываемся работать, да у нас по 40 лет взяты в Красную армию и дома остались одни бабы да дети.

Калинин. Ну, ведь казачки наверно привыкли работать.

Казак. Да, только казачками и живем, если бы не они, то и жить нечем.

Калинин. Теперь, если хотите, я вам сделаю доклад, что у нас происходит на фронтах. Почти на всех фронтах у нас быстро развивается успех, и особенно на южном. Если у казачек есть мужья у белых, то наверно скоро будут возвращены, потому что много сдается в плен. Сейчас Донская область почти вся освобождена и фронт находится верстах в 500 отсюда, и вероятно наши войска не сегодня-завтра вступят в Кубанскую и Терскую области. Последние известия есть о том, что Деникин смещен и на его место назначен Романовский. И мы думаем, что это уже последние дни деникинских банд; по всей вероятности, силы его будут так же быстро падать, как и Колчака. На западе наши войска сейчас подходят к Херсону, Одессе и остается только Польша. Потом есть еще сведения, если радио не врет (а это бывает), что Колчак со всеми его запасами арестован в Иркутске. Остается только небольшой северный фронт, где ни наши ни ихние войска не наступают. Так что вы видите, в военном отношении у нас дела великолепны.

В настоящее время Советская власть завоевывает все бо́льшие и бо́льшие симпатии среди мелкобуржуазных масс населения и буржуазии, которая приходит к убеждению, что победить нас нельзя.

Таким образом, теперь для всех уже ясно, что мы победили, и сейчас наша задача—приступить к советскому строительству.

А это одна из труднейших задач. Мы должны помимо исполнения чисто практической работы еще учиться, потому что у власти стали рабочие и крестьяне, которые не учились никогда этому делу. Старые дворяне и помещики имели большой опыт, они учились управлять целыми столетиями, но теперь их у нас нет, и надо как-нибудь самим без посторонней помощи приучаться к работе.

Вы, для того чтобы правильнее наладить свою жизнь, должны знать, кого выбираете, должны выбирать честного человека, умеющего управлять. Ллойд-Джорджей вы у нас не найдете, надо выбирать из своей же среды, крестьян, и приняться как можно скорее за работу, а мы, со своей стороны, пойдем широко на помощь, асигновывать будем сколько в силах. Достаточно мы жили и воспитывались по-поросячьи, родились на навозе,—пора быть культурными. И проведение этой культуры целиком ложится на женщин. Мужчин осталось очень мало, их или перебили или они замучились. Бо́льшую часть работы должны взять на свои плечи женщины. А наша задача — дать возможность как можно шире развернуться всякой инициативе, чтобы каждый почувствовал, что он хозяин не своего маленького клочка, а хозяин всей РСФСР. Возьмите англичанина; он с гордостью говорит: я англичанин, гражданин великого, свободного государства. А наша Республика свободнее их государства; они граждане буржуазного лицемерного государства, где существуют — торговля и обман, где существует разврат за деньги. У нас этого быть не должно, у нас любовь должна быть свободной, бескорыстной; теперь девица уже не будет выходить замуж за богатого казака только потому, что он богат. Наше государство бедное, мы сами нищие, но мы не рабы; мы разуты и раздеты, но—свободный народ, а английский рабочий живет сытее нас, но он с величайшим вниманием следит, что происходит у нас, он кричит, что это — непобедимый герой, который сверг свою буржуазию. И я думаю, товарищи, что неужели мы, работавшие раньше на попа и капиталиста с утра до ночи, неужели сейчас для самих себя, для своей собственной семьи не употребим все силы, чтобы наладить, улучшить нашу жизнь?

Прежний мир это был мир полной несправедливости, издевательства над человечеством, этот мир у нас назывался «святой Русью». Эта та «святая Русь», где каждая жена обманывала своего мужа, где каждый человек стремился свой пятачок продать

за гривенник, и на этот гривенник он ставил перед богом свечку, думая, что он поступает вполне правильно. Мы жили сплошь на лжи и обмане. Если я везу дрова на базар, то я стараюсь их так наложить, чтобы их казалось побольше, а на самом деле было меньше; а тот, кто покупает, стремится обойти меня, чтобы купить как можно дешевле... И говорили: «это святая Русь»! Нет, это Русь торгашеская, основанная на сплошном обмане. А мы хотим, чтобы каждый человек за свой рабочий день получал стоимость труда рабочего дня. Мы хотим, чтобы у нас не было эксплуатации, обмана; но для того, чтобы этого не было, мы должны приложить всю нашу настойчивость, энергию, чтобы довести до конца стоящие перед нами задачи. А задачи нелегкие, если бы они были легки, то весь мир не взирал бы на нас с тем глубоким вниманием, с которым он смотрит. К выполнению этих задач я, товарищи, горячо вас всех призываю. Чем труднее будет задача, тем больше нам будет почета по ее выполнении; и старикам нечего бояться, что этот новый мир, что какое-то богохульство, наоборот,—если есть на том свете ад и рай, то все, кто работает за этот новый мир, все, кто облагораживает человека,—все они делают действительно святое дело, все они защищают свой народ. *(Аплодисменты.)*

МИТИНГ В АУЛЕ УРУС-МАРТАНА СРЕДИ ЧЕЧЕНЦЕВ.

17 мая 1923 г.

Хас-Уртюн Магомет указывает, что теперь слишком много свободной земли имеется в Хасав-Юртовском округе. Чеченцы думали, что при объявлении автономии Чеченской области они получат необходимое им количество земли, однако этого не случилось, и теперь они попрежнему страдают от земельной тесноты. Поэтому все чеченцы просят, если возможно, прежде всего разрешить в благоприятную сторону земельный вопрос.

Бисултан-Оглы приводит такой пример из жизни пророка Магомета. Когда к нему обращались и говорили, что условия жизни слишком тяжелы, что лучше умереть, а не жить, то пророк ответил, что если власть судит справедливо, то нужно жить, а если власть не знает и не интересуется вашими нуждами, тогда лучше умереть. Этот пример он приводит для того, чтобы представители центральной власти вошли в тяжелое положение чеченцев, и если есть возможность, чтобы они улучшили это положение, прежде всего уравняв чеченцев в земельном положении с казаками, которые пользуются самыми лучшими землями; и затем от имени всего чеченского населения просит оставить в силе шариатские суды, которые были первоначально дарованы Советской властью.

Али-Мирза Цокаев говорит, что есть целый ряд казачьих станиц, которые создали чересполосицу; станицы эти, вклиняясь в чеченские и ингушские земли, препятствуют свободному развитию, свободному сообщению. Казаки способствовали контр-революции, а теперь пользуются лучшей землей, которая нестарп принадлежала чеченцам. Поэтому самая большая просьба чеченцев в том, чтобы выселить этих казаков, которые были сюда выселены при царизме для того, чтобы угнетать чеченцев и другие горские народы. Поэтому Советская власть, освобождаю-

щая все народы от угнетателей, должна и может выселить казаков с тех земель, которые принадлежат чеченцам. Большинство казачьих станиц носят чеченские названия и это еще раз доказывает, что земли эти исстари принадлежали чеченскому народу.

Бис-Султан Докаев (является представителем бедноты) в своей речи указывает на то положение, которое создалось в Чечне: в то время, когда здесь появились первые признаки гражданской войны, когда чеченцы узнали, что в центре совершилась революция, представители Советской власти приехали к чеченской бедноте и говорили, что Советская власть стоит за бедноту, поэтому беднота обязана ее поддерживать против контр-революции; «будьте сторонниками Советской власти, говорили нам молодые представители этой власти,—сражайтесь вместе с нами, и когда кончится гражданская война, Советская власть вас освободит, вы получите землю и не будете бедными». В виду этого чеченцы выступили на защиту Советской власти,—проливали свою кровь, многие лишились своих лучших сыновей, потеряли свои аулы. Видя эту поддержку, молодые представители Советской власти говорили, что когда контр-революция будет опрокинута, «мы вам дадим мануфактуру и все продукты, которые необходимы для чеченской жизни; вы будете уравнены в земельном отношении». После того как контр-революция была опрокинута, вступила Советская власть, но она тогда не была достаточно прочной, и если бы не поддержка чеченцев, Советская власть не удержалась бы. Вы, наверное, знаете, что многие красноармейцы, что многие ответственные работники, ища спасения, убегали в чеченские аулы, прося их укрывать и, несмотря на все требования контр-революции, мы их не выдавали. После этого на нас стали нападать контр-революционеры, наши злейшие враги, и у нас наступила гражданская война, от которой мы жестоко пострадали. Теперь мы знаем, что Советская власть окончательно укрепилась; ни одно из этих обещаний молодых представителей Советской власти не исполнилось до сих пор. Я являюсь представителем бедноты и совершенно открыто заявляю, что мы дошли до такой нищеты, мы лишены абсолютно средств и не можем существовать дальше. Мы просим у Советской власти, за которую мы беззаветно проливали нашу кровь, чтобы теперь эта власть вошла в наше положение и поддержала нас, помня, как в острый момент мы поддерживали ее. На нас наложена масса всевозможных налогов, которые совершенно не дают нам жить. Если так будет продолжаться, то мы

очутимся совершенно в безвыходном положении. Те люди, которые в самые острые моменты борьбы стояли как бы в стороне, они очутились у власти, а мы, которые боролись за эту власть, оказались ни с чем, никто нас не знает и знать не хочет.

Калинин. Товарищи, я очень жалею, что не могу говорить на родном языке здесь присутствующих, ибо в переводе некоторые слова теряют смысл и, пожалуй, вам трудно будет понять то, что я хочу выразить. Мне кажется, насколько меня не обманывает правильность глаза,—а я изъездил всю Советскую территорию,— я нигде не видел столько бедноты, как здесь. Наша власть есть власть бедноты, поэтому она особенно чутко относится к нуждам горских бедных людей. Один из выступавших здесь товарищей сослался на пророка Магомета и сказал, что если власть обращается хорошо, то и бедному человеку не надо умирать, ему нужно жить; а власть только тогда будет обращаться хорошо, когда беднота будет напоминать ей о своих нуждах, будет указывать те или иные несправедливости. Все люди родятся хорошими и только потом в жизни они портятся: люди привыкают, чтобы им кланялись, чтобы им делали подачки, и от этого постепенно самый хороший человек делается дурным. Поэтому, если беднота хочет иметь хорошую власть, она должна смело указывать на все ошибки. Находясь в Москве, я постоянно имею доклады от представителей Чеченской власти, но мне мало этих докладов и поэтому я приехал сюда, чтобы здесь слышать из уст самого народа о ваших нуждах. Должен сказать, что ваша новая власть пока очень хорошая власть, но если беднота не будет внимательно за этой властью следить, то она может испортиться. Здесь, вдали от центра, где целые десятилетия никогда не было порядочной власти,—раньше здесь на людей, в особенности на бедноту, смотрели буквально как на скот. Советская власть, это—власть простых людей. Я, являясь представителем этой власти, в то же время являюсь рабочим и крестьянином, поэтому любой бедняк, любой середняк может самым простым языком рассказать мне свои нужды, и я пойму его. Может-быть я ошибаюсь, но здесь как будто бы на этом собрании бедноты у вас очень мало, я не видел здесь той бедноты, которая бы ярко рассказала о своей нищете, о своих несчастьях. Наладить новую жизнь так, чтобы стало легче и лучше жить и бедняку и середняку, это очень трудная задача, однако Советская власть во главе с Лениным, о котором наверное вы слышали, поставила себе задачу улучшить положение бедноты, укре-

нить положение середняка; но мы можем выполнить эту задачу только тогда, когда нас поддержат и бедняки и середняки. Мы не хотим, чтобы какая-нибудь из национальностей, живущих в Советской Республике, была угнетаема. Раньше религия или, вернее, наши священники были самыми приближенными людьми к царскому дому, который сильнее всего угнетал рабочих и крестьян, поэтому теперешняя рабоче-крестьянская власть великолепно понимает ту горечь, которая целыми поколениями накоплялась у горцев, особенно притесняемых, бесправных, на которых смотрели, как на людей низшей расы. Наши господствующие классы смотрели свысока на горцев, а Советская власть убеждена, что именно эти горцы должны составить самые лучшие, самые сильные, самые убежденные и умеющие класть свои головы,— силы в защиту Советской власти, которая является защитницей бедноты. Поэтому давайте вместе строить трудовое братское государство, пусть придут все честные горцы, которые хотят нам помогать, которые хотят быть настоящими братьями всего человечества, и мы вместе с ними построим новую жизнь, где легче будет жить бедноте, где не будет угнетения, ибо я считаю, что ваш пророк Магомет, в которого вы верите, он никогда не возражал против действительного братства. Мы строим не государство горца или государство ингушей, или государство русских,—мы строим государство трудящихся, и всякая национальность, чем она беднее или несчастнее, тем более почетное место она должна занять в строительстве нового государства. Первая задача, которая стоит перед каждым честным гражданином, заключается в том, что надо приучиться любить другие национальности.

Теперь я перейду к вопросу о том, что нужно сделать для того, чтобы чеченцам жилось лучше, чем до сих пор. Улучшение жизни является делом не минутным, для этого потребуется много времени, труда и усилий. Советская власть стремится сейчас наладить мирную добрососедскую жизнь разных племен и национальностей, живущих здесь и соприкасающихся особенно тесно на Кавказе. Мы обсуждали вопрос о выселении отсюда казачьих станиц, и должен вам прямо сказать, что выселять станицы с населением в несколько тысяч человек, это—абсолютно не под силу Советской власти. Мы не решаем здесь историческую задачу: что та или иная земля когда-то принадлежала чеченцам, ингушам, а теперь на ней живут казаки,—мы это прекрасно знаем; но повторяю вам, что переселять в настоящее время казачьи станицы

нам не под силу. Мы у себя в Советской России забрали все земли у помещиков, считая, что помещики не имеют права владеть землей, что владеть землей имеет право только тот, кто на ней трудится. И если бы здесь в ауле было пять русских крупных помещиков, мы завтра же выселили бы их; но если бы здесь было 25 человек бедных крестьян, вместе с вами работающих, живущих своим трудом, Советская власть не имела бы морального права выселять их отсюда. Чеченскому народу мы также даем большие права, чеченцы отныне являются не только гражданами своей автономной Чеченской области,—потому что я уверен, если бы Чечня была совершенно самостоятельной, то завтрашний же день европейские империалисты захватили бы ее,—поэтому каждый чеченец должен быть гражданином не только своей Чечни, но и гражданином всей Советской Федерации. Поэтому когда вчера казаки Петропавловской станицы мне заявили, что их нужно выделить к Терской губернии, я решительно протестовал против этого, сказав, что если чеченцы раньше жили в русском государстве и теперь живут в общей федерации, то и вы извольте жить в Чеченской автономной области, сумейте полюбить чеченцев, сделайтеь их товарищами, породнитесь с ними, и я уверен, что чеченское правительство обижать вас не будет, а московское правительство, в свою очередь, не обидит Чечню. Теперь чеченскому народу придется показать пред всем миром, что раньше он был в рабстве, подчиняясь большому государству, а теперь, когда вы стали маленькой свободной автономной Чечней, маленькая горсточка русских казаков, не по своей воле заброшенная в Чечню, не подвергается опасности и насилию со стороны чеченцев. Если этого насилия не будет, если вы будете жить мирно с казаками, то вы покажете всему миру, как действительно надо строить братское государство. Я думаю, что старая ненависть, которая существует между горцами и казаками, должна быть изжита, я прямо сказал казачкам: у горцев не хватает женщин, выдавайте своих дочерей за чеченцев,—а вам посоветую жениться на казачках. Советская власть дает полную свободу религии, и если казачка полюбит чеченца, то она совершенно свободно перейдет в магометанство, и я думаю, что здесь не будет никаких затруднений.

Теперь я перейду, насколько мне кажется, к одному из самых больных ваших вопросов, к земельному вопросу. Один из ваших товарищей, выступавших здесь, говорил, что вы хотите, чтобы чеченцы были наделены таким же количеством земли,

как и русские крестьяне. Но я вам должен сказать, что и в Советской республике есть такие губернии, например Тверская, где крестьяне имеют только $^1/_4$ десятины на душу, а есть места, где приходится $1^1/_2$ десятины на душу. Не подлежит сомнению, что земли у вас мало, но если бы даже мы выселили десяток станиц казачьих и разделили бы их землю между вами, на много ли бы прибавилось у вас земли? Вам прибавилось бы такое маленькое количество, что это выселение не оправдало бы себя, а вместе с тем оно сыграло бы чрезвычайно большую политическую роль, потому что дало бы повод говорить, что в автономной Чечне изгоняют русских. Поэтому мне кажется, что к разрешению земельного вопроса нужно подойти с другой стороны: если вы не можете улучшить обработку своей земли, т.-е. разводить более ценные культуры, вы должны заняться отхожими промыслами, как это практикуется в целом ряде русских губерний, которые не могут прокормиться своей землей; десятки тысяч крестьян у нас каждый год уходят в города плотниками, печниками, столярами и т. д. Смоленские мужики, например, приехали сюда в Грозный работать на нефтяных промыслах. Вот как спасается от голодовок русский крестьянин; очевидно, что и чеченцам придется пойти по этому пути, создавая своих кузнецов, ремесленников и проч. Я уже заявил в Грозном, что, чтобы чеченцы принимались на промыслах, они должны изучить целый ряд ремесл. Если в Советской республике молодежь не боится пускаться в дальний путь по огромной советской территории, — можно с уверенностью сказать, что в любом городе вы можете встретить казанских татар, — то почему ваши красивые, ловкие горцы не могут пойти вглубь советской территории искать себе работу? Там они много чему научатся, и сюда в Чечню они будут присзжать только доживать свой век. В советской республике жить нисколько не хуже, чем у вас в горах. Я уверен, что если вашего товарища Альдорханова центральная Советская власть назначит на какой-нибудь ответственный пост в Москву, он согласится на это, он должен будет согласиться, так как Советское правительство должно иметь в своих рядах не только представителей русского народа, но и всех народностей, населяющих Советскую Федерацию. Что касается трений между шариатскими и народными судами, то, разумеется, мы постараемся эти трения изжить, но представьте себе такой случай, что шариатский суд осудил человека, а я считаю, что я имею право его помиловать, неправильно, мы его освободим.

На вопрос о том, что будет с чеченцами, которые мучаются за-границей,—конечно, мы их возвратим назад, если будет доказано, что они не замешаны ни в чем контр-революционном.

Что касается материальной помощи чеченцам, то должен сказать прямо, что у нас очень много бедных республик, а наша власть очень бедная, и поэтому говорить, что будет какой-нибудь большой отпуск материальных средств,—это было бы с моей стороны обманом, подобным тому, в котором теперь вы упрекаете молодых представителей Советской власти, которые в борьбе с контр-революцией сулили вам золотые горы. Я уже сказал, что Советская власть очень бедна, мы получаем только одну третью часть того, что получало самодержавное правительство, а между тем расходы на Красную армию, на железные дороги, в особенности здесь, на Кавказе, где железные дороги пострадали больше, чем где бы то ни было,—эти расходы колоссальны. Вам облегчение сделано в том смысле, что нефть и основные продукты, выдаваемые здесь населению, будут выдаваться по удешевленной на 20% цене. Если есть желающие высказываться, прошу высказать свои нужды.

Цока Антимиров, представитель бедноты, заявляет о том, что он открыто хочет заявить тов. Калинину, что он почувствовал от речи тов. Калинина, который, как ему кажется, недостаточно отзывчиво отнесся к вопросу о выселении казачьих станиц. Тов. Калинин заявил, что в России земли, принадлежавшие раньше рабочим, были захвачены помещиками, а теперь эти земли возвращены обратно рабочим и крестьянам, которым они принадлежали первоначально, а помещиков Советская власть выгнала. Такое же положение у нас: казаки являются в отношении чеченцев такими же помещиками — они живут на чеченской земле, почему же в отношении их нельзя применить тот порядок, который применен к русским помещикам, чтобы выселить казаков из станиц, а землю отдать чеченскому народу.

Калинин. Как бы это ни было неприятно вашему аулу, но я должен еще раз повторить, что казаков мы выселять не можем. Я был по крайней мере в тысяче русских деревень, и там повсюду кричали, что Советская власть обманывала и ничего не дала народу из обещанного, а в конце-концов примирялись и заявляли, что Калинин всегда говорит правду.

В вопросе земельной тесноты вы смотрите не туда, куда следует, и если бы все народы смотрели в ту точку, в которую вы бьете, тогда не может быть и речи об общем благополучии.

Казаков в Чеченской области 6 000 человек, а чеченцев 400 000, и думать о том, что на основании выселения 6 000 человек можно наладить и улучшить положение 400 000 человек — это, конечно, сказки, а те, которые вам это обещают, — они безусловно вас обманывают. Товарищ, только что говоривший, не прав, говоря, что казаки, это — помещики. Ведь у нас в России мы не выгоняли тех помещиков, которые остались работать на земле собственным трудом. Мы выселяли бездельников, дармоедов, которые ничего не делали. И если вы сможете указать хотя бы десяток казаков, которые не пашут своей земли, которые не работают наравне с вами, мы завтра же их выселим. Что касается присоединения Хасав-Юртовского округа, то мы здесь этот вопрос решить не можем; если большинство жителей, которые находятся в этом округе, выскажутся за присоединение к Чеченской области, тогда, безусловно, он будет присоединен. Вопрос этот может быть разрешен только в Москве, куда приглашаются обе борющиеся стороны: с одной стороны, Горская область, с другой стороны, Чеченская область и тот уезд, который хочет быть присоединен, и если он выскажется против, то я не имею права присоединить его к Чечне.

Чеченец. По нашим сведениям, они хотят присоединиться, но они боятся своей власти и поэтому не решаются высказывать открыто свое желание.

Калинин. Вы высказывали претензии Советской власти. Теперь я выскажу претензии, которые имеет Советская власть к чеченскому народу. Я был у ингушей, у осетин, в Дагестанской республике, в Карачаеве, посетил здешнюю казачью станицу Петропавловскую — и все повсюду жалуются на чеченцев, что чеченцы их грабят, что чеченцы убивают. Мне хотелось бы знать, правильны эти жалобы или нет. Мы по дороге встретили обоз горцев, которые за десятки верст ехали продать свои горшки, чтобы купить кукурузу; купили, а чеченцы по дороге отняли. Я считаю, что это совершенно недопустимое явление, в особенности в среде бедных горских народов.

Ата Шантукаев. В ответ на заявление тов. Калинина о том, что ему жаловались ингуши, казаки, жители Карачаевской и Дагестанской областей на то, что чеченцы не дают жить, что чеченцы занимаются воровством и грабежами, что чеченцы беспокоят другие национальности,— я, как представитель здешнего общества, заявляю следующее: при царском режиме чеченцы занимались воровством и бандитизмом, потому что Николай II

сдавил чеченцев в такие тиски, что они не могли приобретать никаких благ, они должны были изыскивать способы, чтобы как-нибудь получать средства для существования, и потому им приходилось прибегать к бандитизму. После того как Советская власть дала чеченскому народу автономию, она должна была предоставить ему все права и возможности, чтобы этот народ мог не воровать, а мог зарабатывать на насущный кусок хлеба, но Советская власть не сумела создать такой обстановки, чтобы люди могли жить не нуждаясь. А раз чеченец не может прокормить своей семьи, если он должен отдать власти 60 пуд. кукурузы, которой при всем желании взять ему неоткуда, то естественно, что он должен итти воровать и грабить. Пусть власть создаст условия нормальной жизни, тогда мы воровать не будем и никто жаловаться на нас не будет. Материальное благосостояние будет лучшим способом для того, чтобы ликвидировать бандитизм и воровство.

К а л и н и н. Должен открыто сказать, что речь тов. Шантукаева проникнута полным лицемерием. Безусловно, что жить всем трудно, но разве налоги Советская власть берет только с чеченского народа? Наш русский мужик платит в три-четыре раза больше, чем чеченцы, а между тем он не грабит. Так рассуждать, товарищи, нельзя. Вы вот просите, чтобы вам помочь, но я уже раз сказал и еще раз повторяю, что наша власть чрезвычайно бедна, она вам многого дать не может; а если я вам пообещаю и не дам, то вы опять скажете, что Калинин вас обманул. Когда к вам придет молодой коммунист, он много чего вам наобещает, и это потому, что он молод, что ему кажется так просто все сделать. Но если правительство кому-нибудь даст копейку, то естественно, эту копейку оно должно с кого-то другого взять. Ведь имущество сразу не создается, нужно положить много труда, много усилий, чтобы его создать, а прежде всего нужно покончить с бандитизмом и грабежами, ибо при грабежах, при налетах разрушается всякое хозяйство. Мы в 18-м году насильно гнали красноармейцев на фронт, а красноармейцы это те же крестьяне, те же рабочие. На фронте эти красноармейцы ходили разутые, голодные, а теперь эти крестьяне поддерживают нас. Так, товарищи, нельзя говорить: если правительство сделает то-то и то-то, то мы не будем грабить, ибо я думаю, что едва ли найдется хотя один преступник, который, имея средства, пойдет воровать, а если он это будет делать, то это уже не преступник, а больной и очевидно, что его придется либо поса-

дить в больницу, чтобы лечить, либо расстрелять. Вы говорите, что воруете от бедноты и нищеты, но ведь в России тоже не все богачи, там очень много нищеты, но однако там нет — бандитизма.

Старик-чеченец. Все ждали с нетерпением от тов. Калинина и наши жены и дочери, сидя сейчас дома, ждут, что тов. Калинин объявит нам какую-нибудь радость. Может-быть он привез какое-нибудь новое положение. Если действительно вы можете нас чем-нибудь обрадовать, то мы просим сообщить нам поскорей.

Калинин. К сожалению, никакой радости я вам сообщить не могу. Советская власть не привыкла обманывать людей, она прямо говорит, что счастье может быть завоевано только собственным трудом, поэтому я не хочу обманывать вас, чтобы вы не могли после сказать: приезжал центр, наобещал всякой всячины и ничего не сделал. Мы все знаем, что всему народу России живется чрезвычайно трудно и тяжело и я прекрасно понимаю, что и вам здесь живется не легче, но чтобы улучшить свое положение, приходится много, неустанно работать. Если какая-нибудь помощь и будет, она будет настолько незначительна, что навряд ли она скажется на всей массе в несколько сот тысяч человек, которая может подняться из нищеты постепенно, только лишь посредством своего собственного труда. Что мы сделали, чтобы помочь чеченскому народу в этом отношении? Прежде всего мы сделали Чечню свободной, затем мы открыли Чечне учебные заведения, и теперь каждый чеченец может учиться где хочет, может занимать любой советский пост. Но несмотря на то, что мы открыли школы, старикам придется умереть неграмотными, так как они уже не могут учиться; но в ваших школах будут учиться ваши дети. Чтобы улучшить ваше положение, нужно улучшить обработку земли. Если допустить, что теперь десятина дает 20 — 30 пудов, то путем улучшения через 10 лет она будет давать 300 пудов. Чтобы улучшить вашу землю, вы должны проводить каналы, чтобы орошать ее. Вы просите, чтобы вам облегчить положение. Ведь вам и так дана большая льгота: пятьдесят процентов всех налогов, которые собираются у вас, идут исключительно на нужды вашей автономной области. В Советской России нигде такого большого процента нет, мы даем на местные средства 15 — 20 %. Все, что Советская власть может, она делает для улучшения вашего положения и вы не должны думать, что кто-то когда-то приедет и что-то вам даст.

Советская власть говорит, что вы будете обуты и одеты, но для этого вы должны тоже потрудиться, потому что нет таких богатых людей, которые могли бы всех обуть и всех одеть; здесь нужна усиленная работа, усиленная энергия самого чеченского народа.

Ворошилов. Товарищи, здесь высказывалось желание заслушать от тов. Калинина, нашего редкого, дорогого гостя, какое-нибудь известие об облегчении, услышать какую-нибудь радость. Я лучше, чем тов. Калинин, скажу вам про это счастье, и как честный советский работник, как старый коммунист скажу вам, что вы действительно очень счастливы, не только потому, что вы являетесь теперь свободной, самоуправляющейся автономной областью, но и потому, что, принадлежа к народам Востока, вы находитесь в условиях не одинаковых с теми многомиллионными страдальцами восточных народов, Индии, Китая, Японии, Монголии и Персии,—вы имеете великое счастье жить среди народностей, которые освободились от вековечного гнета и которые теперь устраивают собственными, правда неумелыми руками, свою жизнь. Это величайшее счастье мы завоевали своими собственными руками, но мы хотим его сделать еще бо́льшим, хотим, чтобы оно стало архисчастьем, и тут правильно сказал М. И., что вам нечего ждать, что кто-то приедет и что-то вам подарит. Ведь счастье с неба не валится и на дороге не растет. Счастье, это — труд. Имеется ли у вас в автономной Чечне возможность собственными усилиями, собственным трудом ковать свое счастье? Безусловно имеется, ибо вы не Турция, которая в течение десятков лет лила свою кровь и в настоящее время находится в условиях на много раз худших, чем вы. Несмотря на то, что она поклоняется одному богу с вами,—она верует так же, как и вы,—и хотя она освободилась от султана, который насильственным образом захватил власть в Турции и называл себя чуть ли не заместителем Пророка, но теперь Турция, освободившись от султана, со всех сторон окружена кровожадными капиталистами, и турецкий народ при всем желании не может освободиться от этих кровожадных шакалов. А мы с вами настолько счастливы, что этой самой несчастной Турции в продолжение целого ряда лет помогали и эта помощь совершенно правильно оценивалась всеми нашими врагами, внушая страх к нам. Эти наши враги, мировые капиталисты и буржуазия, несколько дней тому назад убили нашего лучшего товарища Воровского, который был нашим представи-

телем в Лозанне, где защищал вместе с нашими интересами и интересы турецкого народа. Турецкий народ несчастлив тем, что он не может свободно работать, не может завоевывать свое счастье, не считая уже арабских и индийских народов, которые работают на самого могущественного капиталиста в мире — Англию. Несчастны и все 700 миллионов тружеников Востока, которые порабощены, как нация, извне пришедшими народами, а мы с вами — счастливы, потому что мы с вами живем в условиях полной свободы, а это первое условие, чтобы обеспечить себе счастье. Когда мы с тов. Альдорхановым провозглашали автономию вашей Чечни, никто из нас не сказал, что на вас посыплются золотые горы. И вот теперь я вам объявляю эту великую радость, которую вы не замечаете. Как только в Чечне наступит окончательное успокоение, как только не будет больше бандитизма, вы начнете вместе с нами постепенно улучшать свое положение, и пройдет очень немного времени, каких-нибудь пять лет, и у вас наступит полное счастье. Но для этого прежде всего, как я уже сказал, нужно прекратить бандитизм. Вы—народ, который всегда был свободным, и такой народ, конечно, не пропадет; вы напрасно здесь перед нашим дорогим гостем представлялись казанскими сиротами. Несомненно, что беднота у вас есть, но где ее нет? Несомненно, есть у вас и воровство, которое нужно совместными усилиями устранить. Теперь у вас есть своя собственная чистокровная чеченская власть, которая должна следить, чтобы все у вас шло правильно: если есть бедняк и на него наложено 60 пудов налога, то с такого бедняка не только нужно снять этот налог, но нужно еще и ему помочь. Вы знаете, что ваша власть, которая вам близка и которая говорит на вашем собственном языке, она будет вам помогать не из своего, а из вашего общечеченского кармана, правильно распределяя то, что вы ей даете; поэтому вы должны адресоваться всегда к своей власти. Если вы будете организованы, если вы будете организованно помогать вашей власти, то я уверен, что вы скоро совершенно твердо встанете на ноги. Если ваша власть вас не удовлетворяет,—а об этом мы как будто бы здесь не слышали ни одной жалобы,—то вы должны ее сменить. Вначале почти всегда дело идет плохо, и чтобы дело наладилось, нужно не мало времени. Сколько времени вы живете в автономной Чечне? Всего $3^1/_2$ месяца. Это срок слишком маленький, а между тем результаты мы видим большие. Вы сами говорили да и как здешний краевой работник могу сказать, что

за последний месяц грабежей почти нет. Я уверен, что пройдет еще немного времени, год-два, и Чечни нельзя будет узнать: у вас всюду, не только в Урус-Мартане, будут школы, в которых вы будете просвещать свою молодежь. Ваш культурный уровень поднимется, и тогда мы всему угнетенному Востоку будем маячить, как звезда, к которой они неустанно будут стремиться и которая облегчит нам возможность установить полный мир и счастье на нашей Советской земле и на всем магометанском Востоке. Да здравствует счастливая автономная Чечня!

Я не буду говорить о том, что мы всегда Чеченскому трудовому народу, Чеченской автономной республике желали всяческих благ, так как это хорошо известно всем, так как тов. Альдорханов давно меня знает с этой стороны, — что я являюсь защитником Чеченского народа. Но мне, товарищи, будет в сто раз легче быть представителем Чеченского народа, быть настоящим его кунаком, быть настоящим печальником всех его интересов, — если мы достигнем полного успеха в Чечне. У нас чрезвычайно много средств для того, чтобы бороться и раз навсегда победить бандитизм, но мы страшно боимся, чтобы чеченские и ингушские народы, дагестанцы и осетины и др. не подумали бы хоть одну минуту, что царское правительство снова возродилось и действует так, как и раньше. Поэтому, когда наших красноармейцев здесь убивают, когда в прошлом году в ауле вырезали полроты, мы не позволили себе пустить наши войска, чтобы наказать этих несознательных и приносящих вред людей, и пока я буду командующим войсками, я буду прилагать все усилия к тому, чтобы не обижали трудовых чеченцев. Это потому, что я слишком люблю ту свободу, те завоевания, которых мы достигли в октябре 1917 года. Но, с другой стороны, я должен предупредить, что без конца ваш бандитизм терпеть я не намерен, и поэтому вы должны самым серьезным образом подумать о том, чтобы поддержать тов. Альдорханова и весь Ревком, и тогда я уверен, что мы скоро изживем все ваши неурядицы, восстановим ваше хозяйство, будем настоящими с вами кунаками. Да здравствует на долгое будущее свободная Чечня! Да здравствует возрождающаяся культура Чеченского народа! Ура!

Калинин. Товарищи, вы высказывали много неудовольствий против Советской власти, но в 1 000 раз больше я слышал нареканий в русской деревне, где крестьяне жаловались и на продналог и на взяточничество и т. д., но я не сомневаюсь в том, что если наступит трудная минута — 99% русских кре-

стьян встанет на защиту Советской власти и будет умирать за нее. После того, что мы здесь слышали, мы думаем, что и Чеченский трудовой народ будет умирать вместе с нами. Но нам этого мало: мы хотим, чтобы вы помогали нам регулярно, чтобы вы оказывали постоянную поддержку тем людям, которые здесь управляют. Вы все и особенно молодые работники, должны проникнуться мыслью, чтобы общими усилиями создать лучшее будущее, и всякий, кто будет работать на этом поприще, всякий молодой работник, выдвинувшийся из чеченцев, получит полное удовлетворение. Разрешите мне пожелать, чтобы ваша молодая нарождающаяся интеллигенция, которую мы сейчас видим в своей среде, весь свой ум, всю свою энергию направила на благо и на интересы Чеченского народа. Эти интересы тесно связаны с укреплением, с окончательной победой Советской власти.

БЕСЕДА С КАЗАКАМИ ПЕТРОВСКОЙ СТАНИЦЫ, ХОПЕРСКОГО ОКРУГА, ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ.

(Станица имеет 12 000 населения; находится в 3-х верстах от станицы Урюпинской. На сходке присутствуют 300 — 400 человек.)

Сходку открывает председатель Хоперского округа тов. Парамонов. Он объясняет казакам, кто такой тов. Калинин, зачем он приехал. Он предлагает крестьянам рассказать тов. Калинину о всех своих нуждах, потому что тов. Калинин затем и приехал, чтобы помочь им налаживать свою жизнь.

К а л и н и н. Я, как уже сказал ваш тов. председатель, приехал узнать ваши нужды. Можете каждый говорить кто что хочет, никто не будет привлечен за свои слова. Можете говорить как на духу. Дальше этой комнаты не пойдет. Местная власть ни за какие слова вас привлекать не будет. Я, конечно, вполне понимаю, что вам сейчас живется особенно тяжело, хотя и говорят, что в Российской Советской Республике крестьяне живут хуже, потому что их эксплуатируют большевики, но это, конечно, одни только разговоры. Во-первых, уже потому, что у нас в центральных губерниях нет фронта. У нас там голодовка, это верно, но зато крестьянство так не разорено, как у вас. Здесь фронт: грабят и красные и белые. А наше крестьянство Тверской и Ярославской губ. и других — оно не стало беднее. Ну, а затем у нас порядка больше. У нас уже нет реквизиций. Стенкой не пугают. У нас вообще теперь порядок полный. Исполнительные комитеты уже избираются местным населением, и эти комитеты всеми делами управляют. Конечно, есть недостаток, например в соли, но это уже общий недостаток; причина та, что Царицын был в руках белых и благодаря этому Волга была перерезана и весь сезон для провоза соли пропал. В Астрахани есть несколько миллионов пудов соли, но вывезти эту соль никак не могли, а теперь нельзя везти потому, что нет угля, так что,

вероятно, до осени нельзя получить. Хотя мы населению даем в месяц по полфунта на каждого человека. Этого, конечно, очень мало, особенно там, в деревнях, где родятся грибы, но у вас вероятно и этого полфунта не было. Это, конечно, понятно, был фронт, да и ваше население само участвовало в белогвардейском восстании. Но наше крестьянство было на стороне красных. Били вы нас, били и мы вас, а уже теперь мы вас основательно поколотили. Конечно, я знаю, что большинство из вас делало это по глупости. Ведь смешно: про нас рассказывали, что мы продаем Россию, что у нас управляют жиды. Но это все неправда. Ведь если торговал богатый жид, то мы все равно у него отобрали все, так же как и у русского. Говорят, что мы немцам продали государство — совсем вранье! Как крестьяне будут сами себя продавать, почему это московские крестьяне вдруг вздумали торговать Россией? Разве они меньше заинтересованы в существовании нашего государства, чем казаки? Ничуть не меньше. Наконец, нужно сказать, кому помогали немцы, англичане... Мы ни одного патрона не получили от немцев; у нас все эти патроны делают питерские и тульские рабочие. А вот откуда брал патроны Деникин? Ведь это не секрет, что у него патроны и обмундирование немецкое да английское. Так кто же продавал Россию? Конечно, вы! Это факт! Может-быть старикам будет тяжело, что казаки, которые воевали за так называемую «великую Россию», на самом деле воевали за немцев, французов, англичан. Скажите, что это неправда!.. Если неправда, то почему же они давали патроны и обмундирование вам, а не давали нам? Почему у вас сидели английские и французские генералы? Об этом часто пишут белые газеты.

Так вот и оказывается, что продавали-то Россию не мы, а на нас только лгали. А почему лгали? Да потому, что мы выгнали всех помещиков; мы их или совсем выгнали или заставили работать. У капиталистов мы отняли все фабрики и заводы и передали их в руки самого государства. Мы решили, что мы обойдемся и без капиталистов, и действительно обошлись. Уже пережили целых два года, и тяжелых два года. Тяжелых не потому, что мы отобрали у них фабрики, а потому что они убежали на Дон, опутали здесь казаков, сказали, что мы продаемся Германии, что мы отнимем у казаков их земли. Мы отнимаем землю только у тех, кто на ней не работает. А тот, кто на ней работает, — зачем же мы будем от него отнимать? Разве интересно московским крестьянам отбирать землю у твер-

ских крестьян? Нет, мы отнимаем землю только у тех, кто ею торгует, кто на ней наживается.

Потом вот еще говорят, что мы закрываем церкви, что мы, будто, прогоняем попов. Это тоже неправда. У нас часть попов была арестована, но за что она была арестована? За то, что они под алтарем прятали белогвардейцев да оружие. И мы берем всякого попа, который разводит контр-революцию. Но ведь надо же различать, что мы берем попа, а не церковь. Если мы найдем в алтаре винтовки, то мы ризу попа заставим снять, а его — на вешалку. Другого выхода у нас нет. Нас вешали беспощадно. Почему крестьянин должен болтаться на вешалке, а поп, который прячет винтовки, не должен? Но что мы будто бы запрещаем молиться — это ложь. У меня есть мать, она всегда молится и по праздникам у нее горит лампадка. И никто ей не мешает, пусть себе молится, но под прикрытием молитвы разводить контр-революцию — нельзя. Пускай попы служат молебны и не вмешиваются не в свое дело.

Как вы относитесь к браку? Для нас не обязательно, чтобы человек венчался в церкви, это правильно, но в то же время мы никому не запрещаем венчаться. Для нас только важно, чтобы он расписался в комиссариате. Женщины у нас так же свободны, как и мужчины. В ВЦИК'е у нас есть работницы, крестьянки. У нас на севере на сходке хозяйствует крестьянка, верховодят не мужики, а бабы, потому что там бабы имеют полное хозяйство. Умную бабу и в исполком выбирают. А еще которая умней—ту и в ВЦИК пошлют. Разве это плохо?! Дворяне считают: это плохо, а рабочие и крестьяне считают, что это хорошо. Женщины у нас имеют все права. У нас никаких незаконнорожденных нет. А то знаете как прежде бывало? Родит девушка,— и незаконнорожденный. А по-нашему, раз родила, значит закон природы захотел. А что может быть естественнее этого закона природы? Мы находим, что ее ребенок имеет такие же права, как и другие дети. Разве виноват младенец, как он родился?..

Еще вопрос. Почему у нас идет сейчас борьба? Да только потому, что мы обобрали у помещиков землю, мы не хотели воевать за капиталистов. Мы раньше воевали за Константинополь, за Турцию, потому что наши купцы никак не могли сговориться с немецкими купцами, кому вести товары в Турцию, а нам ведь никакой пользы не было от того, кто наживается: русский или немецкий купец. И вот мы предложили не воевать, а просто свергнуть купцов, и вот мы уже два года живем без

царя и Деникина, и теперь видите, — наша армия основательно поколотила генеральскую армию. А кто в нашей армии? Такие же крестьяне, как и вы. А вами кто командовал? — генералы, и вы, как бараны, шли за ними. У нас командуют такие как Буденный. Это крестьянин Воронежской губернии. Конечно, во всем мире кричат, что он душегуб, но это ложь; он трезвый, честный, пожилой человек, бывший унтер-офицер, а теперь командир целой армии. И у нас везде так, вот я — крестьянин Тверской губернии, а выбран на пост председателя ВЦИК. И я смотрю на вас, и по-моему, — здесь все такие же тверские мужики. Вот смотрите, у него такая же борода, как и у меня. Да вы и есть наши же тверские мужики. Ваши предки бежали от старых помещиков — они не могли ужиться с этими помещиками, и бежали на вольный Дон и здесь сслились. А теперь вы говорите, что «мы казаки, какие-то особенные». Какие же вы особенные? — от нас же сбежали, вот только что завели вам лампасы, но разве они дорого стоят? И вот это-то смешно, что вы, бывшие свободные мужики, теперь вдруг за царя воюете. И так в истории всегда бывает.

Но теперь, видимо, дело к концу подходит. Мы, видимо, нанесли полное поражение. По последним известиям, взяты Таганрог, Мариуполь, Ростов, Новочеркасск. Пора приниматься за дело. А то вы шли воевать против нас, и оказалось, что и мы и вы разорены. У вас у кого было по 10 быков, теперь один остался. А почему вы шли против нас, родные братья? Нам — Россия один дом. Вы считаете себя казаками, особенными, а на самом деле вы — выходцы наших же губерний. Пошлите ваших представителей в Москву, увидите, что это одно и то же. Ну, а теперь давайте налаживать хозяйство. Довольно, подрались. Как вы-то думаете?...

Крестьяне. Довольно, довольно, всем надоело.

Калинин. Если довольно, так начнем работать. Я вам должен сказать, что если мы бываем жестоки с генералами и помещиками, то крестьянин — это наш брат. Почему мы относимся к казакам снисходительно? Ведь мы вас не боимся, задавить смогли бы — Россия велика. Но нам это невыгодно, нам жалко вас. Ведь свой брат. Мы знаем, что вы не враги, что вы воевали по глупости. Ведь мы же в интересах не расходимся. У меня в Тверской губ. дом, у вас здесь тоже есть дома. Я привык к Тверской губ., у меня нет ни малейшего желания переезжать сюда. У нас там дома лучше, красивые,

а у вас здесь леса нет. У нас там скота меньше, зато грибов больше. Одним словом, в одном месте одно плохо, зато другое хорошо.

Что же касается земли, то у помещиков мы землю отберем. По 1 000 дес. не оставим.

Так давайте же налаживать разоренное хозяйство.

Казачка. Вот если бы сразу сказали — мир, то нас бы не разорили. Нам бы надо никого не впускать в деревню, ни красных, значит, никакой власти. А после бы установили все. Тогда можно было бы и власть выбрать и цело бы все было.

Калинин. А казачкам надо было смотреть, — главное, надо было свою молодежь удержать и связаться покрепче с крестьянами.

Казак. Кто их знал, крестьян тут?

Калинин. А солдатки у вас есть?

Казак. Это, по-нашему, жалмерки значит? Как не быть, есть.

Калинин. Семейные?

Казак. Есть много семейных.

Калинин. Вы запишите всех семейных, и им будет помощь. Хотя я не знаю: они против нас воюют и мы их не должны кормить.

Казаки. Да ведь сироты-то чем виноваты?

Казак. А вот у нас брали хлеб и давали расписку. А денег не давали, а у некоторых и без расписки брали.

Калинин. Много взяли?

Казак. Много брали. И овес и пшеницу.

Калинин. Вы мне скажите, сколько забрали красные, а за белых я платить не намерен.

Казак. Да мы уж о белых и не говорим.

Казак. 3 000 пуд. забрали сена, овса, ячменя.

Калинин. А расписки есть?

Казак. Есть только одна расписка, на 35 пудов.

Калинин. Вы подсчитайте, на сколько у вас взяли, а я смогу вам выдать тысяч 70—50. Но только правильно подсчитывайте, потому что деньги ваши же дают.

Казак. Ну, господин товарищ, сосед у соседа хорошо знает.

Калинин. Надо будет выбрать особенно бедных. Состоятельный человек может и потерпеть, потому что все равно в конце-концов заплачено будет.

Казак. Это правда. У некоторых нечего есть и больные лежат.

Казак. Здесь Думенков отряд стоял и все забрал.

Сергеев. Нам к весне нет и на семена. Мы вас, товарищ Калинин, очень просим помочь в этом. У нас все забрали, и овес и ячмень. Нечем будет обсеменяться.

Парамонов. Я вам уже говорил, что семена из других мест не дадут, что мы воспользуемся теми семенами, которые имеются в округе. Нам самим нужно подумать о том, чтобы добыть эти семена общими силами. В южных станицах есть необмолоченный хлеб; если мы его сумеем обмолотить, то все будет удовлетворительно. В этом отношении окружной исполком принял все меры, чтобы в южных станицах принялись за молотьбу и точный учет.

Сергеев. Семена, тов. Парамонов, которые сейчас немолочены, они не взойдут, или если взойдут, то очень редкие будут. Нельзя ли будет их обменять?

Калинин. В Москве об этом вопросе уже думают. Не знаю, можно ли будет к вам прислать из Саратовской губ., а потом здесь в Донской области в ближайшем будущем мы не будем вводить хлебную монополию. Так что из других округов можно будет гужом привести. А что, вы озимую здесь сеете?

Казаки. Всегда сеяли, а в нынешнем году ничего нет.

Казак. Вот если бы можно было прекратить реквизицию старого хлеба.

Калинин. Пока стоит армия, этого сделать нельзя. Но на ваше счастье, эта армия откатывается, откатывается очень быстро. Ну, а когда идет армия, то тут все равно: что белые, что красные — одинаковы. Конечно, мы следим за нашими красноармейцами. Но разве уследишь! Пока он мужик, он ничего не делает, а как одел шинель...

Казак (добавляет)... делается в роде волка.

Алимов. В нашем округе великое несчастье произошло. Были мы трудовичками порядочными, а теперь осталось по одному волу и не знаем, как и жить дальше будем.

Калинин. Ну, что ж, на казачках пахать будем.

Казаки *(смех)*. Казачек-то много, да и те помирать стали.

Калинин. Я вам хотел сказать, что у вас здесь идет тиф. Так вы знайте, что главное — это чистота, главное, чтоб у вас было мыло. Эту болезнь разводит вша. И эта болезнь

особенных лекарств не требует, а чтобы было только хорошее питание и чистота, и — женщины, — вы должны смотреть за этим. Если будете чисто держать, то спасетесь от этой болезни. Затем я вам должен сказать, что оружие оставлять мы вам не будем ни в коем случае.

Казаки. Оно нам и не нужно.

Калинин. Так и знайте, что если потом найдут винтовку и поведут в ЧК и расстреляют, — то уж не пеняйте. Казачки, кто хочет сохранить мужа,—несите их винтовки. Отбираем мы винтовки потому, что они нужны для Красной армии. Нам совсем нет смысла делать новые винтовки, мы лучше будем плуг делать. Ну, какие у вас еще дела есть? Ладите ли вы с Исполкомом?.. Не груб ли он?..

Казаки Ничего, мы довольны.

Калинин. Если будут неправильны распоряжения, вы их исполняйте, а потом приезжайте ко мне в Москву, там не звери живут, не укусят. Расскажите мне, в чем дело и я пришлю сюда человека, который все расследует и накажет, если что неправильно делалось. Что касается хлебной монополии, то я заранее скажу, что хлеб мы будем отбирать в казну. Деньги мы будем платить по твердой цене. Сейчас как будто эта цена дешевле, но на самом деле эта цена не дешевая, особенно когда пойдет сибирский хлеб. Во всяком случае мы будем платить полную стоимость и по твердым ценам будем привозить товары. Мануфактуры у нас теперь не очень много, по понемножку все-таки даем. Когда наладится дорога, то и к вам привезем. Затем, кожи мы также будем отбирать.

Казак. Кожи у нас много валяется, по всем дорогам.

Калинин. А на счет павших лошадей, надо будет мыльный завод сделать.

Парамонов. Такой завод у нас сделан.

Калинин. Одним словом, надо нам самим приниматься, налаживать свою жизнь. Никто нам не поможет. Деникин дома не построит. Это не правда, что нам кто-то что-то сделает. У нас последний декрет был о том, чтобы все до 60 лет—непременно учились грамоте.

Казаки. Ну, у него в 60 лет и глаза уже не глядят.

Казачка. Да у нас и помещения такого не найдется.

Калинин. Это ничего, понемногу все найдется. А раз встали у власти, то все-таки учиться надо. А то вдруг кто-нибудь из вас будет председателем ВЦИК—и неграмотный!

А ведь это — как бывший царь, неловко неграмотному быть. Я вот думал, что самое большее сельским старостой буду, а на самом деле вышло, что надо государством управлять. Хорошо еще, что деревенскую школу окончил. И теперь должны за работу старики приниматься. У власти у нас не молодежь стоит. Товарищу Ленину уже за 50 лет. Конечно, молодежь более энергичная, но все-таки должны управлять старики. Но самое главное, конечно, чтоб мы управляли, а не нами управляли. Сущность Советской власти в том, чтоб мы управлялись сами, чтобы не были рабами. И когда вы узнаете вкус власти, то не беспокойтесь, — сами не откажетесь управлять. Вон наши крестьяне, они никогда не скажут: долой Советскую власть, а они говорят: долой комиссара, если плохой. А для того, чтобы уметь управлять, нужно учиться грамоте. А у вас среди казачек особенно мало грамотных

Казачка. Нас учили не грамоте, а только быкам хвосты крутить.

Казаки. Мы вот сдавали донские деньги, как предлагала Советская власть, и особенно сдали все неимущие, и у нас есть квитанции на миллион рублей с одной Петровской станицы.

Калинин. Я уже слышал об этом и постараюсь это дело выяснить в Москве.

Рогожин. Вы сказали, что хлеб будет монопольный. А какая же будет оставаться нам норма? Мы слышали, что придется отдавать последний хлеб.

Калинин. В Донской области пока монополия не введена. По всей же России — 12 пудов на человека. На лошадь 18 пудов, на корову 7 пудов. Если у вас работает человек, получает за работу хлебом, то это засчитывается. Теперь, вероятно, норма будет увеличена, потому что раньше не хватало хлеба северным губерниям, а теперь хлеб есть.

Федоров. У нас сейчас разделили лес на топливо, но его не на чем привозить. На учете состоят 55 подвод. Нельзя ли будет освободить их на время?

Калинин. Хорошо, я насчет этого переговорю с председателем округа.

Казак. Потом, нам за подводы не платят. Ездим по месяцу, по два, и там подводы оставляем, а ничего не получаем.

Калинин. Ну, за подводы платить должны. А если вы не получаете, то значит, кто-нибудь кладет к себе в карман.

Вот если бы вы мне дали списки, что не платила такая-то часть...

Председ. вол. совета. От нас часто требуют высшие учреждения округа — транспортный отдел и др.

Калинин. Это тоже будет выяснено.

Парамонов. Я написал, товарищи, постановление, которое предлагаю всем выслушать, а потом подписать.

Все, кто думают, что единственный выход сейчас для нас, это — пойти за Советской властью, которая заботится о нас не только через местные организации, но заботится непосредственно, приезжая из центра; все, кто думают пойти на защиту крестьян, рабочих и трудового казачества; все, кто не хотят быть под пятой генерала — все они должны подписать это постановление. Насильно подписывать это постановление никто не призывается, Но кто чувствует, что он должен итти за правду, — он должен его подписать. Да здравствуют наши непобедимые славные вожди тт. Ленин, Калинин. Вот, товарищи, это постановление:

«1920 года января 11 дня общее собрание казаков и казачек станицы Петровской под председательством Председателя Временного Исполнительного Комитета Хоперского Округа т. Парамонова, заслушав беседу-речь Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета тов. Калинина, глубоко были тронуты тем, что увидели представителя Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, и глубоко принимая во внимание все сказанное тов. Калининым, убедились, что мы, казаки, глубоко ошиблись, обманувшись, пошли в ряды армии генералов, защищающих свою роскошь и эксплуатацию трудового народа. Мы проклинаем всю черную свору царских генералов, помещиков, банкиров и всю белогвардейщину, обманувших нас и окончательно разоривших. Мы клянемся защищать Советскую власть, как единственную защитницу трудового казачества, не только словом, но и делом, мы направим всю свою силу на восстановление окончательно разрушенного хозяйства; что же касается обещанной товарищем Калининым помощи бедным казакам и крестьянам за взятый бесплатно Красной армией хлеб, скот и фураж и неимеющим на то квитанций, просим тов. Калинина выдать возможную сумму в Окружной Исполнительный Комитет, который, по получении списков из станицы, выдаст таковую потерпевшим по размерам взятого продукта.

Настоящее постановление подтверждаем нашими подписями.

Председатель собрания Парамонов, подписи граждан».

Товарищ Калинин высказывает пожелание о скорейшем строительстве Советской власти в станицах.

После чего группа ячейки коммунистов и молодежи поет «Интернационал».

СОБРАНИЕ В СТАНИЦЕ ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ, ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ.

21 мая 1921 года.

Председатель. Собрание Елизаветинской станицы, по случаю приезда Председателя ВЦИК М. И. Калинина, объявляю открытым. Слово предоставляется секретарю губ. комитета партии тов. Колотилову.

Колотилов. Товарищи, мы видим перед собой Председателя ВЦИК, видим лицо, которое возглавляет всероссийскую государственную власть. Ни в какое иное время, ни при каком правлении мы не могли видеть, чтобы глава государства приезжал в такую захудалую, заброшенную станицу, как ваша станица, чтобы побеседовать с гражданами, чтобы выслушать их мнение о порядке управления и различных явлениях частного порядка и познакомиться с общей работой. Никогда, ни при каком порядке, ни в одном государстве вы такого факта не увидите, и только Советская власть, которая стремится к полнейшему демократизму, к тому, чтобы действительно сам народ управлял собой, чтобы сам насаждал тот порядок, который ему нужен, а не только издавал законы, но чтобы эти законы проводили в жизнь,—только в Советской республике мы можем встречать у себя в отдаленных, заброшенных местах самых видных вождей нашего правительства. Мы знаем, что до сих пор ваша станица в высшей степени отрицательно относилась к Советской власти. Мы знаем, что станица Елизаветинская, ее хутора и население их до некоторой степени являлись центром тех восстаний, которые были недавно против нашей рабоче-крестьянской власти. Мы, представители Советской власти, которые вели борьбу с этими восстаниями, знаем и понимаем, что долголетнее, вековое воспитание на началах целой иерархии не могло здесь подготовить почву, благоприятную для Советской власти; но понятно, что на эту

борьбу мы не могли смотреть сквозь пальцы и боролись с контрреволюцией, во главе которой стояли царские генералы, буржуазия и помещики. Мы полагали, что гражданам Донской области надлежит пойти по тому же пути, по которому пошли крестьяне средней России и рабочие всей России с октября 17 года, т.-е. по пути укрепления и поддержки Советской власти. Вы видите перед собой, товарищи, главу Советского государства, которому вы можете изложить ваши нужды и ваши надежды.

Я надеюсь, что этим приездом к вам М. И. Калинина вы воспользуетесь, чтобы заверить центральную власть в том, что вы, граждане станицы Елизаветинской, и все казачество Донской области, пережив все те испытания, которые обрушились на нас в связи с гражданской войной, в настоящее время в достаточной степени убедившись в крепости Советской власти, правильно взявшей курс на демократический строй в России, правильно взявшей курс на братское объединение всех народностей, населяющих Советскую Федерацию, и братское объединение всех трудящихся, — отныне будете дружно поддерживать Советскую власть.

К а л и н и н. Мне прежде всего хотелось бы заслушать от вас: нет ли каких-либо жалоб и заявлений в письменной и устной форме?

Б о к а т о р о в. Прежде всего разрешите от имени станицы Елизаветинской и ее хуторов, — приветствую вас, дорогой гость. Рады мы вашему приезду и поскольку сможем своим простым сердцем, постараемся выразить ту радость, которая в настоящее время нас обуревает. Мы благодарны за то, что прежде всего вы спросили о тех болячках, которые имеются на нашем теле; как опытный хирург вы подошли к этому больному месту и поэтому разрешите нам изложить наше положение. Граждане станицы Елизаветинской и ее хуторов — специально завзятые рыбаки и кроме рыболовства, благодаря географическому положению нашей станицы, ничем другим заниматься не могут. Та территория, на которой вы сейчас присутствуете, во время весенних разливов и западных ветров, дующих с Азовского моря, сплошь покрывается водою, вследствие чего никакое сельское хозяйство здесь вести невозможно, за исключением хозяйства в самом ограниченном количестве, исключительно для собственного пропитания. Поэтому коренным занятием нашим является рыболовство. С момента укрепления Советской власти наши

рыбаки, поняв задачи советского строительства, организовались в союз и через этот союз начали проводить то дело, которое они с колыбели и до гроба любят и им руководят. Всякая эксплуатация труда у нас недопустима, ибо всякий, кто чувствует себя работоспособным, выезжает на промысел и получает тот заработок, который ему причитается за труд. У нас и раньше были рыболовные артели. В виду такой организации у нас не может быть и речи о какой бы то ни было эксплуатации. Если рыбаки влились в союз, то для нас это не было новостью, потому что и раньше мы всегда работали дружно, сообща.

Когда декретом Совета Народных Комиссаров было определено, что Донские воды составляют государственную собственность и что за пользование ими должна уплачиваться известная арендная плата, здесь мы почувствовали, что трудовому казачеству наносится большой ущерб. С нас спросили такую невероятную цифру арендной платы, которую мы при всем нашем желании выплатить не могли, тем более что скоро наступило тяжелое время, голод 1921—22 года, и наше население буквально голодало, часто бывали случаи голодной смерти: сплошь и рядом люди питались не только рыбой, но костями от рыбы. И вот в силу этих тяжелых обстоятельств, рыбаки не могли выполнить той обязанности, которую, по справедливости, они понимали, что должны дать государству. Мы даже не знали, было ли это справедливо: требовать с нас 50 000 пудов в год. Кроме того, инспекция предъявляет к нам требования об уравнительном сборе. Кроме того мы несем все государственные налоги, и несмотря на это кабальное бремя, мы платим государству, благодаря своей организованности, все, что оно с нас требует. Насколько нам известно, государство берет с крестьян налоги, но уравнительных сборов уже не берет, а с нас требуют уравнительный сбор 450 миллионов. Это составляет половину всей нашей работы. Если мы это выполним, то нас неизбежно постигнет бедствие 1921 — 22 года, т.-е. мы будем обречены на неизбежную смерть. Поэтому мы убедительно просим рассмотреть наши нужды и по мере возможности удовлетворить их, иначе мы не в силах выполнить то, что с нас требуют.

Калинин. Я не совсем согласен с тов. Колотиловым, который сказал, что ваша станица заброшенная. Наоборот внешние условия показывают, что она хорошая станица, и наверное в прежнее время посещалась людьми, стоящими высоко.

Я не знаю, какая арендная плата, — высокая она или нет? Это трудно определить, я вам особенно не верю, потому что каждый заинтересованный человек любит свое положение представить более мрачным, чем оно есть на самом деле. Каждый мужик думает, что он самый несчастный, что оброк на него самый тяжелый наложен, но если подсчитать, сколько вы всего платите, пожалуй — выйдет действительно многовато.

Попов. Самая большая беда в том, что с нас требуют неизвестно что: один раз велят везти рыбу, привезешь рыбу — говорят: давайте деньгами. Был такой случай: рыбаки привезли 8 000 пуд. рыбы, рыбу не приняли и потребовали денег. Это бывало не один раз, а несколько раз повторялось. Когда цены на рынке поднимались, нам говорили: давайте рыбу; привезешь рыбу, цены упали, — нам заявляют: платите деньгами. Такое положение окончательно растрепало рыбаков. Еще должен заметить, что когда требовали уплату деньгами, то высчитывали по золотому рублю, это выходит, что один рубль равняется копейке; и отдавая по этому расчету рыбу, выходит, что мы отдаем ее бесплатно, потому что 5 000 стоит пуд, а между тем материал, который необходим для рыболовства, стоит три—четыре миллиарда. Если все это учесть, то выходит, что рыбаки должны погибнуть; это если не принимать во внимание, что рыбаку нужны сапоги, нужно одеться и содержать семью. Поэтому мы просим как-нибудь облегчить наше положение.

Радин. Я портной Рязанской губернии, никакого отношения к рыбакам не имею, но должен сказать, что бедный народ очень страдает — кто имел раньше какие-нибудь вещи, то все спустили. Вчера ездили в Азов за мукой, платили 100 миллионов пуд. Соль тоже стоит очень дорого — 60 миллионов, это такая цена, по которой мы покупать не можем — рыба лежит на берегу, никто ее не берет. Раньше к нам приезжали и мы могли менять рыбу на муку, но теперь в виду дороговизны соли крестьяне рыбу не берут, а когда приходится покупать печеный хлеб, он обходится в $2^1/_2$ рубля. Раньше мы сами могли ездить за хлебом, но теперь далеко ездить нельзя, потому что очень дорого стоит проезд.

Попов. Я полагаю, что главная беда в том, что соль слишком дорога. Донсольсиндикат торгует по 45 руб. пуд. В виду того, что железнодорожный тариф страшно вздорожал, мы не можем отправлять рыбу, и она пришла в совершенный бесценок. Поэтому мы просим центральную власть, чтобы для рыбы,

как для скоропортящегося продукта, был исключительный тариф. Вывозить рыбу мы не можем, мы ее закапываем, бросаем, она портится, но везти ее в виду дороговизны никуда нельзя.

Кологривый. Разрешите рассказать, как вышло дело с арендой. После того как Центросоюз не выплатил натуральной ренты, Донпродком объявил на сдачу участок за Бой-ситники. Рыболовы станицы Елизаветинской после голодной зимы, в мае 22 года, остались без куска хлеба и без всяких средств, и мы решили заарендовать этот участок, но Донпродком начал с нами торговаться не как с трудовыми рыболовами, а как со спекулянтами. Рыбаки прекрасно знают, сколько вылавливается в этом участке: мы рассчитывали, что 200 000 пудов всегда выловить можно. Исходя из этой цифры, мы предполагали 10%, т.-е. 20 000 пуд. Мы даже соглашались больше дать, но Донпродком категорически требовал 50 000 пудов, заявив: хотите—берите, хотите—не берите. Это нам заявил тов. Лямдэ, который, кстати сказать, в настоящее время арестован. Мы подумали, подумали и согласились на это условие. Отказаться мы не могли, так как буквально нечем было жить. Таким образом, было зафиксировано 50 000 пудов, и мы начали выполнять это обязательство. Благодаря хорошей осени рыбаки выполнили свой долг и до срока выплатили. Нам было очень трудно, весной этого года многие даже продали свой рогатый скот, чтобы выплатить натуральную ренту. Совершенно правильно указывал тов. Попов, что рыбаки сильно страдают от того, что не знают, чем именно им нужно платить: деньгами или рыбой. Другая ненормальность заключается в том, что фининспекция неправильно обложила уравнительным сбором рыбаков, которые ничем другим кроме рыбного промысла не занимаются. Эта жестокая мера лишила нас рыболовства как раз в то время, когда рыбаки могли заработать себе на кусок хлеба: рыбаки просидели три-четыре дня в запрещенное время и не смогли захватить тот участок, который для них был самым важным, и вся самая лучшая рыба ушла.

Я хотел бы сказать еще несколько слов относительно новоарендной платы. Теперь объявлены новые торги на наш участок, при чем ставится такое условие, что желающие участвовать должны внести десять процентов той суммы, которую они желают дать. Это значит, что мы должны дать около 50 000 пуд. Трудовые рыбаки не могут уплатить такой большой суммы. Мы просим вас оказать содействие, чтобы участок этот был сдан не с торгов, а непосредственно трудовым рыбакам по

более справедливой оценке, т.-е. принимая во внимание то количество рыбы, которое обычно на этом участке вылавливается. Сейчас в бюллетене Донпродкома указывается, что за весну улов был 100 000 пудов. Я думаю, что эта цифра не преувеличена и не уменьшена, пожалуй даже рыболовы согласятся дать 200 000 пуд., но лишь бы получить участок непосредственно, а не через спекулянтов, которые на нас же будут наживаться.

Калинин. Я думаю, что раз капиталисты дают такую цену, значит есть за что платить. Кроме того капиталисты когда снимают—им нужно и рыболовов нанять и снасти купить, а у вас уже все есть.

Попов. Капиталист снимает для того, чтобы нас закабалить. Если только он заарендует, то нам больше ничего не остается, как итти с сумой.

Калинин. Надо такой выход найти, чтобы и рыболовам было не обидно, и государству была польза.

Кологривый. Мы всегда желали итти на пользу государства. Мы не спекулянты, а труженики рыбаки, а на нас смотрят как на торговцев, выжимают с нас все соки.

Кочергин. Мы просим, чтобы раз навсегда положить конец такому явлению, чтобы на нас не смотрели, как на капиталистов, которые наживаются на рыболовстве. Мы — труженики, и просим об одном: если вы найдете нужным дать нам этот участок, то чтобы там больше не участвовал никто—ни тресты, ни синдикаты, а только лишь наши рыбаки. Мы живем только этим промыслом. Мы знаем, сколько на этом участке можно выловить. Тов. Калинин неправ, когда говорит, что если купец дает много, то с тем расчетом, что он думает здесь нажить. Он это делает потому, что он знает, что может нас утеснить. Ведь государство только тогда и сильно, когда его народ находится в благосостоянии. А когда нам запрещают ловить в заповедном участке, т.-е. там, где мы можем заработать больше всего, мы считаем, что это по существу неправильно. Мы сейчас уже немного окрепли, не так нуждаемся, как в прошлом и запрошлом году, но это исключительно благодаря нашему уменью, потому что нам все здешние условия хорошо известны; а когда здесь был Центросоюз, он и себя губил и нам жить не давал. То же самое будет и дальше, если этот рыболовный участок будет сдан не рыболовам.

Калинин. Вы говорили и жаловались на уравнительный сбор. На каждого из вас падает около 500 рублей, т.-е., иначе

говоря, что-то около 10 рублей золотом. Я считаю, что это не так много.

Попов. Мы платили сначала 2 — 3 рубля, теперь с нас берут вдвойне. Мы ничего не имеем против, если бы с нас брали рыбой, но откуда же нам брать эти миллионы? Денег у нас совсем нет, кроме того у нас отобрали 47 000 десятин земли, которую мы сдавали в аренду и этим жили. Но самым главным мы считаем вопрос об аренде нового участка, мы просим вас ускорить этот вопрос, так как срок наступает 25-го мая.

Калинин. Других вопросов у вас нет? Значит, самое существенное для вас, — это уравнительный сбор и арендная плата? Но это не только у вас, а повсюду. Что касается земли, если у вас отобрали 47 000 дес., это действительно тяжело, но если мы возвратим вам землю, то будут претензии, нам прямо скажут, что мы возвратили землю контр-революционерам.

Кологривый. Мы за землю не обижаемся, так как мы сами на ней не работали, пусть живут и пользуются ею те, кто ее обрабатывает; нам важнее отстоять свои интересы рыболовные.

Калинин. Если у вас больше вопросов пока не имеется, я хотел бы несколько слов сказать о нашем государственном положении вообще. Почему мы довольно сильно нажимаем на крестьян, на казачество и на городских жителей, с которых тоже берем довольно большие налоги? Это вполне естественно. Царь получал только от одной водки миллиард рублей, у нас этого миллиарда нет. Кроме того, царь каждый год занимал около 500 миллионов рублей золотом. Кроме того, он имел довольно значительный доход от таможенных сборов, примерно 300 миллионов руб. Значит, этот миллиард целиком ложился на крестьян и рабочих, которые платили за водку. У нас этого дохода нет. Поднимался вопрос о том, чтобы разрешить водку, но большинство высказалось против. Сейчас доходы государства равняются одной трети довоенных вместе с эмиссией, т.-е. мы выпускаем бумажные деньги, которые дешевеют, Нынешний год мы думаем довести, что будет меньше половины или не более одной трети. Но не надо забывать, что наши крестьяне и рабочие стали гораздо беднее. У нас есть целые области, где население измучено, много незасеянных полей остается. Кроме того наш самый богатый район—Приволжские губернии, который давал около 150 миллионов пудов хлеба, перенес голод, и теперь мы не только с этого

района ничего не получаем, но сами должны его поддерживать. Поэтому мы считаем, что все те, кто может мало-мальски платить, должны платить. А между тем расходы у государства очень большие, и расходы эти все время растут: содержание Красной армии составляет 180 миллионов золотых рублей, т.-е. треть того, что расходовалось при царизме. В настоящее время наша армия состоит из 600 000 человек и уменьшить ее больше нельзя, потому что соседи очень недружелюбно к нам относятся и малейшим промахом с нашей стороны они могут воспользоваться для того, чтобы напасть на нас, а так как у нас нет желания быть беззащитными, поэтому мы должны содержать Красную армию и, следовательно, этот расход мы не можем уменьшить. Не надо забывать, что наши военные заводы, которые за время войны работали усиленным темпом, теперь требуют большого ремонта: большинство машин настолько истрепалось, что их не только нужно ремонтировать, но просто выбросить вон, заменив новыми. На это потребуется около 200 миллионов рублей золотом.

Следующий большой расход — это добавление из кармана государства на нужды железных дорог. Вы сами здесь говорили, что тариф на железных дорогах очень высокий, а между тем железные дороги приносят нам убыток приблизительно 400 миллионов рублей золотом в год, т.-е. железные дороги берут третью часть всех наших доходов. Уменьшить этот расход никак нельзя. Доход железных дорог за 1923 год увеличился примерно на 30%. Но железные дороги настолько истрепались, настолько износились, — мы имеем десятки тысяч паровозов и вагонов, которые требуют капитального ремонта, — кроме того, с 1914 года не сменялись ни рельсы, ни шпалы, — и эта смена потребует больших средств. Железнодорожники получают жалованья, если перевести на золото, около 10 рублей в месяц, и это только недавно: раньше они получали 3 — 4 рубля.

Далее идет вопрос об образовании: сейчас крестьяне предъявляют повышенное требование к школе. У нас около 600 000 человек в закрытых государственных учебных заведениях и приблизительно столько же беспризорных детей. Одни железнодорожники содержат около 50 000 детей, кроме того, содержат металлисты, разные исполкомы и другие органы местной власти; в общей сложности мы имеем 1 200 000 человек. Правда, детям много не требуется, но все-таки их нужно прокормить и одеть. Конечно, при царизме их было меньше, но ведь при царизме

не было войны, да и кроме того царское правительство иначе относилось к этому вопросу,—мы так относиться не можем. Я уже сказал, что крестьяне теперь требуют повышенное образование. Низшее образование мы передаем на местные средства, но остаются еще школы 2-й ступени, которые требуют очень большого расхода, и при всем нашем желании расход по этой статье не может быть сокращен, а наоборот,—расход этот будет расти. А в виду этого и налоги не могут быть уменьшены; но несмотря на то, что они будут расти, вместе с этим будет расти и благосостояние крестьянства, которое уж по сравнению с 22-м годом значительно улучшилось, и мы уверены, что поскольку положение крестьянства улучшается—оно будет поддерживать нас. Даже рязанский мужик, на котором мы все время ехали, который был постоянно на фронте, раздет, разут, не доедал,—теперь этот рязанский мужик окончательно окреп и будет нас защищать. И это потому, что в конечном счете он знает, что Советская власть действительно есть власть рабочих и крестьян. Мы очень внимательно относимся к крестьянам, но наша собственная нужда не позволяет нам снижать налоги.

Что касается нашего международного положения, то наверно у вас есть товарищи, которые вернулись из заграницы и которые подтвердят, что и там живется не особенно хорошо.

Голос с места. Вот товарищ, который недавно приехал из Болгарии. Там, правда, живут не лучше нашего.

Калинин. А между тем болгарское правительство—оно не очень реакционное, но там было много наших контр-революционеров, там была вся армия Врангеля, с которой очень няньчились, потом русские контр-революционеры хотели сделать там восстание и поддержать ушедшее от власти правительство. Теперь там у власти либеральная буржуазия, и рабочий класс ее поддерживает. В остальных западно-европейских государствах большею частью у власти находятся контр-революционеры: в Англии—консервативная партия, во Франции—тоже консервативная, в Германии—партия близкая к контр-революции. Конечно, такие соседи нас в покое не оставляют, они выжидают момент, когда им удобнее будет напасть на нас, и поэтому мы должны зорко следить за ними. Конечно, у всей этой буржуазии есть зуб против нас: во-первых, они потеряли старые долги, примерно около 36 миллиардов рублей, кроме того мы уже пять лет не платим проценты, что составит около сотни миллионов рублей золотом; затем мы не платим проценты за военные займы, а за время

войны царское правительство заняло десятки миллиардов рублей. Так что мы должны огромную сумму. Если бы сейчас у власти было царское правительство, то наверное налоги были бы раза в три тяжелее. Теперешние налоги нельзя брать в расчет по сравнению с довоенными налогами: тогда мы платили одних процентов 400 миллионов, а теперь нам надо платить полтора миллиарда; по правде—мы их пока не платим. Было уже целых три конференции: Генуэзская, Гаагская и Лозаннская, на которых ставился вопрос об уплате долгов; мы пока упираемся и решительно отказываемся от их уплаты, потому что мы считаем, что если нам навяжут этот долг, то его уплаты хватит на пять поколений: значит, мы должны надолго закабалить наших рабочих и крестьян, а Советская власть, как я уже сказал, будет сильна постольку, поскольку ее будут поддерживать те же рабочие и крестьяне. Недавно, например, Англия предъявила нам ультиматум, теперь, повидимому, этот вопрос ликвидирован. Когда рабочие и крестьяне узнали об этом, они решительно высказались за поддержку Советской власти. На всех этих конференциях мы заявили, что вопрос о старых долгах мы будем обсуждать, вопрос же о военных долгах не подлежит обсуждению, так как мы решительно против их уплаты, потому что ведь западно-европейские империалисты давили на царское правительство, давали ему деньги и снаряды и требовали чтобы Россия посылала свои войска во Львов и в Германию—сражаться с немцами; а теперь за это мы же должны и платить! Значит, первое, чем недовольны западно-европейские капиталисты, это—они требуют уплаты военных долгов, во-вторых, они очень много потеряли в России: ведь, в сущности говоря, в России было очень немного русских капиталов, а самые главные богатства были в руках французов и англичан, например Юзовка была в руках англичан, на Урале тоже был целый ряд капиталистов, которые захватили большие медные промысла. Вы может-быть слыхали о концессии Уркарта, которая охватывал три с половиной тысячи кв. верст? Мы не согласились продолжать эту концессию, потому что она для нас явно убыточна. Кроме того, целый ряд промышленности был в руках иностранцев, например, все эти Ралле, Сиу, Брокары,—разве они были русские? Конечно, нет. Все это были иностранцы и старый царизм только умел дурачить народ, говоря якобы о русской промышленности, фактически же русские капиталисты были лишь приказчиками. Были фабрики, которые целиком находились в руках иностранцев, начиная от директора и

кончая бухгалтером. Кроме того, у нас есть много заводов, которые считаются русскими, например Путиловский завод, но по существу это не так: на Путиловском заводе 20% акций этого завода было у Круппа. И вот теперь все эти иностранцы хотят возвратить старое. Советская власть не хочет возвращать старое. У нас у власти стоят рабочие и крестьяне; многие говорят, что у нас у власти жиды, но это неправильно. Если найдется два-три человека евреев, то это не банкиры, не капиталисты, — мы еврейских капиталистов так же свергали, как и своих. Правда, есть евреи врачи и инженеры, большею частью городские обыватели, но банкиров, капиталистов, еще раз повторяю — нет. Когда мы захватили власть в свои руки, западно-европейская буржуазия говорила, что большевики только умеют говорить, а дела делать не умеют, долго они не продержатся. Мы показали Западной Европе, что продержались дольше, чем они думали; теперь стоит вопрос о том, справимся ли мы с промышленностью. Я думаю, что справимся, так как уже за 1921—1922 год мы достигли порядочных успехов, да я думаю, что и по Ростову видно, что как будто бы дело налаживается. Конечно, если бы мы обратились к западно-европейским капиталистам за поддержкой, тогда было бы легче. Мы обсуждали этот вопрос в ЦК партии и в советских партийных органах, — что выгоднее: взять ли на себя некоторую уплату долгов, чтобы сейчас взять еще в долг, или лучше выдержать до конца, немного потерпеть, но помощи от них не брать, потому что ясно: если мы дадим им палец, то они заберут всю руку. Обсудили этот вопрос и решили, что лучше нам еще год-два напречься, но помощи от них не брать, и за это они теперь особенно злы на нас. Вначале они набросились на концессии, всего поступило около 200 концессий. Вопрос в том, что они смотрят на нас как на китайцев, думая, что они придут сюда, будут владеть и управлять нами. Мы ничего не имеем против концессий, но хотим, чтобы они нажили 15—20%, но с тем, чтобы эти концессии дали доход и нашему государству, чтобы наша промышленность развивалась. Из всего общего числа концессий мы заключили всего 20, которые бесспорно выгодны для нас; они заключены на таких началах: например, есть завод, который стоит и который надо пустить; мы предлагаем заграничным капиталистам внести 49% стоимости завода, а наших процентов будет 51. Это делается для того, чтобы иметь большинство в правлении. Конечно, они тоже будут нажпвать, но когда у нас

будет большинство — мы сможем ограждать наши интересы. Проводя такую линию, нам все время приходится быть в очень тяжелом положении, приходится быть очень скупыми, увеличивать наши налоги, на которые вы так жалуетесь, но зато мы ни одной копейки не заняли, ни копейки, за исключением того случая, когда мы купили селедки в Норвегии для голодающих, да и то это было очень для нас выгодно, так как эти селедки были приобретены по чрезвычайно низкой цене. Мы прекрасно понимаем, что крестьянину тяжело, но раз крестьянин эту тяжесть везет, то нужно продержаться до конца; и как только положение немного улучшится, сейчас же мы постараемся облегчить это тяжелое положение. Я уверен, что если рабочие и крестьяне поддержат Советское правительство, ему можно будет сбалансировать доходы с расходами; тогда мы несомненно выиграем; мы ни копейки не займем у западно-европейских капиталистов и лет через пять наша рабоче-крестьянская республика будет не беднее, а, конечно, значительно богаче. Во всяком случае коммунистическая партия вовсе не хочет создавать республику бедняков. Мы хотим создать республику обеспеченных, хорошо одетых, хорошо обутых, культурных людей. Бедность вовсе не есть свойство коммуниста. Наша партия создалась из бедноты, которая борется за новый мир, потому что богачу за новый мир бороться нет смысла. Вот вы говорили, что ваша станица потеряла 46 000 десятин. Сейчас это тяжело, обидно, но лет через пять вы забудете об этом и будете наживать новое богатство. Я уверен, что наступит момент, когда вы полюбите Советскую власть, потому что вы поймете, что она не хуже, но во много раз лучше старой царской власти. А если вы нас поддержите, тогда, несомненно, и вам будет легче. Эта поддержка необходима нам еще для того, что если сунутся западно-европейские империалисты со своими долгами, мы должны им дать настоящий отпор. Мы, со своей стороны, сделаем все, чтобы не было войны, мы особенно не любим форсить, но если нас заставят, то хочешь не хочешь, а воевать придется. И вот я вас еще раз призываю в необходимый момент поддержать Советскую власть против врага. *(Аплодисменты.)*

Председатель. Так как более вопросов нет, объявляю митинг законченным *).

*) Вопрос о рыбе, поднятый в беседе, был потом выяснен и улажен.

НЕУРОЖАЙ И ГОЛОД 1921 ГОДА.

Голод, разразившийся над Советской Республикой, охвативший до 25-ти миллионов человек и распространившийся на 20 областей и губерний, является не случайным, не исключительным явлением в истории России.

Наоборот, голодовки в России столь же закономерны, как и хорошие урожаи среди неурожайных лет. После большого неурожая в 1901 году были недороды в 1906—1911 г.г. В 1907 г. Лев Толстой задает вопрос: голодает ли крестьянин в 1908 году? Несомненно, в период между 1891—1921 г.г. был ряд неурожайных лет, не зарегистрированных официальной статистикой.

Неурожай 1921 года исключителен по величине захваченной им территории, а также по силе своей разрушительности. В этом смысле он далеко оставляет за собой 1891 год, бывший годом самого сильного неурожая XIX столетия.

Ряд последних лет был как бы подготовкой к переходу на благосостояние крестьянина, на основное богатство Советской Республики—на производство хлеба.

Начиная с 1914 года, систематически, регулярно, все ускоряющимся темпом шло ухудшение сельского хозяйства: уменьшение скота, разрушение сельско-хозяйственного инвентаря, замена мужского труда женским в черноземной полосе (где прежде женский труд находил очень слабое применение), военные грозы, неуверенность в завтрашнем дне, невероятное расхищение материальных средств войной, военные постои — все это в совокупности уже к началу гражданской войны поставило наше сельское хозяйство в весьма тяжелое положение.

Гражданская война, когда армии одна за другой проходили тысячи верст, внося неизбежное разрушение в хозяйство на больших пространствах, была причиной того, что у крестьян пропадали целые рабочие сезоны; параллельно с этим стихийные враги, которых так много у русского сельского хозяина, не встречая сопротивления, развернулись во-всю. В одном месте

пески одерживают одну победу за другой, толстым слоем занося культурные поля; в другом — целые пространства недавно еще засевавшихся полей оказываются густо покрытыми сорными травами; в третьем — саранча, суслики уничтожили все, что можно было съесть; в четвертом — разрушено большое количество сравнительно благоустроенных хозяйств; в пятом — создалось целое поколение людей, выросших среди войны и привыкших к разрушению; в шестом... Но мы не станем продолжать, — скажем лишь, что, к сожалению, перечислять подобные неблагоприятные для сельского хозяйства явления можно было бы до бесконечности.

Заметим, что первым серьезным предостережением был 1920 год, когда урожай оказался ниже среднего, а пять губерний были объявлены голодающими и для помощи им была создана впачале комиссия ВЦИК. Она в общем справилась со своей задачей, по крайней мере в упомянутых голодных губерниях. Поля были засеяны, и четыре из этих губерний в 1921 г. уже не нуждались в помощи.

Засуха 1920 года и малоснежная зима заставили основательно насторожиться как население, так и органы Советской власти. Первые весенние бюллетени Наркомзема читались во ВЦИК и Совнаркоме с таким же напряженным интересом, как и военные сводки, и голод настоящего года не был неожиданностью ни для Советской власти, ни для голодающего населения.

Советское правительство уже со средины июля забило тревогу о надвигающемся бедствии и создало боевой орган для борьбы с ним, а население тысячами спешило вырваться из голодной черты, пока тепло давало возможность передвигаться собственными средствами, или же пока можно было более или менее свободно дожидаться на пристани, на вокзале посадки в вагон или на пароход для отправки в благополучные места.

Первые шаги Центральной комиссии помощи голодающим были предприняты для выяснения хотя бы приблизительных размеров бедствия во всероссийском масштабе и степени влияния его на отдельные районы; для этого ВЦИК'ом было послано несколько экспедиций, а Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК повела боевую работу по снабжению пораженных бедствием местностей озимыми семенами.

Величайшая трудность заключалась в том, что времени на засев полей в голодающих местах оставалось не более месяца; в этот короткий срок эти семена должны были быть сняты с полей,

собраны в порядке продналога и других сборов с крестьян, погружены, подвезены и распределены среди голодающих, — задача на первый взгляд почти невыполнимая.

Мне кажется, что с этой задачей мы справились настолько, что, считая по пятибалльной системе, заслужили не менее 4, а то и 4 с плюсом. Всего было отправлено озимых семян 12 144 593 пуда, из коих 10 832 178 пудов засеяно на 3 625 000 десятин, что составляет 62% задания Наркомзема и 75% посева 1920 года. Если принять во внимание, что процент засева собственными средствами крестьян составляет очень незначительную величину, то размерами оказанной семенной помощи к озимым посевам можно до известной степени удовлетвориться, разумеется, учитывая тяжелые условия работы.

Семенная кампания заняла весь август, сентябрь и захватила часть октября. Параллельно с ней шла организация комиссий помощи голодающим, как в местах голода, так и в благополучных губерниях. Окончивши озимую семенную кампанию, Цекапомгол приступил к работе по подготовке яровых семян. По заявке Наркомзема, их требуется не менее 33 миллионов пудов, тогда как правительство рассчитывает на возможность дать 25 милл. пудов.

Я лично думаю, что вряд ли можно надеяться получить более 15 милл. пудов; это то количество, которое намечено правительством в общероссийском плане; прибавленные 10 милл. пудов были даны под сильнейшим давлением Цекапомгола и Наркомзема. У меня нет ни малейшего сомнения в желании правительства дать полностью семенной материал, но поступление продналога идет сравнительно медленным темпом, и весьма вероятно, что он не будет собран полностью.

Как бы то ни было, не может быть никакого сомнения в том, что по снабжению голодающего населения нами будут приняты все меры, и лишь недостаток семенных рессурсов может ограничить количество яровых семян, посылаемых для голодающих.

Что касается государственного снабжения голодающих районов продовольствием, то план его рассчитан на 24 милл. пудов в год, т.-е. в среднем на 2 милл. пудов в месяц.

В действительности снабжение выражается в следующих цифрах: июль — 0, август — 399 500 пуд., сентябрь — 1 288 500 пуд., октябрь — 2 388 500 пуд., за первую треть ноября — 2 152 000 пуд. Несомненно, что увеличенные наряды двух последних месяцев идут на возмещение недополученных за июль, август и сентябрь.

Государственное снабжение в очень слабой степени несет помощь голодающим; оно предназначено, главным образом, для армии, для рабочих государственных предприятий и служащих советских учреждений; что же касается массы населения, то лишь детские дома, в огромной степени пополняясь из голодной массы, получают продовольствие от государства. В государственном бюджете продовольственная норма продовольственных детских пайков повышена со 110 тысяч до 160 тысяч пайков. Эти добавочные 50 тысяч пайков достались нам тяжелой ценой: пришлось это количество пайков снять с детей благополучных губерний и передать голодающим; вполне понятно, что Наркомпрод лишь после энергичного нажима Комиссии Помгол дал свое согласие на это: эта урезка для благополучных губерний разрушает там уже налаженную Наркомпродом работу.

Само собой разумеется, что на долю крестьян из крайне ограниченного государственного фонда снабжения достается очень незначительный процент, в виде ли пайка на работающего члена семьи или на ребенка, с трудом попавшего в детский дом; это, конечно, лишь исключительные случаи: такие крестьяне — отдельные единицы. Тем не менее, привоз 2 милл. пудов, доставленных из других мест, является в общем и целом большой поддержкой голодающему населению.

Картофеля доставлено 4.090.900 пудов, из них около 600.000 пудов Центросоюзом, остальные Наркомпродом. Предполагалось доставить гораздо больше, но ранние холода заставили было приостановить работу по перевозке. Впоследствии, однако, совещание губернских комиссий помощи голодающим, состоявшееся в декабре, постановило продолжить доставку картофеля голодающим, хотя бы в мороженном виде.

На продовольствие голодного населения, т.-е. на так называемое общественное питание государство отпустило по плану 12 милл. пуд. хлебо-фуража, предполагая кормить:

в октябре	500 000	чел.	57%	детей, 25%	взросл.
» ноябре	1 000 000	»	75%	» 25%	»
» декабре	1 500 000	»	(т о ж е)		»
» январе	2 500 000	»	60%	» 40%	»
» феврале	3 000 000	»	50%	» 50%	»
» марте	3 250 000	»	46%	» 54%	»
» апреле	3 250 000	»	(т о ж е)		»
» мае	3 000 000	»	50%	» 50%	»
» июне	2 250 000	»	65%	» 35%	»
В с е г о	20 250 000	месячных пайков.			

По отношению ко всему голодающему населению процент детей равняется около 17%, взрослых — 10%.

Незначительность этой помощи бросается в глаза, и лишь полная невозможность увеличить ее заставляет с этим мириться. Помощь недостаточна не только по низкому проценту пользующихся ею, но и по малой питательности порций: она равна 930 калориям для детей и 900 для взрослых (при норме приблизительно около 3 000 калорий на человека).

Размеры эвакуации голодающих таковы: по ноябрь месяц эвакуировано 530 000 чел. из мест, пораженных голодом. Больше всего эвакуировано из Татреспублики — 191 978; из Симбирской губ. — 98 849 чел., из Саратовской губ. — 82 248 чел. Разумеется, сюда не входят люди, выехавшие на собственный риск и страх; их число, по моему мнению, не меньше приведенной цифры. Следовательно, голод заставил покинуть родные места свыше миллиона людей. Впрочем, в числе выехавших, вероятно, есть некоторый процент беженцев империалистической войны, оставивших северные губернии в 1918—19 г.г. под угрозой голода. Но, несомненно, главный контингент выехавших — голодающие крестьяне.

Начавшиеся общественные работы вряд ли получат широкое развитие, ибо работы земляные, главным образом мелиоративные, требующие большого количества рабочих рук, производить зимой невозможно: они требуют серьезной предварительной подготовки. Но как бы то ни было, все производственные комиссариаты из месяца в месяц увеличивают свои ассигновки, стремясь организацией различных производств увеличить материальные фонды голодающих мест.

Избегая нагромождения цифр, я приведу лишь данные о росте поступления денежных знаков в места голода: июль — 56 500 милл. руб., август — 92 100 милл. руб., сентябрь — 159 700 милл. руб., октябрь — 225 800 милл. рублей, ноябрь — 435 285 милл. рублей.

Цеканомгол не только стремится направлять в голодную область известные материальные средства комиссариатов для выполнения там государственных заказов, но и сам из собственных средств выдает ассигновки, стараясь создать оборотный фонд для голодающих кустарей.

В помощи голодающему Поволжью особенно почетное место заняла наша Красная армия. Участие Красной армии замечается уже с первых дней возникновения гражданских орга-

нов помощи, а с 4-го сентября организована при Реввоенсовете Центральная комиссия помощи голодающим, объединившая ранее созданные отдельными военными частями помголы и давшая дальнейший толчок развитию в армии массовой работы в пользу голодающих.

Всего, по неполным сводкам, к 1-му ноября военными помголами было собрано 4 000 милл. денежными знаками, много различных вещей, в том числе золотых и серебряных, которые пока еще трудно учесть в денежных знаках, и 360 000 пудов хлебных продуктов. Красная армия, в течение четырех лет с оружием в руках защищавшая нашу Советскую Россию, сейчас, в тяжелую годину бедствия, снова показывает свою беспредельную готовность служить народу.

Цекапомгол с первых дней своей деятельности ясно видел, что как бы ни напрягало усилия советское правительство, оно одно не в силах будет удовлетворить даже минимальных потребностей голодающего населения. И поэтому с первых же дней своей деятельности оно стремилось привлечь широкие массы крестьянства, рабочих и других слоев населения к участию в кампании помощи голодающим. Мы стремились использовать не только инициативу масс РСФСР, но возлагали надежды и на помощь со стороны рабочих и честных граждан других стран. Наши надежды до известной степени оправдались: к 1-му ноября до 500 тысяч детей получало через заграничные организации добавочное питание. Наиболее заметна помощь АРА, германских коммунистов, английских квакеров и Красного Креста Германии, Швеции и Чехо-Словакии. Число этих организаций увеличивается, и можно думать, что их работа будет существенным вкладом в дело помощи голодающим.

Между прочим, добавочное питание, получаемое от других стран, обходится и нам самим не дешево, ибо все расходы по транспорту и вся организация работы на местах лежит на советском правительстве (таковы, например, условия, заключенные с АРА), так что каждая калория, получаемая голодающими, наполовину оплачена советским правительством или местными помголами из средств, собранных Россией.

Помощь, почерпаемая из внутренних источников РСФСР, с каждым днем все расширяется, захватывая все новые области и территории и углубляясь там, где работа началась ранее. Всего по 25 ноября было собрано деньгами около 26 миллиардов рублей. Сборы поступали в такой последовательности:

до сентября включительно 11 миллиардов, за октябрь около 5 и за ноябрь около 11 миллиардов, откуда видно, что размах помощи все расширяется. Параллельно со сборами денежных знаков производятся и сборы продуктов питания. Насколько мы можем судить, общая сумма собираемых продуктов будет возрастать все быстрее.

Надо заметить, что в то время как одни губернии уже успели проявить максимальную энергию, другие еще только приступают к работе. Так, например, Курская губерния сдала на колеса 160 тыс. пудов и около 300 тыс. пудов имеется еще, по нашим сведениям, в курском губпомголе в ожидании вагонов для отправки собранного голодающим; из целого ряда губерний точных сведений нами еще не получено, но не может быть сомнения в том, что там собраны запасы, измеряемые, по крайней мере, десятками тысяч пудов; такие запасы должны быть, между прочим, в Алтайской губернии, давшей в прошлом году 30 милл. пудов продналога.

Последовательное поступление продуктов таково: август — сентябрь — хлеба 286 209 пуд., прочих продуктов — 327 175 пуд., октябрь — хлеба 409 387 пуд., прочих — 489 235 пуд.; ноябрь — хлеба 577 826 пудов, прочих — 178 806 пудов. Всего свыше 2 000 000 пудов.

Эти сборы поступили к концу ноября. Они далеко оставили позади себя все общественные сборы 1891 — 92 голодных годов. В особенности они велики в процентном отношении к имуществу жертвующих, по сравнению с прошлым голодом. Нужна была колоссальная работа среди крестьянских масс (о рабочих наших я не говорю; таких рабочих в мире нет: наши рабочие на своих плечах вынесли все бремя революции, их жертвы, отрываемые буквально от последнего куска хлеба, обрекающие на недоедание их самих и их семьи, — никого поэтому не должны удивлять), которые исторически привыкли не доверять всякой власти вообще, у которых в прошлом году была взята разверстка, а в настоящем — продналог, у которых нет теперь никаких старых запасов. Крестьяне теперь добровольно собирают хлеб в пользу голодающих, отвозят его сами в голодающие места, устраивают там среди голодающих митинги.

Едва ли где-нибудь в мире выносятся столь безграмотные резолюции, как в башкирских, чувашских или татарских деревнях на общих митингах, устраиваемых приехавшими с хлебом стариками — тверяками или курянами. Я имел счастье читать эти

резолюции; трудно понять их содержание, но в них есть слова, которыми чуваши хотят выразить, «что они никогда не забудут, что далеко с севера такие же крестьяне, как и они, пришли им на помощь», и говорят: «если что случится с вами, мы также придем к вам». Мне кажется, вряд ли где полнее осуществляется любовь к ближнему, к человеку, стоящему на краю пропасти, любовь человека к человеку. Комиссия помощи голодающим при ВЦИК стремится использовать, закрепить эти благородные чувства, проявляющиеся при взаимной помощи.

Перед комиссией во весь страшный свой рост встало ужасающее бедствие, несущее нестерпимые страдания миллионам людей. Работа ее протекает в невероятно тяжелых условиях разрухи и обнищания страны, но тем более напряженной, тем более упорной она должна быть, развиваясь и усиливая свой темп изо дня в день, в особенности на местах.

2-го декабря было созвано всероссийское совещание губернских, областных, окружных военных комиссий помощи голодающим и комиссий автономных и договорных республик На совещании этом встретились представители остро-голодающих мест и работники благополучных губерний для выяснения дальнейшего плана и координирования советской работы по борьбе с голодом.

Съезд имел очень скромную, далеко не кричащую внешность. Съехавшиеся делегаты, работники с мест, хотели получить оценку своих практических усилий по борьбе с голодом; хотели использовать опыт коллективной работы, который из отдельных слагаемых, местных работ, выявился на съезде в сумму опыта всей федерации.

Работа съезда, зафиксированная в его постановлениях, послужит дальнейшим возбудителем энергии работников на местах. А 9-й Всероссийский Съезд Советов уже призвал рабоче-крестьянские массы к новым усилиям по борьбе с голодом.

Мы ни на минуту не сомневаемся в том, что отзвуком этого призыва будет новая волна, новый приток материальных средств не только со стороны русских рабочих и крестьян, но и со стороны широких кругов международного пролетариата.

«Коммунистический Интернационал» № 20 — 1922 года.

ИТОГИ ГОЛОДНОЙ КАМПАНИИ.

Словом «голод» мы обозначаем такое положение, когда нужда в пище достигает высшего предела и является уже неодолимой, безвыходной, как стихийная сила, когда население умирает не только от разного вида эпидемий, развивающихся на почве истощения, как тиф, туберкулез и прочие болезни, заражающие людей даже и при хорошем питании, но и непосредственно от недостатка питания — голодной смертью.

Несомненно, на заре человеческой истории голод производил величайшие опустошения. Можно быть вполне уверенным, что целые расы и народы сошли с исторической арены благодаря этому бичу. Даже Европа, культура которой опередила остальные народы, сравнительно недавно избавилась от стихийных голодовок, причинами которых являлись климатические явления. В настоящий момент там голод приобрел совершенно иные причины — социальные: промышленные кризисы, разрушения, производимые военными действиями, безработица и т. д. и, обыкновенно, он охватывает только отдельные слои или группы населения.

Настоящую величину стихийности голода мы можем еще наблюдать только в Индии. В 1876 — 1877 годах, несмотря на привоз хлеба морем и сухим путем и все усилия Британского правительства, бедствие приняло размеры никогда небывалые: вся потеря от голода и повальных болезней, следовавших за ним, исчисляется в $5^1/_4$ миллионов душ. В государстве Майсори вымерло около 25% населения.

Что касается непосредственно России в прошлом, то самые сильные голода у нас были не от засухи, а от излишка дождя и холода в весеннюю и летнюю пору. Достаточно напомнить только голода в 1128—1129 и в 1901—1903 годах. Наши последние неурожаи, начиная с XIX столетия, главным образом, про-

исходят от засухи, и это вполне естественно по существу. Летописи описывают бедствия голода непосредственно в Московии, т.-е. наш приозерный, северный и центральный районы, в то время как голодовки XIX столетия были, главным образом, в Поволжье и в нашем черноземно-центрально-земледельческом районе, которые и в нормальное время имеют ограниченное количество влаги.

Насколько засухи слабо влияют на урожайность приозерной и северной части центрального района, достаточно вспомнить, что засушливые 20 и 21 года дали максимальную урожайность в этих местах. Но центр производства зерновых продуктов у нас передвинулся в черноземно-земледельческие и Поволжские районы, где как раз засуха является главным фактором неурожая. И, поэтому, все последние неурожаи, главным образом, были неурожаями в хлебородных губерниях. Голодное бедствие 21-го года, как бы нарочно, было усугублено событиями, пережитыми в предшествующие года, чтобы усилить разрушительные его стороны.

Начиная с 18-го года (а в отдельных местах еще гораздо раньше, с последним годом империалистической войны), в целом ряде местностей северной России, в крупных промышленных центрах, стал остро ощущаться недостаток хлеба. Целые тысячи мешечников из городов и деревень северной России устремились в хлебородные губернии за хлебом, окончательно расстраивая своим стихийным напором и так уже еле держащийся транспорт.

19-й год дал хороший урожай на Поволжье, Украине и Кубани, но гражданская война изъяла целые хлебные области из хлебооборота, и поэтому места потребляющие также сильно нуждались в хлебе, не имея возможности его привезти из мест урожая. Общая же запашка производящих губерний катастрофически падала, и общий запас хлеба во всероссийском масштабе систематически истощался. 20-й год служил годом предупреждения. Весенняя и осенняя засуха в 20 году охватила почти всю центральную Россию — Калужская, Тульская, Рязанская, Московская, Орловская, Брянская, часть Воронежской, Царицынская губернии довольно сильно пострадали от засухи. В особенно значительной степени пострадали: Калужская, Рязанская, Тульская, Царицынская и Череповецкая.

Несовершенство аппаратов Советской власти, слабость связи, не давали возможности центру вполне ориентироваться в степени неурожая той или другой местности. И лишь только

в феврале месяце 21-го года президиум ВЦИК организовал Комиссию по руководству работ по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая 20-го года, в губерниях: Рязанской, Калужской, Орловской, Тульской и Царицынской.

По существу, в 20-м году неурожай охватил огромное пространство, не только в центре, но и в Поволжьи. Параллельно с этим, проводимые в связи с военными действиями продразверсточные кампании побуждали крестьян к сокращению запасов и посевов. Поэтому, хотя в 20-м году до нового неурожая 21-го года и не развернулось ярких картин голода, но, несомненно, за это время окончательно иссякли старые запасы хлеба, где бы они ни были.

Комиссия ВЦИК, работавшая в составе: Калинина, Смидовича, А. П. Смирнова, Селецкого от ВЦСПС, вскоре же была пополнена представителями от Наркомпрода: т.т. Халатовым и Лобачевым. Она более или менее удовлетворительно справилась со своей задачей, сущность которой сводилась к тому, чтобы, урывая из государственных запасов, дать некоторые материальные средства для голодающих мест. При следующей страшной голодной кампании из вышепоименованных голодающих губерний, в списке голодающих значилась лишь одна Царицынская губерния. Значит, худо ли, хорошо ли, с голодом не только справились, но и дали возможность голодающим губерниям засеять достаточное количество земли для предстоящего голодного года.

Чтобы охарактеризовать работу Комиссии в 20-м голодном году, я остановлюсь на работе тульской губкомиссии. Эта работа служит образцом работы остальных голодающих губерний.

31-го декабря 21 года состоялось первое заседание губернской комиссии по оказанию помощи сельскому населению Тульской губ., пострадавшему от неурожая. Состав комиссии сформировался в следующем виде: председатель губкомиссии — тов. Андрианов (губпродкомиссар), члены ее: тов. Перчиков от Наркомпрода, тов. Пузаков — зампредгубисполкома, тов. Баташов — зав. Губсобезом и кооптированный тов. Маршев — председатель Губсоюза. Из этого можно видеть, что работа на местах и даже организационные формы этой работы появились раньше центра на местах.

Продовольственное положение крестьян годовой отчет тульского Губпомгола рисует такими красками:

«Еще осенью, когда крестьянин учел все обстоятельства и предвидел продовольственные затруднения жизни, он начал

сокращаться в еде, и сам посадил себя на паек, с примесью разного рода суррогатов. Богатый урожай фруктов и грибов, чрезвычайно экономное расходование основных продуктов питания и хозяйственное применение разных корнеплодов и вообще растительности, — все это незаметно оттягивало кризис и давало возможность существовать и работать. Сейчас же после нового сбора урожая крестьяне везде почти стали примешивать при выпечке хлеба сначала в небольшом проценте, а затем постепенно увеличивая и доведя процент примеси до 60—70, а иногда и выше, следующие продукты: картофель, яблоки, свеклу, редьку, жолуди, лебеду и картофельные очистки, как наиболее ценные, вкусные и питательные; а в дальнейшем, когда эта примесь считалась недоступной, по своей ценности, роскошью, хлеб стали суррогатировать разной травой, листьями с деревьев, корой, сеном, соломой, древесными опилками и даже конским навозом. Приходилось удивляться, до каких только ухищрений не доходил голодный крестьянин. Открываемые столовые в деревнях были оазисами в пустыне, так как давали, хотя и в минимальном размере, бесплатный обед.

Для того, чтобы продержаться до весны, крестьяне продавали и резали коров и овец, уничтожали всю птицу. Убыль лошадей в деревнях была громадная, иногда приходилось констатировать, что на деревне в 30 — 40 дворов в феврале — марте месяцах оставалось 6—8, а иногда и 4 лошади.

Ценные сельско-хозяйственные орудия продавались крестьянами за бесценок или обменивались на хлеб и попадали в руки богатым, умеющим вывертываться из всякого тяжелого положения. Крестьяне большей частью уходили в соседнюю губернию. Купить хлеб за деньги почти было невозможно, дороговизна была страшная, даже так называемые суррогаты, древесные опилки, например, расценивались от 8 до 12 рублей за пуд».

В другом месте отчета говорится:

«Заготовка ненормированных продуктов и копины не удалась, и Губпродкому пришлось питать столовую, главным, образом, картофелем, квашеной капустой, добавляя иногда мясо и крупу. Губпродком иногда даже бывал доволен, что по слабости аппарата Губсоюза сеть деревенских столовых в губернии, несмотря на тяжелое продовольственное положение крестьян, медленно развивалась, так как в противном случае не хватило бы продуктов питания.

Некоторые уезды поэтому самостоятельно прекращали функционирование столовых и раздавали причитающиеся по пайку продукты в сыром виде, хотя по отчетам столовые существовали, и выдача обедов продолжалась. Несмотря на скудное существование столовых, отношение крестьян до самого последнего времени было удовлетворительно, хотя иногда и слышались жалобы, что столовые никакой поддержки не дают, но от питания в них никто не отказывался и даже все время желающих было гораздо больше, чем требовалось.

Поддерживала настроение крестьян внеплановая выдача соли (в то время очень дорогой), два раза по фунту, и по полфунту на душу сахару, всем детям по полфунту рису, которые выдавались в феврале, марте и апреле месяце, и давали им уверенность и надежду на лучшее существование в будущем. Во всяком случае крестьяне убеждались, что в тяжелую минуту Советская власть о них не забывает и помогает чем только может».

10 апреля 21 года Комиссия ВЦИК предложила Наркомпроду выделить специальный товарный денежный фонд для усиления общественного питания сельского населения из расчета на 750 000 пуд. хлеба.

Калужской, Рязанской и Тульской Губкомиссиям совместно с Губсоюзами было предложено организовать на средства, представленные Наркомпродом, продуктообмен и закупку на усиление снабжения и питания сельнаселения.

По получении разрешения Тула немедленно организовывает три экспедиции, кооперирует крестьян и вместе с делегатами и их товарами отправляется на место заготовок.

Интересно описание работы экспедиции по Тюменской губ.:

«Наплыв в июне в Тюменскую губернию товарообменных операций был настолько велик, что тюменский Губпродком и Губсоюз ни с кем не вступали в разговоры и переговоры, а прямо посылали обратно, откуда приехали, не считаясь ни с какими мандатами, удостоверениями, декретами, распоряжениями.

В такой момент именно и приехала тульская экспедиция. В виду же ее настойчивости и требования о предоставлении права товарообменных операций, тюменский Губисполком официально отказал и издал распоряжение, что в Тюменской губернии, вследствие продовольственного кризиса, никаких и никому товарообменных операций не разрешается.

Все же тульской экспедиции, благодаря имени ВЦИК, удалось отстоять заготовки и пойти на ряд условий с тюменским Губпродкомом и Губсоюзом».

Между прочим губерния так рисует отношение губернских органов к центру:

«О положении в губернии постоянно бомбардировали ВЦИК и Наркомпрод, посылая туда доклады и членов Комиссии для личных разъяснений, ходатайств и запросов. И, надо сказать, что Тульская губерния всегда имела живую связь с Комиссией ВЦИК и Наркомпродом, постоянно разрешала все необходимые вопросы и получала удовлетворительные и исчерпывающие материалы, содействие и нужную помощь».

В заключение комиссия говорит:

«Заслуга Губкомиссии состоит уже в том, что своим шумным агитированием в первоначальное время идеи помощи голодающим через общественное питание, в которую она сама глубоко и искренне верила, Губкомиссия вливала веру и надежду в упавшего духом крестьянина и этим не давала ему совсем разрушить свое хозяйство. Функционировавшие и вновь открываемые столовые в деревнях, хотя и в небольших размерах, также поддерживали надежду и не давали ей замирать совсем. Не вина, поэтому, Губкомисси, что не удалось в широком масштабе развить сеть столовых и, главное, поддержать их правильное функционирование. Здесь — общие государственные причины, и большего сделать было нельзя при всем желании, тем более, что в этой работе принимал участие один только Губпродком, и никто его больше не поддерживал.

В настоящее время Губкомиссия с августа месяца по распоряжению ВЦИК перестроилась и превратилась в Губернскую Комиссию помощи голодающим Поволжья с прикреплением к Самарской губернии, продовольственное положение которой в несколько раз тяжелее, чем это было в прошлом году у нас».

Я не пожалел места для выписок работы Тульской Губкомиссии, ибо эти выписки являются самыми лучшими документами действительной работы губернских комиссий на местах, и здесь, на этом конкретном примере Тульской губ., мы видим, как комиссия, работавшая по борьбе с голодом внутри собственной губернии, была преобразована в комиссию помощи другой голодающей губернии. Несомненно, тот опыт, который проделан был центром и отдельными местами в борьбе сравнительно

с небольшим недородом 20-го года, послужил школой для дальнейшей уже огромной работы с огромным бедствием, разразившимся после неурожая 21-го года, главным образом, уже в 22-м году.

Неурожай в 21-м году был исключительным как по захваченной им территории, так и по глубине разрушения. Голод охватил самые хлебопроизводящие губернии: среднее и нижнее Поволжье, Прикамье, Киргизию, Крым, Херсонщину на Украине и восточные губернии, как Челябинскую, Уфимскую, Омскую. Урожаи были лишь на окраинах Республики, Правобережье Украины, в северной и центральной России, Туркестане, части Сибири и немного ниже среднего на Кубани. Весь же центр черноземных губерний был буквально выжжен—ни травы, ни овощей. Прежде, в отдаленные времена, такой неурожай свел бы на-нет населяющие эти места народы. При современной же степени культуры, средств передвижения, при напряжении аппарата государственной власти и народных масс была, конечно, большая возможность, в известной степени, парализовать бедствия голода. Но это — при нормальных условиях, примерно при условиях голода в более узких границах 91 — 92 г.г.

Настоящий же голод имел солидную предварительную подготовку для своих разрушительных действий. Империалистическая и гражданская войны, уменьшение трудоспособного мужского населения, истощение рабочего скота, значительное сокращение числа лошадей, наконец, сама способность населения к сопротивлению в борьбе с голодом уменьшилась,—все это создало в высшей степени благоприятную атмосферу для разгула бедствий голода.

Наступление голода не явилось неожиданностью для правительства. Уже с весны, которая, между прочим, почти повсюду началась за месяц раньше нормального, с каждой неделей все становилось очевиднее наступление неурожая. Достаточно привести, что в некоторых местах Поволжья летняя температура держалась близко к температуре Каира в Египте. Но центр не мог еще точно выяснить размеры бедствия, хотя в значительности его уже не было никакого сомнения.

Русская пресса, советские и общественные органы с каждым днем все больше указывали на приближающуюся опасность и необходимость максимального привлечения самых широких масс к борьбе с голодом.

На объединенном заседании деятелей по опытному делу с членами московского общества сельского хозяйства при обсу-

ждении вопроса о бедствиях в Поволжье был поднят вопрос о возможности привлечения общественнных деятелей к борьбе с голодом. Ими была избрана делегация, которой не удалось сделать доклад правительству, но общественные круги буржуазной интеллигенции не оставляли мысли в информировании правительства, с одной стороны, и принятия участия в борьбе — с другой. Кишкиным, Прокоповичем и Кусковой при посредничестве Максима Горького была сделана попытка столковаться по этому поводу с правительством. Правительство отнеслось к этой идее довольно сочувственно, и после целого ряда предварительных переговоров, от 23-го июля был опубликован декрет ВЦИК о Всероссийском Комитете помощи голодающим. Этот декрет дает широкие права вновь создаваемому учреждению. Пунктом первым он говорит:

«Учредить Всероссийский Комитет помощи голодающим в целях борьбы с голодом и другими последствиями неурожая».

Пунктом вторым комитету присваивается знак Красного Креста, каковой обозначается на его печати.

«Пункт 3. Для целей, указанных в § 1, Комитету предоставляется: а) приобретать в России и за границей продовольствие, фураж, медикаменты и другие предметы, необходимые для голодающего населения; б) распределять материальный фонд комитета среди нуждающегося населения, пострадавшего от неурожая; в) пользоваться внеочередностью перевоза своих грузов, а также иметь и использовать свои перевозочные средства; г) устраивать все необходимое для общественного питания голодающих; д) оказывать агрономическую помощь населению в неурожайных губерниях; е) оказывать медицинскую помощь в пострадавших местах; ж) устраивать общественные работы для голодающих; з) собирать пожертвования и вообще принимать другие меры, необходимые для достижения поставленных Комитетом целей».

В других параграфах говорится:

«Комитет имеет право на местах иметь свои местные комитеты и отделения, для собирания средств он имеет право открывать таковые же отделения за границей. Комитет пользуется всеми правами юридического лица совершать договоры, приобретать имущество, искать и отвечать на суде. Средства комитета образуются из пожертвований, из натуральных фондов, денежных сумм, предоставляемых комитету государством. Деятельность комитета не подлежит ревизии РКИ».

Этим же числом было издано и Положение о Комитете с опубликованием членов этого Комитета. Всего опубликовано 63 имени. Главным образом, профессора, литераторы, ученые, кооператоры и другие в прошлом известные общественные деятели. Из них — часть представителей от Советских органов и ВЦСПС, но они тонули в массе старых общественников.

Между прочим в Положении так определяются права Комитета:

«Органами Комитета являются: а) общее собрание членов; б) президиум Комитета; в) ревизионная комиссия.

В параграфе третьем говорится:

«Выборы новых членов Комитета производятся общим собранием простым большинством голосов присутствующих закрытой баллотировкой».

Как видно из этих параграфов, права даны Комитету довольно обширные, и его инициатива в области мероприятий в борьбе с голодом могла бы широко развернуться. Начал свою работу Комитет довольно шумно: были выпущены номера специальных бюллетеней. Между прочим, в номере первом объявлена декларация общественной группы. Приведу небольшие выдержки из нее:

«Дело помощи голодающим должно объединить всех, оно должно быть поставлено под мирный знак Красного Креста.

Краснокрестная работа наша, лишенная всякого элемента политической борьбы, должна происходить открыто, гласно, под знаком широкого общественного контроля и сочувствия.

С своей стороны, центральная и местные власти должны обставить работу Комитета и объединенных им общественных сил такими условиями, которые содействовали бы наибольшей работоспособности, подвижничеству и сплоченности всех борцов со страшным бедствием. Мы должны иметь право сказать не только внутри страны, но и там, за рубежом, в тех странах, куда мы вынуждены обратиться за временной помощью, что властью поняты задачи момента, что ею приняты все зависящие от нее меры, гарантирующие работникам по голоду законную защиту их деятельности, скорое продвижение и полную сохранность всех грузов и пожертвований, предназначенных для голодающих. Только при строгом соблюдении этих условий Комитет сможет оказать действительную, а не фиктивную помощь голодающим людям».

В другом месте декларации говорится:

«Вот почему в этот грозный час мы пытаемся собрать и сковать единой волей, беззаветным порывом всех, кто еще спо-

собен верить в общественную работу, в ком жива любовь к родной стране и ее народу».

Уже в самой декларации проявляется двусмысленность, где ставится под сомнение выполнение правительством тех обязательств, которые оно приняло перед общественниками. Наконец, само обращение направлено не к широким слоям населения, рабочим, крестьянам и всем гражданам, а направлено к узкому кругу общественных деятелей, политическое и общественное значение которых в данный момент было очень незначительно. И надо открыто сказать, что призывной лозунг: проявить любовь к родной стране и его народу не нашел себе широкого отклика именно в той среде, куда он был направлен. И в этом, я думаю, виновата не только сама среда, но и члены Комитета, общественники, которые своими действиями и обращениями давали возможность «среде» сомневаться если не в их искренности, то по крайней мере в правильности их поведения. Прочтите обращение Всероссийского Комитета помощи голодающим к заграница; так и чувствуется, что это не обращение к широким слоям зарубежного населения, а дискуссия, или, правильнее, доводы перед эмиграцией за участие в этом Комитете. Как будто бы сами общественники, не вполне убежденные в правоте своего дела, стремятся привлечь к нему эмиграцию. А между тем, надо было именно через голову этой эмиграции, к тому времени явно настроенной враждебно к Советской власти, обратиться к широким слоям западно-европейского и американского населения, бросить им вызов, что в числе усугубляющих причин голода являются и они сами, поддерживающие интервенцию против революционной России, разорившие собственными пушками и пулеметами целые области России. Ничего подобного в этом воззвании нет.

Последний абзац обращения говорит:

«С глубокой верой в силу святого дела человеколюбия Комитет обращается к народам Европы и Америки и к их правительствам с призывом о братской помощи народу русскому, не сомневаясь, что чувство гуманности, присущее культурным нациям, вызовет в них дружный отклик на вопль смерти и подготовит к приезду делегации благоприятную почву для скорого и успешного выполнения ею возложенных на нее задач».

Это единственный абзац, говорящий о помощи, но и он полон лицемерия и косвенных упреков революции. Разве нельзя назвать ханжеством то, что они верят в чувство гуманности

правительств Европы и Америки, тех правительств, которые только-что убрали из пределов России свои экспедиционные отряды, убрали не по доброй воле, а благодаря сильному отпору рабочих и крестьян России и огромной непопулярности и сопротивления среди демократических слоев населения в их собственных странах.

«Нужно огромное напряжение сил и безусловный отказ от примеси политических целей в деле борьбы с голодом и его страшными последствиями для всех стран. В борьбе за эту идею могут погибнуть отдельные ее носители, но сама идея будет светить человечеству, как маяк, и во время войны, и во время самых грозных революций. Смысл этой идеи — спасение человека, как единственной и величайшей ценности истории».

Не могу не привести из того же бюллетеня слов Веры Фигнер:

«Мы разъединены, мы разбежались в разные стороны, — говорил мне один знакомый, — мы не имеем доверия и веры друг в друга, мы забыли бога — того бога, подразумевал он, который ведет с объективной точки зрения к тому, что называется подвигом, а с субъективной стороны—было радостным порывом в работе для других».

И дальше:

«И теперь, когда в минуту народного несчастья Всероссийский Общественный Комитет помощи голодающим созданием своим делает попытку выявить застывшие силы прежней русской общественности, неужели эти силы не проявят себя? Каждый из нас знает все трудности положения, всю незначительность материальных рессурсов и все моральные препятствия на пути. Но разве возможен бойкот борьбы с голодом, бойкот борьбы со смертью от голода?»

И, однако, этот бойкот был возможен. Он не только оказался возможен, но, как я уже выше сказал, вся русская эмиграция схватилась за голод, как утопающий хватается за соломинку, надеясь через этот голод сковать, поработить ослабленный народ.

И, действительно, новые времена требуют новых певцов и новых песен. Как будто бы в лице Комитета из его большинства известных общественных имен, в том числе Кусковой и Веры Фигнер, как будто бы говорятся хорошие слова, выкидывают призыв к самопожертвованию, но, увы, мертва аудитория, да, пожалуй, мертвы и самые призывы. В них осталась

форма, заученные фразы, но в них нет жгучего страдания, той связи с народными массами, которая обыкновенные безыскусственные слова превращает в могучие лозунги призыва, и если что есть верное в статье Веры Фигнер, так это то: «мы разъединены, мы разбежались в разные стороны». Да, по существу, и это неправильно — действительно разбежались, действительно в разные стороны, но в разные не в идейном смысле слова, а в буквальном, территориальном; разбежались, испугавшись своего народа, но идейно все они были объединены испугом, ненавистью и желанием заставить этот народ подчиниться своей воле. Эти мысли были общие от крайне левого до крайне правого крыла разбежавшихся.

Недолго Комитет удержался на линии непосредственной работы. С одной стороны, слишком было велико давление извне, от зарубежной эмиграции, с другой стороны — был велик соблазн продиктовать собственные условия Советскому правительству, целиком использовать — раньше получить политические проценты на еще не сделанную работу. Слишком переоценили свои силы и недооценили силы Советской власти, солидарность с ней широких рабоче-крестьянских масс. Не успевши совершенно развернуть своей работы, Комитет бесславно погиб. Его закрыло Советское правительство.

И теперь, два года спустя, можно спокойно оценить работу Комитета: он вполне соответствовал тому слою людей, которым «суждены благие порывы, но свершить ничего не дано». Начало этого Комитета было ярко, как будто бы был высок его взлет, но он быстро погас, не оставивши после себя никакого следа. Его эфемерное существование еще раз ярко перед всем миром подчеркнуло, что наступил закат когда-то славной в отдаленном прошлом русской мелкобуржуазной интеллигенции, что сейчас она является валяющимся на дороге трупом, мешающим народному движению вперед. А между тем перед ее глазами выявлялись такие картины...

Жуткие картины.

Нансен. — «Я не верю, чтобы народы Европы могли сидеть много месяцев со скрещенными руками и ждать голодной смерти миллионов русского народа. В этом году в Канаде урожай так хорош, что Канада может вывезти в три раза больше хлеба, чем нужно для борьбы с голодом в России. В Соединен-

ных Штатах Америки пшеница портится в амбарах фермеров, которые не могут найти покупателей. В Аргентине столько кукурузы, что она не может ее продать и употребляет в качестве топлива для паровозов. В Америке и у нас стоят в гаванях корабли без дела, а там, на востоке, гибнет 30 миллионов людей... Надо смотреть фактам прямо в глаза. Правительства не могут дать пять миллионов фунтов стерлингов. Правительства не могут собрать этой суммы, которая равна только половине расходов, нужных для постройки одного военного корабля. В Америке же лежит достаточно хлеба, и никто его не дает...».

Антонов-Овсеенко. — «Помните, труженики Советской России, — не только судьба миллионов людей, ваших братьев, решается на Волге, — на ней решается и ваша собственная судьба.

Торопитесь на помощь Поволжью».

Где сельская интеллигенция?

Инструктор АРА, побывавший в Мелекесском уезде, пишет: «Дело помощи тормозится отсутствием интеллигентных сил и даже достаточно грамотных людей.

Вообще сельская интеллигенция (учителя, духовенство, медицинский персонал) в борьбе с голодом проявляет себя весьма слабо. Бо́льшая часть ее заблаговременно покинула угрожаемые по голоду местности».

Голодная татарка.

«Рано утром, часов в 6, на Рождество, иду я с дежурства с радио-станции, — рассказывает тов. Панасю́к. — Дорога к моей квартире проходит мимо кладбища. Смотрю, кто-то так рано возится на кладбище. Я заинтересовался, подошел поближе и что же: татарка с топором в руках стоит у трупа мужчины.

Не обращая на мое присутствие внимания, она отрубает у трупа ногу, тискает ее в мешок и уходит.

«Почему же вы не задержали ее?» — спрашиваю я.

«А потому, что кроме татарки по кладбищу бродил еще здоровенный мужчина, очевидно, подобно ей искавший мяса. Задержать татарку — значило рисковать попасть под топор мужчины. Вот почему не задержал».

(Сообщил, 9 января 1922 года, тов. Панасюк.)

Телеграмма.

«Из Новоузенска, Саратов, Губисполком, копия Губкомпомголод.

В Малоузенске, Новоузенского уезда, зафиксирован факт людоедства. Местный житель Родин совершил убийство двух стариков, супругов Богомоловых, в собственном их доме. Родин потрошил трупы убитых, приготовляя из них себе пищу. Убийца задержан на месте преступления. 2/III-№ 35. Предуисполкома Бусягин».

Выписка из доклада тов. Ермакова.

В настоящее время голодает свыше 90% населения Башкирии. Скот почти весь съеден. В деревне редко у кого есть лошадь. Людоедство и трупоедство имеет место не только в глухих местах, но в городах, даже в центре Башкирии—в Стерлитамаке.

Массовым явлением является убийство родителями своих детей как с целью избавить последних от мук голода, так и с целью попитаться их мясом».

Организация комиссии помощи голодающим при ВЦИК'е.

За три дня до опубликования декрета об Общественном Комитете, именно от 18-го июля, правительство организовало Центральную Комиссию помощи голодающим при ВЦИК, вернее—расширило составом и увеличило права старой комиссии. Этой Комиссии было поручено согласование работ всех ведомств и руководство в борьбе с голодом как в центре, так и на местах. В первые дни Комитет заслонил своей яркостью эту Комиссию и многим, даже членам Комиссии, тогда казалось, что главная работа будет в Комитете, но у меня было какое-то предчувствие. Я говорил: «Поживем — увидим: я не верю, чтобы эта организация справилась с столь трудной задачей, я уверен, что главная тяжесть работы, в особенности ее черная часть, не избежит Комиссии ВЦИК». Так и случилось.

Через Комиссию прошло шестьдесят проектов и постановлений, принятых ВЦИК и Совнаркомом, из которых каждый в отдельности потребовал огромной предварительной работы,

согласования и настойчивости перед ведомствами. Перечислю для наглядности некоторые из них:

о планомерном выселении из голодающих губерний; принят ВЦИК 28/VII — 21-го года;

об обеспечении голодающих губерний семенным материалом, 28/VII — 21-го года;

об отчислении в пользу голодающих одного фунта с каждого пуда заготовляемых путем товарообмена продовольственных продуктов, 4/VIII — 21-го года;

о дополнении списка голодающих губерний, от 18/VIII — 21-го года;

о признании ударности работ по заготовке животного сырья, кожи и т. п. в голодающих губерниях, от 18/VIII — 21-го года, ВЦИК;

о содействии работе американской администрации помощи от 21/IX — 21-го года, ВЦИК;

положение о ЦКПомгол от 20/X — 21-го года, ВЦИК.

Как видите, уже после горячей трехмесячной работы Комиссия ЦК Помгол только нашла время выработать проект положения и внести его на утверждение.

«Постановление IX Всероссийского Съезда Советов о мерах по восстановлению сельского хозяйства в пострадавших от неурожая местностях»:

о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих, от 23/II — 22-го года, ВЦИК;

об обсеменении полей красноармейцев, 23/II — 22-го года, ВЦИК;

о признании недействительными кабальных сделок на хлеб, 3/VIII — 22-го года, ВЦИК, СНК;

о восстановлении хозяйства бывшего голодного района, 21/VII — 22-го года, СНК;

об использовании филателистического материала в интересах помощи голодающим, 21/IX — 22-го года, СНК.

Примерный перечень этих актов показывает их разнообразие и важность.

Всего Комиссия за пятнадцать месяцев голодной кампании имела 36 заседаний пленарных, и 83 заседания имел ее президиум. Всего президиум ставил 877 вопросов на обсуждение, в пленуме ставилось 195 вопросов. Эти вопросы имели следующий характер:

№№ по пор.	Наименование вопросов.	Ставился вопрос.		ВСЕГО.
		Президиум.	Пленум.	
1	Признан. губ. нужд. в помгол.	134	31	165
2	Ходатайства голодн. губ.	42	15	57
3	Посевкампания	40	14	54
4	Эвак. беженц.	50	6	56
5	Продснабжение	27	—	27
6	Общепитание	18	3	21
7	Заграничн. помощь	52	22	74
8	Детпомощь	33	11	44
9	Помгол наркоматов и центр. учреждений	1 000	43	143
10	Постоянн. ком.	15	3	18
11	Продвиж. голодгруз.	20	3	23
12	Товарообмен	18	—	18
13	Финанс. меропр.	63	9	72
14	Общественн. работы	26	3	29
15	Изъятия церк. ценн.	9	4	13
16	Орг. вопросы	55	7	62
17	Прочие	175	21	196
	Итого	877	195	1 072

Кроме того секретариат имел за помголовский период 200 междуведомственных заседаний для согласования работ. Финчетверка имела 38 заседаний. Это — комиссия, состоящая из четырех человек, задача которой была подталкивать финансовые вопросы. Контрольно-транспортная пятерка — 37 заседаний, в задачи которой входило: продвижение грузов, контроль за их сохранностью.

Задачи, которые стояли перед Комиссией, были огромны. Достаточно сказать, что из общего количества населения по голодающим районам в 31 922 000 человек числилось голодающих:

1)	на первое января	1922 г.	15 162 300 человек.
2)	» »	апреля 1922 »	20 113 800 »
3)	» »	июля 1922 »	22 558 500 »

Самая минимальная помощь требовала огромных материальных средств и величайшего напряжения не только правительства, но и широких рабоче-крестьянских масс. Для Комиссии не было никакого сомнения, что одними правительственными мерами и материальными средствами, полученными от государства, нельзя побороть это величайшее бедствие, что единственной надеждой на успех является привлечение широких рабоче-крестьянских масс. И первыми шагами Комиссии было обратиться ко всем рабочим и крестьянам России с призывом их к участию, широкому участию в борьбе с голодом. Нужно было не только возбудить широкие массы в борьбе с голодом в благополучных губерниях, но нужно было поднять волю и настроение к сопротивлению и в голодающих местах.

Второй работой Комиссии, это было — создать такой организационный аппарат на местах, которой был бы работоспособен, умел бы проявить необходимую гибкость в этой сложной работе и имел бы необходимый авторитет на местах, и поэтому нами было предложено в председателей губернских и уездных комиссий Помгола как в голодающих, так и в благополучных губерниях ввести председателя Губисполкома или его заместителя.

Наконец, с самого начала Комиссия поняла, что общественные сборы, собираемые добровольным путем, должны все-таки носить форму некоторой принудительности, — не принудительность в форме декретов и распоряжений высших правительственных органов, а как широкий общественный нажим на отдельных, инертных индивидуумов. Если призвать простым воззванием жертвовать крестьян, рабочих или других граждан, несомненно такие пожертвования не будут иметь большого значения на более или менее длительный период. Людские бедствия быстро притупляют чувства людей, живущих в некотором благополучии. И поэтому только обязательства коллективов, как фабрики, волости, села, какой-либо специальной группы, хотя бы торгов-

цев, ремесленников отдельного города, только давлением таких коллективов можно было сделать помощь существенно реальной и длительной. На этот путь и вступила Комиссия ЦК Помгол.

Общественными организациями собрано пожертвований внутри страны:

а) продовольствия 10 642 818 пудов.
б) деньгами 11 547 000 руб. (зн. 23 г.).

В борьбе с голодом особую выдающуюся деятельность проявили две организации:

а) Красная армия:

1. Собрано продовольствия 900 700 пудов.
2. Собрано деньгами 303 510 р. (зн. 23 г.).
3. Питание детей — 38 430 челов.
4. Собрано вещами 28 692 шт. и мануфактуры 9 128 арш.

б) Профсоюзы:

1. Собрано продовольствия 688 860 пудов.
2. Собрано деньгами 3 435 745 р. (зн. 23 г.).
3. Собрано вещами 384 174 шт. и мануфактуры 3 464 500 арш.
4. Питание детей—175 000 чел.

Несомненно, столь крупные результаты, полученные от сельского и городского населения, рабочих и Красной армии, могли получиться столь значительными только благодаря именно методу общественной принудительности. Общественное мнение во многих случаях может давить гораздо сильнее, чем непосредственное распоряжение государственных органов власти. Конечно, многие благодушные натуры могут это считать насилием над волей отдельного человека. Да, если хотите, это насилие коллектива над отдельным человеком. Но это насилие — крайняя необходимость в интересах целого. Разумеется, не имеет значения платеж отдельным человеком регулярных взносов, но в том-то и дело — отпадение одного влечет за собой целый ряд отпадений других более или менее индифферентных людей. А такое отпадение расстраивает, вносит дезорганизацию и не только ослабляет, а может и совершенно расстроить регулярную помощь, которая дается людьми, которые сами крайне нуждаются.

Заграничная помощь выражается в очень солидных цифрах. Главная их составная часть падает на АРА. В общем она дает такие цифровые величины:

	Продовольств.
АРА	28 763 770 пудов.
Нансен	4 709 000 »
Межрабпом (37)	689 100 »
Трэд-юнионы (38)	243 200 »
Франц. Кр. Кр. (39)	217 200 »
Меноннты (40)	85 700 »
Д.-В. Р. (41)	402 133 »
Итого	34 421 003 пудов.

Населения, пользовавшегося заграничной помощью, насчитывается 12 120 189, распределяясь по организациям такими числами:

АРА	10 387 688
Нансен *	1 496 250
Межрабпом	91 209
Трэд-юнионы	45 094
Меноннты	37 591
Д.-В. Р.	62 354

В числе участвовавших в помощи государств не значится Англии, на которую особенно ориентировались общественники из Комитета помощи. Германия, не значащаяся в списке, участвовала в организации Нансена.

Надо открыто сказать: две самые могучие державы — Англия и Франция, за интересы которых миллионы русских крестьян, рабочих и городских граждан погибли на фронтах убитыми, ранеными, искалеченными, по политическим соображениям палец о палец не ударили в пользу этих жертв в минуту их стихийного голода.

Надо запомнить рабочим и крестьянам такое великодушие английской и французской буржуазии. Ассигнование французского правительства является вынужденно-брошенной обглоданной костью. Я бы очень хотел, чтобы это дошло до самых широких слоев английского и французского общества.

Следующей большой работой Комиссии я считаю получение средств из государственных рессурсов. Для нас не было никакого сомнения, что государство располагает в высшей степени слабыми денежными рессурсами и поэтому в Комиссии

* В состав нансеновской организации в период Помгол входили шведский, чехословацкий и другие Кр. Кресты, М.С.Н.Х., квакеры и пр.

был разработан целый ряд денежных обложений на население благополучных губерний, что в конечном результате дало довольно солидные материальные средства в руки Компомгола и подвело солидную базу под ее работу.

В цифрах эта работа иллюстрируется так:

1. Сложено госуд. налога с населения голодн. районов	20 250 000	пудов.
2. Отправлено семян:		
а) озимых 1921 г.	12 242 000	»
б) яровых весною 1922 г.	30 721 097	»
в) яровых весною 22 г., приобретенных заграницей	10 490 305	»
Итого отправлено семян для посева	53 353 402	пудов.
3. Отправлено хлеба на обществ. питание.	6 000 000	пудов.
4. На госснабжение	8 730 000	»
5. Выслано зернофуража на спасение животных	1 273 650	»
6. Разбронировано товарного фонда	6 500 000	»
7. Отправлено картофеля в переводе на зерно	1 114 600	»
8. Отправлено разных продуктов в переводе на зерно	8 761 670	»
Всего отправлено в ржаных единицах	85 733 322	пуда.

9. Организовано питания населения для 3 250 000 человек.
10. Отпущ. денежн. средств. 7 297 583 р. (зн. 23 г.).
11. Переведено денежных средств в губ. 35 344 996 р. (зн. 23 г.).
12. Услуги по транспорту:

а) перевезено грузов заграничн. организ.	26 315	ваг.
б) русского Помгола	11 865	»
в) семзерна	48 559	»
г) семкартофеля	37 050	»
д) людских беспл. перевоз.	25 141	»
е) водным трансп. перевоз. грузов	14 871 215	пуд.

13. По эвакуации населения:

Эвакуировано населения	971 710	чел.

Учительница М. И. Калинина, А. А. Быкова, в деревне.

Из коих:

а) рабсилы	400 130	душ.
б) беженцев	263 844	»
в) переселенцев	78 093	»
г) детей	145 198	»
д) прочих	24 448	»

Эти краткие итоги в простых, голых цифрах иллюстрируют размах проделанной работы, и, конечно, этот размах дал соответствующий эффект.

Интересно проследить работу Помгола на местах. Вот что говорят отчеты по Самарской губернии:

«Наиболее пострадавшим от неурожая мы считаем Пугачевский уезд. Там мы снабжение довели до 50% при соответствующем понижении в других уездах». (Это говорится в январском отчете 22 года.)

«В Бузулукском уезде в настоящее время снабжается 25%, в Бугурусланском — 20% населения. С тех пор, как приступила к своим работам АРА, уезды между Губсоюзом и АРА были распределены по следующему плану: АРА взяла: Балаковский уезд с 35 630 детьми, гор. Ставрополь — 2 109 дет., Самарский уезд — 184 333 дет., город Самара — 25 966 дет., Мелекесский уезд — 98 025 дет., город Троцк, Самарского уезда — 2 384 дет., Пугачев — 4 908 дет., Пугачевский уезд (за исключением Бестравского района) — 156 119 дет. Итого — 561 169 дет. Губсоюз: Бугурусланский уезд — 293 145 дет., город Бугуруслан — 3 688 дет., город Абдулино — 3 340 дет., пригород Сергиев — 1 043 дет., Бузулукский уезд — 240 041 дет., город Бузулук — 6 603 дет., Пугачевский уезд (Бестравский район) — 11 404 дет., город Самара — 3 000 дет. Итого — 562 254 дет. Этим размежеванием Самарская губерния определенно делится пополам, при чем вся восточная часть отошла Губсоюзу, западная — к АРА. Но иногда мы заходим и в ту часть, где работает АРА, если ее деятельность развивается недостаточно сильно: например, такое явление имеет место в Пугачевском уезде, где мы снабжаем и тот район, который снабжает АРА. Так что это разделение губернии на две половины не исключает возможности для нас снабжать население там, где мы найдем нужным.

Комитеты взаимопомощи оказывают содействие питпунктам. Как указывалось выше, до перевыборов они не отвечали своему назначению, зачастую прикрепляя к питпунктам не тех, кто

пуждался, потому что в комитеты входили большею частью кулацкие элементы. Чаще всего это проявляется в районе АРА, и до сих пор поступают сведения, что во главе комитетов стоит местная интеллигенция, чаще всего попы, и бывает, что распределение производится не так, как следует; приняли ряд мер: у нас существуют районные уполномоченные, которые следят за правильным распределением пайков; в настоящее время мы решили создать кадр контролеров из представителей голодающих — рабочих и крестьян».

Интересна оценка самарского Губпомгола работ прикрепленных к ней губерний:

«Несмотря на то, что Самарская губерния была прикреплена к таким богатым областям Российской Федерации, как, например, Украина и Сибирь, все же самую большую продовольственную и денежную помощь за время голодной кампании оказала нам нищая, сравнительно, сама Тульская губерния. С начала голодной кампании отправлено в адрес Самгубкомпомгол из Тульской губ. следующее количество пожертвованных и отчисленных туляками продуктов: муки — 9 030 пуд., пшеницы — 130 пуд. 10 фунт., ржи — 63 434 пуд. 13 фунт., овса — 45 125 пуд. 35 фунт., проса — 8 862 пуд., пшена — 607 пуд., крупы ячменной — 346 пуд., чечевицы, гороха, гречихи — 2 757 пуд., сахара, конфектов — 330 пуд., соли — 490 пуд., масла — 267 пуд., рыбы — 1 707 пуд. Итого 132 486 пудов. Кроме того, отцеплено в Самаре от тюменского маршрута, следовавшего в Тулу, — 19 000 пуд. Всего, таким образом, тульские рабочие и крестьяне дали самарцам 151 886 пуд. Кроме продуктов в Самару отправлено мануфактуры, посильных вещей и разной посуды около 200 пудов».

Вышеприведенная выписка показывает, насколько жизненна и полезна оказалась привязка благополучной губернии к голодающей. Вместе с тем я думаю, что тот отличный результат работы, который проявил тульский Губпомгол в отношении привязанной к ней губернии, происходил от того, что Тульская губерния была голодающей, и год практической работы у с е б я в б о р ъ б е с г о л о д о м дал ей возможность на втором году выделиться своими результатами перед другими губерниями.

Вот каким образом оценивает самарский Губпомгол помощь заграничных организаций в июне месяце:

«Всего, таким образом, АРА питает 1 225 628 человек и взрослых и детей, т.-е. как и в прошлом месяце, помощь полу-

чают в том или другом виде приблизительно 95% населения из намеченного АРА плана.

Количество населения, снабжаемого другими иноорганизациями (Нансеновская группа, Англо-квакеры, Американские квакеры, Всеукраинск., Помгол армии и флота), остается без изменения ровно 358 337 человек (в это число входят взятые на довольствие Компомголом Украины 290 человек взрослых). К этому количеству необходимо еще прибавить 300 человек, голодающих, получающих обеды в столовой ЕВОбщесткома, существующей на счет добровольных пожертвований евреев гор. Самары. Таким образом, всеми организациями питается 1 584 265 человек».

Заканчивая отчет, самарский Губпомгол дает такую оценку своей работы и намечает такие перспективы на предстоящий год:

«В настоящее время, несмотря на то, что голодная кампания еще не кончилась, можно все же подвести некоторые итоги проделанной работы, так как наиболее серьезный и острый момент уже миновал. Необходимо констатировать, что Губкомголом, в частности продсекцией, была проделана огромная работа и поэтому-то так естественны некоторые недочеты, явившиеся результатом новизны дела, организационных и технических трудностей и т. д. На ближайшее время перед продсекцией стоит ряд немаловажных задач, а именно: 1) необходимо будет продолжить детское питание из расчета до 300 000 детей; 2) в порядке общественного питания прокормить 200 000 взрослых (инвалидов, обратников, безземельных и т. д.); 3) далее необходим ряд фондов для борьбы с вредителями, хищением грузов, лесными пожарами, заготовки скота и т. д. На все это понадобится не менее 250 000 пудов хлеба и других продуктов ежемесячно».

Привожу наиболее характерные моменты из доклада Помгола Татреспублики:

«При всей затруднительности личного экономического положения в условиях полного безденежья казанский рабочий в лице своих профессиональных организаций и фабрично-заводских объединений выказал достаточное понимание своего долга к более его пострадавшим от голода товарищам и крестьянам. Не говоря уже о принятых ежемесячных отчислениях в пользу голодающих 2% заработка, нужно упомянуть о добровольных пожертвованиях. В 227 предприятиях и учреждениях с 14 914 рабочими производились постоянно добровольные отчисления, давшие

в общей сумме — 201 602 руб. (зн. 22 г.) и 1 670 пуд. 29 фунт. продовольствия. Независимо от этого поступило около 7 355 пуд. продовольствия.

Союз транспортных рабочих в течение всей зимы питал пять деревень в Арском и Свияжском кантонах, общим числом до 1 000 чел., а деревообделочники приняли в свои семьи 106 чел. детей из разоренных семей. Казанский пороховой завод в Спасском кантоне произвел выдачу муки по 10 фунт. на 1 960 человек голодного населения.

В красноармейских частях еще больше, чем рабочими, чувствовалась кровная связь деревни с войсковыми частями.

В частях было собрано до 300 миллионов рублей, израсходованных на организацию детских домов и домов инвалидов.

Продуктовые отчисления складывались из ежемесячных отчислений (одного пайка со 100 красноармейцев), и это дало возможность Военпомголу содержать два детских дома и несколько домов инвалидов.

Первоначально эти поступления были не велики, но 24 октября гарнизонной комиссией помощи голодающим был уже открыт гарнизонный «Дом ребенка». В непродолжительном времени продуктовые поступления возросли до такой степени, что явилась возможность открыть два детских дома — один имени Киквидзе, другой — гарнизонный имени «4-й годовщины Красной армии». Кроме них были приняты от Наркомсобеза дома инвалидов. К февралю 1922 года определилась точная цифра ежемесячно отпускаемых Окрпомголом пайков 4 625 детских и 100 инвалидных, что, продолжаясь и теперь, дает возможность покрывать все расходы на гарнизонные детучреждения со штатом более 400 детей».

К концу помголовской кампании доклад говорит:

«В заключение, в виде иллюстрации роста дела помощи, небезынтересно представить здесь диаграммы состояния питания взрослых и детей по сведениям на 1-е января, 1-е февраля и диаграмму питания населения в июне месяце. Из них видно, что со скромной январской цифры 150 000 взрослых и 119 250 детей Помгол ТатЦИК в феврале уже переходит на цифру 168 750 взрослых и 125 561 детей, в июле же месяце в связи с распространившейся и на взрослых помощью АРА (выдача кукурузы) питание взрослых не производилось, но цифра детей дошла до 240 000 человек. Принимая же во внимание оказываемую при ближайшем содействии Помгола ТЦИК помощь

иностранных организаций, необходимо констатировать, что питание населения за шесть месяцев 1922 года поднялось с цифры 442 678 человек до 1 646 984 человека, что составляет 71% всего населения Татреспублики и может свидетельствовать об известном напряжении сил Компомгол и работе ее на помощь голода.

Затрудняясь привести точные цифры ввоза в Татреспублику Межрабпомгол, можно все же дать сведения, приблизительно рисующие размеры помощи союза рабочих на основании ежемесячно выдаваемых пайков, при чем калорийность каждого равняется 1 800—2 000 калорий. (Это наивысший для Татреспублики размер пайковой единицы, не считая пайка госснабжения — 2 400 калорий.)

Первоначально Межрабпомголом отпускалось до 23 000 пайков. Теперь, улучшив качество пайка, она выдает их менее, всего на 4 911 человек. Шведская организация помощи торгово-промышленных предприятий сделала свой вклад в дело питания Татреспублики, прокормив своими продуктами в течение 3-х месяцев 28 000 человек в Спасском и Тетюшском кантонах.

Германский Красный Крест, имея преимущественно задание медико-санитарной помощи, все же делится своими собственными запасами для организации двух врачебно-питательных отрядов и двух походных лабораторий, выделив для них 40 ящиков куфека, т.-е. 960 фунт, 1 440 фунт. мясных консервов говяжьих, 480 фунт. сушеных фруктов, 2 ящика лимонов, 40 фунт. мармеладу консервированного, 100 фун. крупы манной и 24 бутылки коньяку».

Заграничные белогвардейцы до сих пор еще злобствуют и клевещут на Советскую власть за изъятие церковных ценностей. Вот что говорит отчет Татреспублики:

«Наконец, с последних чисел мая месяца в Татреспублику начали поступать вагоны с продовольствием, закупленным на изъятые церковные ценности, общее количество которого в последнее время выражается цифрой 60 000 пудов финляндской муки».

Считаю полезным привести отношение к изъятию церковных ценностей:

«Если и можно было где-нибудь по отдельным уголкам РСФСР натолкнуться на организованное фанатичными группами верующих противодействие, то во всяком случае на территории Татреспублики это противодействие не могло иметь никакого места. Слишком очевидны, до ужаса очевидны были

здесь размеры народного бедствия, чтобы в ком-либо проснулось твердое намерение мешать вполне необходимому акту превращения мертвого капитала церквей в имеющее неоценимо более крупное жизненное значение для голодных масс Татреспублики продовольствие».

В заключение привожу список пожертвований мест.

На первом месте по абсолютному количеству прибывших в Татреспублику продгрузов следует поставить Ярославль, давший 310 882 пуда 21 фунт продгрузов, преимущественно картофеля. Далее Сибирь, прислявшую 104 783 пуд. 10 фунт. (мука, пшеница, просо), Курск — 59 291 пуд. 26 фунт. (просо), Украина — 52.663 пуд. 32 фун. (рожь, пшеница, греча, ячмень), Владимир — 49 864 пуд. 32 фунт., Д.-В.Р. — 33 167 пуд. 28 фунт. (из них 30 000 пшена).

Последгол.

На вышеприведенных итогах работы Помгола центра и мест за страшные 21 и 22 годы я считаю необходимым остановиться, чтобы хоть вкратце обрисовать работу Последгол с октября 22-го года до дней ее ликвидации.

Урожай 22-го года был средний. Во многих местах даже выше среднего. Во всяком случае острый момент непосредственного спасения жизней от голодной смерти миновал. Но, конечно, осталось море нужды и бедствия от пронесшегося в 21 году голодного урагана, оставившего после себя много обломков и разрушений, которые необходимо было привести в порядок. Затем разгулявшаяся стихия еще не вполне улеглась. В целом ряде старых и новых мест был слабый урожай, а в иных местах минимальный засев уже раньше предопределял недостаток продовольствия.

Оставшиеся сироты, инвалиды, совершенно разорившиеся и оставшиеся без посевов крестьяне голодали, требовали к себе общественного и правительственного внимания. Ослабленное хозяйство крестьянина нуждалось в поддержке.

Все вышеприведенное заставило правительство не совершенно ликвидировать Помгол, а преобразовать его в Комиссию борьбы с последствиями голода, куда перешли как все оставшиеся средства, так и персональный состав от Помгола, что дало возможность принципы, проводимые ЦК Помгол, полностью воплотить и в ЦК Последгол.

Местные отчеты такими штрихами рисуют положение голодающих мест в октябре 22-го года. Саратовская губерния:

«Массовый голод был побежден, но последствия его беспощадного разрушения остались значительными. Помимо огромного разрушения, произведенного во всех отраслях экономической мощности губернии, голод создал значительный контингент населения, нуждающегося в продовольственной помощи и по реализации урожая. Значительное количество сельских хозяйств, лишившись во время голода живого и мертвого сельско-хозяйственного инвентаря, было выведено из сельско-хозяйственного строя и весной 22-го года оказалось беспосевным, которые, следовательно, и по реализации урожая остались в числе голодающих. Также в числе голодающих остались и дети ушедших и умерших от голода родителей, беженцы, возвратившиеся и продолжающие возвращаться к своим заброшенным хозяйствам, инвалиды и безработные, образовавшие собой также значительные кадры нуждающихся в помощи. Из этих групп и образовался контингент нуждающихся в продовольственной помощи после реализации урожая 22-го года».

Продовольственные рессурсы саратовского Губпоследгола выразились фактически в следующих цифрах:

1.	На беспризорных детей	29 300 пудов.
2.	Беспосевным крестьянам семенных ссуд	50 000 »
3.	Инвалидам	10 000 »
4.	На общественные работы	50 000 »
5.	На продовольствие взрослого населения	75 000 »
6.	На питание детей в детдомах профсоюзов	6 683 »

Операции по закупке рабочего скота ведутся техническими аппаратами сельско-хозяйственной кооперации (Сельскосоюзом). За время операций по 1-е июля закуплено 1 586 голов скота, в том числе лошадей — 1 363 головы, верблюдов — 223 головы.

Кроме того, за время август—сентябрь получено от ЦК Помгол Белоруссии и военного ведомства 260 голов. Всего закуплено 1 846 голов рабочего скота по цене от 105 до 160 руб. золотом.

«На ряду с этим надо отдать должную справедливость и героическим усилиям самих крестьян. Пережив ужасы свирепого голода прошлого года, крестьяне в настоящем году всеми силами и средствами, как можно больше старались засеять полей. Для до-

стижения этого они, кажется, использовали все: хозяйства, хлебные запасы которых были ограничены, урезывали нормы своего питания до голодного пайка, питались суррогатами—лишь бы сберечь лишний пуд зерна на яровой посев.

А как наступило время посева, то принимались самые разнообразные способы обработки и засева полей: за отсутствием рабочего скота некоторые пахали на коровах, запрягались в соху и борону сами, вскапывали землю лопатами и мотыгами. Вообще к увеличению посевной площади как государством и его местными органами, так и самим населением принимались всевозможные меры. Все же нужны еще огромные усилия, чтобы довести посевную площадь до размера 14-го года. Одной из главных причин сокращения посева является огромный недостаток рабочего скота, число которого за время голода значительно сократилось, а в настоящем году снова начинает увеличиваться».

Значительная работа Последгола развернулась в автономных республиках и областях. Не имея возможности остановиться на каждой из них в отдельности, сделаю хоть пару выписок из доклада автономной Чувашской области:

«Все имеющиеся в своем распоряжении средства Облкомпоследгол, вместо того чтобы бросить на борьбу с последствиями голода, должен был предназначить на питание детей, инвалидов, на оказание помощи в порядке проведения общественных работ и т. д. Таким образом, на восстановление разрушенного голодом хозяйства средств не было. Только впоследствии, при получении от Облисполкома 90 000 пуд. хлеба, явилась возможность выделения средств на производственные цели; так, было отпущено 15 000 пуд. хлеба Производсоюзу на закупку лошадей, на что закуплено 77 голов. На пуск лесозаводов — 17 500 пуд., Урмарской фабрике «Единство» — 5 000 пуд.; Ядринскому маслобойному заводу на восстановление разоренного завода — 10 000; Производсоюзу — на заготовку строевого лесного материала, на предмет ремонта и возведения жилых и надворных построек населения для льготного распределения — 5 000 пуд.; Госмеликонту — на мелиоративные работы — 7 000 пуд., на производственные цели Мар-Посадской школе кустарного производства — 2 500 пуд.; на установку двигателя «Дизель» на электростанции в городе Чебоксарах — 4 000 пуд. и пять мелких отпусков по различным ходатайствам учреждениям и организациям».

«С осени же было видно, что крестьяне области вследствие плохого урожая 22 года не в состоянии полностью обсеменить

поля своими семенами. Еще в октябре месяце возбуждено было ходатайство перед центром об отпуске семенной ссуды на посев весной 23 года. Ходатайство это удовлетворено отпуском 550 000 пуд. яровых семян, которые получены и распределены своевременно, на те же цели обращены 81 000 ржаных единиц, остаток от озимой ссуды — путем реализации на яровые семена, и, наконец, из средств Последгола отпущены яровые культуры в количестве около 6 500 пуд. и на самую операцию по проведению весенней семенной кампании и на очистку семян отпущено 17 280 пуд.».

«Весь оборот хлебопродуктов за время с 15-го октября по 20-е июня с. г. выразился в количестве 334 163 пуд. 18 фунт. разного рода хлебопродуктов. Израсходовано за отчетный период 294 148 пуд.; в остатке на 21-е июня 23 года 40 000 пуд.».

«В отношении восстановления разрушенного хозяйства, в частности сельского, Облпоследгол отпустил ОБЗУ имеющиеся в его распоряжении сельско-хозяйственные орудия и инвентарь в количестве 4 534 шт. всевозможных наименований. Чувашпроизводсоюзом ввезено в область помимо 77 лошадей, закупленных на средства Облпоследгола, 993 лошади, из коих 303 распределены в кредит, а остальные проданы населению за наличный расчет».

Я очень сожалею, что не имею под руками характеристики мест заграничной работы, которая в последголовский период, хотя и уменьшила свой размах, но все же имела очень значительные размеры, с более разносторонними видами помощи, в том числе и производственной, чем это было в предыдущий год.

Переходя к работе центра, приведу лишь основные цифры, с которыми оперировала ЦК Последгол:

1. Осталось к 15-му октября 22 года от периода Помгол 90 721 руб. золотом; продуктов — 2 075 пуд. на 2 039 руб. золотом; всего — 92 760 руб.

2. С 1-го октября 22 года по 1-е августа 23 года поступило от правительства — 5 000 000 пуд. хлеба.

3. От разных лиц и учреждений продовольствием в количестве 13 288 пуд. на сумму 11 561 руб.

4. От налогов (общегражданского, дополнительного и др.) — 1 517 210 руб. зол.

5. Дотация от правительства — 145 044 руб.

6. От реализации церковных ценностей — 1 344 639 руб.

7. От доходных предприятий, от лотерей и филателии и т. д. — 101 247 р.

8. От пожертвований внутря страны — 367 795 руб.

9. Поступление на специальные цели — 279 564 руб.

10. Денежные пожертвования из-за границы — 167 574 руб.

11. Пожертвование из-за границы продовольствия 27 104 пуд.

12. Пожертвование из-за границы производственного имущества: тракторы и т. п. — 3 436 пуд., на сумму 176 650 руб.

Итого — 8 755 081 руб. золотом, из них деньгами — 4.014 191 руб.

Продовольствием 5 042 707 пуд., пропзводимущества — 2 436 пуд.

Сверх указанного количества хлеба, в качестве продовольственной помощи населению Советским правительством отпущено на озимый клин осенью 22 года и яровой 23 г. — 28 653 545 пуд.

Расходовался профонд:

а) на помощь детям	826 131	пуд.
б) инвалидам	413 000	»
в) беспосевным крестьянам	690 000	»
г) на продовольственную помощь голоднаселению	1 655 628	»
д) на общественн. работы	1 587 306	»

Денежные средства Последгола реализовались следующим образом:

На орграсходы ЦК Последгола	82 290	руб.
На организ. расходы Полпреда по содерж. загр. организ.	612 426	»
На транспортные расходы	535 353	»
На погруз.-разгрузочн. операции	217 108	»
На покупку ж.-д. билетов иностранцам.	59 766	»

Непосредственная помощь денежными знаками выразилась следующей суммой:

а) на помощь детям	255 092	руб.
б) инвалидам	169 082	»
в) общественн. работы	220 182	»
г) продпомощь населению	200 914	»
д) закупка рабочего скота	249 785	»

е) реэвакуац. голодбеженц.	55 821 руб.
ж) ремонт с.-х. орудий	65 963 »
з) закупка семян и производителей . .	34 440 »
и) борьба с вредителями и стихийными бедствиями	16 136 »
к) помощь кустарям	61 171 »
л) прочие расходы.	749 089 »
Итого	3 584 512 руб.

Во время последгола вели работу следующие заграничные организации:

1. АРА.
2. Нансен.
3. М. С. П. Д.
4. Квакеры.
5. Католическая миссия.
6. Межрабпом.
7. Меноннты.
8. Харбинский объединенн. комит. Д.-В.Р.
9. Джойнт.

Заграничные организации ввезли в пределы России:

а) продовольствия	4 874 056 пуд.
б) мед. имущества	96 313 »
в) вещевого имущества	66 962 »
г) производств. имущества	1 576 815 »
д) прочих	239 311 »
Всего привезено из-за границы . . .	6 853 457 пуд.
На сумму	43 393 956 руб. зол.

Производственную помощь оказывали: Межрабпом, Джойнт, Квакеры, Меноннты и Шведский Красный Крест.

Межрабпом организовал несколько совхозов и рыбные промысла. Квакеры ведут закупку рабскота в Самарской губ., Джойнт закупил на Украине 1.600 вагонов угля для отопления детских учреждений и т. д.

К сумме ЦК Последгол и заграничных организаций надо прибавить сборы: Красной армии, профсоюзов, наркоматов, расходующих на помощь по своей линии, и мест; она выразилась примерно в 9 — 10 миллионов рублей золотом.

Такими цифрами выражается помощь последголовских организаций за 22 — 23 г.г. Она довольно значительна и нет никакого сомнения, что такая помощь дала возможность остро нуждающимся районам встать на ноги.

В таких районах, как Крымская и Дагестанская республики, можно смело сказать, последголовские организации были самыми сильными экономическими организациями, через которые произведены большие местные хозяйственно-восстановительные работы.

Два года жестокой борьбы с вековечным бичом русского крестьянина — голодом дали возможность ярко выявиться местной инициативе, выдвинули значительное число крупных работников по борьбе с голодом на местах, как: Антонов-Овсеенко, Гавен, Самурский. Их всех не перечислишь. Показали перед всем миром огромную, небывалую в прошлом волю крестьянина всех национальностей Союза Советских Социалистических Республик в борьбе за самосохранение, за восстановление своего хозяйства.

Куда девалась прежняя покорность судьбе, рисуемая Львом Толстым и Короленко о голоде в 1891 г.? А между тем она мною наблюдалась в первые моменты голода в Самаре, Крыму и других местах. Она была изжита напряжением, энтузиазмом широких масс, стремящихся облегчить муки голода. Широкие массы не могли накормить миллионы голодных, но они, как изнемогающему спортсмену на финише, вливали голодающему населению надежду на победу, чем толкали их вперед, на борьбу.

Все предыдущие голодовки несли за собой дальнейшее закабаление крестьянства, увеличивали его эксплуатацию наемщиками, выкидывали на рынок труда новых, беспомощных постоять за себя продавцов рабочей силы, чем жестоко пользовались щуки капитала.

Последний голод, выхвативший много человеческих жертв, нанесший огромный материальный ущерб, вместе с тем не угасил энергии и стремления во что бы то ни стало восстановить, даже развить свое хозяйство.

Персональный состав ЦК Помгол и Последгол очень мало изменился: их постоянными и несменяемыми работниками были: т т. Смидович, Петр Гермогенович, вступивший еще в первую Комиссию в феврале 21 года и удержавшийся до роспуска ЦК Последгол. Он все время являлся фактическим заместителем председателя; Винокуров, Александр Николаевич, на которого выпала задача руководства всей практической работой в центре, Лобачев от Наркомпрода, Удов от ВЦСПС. Из деятелей заграничных

организаций необходимо выделить гр. Нансена как идейного и практического борца с голодом, и неутомимого председателя Международной рабочей помощи тов. Мюнценберга.

Работа закончена и во второй стадии. С чувством удовлетворения работники центра и мест могут обозреть ее, как пройденный путь. Конечно, в эпоху империалистических войн, жестоких гражданских боев, величайшей в мире социалистической революции, это есть только один из эпизодов в жизни народа, но работники по борьбе с голодом не должны этим смущаться. Величайшие события подготовляются суммируемой частной работой отдельных лиц. И работники на фронте Помгола безусловно вложили свою частицу в будущее коммунистическое братство народов.

Секция по восстановлению сельского хозяйства.

Сейчас Комиссия Последгол преобразована в секцию по восстановлению сельского хозяйства при комитете содействия сельскому хозяйству. Трудно предсказать, как развернется ее работа. Прошлое ЦК Помгол и Последгол, из которых выросла секция, дает надежду, что она сумеет оформить необходимую в настоящее время работу и сплотить вокруг нее широкие слои крестьянства и рабочих.

А работы так много... Вот для примера газетная корреспонденция в «Известиях ЦИК Союза»:

«Пески занимают в Царицынской губернии 361 500 десятин, ежегодный прирост песков в губернии достигает 4 500 дес. Разве это не народное бедствие? Разве это не один из ожесточеннейших врагов сельского хозяйства? С ним нужна борьба упорная, терпеливая, настойчивая.

Другой бич сельского хозяйства — полевые вредители, от наших полевых мышей до азиатской саранчи... И многое другое, разное в разных местах. Во всяком случае, следующие годы засухи должны нас встретить подготовленными, способными предупреждать последствия неурожая, а не только преодолевать их.

Наконец, мы идем вперед и должны итти вперед в развитии сельского хозяйства, его культурного улучшения. А здесь поприще столь широко, что мы можем видеть только его начало, только то, что человеком сделано и что может быть сделано и что уже надо делать сейчас. Всего не охватишь мыслью одного человека. За дело с полной верой в его успех!»

ВОПРОСЫ ОБЩИНЫ.

Сейчас в деревне происходит глубокий процесс: распадение общины, переход к отрубному и хуторскому хозяйству.

Главная причина, подгоняющая крестьян к разрушению общины, общеизвестна. Это — хозяйственное стеснение, которое испытывает наиболее подвижный и творческий элемент деревни; это — ограничение инициативы отдельных лиц в их стремлении к улучшенным способам производства; слабая организация охраны результатов труда; затаптывание полей, потравы, благодаря чему идет спешка в уборке не вполне зрелого хлеба и, наконец, необходимость согласовать полевую работу со всеми общинниками, что, разумеется, является большой задержкой в хозяйстве.

И отдельные крестьянские дворы, наиболее прогрессивные, стремятся выделиться, освободиться от общинной опеки: они таким путем мечтают более вооруженными войти на товарный рынок, который в особенности балует сельско-хозяйственного производителя. Наоборот, рынок понизил до последних пределов дешевизны основные сельско-хозяйственные продукты, оставивши высокие цены для целого ряда специальных культур и сельско-хозяйственных продуктов, как-то: лен, хлопок, пенька, лекарственные травы, шерсть, коровье масло, рабочий скот и т. д.

Крестьянин видит необходимость быстро приспособляться к требованию рынка, иначе его хозяйство разорится. Само собою разумеется, — отдельному двору, особенно энергичному хозяину, гораздо скорее и легче приспособиться к требованию рынка, чем громоздкой, неуклюжей, трудной на подъем общине, где всегда есть солидная часть хозяйства бедноты — с одной стороны, и косного ведения хозяйств — с другой, т.-е. то, что задерживает прогрессивные стремления новаторов. Вот почему прогрессивные силы деревни стремятся общину заменить другими формами землепользования, главным образом, отрубным и хуторским хозяйством.

Сход. Среди земляков-тверяков.

И, однако, распадение общины, выделение на хутора, не есть лучший, идеальный путь восстановления хозяйства. Это только путь наименьшего сопротивления, путь, на котором легче развертывается инициатива единиц, путь, на который особенно сильно толкает стихия там, где ей есть возможноеть применить свой напор.

Но было бы совершенно нецелесообразным законодательными мерами или административными распоряжениями тормозить, мешать развивающемуся стихийному процессу. Таким путем не остановишь течения, наоборот — внесешь в него нежелательные изгибы, болезненные явления, стремления обойти закон, что всегда связано с местным произволом, взяточничеством и тому подобными разлагающими факторами.

Поэтому обязанность органов власти в данном случае стремиться лишь ввести стихию в берега предопределенного плана, насколько возможно смягчая ее отрицательные стороны (напр., при переходе на отруба крестьянин, получивши земли больше нормы, но худшего качества и в отдалении от селения, у нас облагается по количеству земли, не принимая во внимание качества ее, что действует разорительно в первые после передела годы на хозяйство новосела) и развивая положительные.

Поэтому, не желая даже признавать прогрессивным, с хозяйственной точки зрения, переход от старого общинного хозяйства к хуторному, мы все-таки должны развернуть максимальное напряжение в перерождении общины, стремясь сделать ее способной к восприятию экономического и технического прогресса.

По существу же, если говорить об улучшении крестьянского хозяйства «вообще», а не его отдельных экономических групп, то надо обратить взоры именно на общину, улучшение которой принесет свои плоды во все крестьянские группы, хотя более экономически сильные все-таки воспользуются больше. Ну, как, примерно, освещением городских улиц пользуется более обеспеченный хотя бы потому, что он располагает большим временем по ним пройтись. Но разумеется, если уж говорить о равномерном распределении благ, так именно уличное освещение светит равномерно, как богатому, так и бедному. Так и улучшение в общине: им не все в одинаковой степени воспользуются, но уже и то, что общинное благо на всех распространяется, как уличный свет, приближает нас к идеалу уравнительности.

Работать над непосредственным улучшением общины невероятно трудно, более трудно, чем ее разрушить. Я выше уже

привел те факторы, которые являются могучими союзниками разрушителей общины. Эта трудность окружает человека буквально со всех сторон, его работа подвергается значительному риску пойти на смарку. Но несмотря на эти тяжелые, страшно неблагоприятные условия, на опасность ухлопать огромное количество труда впустую, я все-таки скажу: работа по улучшению общины, по превращению ее из организации темноты, невежества и косности в организацию, примерно, производственного кооператива, — вещь исключительно заманчивая.

Поймите: превратить русскую деревню в производственный кооператив—ведь это наполовину решить вопрос социализма в деревне, это — теснейшим образом сомкнуть крестьянина с рабочим, ибо производственная логика заставит деревенский производственный кооператив все свои перспективы строить на город, оттуда он только и может получить необходимый ему, более сложный, чем, примерно, середняку-хуторянину, инвентарь.

В чем же должна выразиться помощь общине? Развивать ее положительные, в особенности производственные, стороны: общий свет, перевоз через реку, сельско-хозяйственные машины, племенной производитель, клуб, школа, больница и т. д. Как видите, перечень крестьянских потребностей, которые удовлетворяются коммунальными учреждениями, довольно велик, и чем дальше будут развиваться производственные нужды и культурные потребности, тем обширнее будет становиться этот перечень. И вот удовлетворение деревни существующими коммунальными услугами и их дальнейшее развитие в пределах общины является серьезной задачей настоящего момента, которую можно выразить лозунгом: больше внимания к общине, к ее перерождению из организации отсталости и косности в прогрессивный производственный организм.

«Беднота», от 1 ноября 1923 г., № 1657.

КТО СМЫКАЕТ И КТО РАЗМЫКАЕТ.

В известные периоды выплывают или создаются новые слова, выражающие особенно ярко какое-либо явление. Они делаются, несмотря на всю новизну и сложность выражаемого ими понятия, всеобщими словами.

При нашем поколении, например, вошла в обиход народной речи масса новых слов с очень сложным понятием. Достаточно напомнить: «стачка», которая лет 30 тому назад была новым словом, «большевик», «советы», «демонстрация» и т. д.

В настоящий момент самым модным словом дня является слово «смычка».

По существу оно не несет нового понятия, ибо уже 6 лет как коммунистическая партия и ее газеты склоняют во всех падежах «союз рабочих и крестьян». Да и не только склоняют, а употребляют громадные усилия для проведения его в жизнь, и нельзя сказать, чтобы безуспешно.

И, однако, вот явилось новое слово «смычка», быстро завоевывающее свое место в народной речи и вытесняющее из обихода другие однозначащие слова.

Хотя «смычку» и можно заменить «союзом», но это будет то же, да не то.

Под «смычкой» мы уже подразумеваем более широкое понятие, чем «союз». «Союз» подразумевает взаимно выгодное соглашение, которое может быть расторгнуто той или другой стороной. «Союз» вносит эгоистический расчет той или другой стороны. «Смычка» говорит уже не только о «союзе», а имеено о смыкании интересов рабочих и крестьян, при чем эти интересы — будь то материальные или духовные — смыкаются все теснее, а в будущем сливаются в одну программу, в один и тот же план работы. Дело каждой сомкнувшейся стороны должно явиться одним общим делом.

«Смычка» есть высшее, по сравнению с «союзом», сближение рабочих с крестьянами. Вот почему это слово столь

быстро приобрело такое широкое значение в обиходе нашей речи. Широкие массы рабочих и крестьян как бы инстинктивно уловили, что на данной стадии русской революции стало мало «союза», а именно нужна «смычка».

Грубо это можно представить на таком примере: паром, перевозящий через реку, состоит из множества бревен; чем больше их связано, тем он больше поднимает тяжестей. Для его твердости пропускаются поперечные бревна (поворины), служащие связью. Чем крепче связь, тем надежнее паром. Вот мы и должны пропустить такую крепкую и надежную связь между рабочими и крестьянами, чтобы их общий паром мог поднять даже такую тяжесть, как победоносная борьба с мировой контрреволюцией. Теперь будет понятно, почему партия, газеты, сознательные рабочие и крестьяне, да и всякий честный, беспокоящийся за будущее Советской Республики человек ищет таких связей, старается их проложить там, где их еще нет, а связей таких бесконечное множество. Они создаются сами (иногда и рвутся), а главное — их должны создавать все сознательные граждане Советской Республики.

Я не знаю ни одной профессии, не могу представить себе ни одного человека, который не будет содействовать связи между рабочими и крестьянами, если он поймет исключительную ее важность. Разумеется, каждый человек может ее проводить с наибольшим успехом только в той области, где его положение дает ему возможность это делать.

Наиболее твердой и надежной связью служит участие в одном процессе труда, когда между рабочими развивается товарищеская солидарность и полная общность интересов как материальных, так и духовных.

Конечно, между рабочими и крестьянами не может быть столько наглядной зависимости. Она даже менее наглядна, чем, примерно, между рабочим-литейщиком и слесарем, к которому поступает работа литейщика. Но тем не менее факт существования зависимости нами не может отрицаться. Крестьянин также занимает определенную часть в трудовой цепи и, если она разорвется в крестьянской части, процесс труда не может продолжаться по всей линии, примерно, как бесконечная, т.-е. сомкнутая цепь, идущая по зубчатым колесам, оборвав одно звено, останавливает весь механизм.

Поэтому каждому руководителю треста, завода, торгового предприятия, сельского хозяйства и всем участникам в данном

производстве совершенно не безразлично, что делается в каждом из этих звеньев общетрудового процесса, ибо нарушение нормальной работы в одном из них безусловно нарушает работу и в других.

Если трест, примерно, хотя бы текстильный, будет покупать хлопок дешевле, чем он стоит его производителю, несомненно производитель будет искать других способов жизни, помимо производства хлопка. Обратно, если производитель хлопка будет пользоваться монополией, увеличит цену сверх его стоимости, то это сейчас же скажется сначала на тресте, а потом на потребителе продукта треста — рабочем и крестьянине. Они увидят, что их труд не дает им необходимого количества продукта.

Одним словом, если равномерность работы всех звеньев нарушается и на некоторые из них ложится большая тяжесть, которой они не смогут вынести, то они могут оборваться, а это вызовет остановку всего хозяйственного организма. Значит, здесь «смычка» состоит в уравнении, в более равномерном распределении работ по всем звеньям хозяйства.

Сильнейшими средствами скрепы обладают административные государственные органы. Надо заметить, — они же могут оказать действие и в противоположном направлении, совершенно разрушить понятие о «государственности» в умах крестьянства. А между тем не подлежит ни малейшему сомнению, что привлечение крестьян к системе управления, к советской государственности, имеет исключительное значение. Здесь, по крайней мере в идеале, должна в максимальной степени выясниться «смычка». Недаром же наша республика называется «рабоче-крестьянским государством».

Персональное влияние «предов», влияние ГИК'ов, УИК'ов и ЦИК'ов огромно. Можно сказать, один из них каждым своим шагом внедряет в крестьянские и рабочие головы уважение и сознание преимуществ советской системы управления перед другими. Другие категории работников каждым своим шагом заставляют сомневаться, дискредитируют советскую систему.

Привожу один из примеров практики уездного администрирования. Ко мне в приемную приходит крестьянин Орловской губ. с жалобой. У него год тому назад бандиты увели лошадь. Все поиски не дали никаких результатов. В феврале настоящего года приезжает к нему в деревню предуисполкома, и крестьянин узнает, что он приехал на его уведенной бандитами лошади; делает соответствующее заявление приехавшему.

А в ответ предуисполкома говорит:

— Подайте в суд, если суд удостоверит, что действительно лошадь принадлежит вам — тогда ее получите. Сейчас она принадлежит милиции. Возможно, что она из отобранных у бандитов лошадей.

С этим ответом он спокойно уезжает. С февраля по сентябрь крестьянин исходил все судебные инстанции, которые удостоверили право его на обратное получение лошади. Но он ее не получил. Постановление президиума УИК'а не возвращать отобранных у бандитов лошадей их владельцам, очевидно, имело целью заставить крестьян принять большее участие в борьбе с конокрадством.

Я был в большом затруднении. Писать распоряжение о немедленном возвращении лошади? Я боялся новой задержки, ибо президиум УИК'а мог не согласиться со мною и апеллировать в президиум ВЦИК. А между тем для меня ясна была грубая ошибка местных властей. Ведь крестьянину нужно именно максимальное сокращение времени.

Я вызвал предуисполкома в Москву и подошел к этому случаю с бытовой стороны. Будем считать, что предуисполкома формально и юридически прав, что он в этом случае не проявил лишь политического чутья. Предуисполкома — быть-может товарищ безусловно честный, желающий принести посильную пользу, и все-таки он величайший преступник, преступник не в уголовном смысле, а как администратор, не умеющий уловить основного в своей работе. Это основное для него, как главы уезда: сугубо блюсти интересы крестьян. Все можно простить: грубость, малограмотность, даже недостаток ума, но нельзя простить руководителю губернии, уезда, волости небрежность, невнимание к состоянию крестьянского хозяйства. Если руководитель уезда внушит своей деятельностью крестьянам, что блюдет их хозяйственные интересы, тогда он может много себе позволить; если этого нет, — как бы он ни старался, крестьяне будут находить его администратором дурным, незаслуживающим уважения.

Теперь вполне понятно: помимо всего прочего, лошадь в крестьянском хозяйстве — основное орудие производства. Он так не следит за своим здоровьем, как за лошадью. И поэтому обязанностью предуисполкома было не отсылать крестьянина к суду, а дать немедленное распоряжение о возвращении ему лошади, не считаясь с формальной стороной. Даже если бы президиум оказался против него, он должен был бы настаивать

М. И. Калинин на сходке.

на своем. Не может предуисполкома, в глазах крестьян, быть причиной разорения их хозяйства. В таком случае пропадет к нему уважение целого округа, как бы формально он ни был прав.

И поэтому, главное обвинение, предъявленное мною к нему, было — неумение управлять, непонимание основных крестьянских нужд, недопустимый формализм, который рвет связь крестьянства с советскими организациями, а через это разрывается и смычка крестьянства с рабочим классом. На этом маленьком, но ярком примере можно легко выяснить, как руководитель административного органа может укреплять или ослаблять смычку с крестьянством.

Сильным средством связи является пресса (газеты), обслуживающая крестьянские массы. Ее ежедневная работа — непрерывная проповедь определенных мыслей — несомненно подготавливает и формирует мнение крестьянского общества; но и здесь без умелого подхода, без непосредственного обслуживания крестьянских повседневных нужд газета не пройдет глубоко в деревенскую толщу.

Вот несколько корреспонденций в гомельской газете «Новая Деревня»

«Везде ли такой порядок» (Хотимск, Климовского уезда).

«В Хотимской почтово-телеграфной конторе до сего времени царит старорежимовщина. Контора открывается в 11—12 часов дня, письма выдаются только 4 раза в неделю. Посетителей почти не пускают внутрь учреждения. Человек, приехедший по делам, должен прождать на крыльце 2—3 часа. Служащие конторы с крестьянами разговаривать не хотят. Шишко—воротила конторы, — с поповскими замашками. Он эксплуатирует сторожа для своих личных нужд, по хозяйству, а дела в это время лежат без всякого разбора.

Губернский отдел связи, дай нам хороших работников, а эксплуататора Шишко убери от нас. О б ы в а т е л ь».

«Ради праздника напьемся». (Шерстин, Речковской вол., Гомельского уезда.)

«В один из религиозных праздников поп Шерстинской церкви был арестован за какие-то «дела». Вместо него должен был отслужить в церкви обедню какой-то другой «отец благочинный». Но церковный совет не дал от церкви ключей. Обедня была сорвана. С горя решили устроить попойку, перепились не только мужчины, но даже старики и бабы.

Борьба с самогонщиной должна быть неослабной».

Насколько я могу проследить, в газете принимают участие рядовые крестьяне, вынося на свет мелкие картины деревенского быта. Несомненно, каждая такая корреспонденция задевает за живое местный муравейник, начинаются толки, пересуды, в связи с корреспонденцией, а это лучшая в мире агитация за распространение газет.

Видимо, хорошо ведется «Белорусская Деревня». Поместить такую корреспонденцию, как «Мостик — не мостик, а одна мука», значит понимать толк в крестьянской жизни.

Привожу ее:

«Мостик — не мостик, а одна мука». (М. Семежова, Слуцкого уезда.) «Через речку Морач, около местечка Семежова, проложен мостик по дороге к паровой мельнице, а сам-то мостик — не мостик, а одни слезы. Посредине мостика не хватает одного бревна, а это для крестьян одна мука. Едут на мельницу — измеряют глубину грязи, а иногда вместе с лошадью и мешками проделывают ту же операцию.

Не лучше ли отыскать одно бревно и заладить мостик, чем каждый раз нырять в грязь?»

Ну, какой журналист обратил бы внимание на какой-то мостик через речку Морач, когда у нас много тысяч таких мостиков. Но в том-то и гвоздь, чтобы писать именно о мостике через речку Морач. Несомненно, что такая корреспонденция оживляет газету, делает ее участницей крестьянских интересов. Передовицу пропустят, а о мостике прочтет вся округа, корреспонденция вызовет подражание, родит новых корреспондентов, заведет связь деревни с газетой. Наконец, сама газета таким общением входит в крестьянский быт, делается предметом домашнего обихода. Это и есть завоевание аудитории, укрепление «смычки» прессы с крестьянством.

Многие имеют ложное представление, что с крестьянством надо говорить нарочито простым, сладким языком, — глубокая ошибка. Надо писать о вещах, которыми интересуется крестьянин, которые понятны и старому и малому. Сельское хозяйство, налоговые вопросы, разъяснение законов, деревенское строительство и быт, не игнорируя «мелочей», — вот о чем писать надо в первую голову. О «мостике» прочтут и старики и детвора, мужчины и женщины того места, будут искать, кто писал, нет ли еще чего интересного в газете. Так незаметно перейдут и к политике.

Да ведь если говорить по совести, такие корреспонденции и столичные читатели с удовольствием читают и потому с удовольствием, что здесь реальная жизнь; где биение пульса жизни,— там скука отсутствует. Таким образом, между автором и читателем растет взаимная связь.

Моя статья затянулась. хотя можно было бы еще бесконечно ее удлинить, приводя примеры из разных областей жизни, которые бы указали новые и новые смыкания рабочих с крестьянами, но я думаю, и вышеприведенных примеров достаточно, чтобы сказать, что в Советской республике трудящихся в основе деятельности каждого гражданина лежит глубокое уважение к труду — что он не просто работает для собственного существования, а выполняет огромный гражданский долг, занимая, как часовой, или боец в военной цепи, ответственное положение на общем фронте труда, когда малейшее упущение и небрежность могут жестоко повредить благу республики, внести большое замешательство в развитие смычки города с деревней — крестьянина с рабочим.

О ЗАДАЧАХ ДЕРЕВЕНСКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ *).

Товарищи, очень трудно что-либо сказать крестьянским корреспондентам, давать им советы, потому что, мне кажется, работа крестьянского корреспондента встречает особенные трудности. Вопрос в том, кто что описывает. Мне кажется, гораздо легче описать бал, дипломатический прием, митинг, чем описать обыкновенное деревенское происшествие или событие, или просто какое-нибудь новое явление, которое происходит в деревне.

Трудно описание и дипломатическаго приема, и деревенского события, но, мне кажется, последнее все же труднее, чем дипломатический прием. Здесь определенная форма и само описание проще: такой-то человек в определенный час сказал то-то и то-то. Ему не требуется особенно ворочать мозгами, а если человек умеет мало-мальски говорить, у него и выйдет описание. Деревенское событие описать труднее. Надо, чтобы оно было с интересом читаемо, чтобы оно было не скучное, а задевало за живое. Надо, чтобы человек, прочитавши его, не прошел просто мимо его корреспонденции, а чтобы она хватала за живое.

Сам корреспондент должен прочувствовать то, что он описывает. Я пробовал писать (я и сам написал порядочное количество корреспонденций), и там, где ты просто описываешь, — без чувства, — очень плохо выходит. Трудно. Только насилуешь себя. И когда составишь корреспонденцию, чувствуешь, что она выходит деревянная. Характерно, что тот, кто читает, поймет сразу, что она деревянная. Как будто и слова есть, и написано недурно, а все-таки читатель проходит мимо. Чтобы она была хороша, нужно, чтобы корреспондент сам волновался теми страстями, о которых пишет, а это, конечно, дается не в каждый момент. Поэтому нужно описывать те события, которые серьезно задевают корреспондента.

Это раз.

Я говорю только свое мнение о тех препятствиях, которые я встречал сам при писании своих корреспонденций. Во-вто-

*) Речь на всесоюзном совещании крестьянских корреспондентов «Бедноты» в феврале 1924 года.

рых, иному кажется, с виду... как будто бы просто: пришел в деревню и сразу описал и дом, и людей, и все явления. А как начнешь — увидишь, как это трудно. Нет тех слов, которыми, двумя-тремя, можно было бы показать лицо человека. Тут нужно большое чувство. Но нужно и огромное учение. Корреспондентом быть не так просто. Вот так — взял да и залился. Так нельзя, надо очень много учиться. Каждая корреспонденция, особенно если она длинная,—нужно, чтобы жизнь в ней видна была, а жизнь лучше всего видна в людях. Поэтому, если я описываю лес, деревья, домашний обиход, если это все описывать, то поставь тут человека, да чтобы он был в действии, чтобы он думал, делал, чувствовал, страстями был занят. (Я не подразумеваю непременно индивидуальные страсти, я имею в виду общественные.) Это вопрос самый трудный, как ввести человека в корреспонденцию. Когда я писал корреспонденции, я чувствовал, что всего труднее ввести человека. Во-первых, его надо знать, во-вторых, хотя двумя-тремя штрихами обрисовать его. Когда мы читаем Пушкина и Тургенева, нам кажется: как это все легко. Взял и написал. Но когда сам пишешь, видно, как трудно из десятка фраз чтобы читатель представил себе живое лицо. А когда ты пишешь, если ты его не обрисуешь, то и действие его не так понятно. Ты должен двумя-тремя штрихами сделать так, чтобы можно было представить лицо, которое ты описываешь, и как это лицо делает то-то и то-то. Когда к этому подойдешь, то увидишь, что это, пожалуй, не так легко. Для корреспонденции требуется огромная работа, огромное изучение. Эта профессия — одна из самых трудных профессий. Ни от одного специалиста не требуется такой выучки, как от корреспондента. Я говорю, как это мне кажется, что первое, что требуется от корреспондента, — это чтобы он умел переживать и страдать теми же страстями крестьянина, о которых он пишет.

Если, например, он описывает нужду крестьянина, то чтобы она, эта нужда, его задевала. Если он описывает события, нужно, чтобы он кровно был заинтересован событиями. Это уже будет частица будущего успеха. Если будет чувствоваться, что он сам кровно заинтересован в событии, это скажется и на корреспонденции.

Вторая сторона вопроса, это та, что корреспондент должен знать предмет, который описывает. Так, с кондачка, описывать то, что не знаешь, очень тяжело. И слов нету, и сказать

нечего, — выходит пустословие. А наш читатель уже теперь требует, чтобы писали не пустые слова, теперь нужно, если ты описываешь крестьянина, чтобы ты знал его портрет, и когда ты его знаешь, то и писать уже легче. Но самое главное и самое важное, это — знание корреспондентом русского языка. Я очень много читал, не меньше, чем всякий интеллигентный человек, я читал лучших классиков, и все-таки я чувствую, что я плохо знаю русский язык, — и когда пишешь, то чувствуешь, что у тебя мало слов, — и так далее. Знание языка играет большую роль, и поэтому-то от корреспондента и требуется, чтобы он хорошо знал русский язык. У человека, умеющего писать, часто из пустяка выходит серьезная вещь. Например, немецкий писатель Гейне, писавший стихотворения, обладал этим искусством в высшей степени. Пусть оно — стихотворение о носе, но написано так, что оно приводит в восхищение, вы увлекаетесь, когда начинаете его читать, как он описывает шелест листка, и вы удивляетесь, что вам не скучно читать об этом шелесте листка, вы увлекаетесь. А почему? Да потому, что он великолепно владеет языком, потому, что он описывает великолепно. По существу корреспондент должен быть творцом в этом отношении, должен быть с искрой, он должен прочувствовать. но этого чувства мало, он должен много, много учиться, и я думаю, описание крестьянской жизни совсем не означает того, что он не должен учиться.

Я вначале показал, что описывать городские официальные события легко, что для этого совсем не нужно быть особенно образованным, а для того, чтобы описывать деревенскую жизнь, нужно быть исключительно образованным. Я понимаю образование не в том смысле, что вы должны пройти университет, что вы должны заниматься математикой и т. д. Под образованием я понимаю то, что он должен уметь к каждому вопросу подойти критически, чтобы он мог разобрать его со всех сторон, чтобы у него было общее развитие, а не то, чтобы он был специалист-математик. Иногда и специалисты-математики во всех остальных вещах бывают положительными невеждами. От корреспондента требуется, чтобы он был всесторонне образован, развит, чтобы он мог из небольшого частного явления вывести общее. Например, когда вы приходите в деревню, — в деревне событий много, — например, начиная с того, что с утра доят скотину, — так вы должны, чтобы не было скучно ваше описание, уметь собрать такие факты, которые, с одной сто-

роны, являются фактами общими, чтобы факт описанный не был исключительным фактом, так, чтобы если вы о нем расскажете, а другой крестьянин прочтет, то чтобы он понял, что корреспондент описывает все, что делается каждый день у них. И вместе с тем, чтобы это описание было сделано так, как будто корреспондент нечто новое в этой жизни подметил. Если вы повторите жизнь с внешней стороны, то вы повторите, как будто, старое. Разумеется, человек не делает каждый день все нового и нового, человек сегодня обедает и завтра обедает, процесс обеда каждый день идет, а по существу процесс этот совсем не однообразный. Разве вы сегодня обедаете так же, как вчера, или завтра, как сегодня? Конечно, нет, сегодняшняя жизнь — это не есть вчерашняя жизнь, иначе человек бы не изменился, он был бы одинаковым, а мы сначала растем, потом стареем и умираем. Ни одну секунду в жизни человек не находится в покое. Поэтому, если мы описываем жизнь, нужно, чтобы в корреспонденции не было заметно, что она старые вещи показывает. Уловить жизнь — это самое трудное для корреспондента.

Надо описывать то, что есть в жизни, например, сейчас вы выходите на улицу и на улице видите жизнь; надо уловить эту жизнь и переложить ее на бумаге. И вот, когда стараешься переложить ее на бумаге, она получается не жизнь, а деревяшка, потому что ты не показал ее в процессе, в движении, а показал, как будто она на месте застыла, ты пишешь мертвеца, а не жизнь человека.

Вот это самая трудная задача, которая стоит перед корреспондентом. Я думаю, что эта искра — уметь описывать жизнь — она вложена в природу человека, ее нельзя создать в человеке, и часто, когда человек что-нибудь описывает, у него получается так, как будто он умертвил жизнь, как будто она остановилась. И вот, когда нельзя уловить жизнь, всегда будет скучна корреспонденция, несмотря на то, что ты красиво опишешь. Это подобно тому, если бы нам предложили смотреть на живых красавиц или на самую лучшую мраморную статую. Как бы ни была красива статуя, но я думаю, что все бы предпочли смотреть на живых красавиц, 99% пойдет смотреть на живых, и это естественная вещь, потому что человек любит жизнь, здоровый человек не может не любить жизни, — смотреть на живое.

Иногда я, рассматривая корреспонденцию в 10 строчек, думаю, что человек, когда он эти 10 строчек писал, он сам

волновался, кипел, так и чувствуется это в словах, ты читаешь эту корреспонденцию и восхищаешься: «Ишь, думаешь, как парень волновался». Вот задача, которая стоит перед корреспондентами. Я лично думаю, что корреспондент есть корреспондент, когда в нем искра божия заложена, а если корреспондент с искрой будет писать о крестьянских делах, его будут читать и в самых фешенебельных, самых пышных гостиных — жизнь везде восхищает, где бы она ни была. Специфически крестьянского творчества нет. Иной говорит, что для крестьянина нужен особый язык, слащавый, приторный. Это сказки. Крестьянин любит самый обыкновенный, хороший, нормальный русский язык. (Бурные аплодисменты.) А нормальный русский язык познается из изучения русского языка, поэтому все корреспонденты должны хорошо изучить русский язык. Я могу сказать про себя, что я много читал. Я занимаю самый высокий государственный пост, и если бы меня спросили, чего мне не хватает, я бы сказал, что я слишком слабо знаю русский язык, я все-таки чувствую, что я слишком мало его знаю. Поэтому перед каждым корреспондентом стоит задача — изучить русский язык. Многие думают, что когда он изучит русский язык, то у него потеряется крестьянская речь. Это неверно. Крестьяне так же говорят по-русски, как и все прочие. Наоборот, кто слабо знает русский язык, тот не умеет говорить по-крестьянски.

Прочтите самых лучших русских классиков. Возьмем Пушкина. Казалось, это — писатель, который писал от «верхушек». Или — Тургенев. Прочтите его «Записки Охотника» или любой из его романов. Вы увидите, как прост его язык и как понятен; прочтите такой рассказ простой, деревенской бабе и она его великолепно поймет. Затем, не надо подделываться к крестьянину. Когда крестьянин почувствует, что к нему подделываются, то вы уже зарезались. Когда сознательно человек упрощает речь, думая, что вот, дескать, передо мною аудитория мало сознательная, то он уже наполовину себя зарезал. Наоборот, когда говоришь, зная, что аудитория не глупее тебя, то все, что излагаешь, для всякого понятно и видно, что ты с ним говоришь, как с равным по развитию, по культуре, по духу, чтобы крестьянин чувствовал, что с ним говоришь, как с равным. Если только крестьянин почувствует фальшь в языке, то такая корреспонденция крестьянами читаться не будет ни в коем случае.

Ну, вот все, что мне кажется самым главным. Я несколько раз нарочно повторялся, но я это делал сознательно, чтобы

подчеркнуть, что самое главное заключается в том, что корреспондент должен быть человеком, который умеет переживать болезни тех явлений, которые он описывает. Я сам замечал, что если говоришь и волнуешься и если тебя самого задевает то, о чем ты говоришь, то хотя у тебя даже большая аудитория и у тебя плохо выходит в смысле изложения, то все-таки аудитория за тобой удивительно внимательно следит. А иногда говоришь, как граммофон, но в это время аудитория охает, ахает, чихает и так далее. Но если так обстоит дело с аудиторией, то и в корреспонденции читатель также уловит фальшь. Читатель есть самый строгий ценитель, поэтому кто начинает писать, должен знать: есть ли у него желание писать. Во-вторых, предметы, которые он описывает, он должен знать. Мы еще не знаем, вложит ли он чувство или нет. Эта искра вне нашей зависимости. Если он вымучивает корреспонденцию и если читатель уловит, что она неверна, что он потеряет свой авторитет.

В-третьих, корреспондент должен изучать русский язык, он должен уметь описывать. Я лично думаю, что это трудная задача, я пробовал описывать лес, дорогу. Едешь по Сибири, видишь такие красоты, другой написал бы горы красивых картин, а когда едешь, то видишь везде только мусор, ломаный лес, обломки, бесконечный лес, как будто нечего и описывать; но нужно обладать языком и фантазией, фантазия зависит от характера, а уж язык только должно изучать.

Теперь, что касается социальных явлений, то я на них не остановлюсь. Я думаю, что вам столько об этом насказали, что считаю лишним на этом останавливаться. Я думаю, что если крестьянин описывает крестьянина, то он не может не описывать крестьянских интересов. Раз вы крестьянин и живете в деревне, то главные интересы, которыми вы живете, есть крестьянские интересы, поэтому тут незачем вводить политическую искусственность. Разумеется, этим я не хочу сказать, что каждый крестьянин, каждый корреспондент не должен политически оформиться. Один, предположим, партийный, другой нет. Если человек партийный, то у него это в чем выражается? В так называемом материалистическом миропонимании. Коммунист, это — человек, вооруженный диалектическим материализмом, мир рассматривает, в непрерывном движении. Как я раньше уже говорил, весь человек изменяется: сегодня он не то, что он был вчера. Мы рассматриваем мир в его непрерывном развитии.

Вот лежить камень. Каждую минуту он изменяется, но так мало, что это незаметно для нашего глаза, точно это часовая стрелка. Это развитие накопляется маленькими долями, микроскопическими дозами.

Точно также государство, общество неумолимо движется вперед, развивается изо дня в день, и это развитие накопляется маленькими, микроскопическими, незаметными частями. А потом, когда накопится достаточное количество революционной энергии и когда для этой революционной энергии нет законных форм выявления, тогда она вырывается революционным кризисом. Вот как у нас: революционная энергия накопилась, а выхода для нее не было, и она прорвалась в революционной борьбе. Если бы у нас был парламентаризм, если бы русский царизм был близок к английскому царизму, возможная вещь, что революционного взрыва у нас и не было бы, потому что у нас не было бы закаленной партии, ибо, как вы знаете, наша партия закалилась в непрерывной борьбе. Наш рабочий класс революционен потому, что ему каждое экономическое завоевание стоило огромных жертв, потому, что для того, чтобы улучшить заработную плату на гривенник, рабочему нужно было устроить стачку, его сажали в тюрьмы, и постепенно у него накоплялась ненависть к правительству. Юридическое бесправие, помещичий гнет — все это накопляло ненависть, и не будь этого, может-быть не было бы такой резкой формы разрешения. Революционный кризис является только результатом непрерывного накопления народного недовольства изо дня в день. Наше развитие не останавливается ни на одну минуту, сейчас мы имеем огромную разницу между настоящим нашим положением и старым, которое было у нас 10 лет тому назад. Сейчас мы стараемся внести сознательность в наше движение, мы думаем, что мы должны притти к тому-то и к тому-то, к коммунистическому строительству, к коммунистическому производству. У нас уже есть некоторая система управления, некоторая планомерность и так далее. Стихийность у нас очень сильна, но все-таки уже с тех пор, как пролетариат взял власть, он уже в развитие своего государства успел внести известную планомерность, в то время как буржуазные государства в настоящее время не развиваются планомерно.

Ни одно правительство, ни одно европейское государство не стремится вперед, оно только стремится сохранить существующий строй, сохранить то, что есть. В буржуазных госу-

дарствах каждый человек только отстаивает преимущества одного человека. Так, в Англии каждый человек в отдельности стремится улучшить свое положение, и государство стремится улучшить положение отдельных лиц; таким образом в конечном счете сумма этих стремлений и является результатом английского государства. Во всех буржуазных государствах каждый по-своему улучшает свое положение, а общего стремления нет. У нас уже заложены первичные начала стремления к улучшению общего положения. Прежде каждый человек только за себя стоял, все развивалось стихийно, и мы подчинялись стихии, а сейчас мы стараемся эту стихию превратить в общее стремление, в стремление сознательное, и это трудная задача, это исключительная задача, которая потребует может-быть десятилетия. Если мы эту задачу решим, то это будет значить, что мы двинули дело развития человечества вперед в отношении общей культуры, искусства и даже наслаждений и страданий, которые выпадают на долю человека. Все это будет урегулировано, все это будет предопределено. Это такая грандиозная задача, которая требует длительного разрешения.

Так вот, кто коммунист, пусть он свое коммунистическое мировоззрение внесет в каждое явление жизни. Предположим, он описывает какое-нибудь маленькое событие, он сейчас же должен оценить, как коммунист, что это событие — является ли отражением старого или нового. Является ли это событие отражением старого, уже изжитого, погибшего строя, или же оно является отражением новой культурности, новой нарождающейся жизни. Коммунист, если он даже об этом и не будет говорить в своей корреспонденции, он должен построить ее так, чтобы вы по прочтении чувствовали, что этот факт является новым фактом по своему характеру, или же старым. Ведь коммунист не может этого не дать почувствовать.

Но если корреспондент сознательно будет подчеркивать, что вот, предположим, такое-то явление является новым, то это неудачно будет, потому что этим вы хотите подсказать читателю свою мысль, навязать ему, а это менее всего удается. Иногда ты этак пишешь, как будто ты посторонний человек, и вывода не делаешь, а читатель сам сделает вывод, и такой же, какой ты сам сделал бы. А если мы будем подсказывать что-нибудь читателю, то он может сказать: «Ишь ты, какой умник, я сам-то не могу, что ли». Он бы и сам подумал бы, а мы уже торопимся ему подсказать. Поэтому

я и говорю, что когда пишешь о классовом расслоении, не нужно на каждом слове повторять «классовая политика», «классовая политика», ведь это становится похоже на «Отче наш». Поэтому классовую линию можно вносить в газету так, чтобы она была незаметным элементом, чтобы классовые выводы вытекали сами собой из вашей корреспонденции, а если мы назойливо подсказываем читателю, то это будет плохая корреспонденция. Если я скажу, что у нас вот такой-то имеет такую-то внешность, чуть-чуть намекну на его благосостояние, как будто это невзначай, коснусь того, что он обидел такого-то, который тоже, упомяну незаметно, беден, покажу эту бедность и так далее, — выйдет как будто я так только рассказал, а сам в стороне, не напрашиваюсь с заранее сделанными и потому менее убедительными выводами.

С внешней стороны пусть кажется, что корреспондент ни к какому классу не принадлежит, а вывод пусть читатель сам сделает. Поэтому я и говорю, что когда говорят о классовой линии, ее надо с большой умелостью проводить. Если мы скажем: такой-то обидел бедняка, а по нем слезу пропустим — это не корреспондент с искрой, а это просто начетчик, коммунистический начетчик. У нас их очень много. Они — плохие проводники коммунизма. Коммунизм должен проводить человек, который хотя и не говорит о коммунизме, а слушающий из его рассказа сможет сделать собственным умом вывод. Поэтому я вам здесь и не говорю о коммунизме. Если человек в душе коммунист, то он сам собою, своими воззрениями, своим подходом к явлениям проводит коммунистическую линию. Если крестьянин будет корреспондировать, у него душа крестьянская выразится сама собою. Бывают крестьяне, которые будут защищать английского лорда, но ведь, скажут, и белая ворона бывает, а я таких никогда не видел. *(Смех.)* Корреспондент, мне кажется, должен по своему развитию быть выше крестьянина. Описывать крестьянскую нужду больно просто, но одно описание крестьянской нужды мало дает. Надо еще выхода искать из крестьянской нужды или, по крайней мере, указать, что эти нужды являются по тем или иным причинам преходящими явлениями. Потому, что если вы только стонете, что бедняку плохо живется, то от того, что вы стонете, да еще может-быть плохо стонете, ему легче не будет. Корреспондент должен находить такие перспективы, тот оптимизм и ту надежду, которые дают возможность душе быть уверенной, что эти горести, которые выпадают сей-

В Донбассе в 1923 г. Осмотр шахт.

час на бедняка, что они временны. Корреспондент должен стоять выше крестьянина. Я должен сказать, что он должен быть высоко-образованный, не в том смысле, что он окончил университет, а чтобы он умел отражать крестьянские нужды. Он должен стоять выше крестьянской среды. Разумеется, он должен быть политически развит и мне кажется, что он должен быть коммунист, — по убеждениям, если не формально, — потому что, если он будет серьезен, он придет в конце-концов к коммунизму. И только коммунизм, только критическое отношение к наблюдаемым явлениям и понимание их причин и дальнейших перспектив даст ему возможность выявить эти беды, нищету, убожество, обыденность, однообразие крестьянской жизни, которые встречаются в крестьянском доме. Это не значит, что жизнь в деревне не изменяется. Нет, но мало изменяется. И это не опровержение моей речи. Все это может задушить человека, если он не коммунист.

Вот отсюда задача, чтобы он не затягивался, не оказался простым граммофоном или фотографической пластинкой, потому что ведь иногда можно хорошо описать крестьянскую нужду и быть просто фотографом, но фотография есть только фотография. А когда художник пишет картину, ты чувствуешь, что как будто пред тобой живой человек. Значит, художник вложил тут душу. И только коммунист сумеет объяснить причины того или иного явления, объяснить, указать пути изжития. Наша задача — не прибивать бедняка к земле, он и так беден, а мы еще будем своими корреспонденциями, плачем прибивать его еще ниже. Это бесполезно. Наша задача — каждого побитого поднять, влить в него душу, которая дала бы ему возможность бороться с нуждой. Это общая задача, которая стоит перед всеми корреспондентами. Повторяю, только фотографического описания нужды — этого еще мало, это нецелесообразно. Моя мысль такая, что, описывая отрицательные картины страдания, неприятностей, которые существуют в деревне, корреспондент должен отыскивать и пути выхода или, по крайней мере, в своих корреспонденциях перед такими людьми находить слова, которые их не прибивали бы к земле, а поднимали бы настроение. Вот, товарищи, что я хотел вам сказать. *(Бурные, продолжительные аплодисменты).*

«Беднота» от 8 февраля 1924 г., № 1734.

О ШЕФСТВЕ РАБОЧИХ НАД ДЕРЕВНЕЙ.

(По поводу книги тов. Карпинского о шефстве, вышедшей под названием: «Электрификация голов».)

Книга тов. Карпинского о шефстве над деревней является ценным пособием по работе в деревне. Книга начинается с объяснения, что такое шефство. Вопрос поставлен марксистски широко. Частные задачи шефства обобщены, включены в общую цепь общения города с деревней, которая в свою очередь является звеном цепи общей коммунистической работы. Благодаря этому работа шефства, ее детали, делаются живыми, имеющими важную значительность, как важна всякая деталь сложной машины, как важна отдельная картина в общей пьесе.

«Молоток — отлично, музыка — хорошо, театр — тоже и спорт — не плохо. Но сколь же лучше будет, ежели и кузнец, и музыкант, и актер, и спортивник сами будут сознавать и крестьянам сумеют объяснить, какой составной частью входит их искусство в общую задачу перерождения деревни, каким провозвестником прекрасного будущего оно является. И все это возможно лишь в том случае, если перед глазами каждого участника путеводной звездой будет сиять конечная цель шефства». Эти слова будут служить великолепным побудителем для рабочих шефов.

Первая задача шефства — помогать поднятию сельского хозяйства. Этому вопросу посвящена целая глава, хорошо написанная; в ней рабочий, как партиец, так и беспартийный, найдет убедительные примеры необходимости помощи крестьянству. Особенно хороши слова Владимира Ильича, сказанные им на X съезде коммунистической партии: «Нормальные отношения таковы и только таковы, чтобы пролетариат держал в своих руках крупную промышленность с ее продуктами и не только полностью удовлетворял крестьянство, но, давая ему средства к жизни, так облегчал бы его положение, чтобы разница по сравнению со строем капиталистическим была очевидна и ощу-

После беседы.

тительна. Это и только это создаст базу нормального социалистического общества».

Каждому рабочему, прибывшему в деревню, и в особенности рабочему шефу, конечно, крестьянин задаст вопрос: зачем ты взял в свои руки промышленность, ежели ты не можешь удовлетворить меня промышленными продуктами? Вот вопрос, который рабочий должен выяснить до конца. Рабочий найдет в книге массу глубоко для крестьянина убедительных доводов в необходимости рабочему взять в свои руки эту промышленность, в глубокой выгоде, которая в конечном счете полезна не только рабочему, но выгодна и крестьянину.

«Шефство над деревней, особенно помощь по хозяйству, имеет то глубокое значение, что показывает на деле крестьянину, как рабочий рвется восстановить промышленность, как старается облегчить положение крестьянина, как готов для этого жертвовать и своим отдыхом, и своей трудовой копейкой».

Вторая задача — установление непосредственной связи между городом и деревней. По обыкновению, тов. Карпинский и здесь для выявления своей мысли приводит слова тов. Ленина: «Путь союза народных масс есть единственный путь, на котором труд крестьянина и труд рабочего будет трудом на себя, а не трудом на эксплуататора, и для того, чтобы осуществить это в нашей обстановке, необходима та экономическая связь, которая является единственной возможностью, — связь через хозяйство. Без этого на почве того разорения, в котором мы оказались, надлежащей связи с крестьянином нам не восстановить. Без этого нам грозит опасность, что передовой отряд революции забежит так далеко вперед, что от масс крестьянских оторвется. Смычки между ними и крестьянской массой не будет, и это было бы гибелью революции».

К хозяйственным связям т. Карпинский относит и помощь кооперации, приводя в ее защиту выписки из известной статьи т. Ленина «О кооперации».

Третья задача — просвещение деревни, где подчеркивается исключительная важность в борьбе с безграмотностью.

Четвертая — связь с пролетарскими организациями, необходимость которой очевидна сама собой.

И пятая — мне кажется, очень важная задача, на которую необходимо обратить сугубое внимание, — это путешествие крестьян в город: на фабрики, на заводы, в рабочие общежития. Действительно, одно путешествие городского населения в деревню—

это будет одностороннее общение. Только тогда общение будет полным, когда участятся и поездки крестьян в город. Видеть труд рабочего собственными глазами, видеть пылающие горны, извивающиеся раскаленные полосы железа, быстро мечущиеся в станках челноки — это имеет исключительное воспитательное значение. Оно, действительно, в десятки раз лучше сближает рабочего и крестьянина, чем самые прекрасные митинги, речи и тому подобные формы общения между рабочими и крестьянами.

От задач т. Карпинский переходит к направлениям в шефстве. Он разбирает главные из этих направлений и сам считает наилучшим то направление, которое формулируется как шефство городских рабочих над деревней. Мы целиком разделяем точку зрения т. Карпинского. Действительно, если говорить о шефстве и говорить о нем серьезно, то, разумеется, оно постольку имеет значение, поскольку в нем принимают участие широкие рабочие массы, фабрики, заводы и учреждения городов. Он совершенно прав, когда приводит слова т. Ленина, сказанные им на XI съезде, что построить коммунистическое общество руками одних коммунистов — это ребячья, совершенно ребячья идея, коммунисты — это капля в море, капля в народном море. Задача в том, чтобы коммунистическими руками строить коммунизм. Именно коммунистическое дело, в особенности у нас в советской республике, творит не только коммунистическая партия, а рабочий класс в целом, и, конечно, беспартийные рабочие массы.

Следующие две большие главы, около полусотни страниц в одну восьмую листа, посвящены вопросам: как приступить к делу и как организовать работу.

Здесь собран богатейший инструкционный материал, — как приступить к делу и как организовать работу. Иногда, читая, думаешь: чересчур уж детально все указывается и слишком популярно разжевывается каждая мысль. Но принимая во внимание, что книга преследует практические цели — быть пособием шефам, принимая во внимание размеры нашего Союза, заброшенность и отдаленность глухих мест от культурных центров, — невольно соглашаешься с автором о необходимости такой инструкционной детальности.

Автор стоит на линии материальной помощи шефам. В партии по этому вопросу нет единства. Некоторые товарищи думают, что шефство должно развиваться, главным образом, на культурном базисе. Но мне кажется, автор более прав: нет оснований заранее суживать шефство, определять его формы: важно, чтобы

шеф имел перед собой основной целью служить действительному сближению города с деревней. Коль скоро эта основная цель будет им поставлена перед собою и коль скоро у него будет примерный учет средств, которыми он располагает, — выяснены главные нужды подшефной деревни,—форма шефства явится уже правильным решением поставленной задачи. Бояться, что шефы увлекутся материальной помощью перед культурной, нет оснований. Наоборот, культурные возможности города более возможны по сравнению с материальными. Культурные формы всегда будут преобладать перед материальными.

Но тов. Каршинский, отдавая предпочтение материальной помощи шефов, не только не отрицает, а придает столь же огромное значение искусству, спорту в шефстве, как одной из значительных форм связи города с деревней. Особым видам шефства посвящена отдельная глава — шефству городов, интеллигенции, молодежи, работниц, заочному шефству и т. д., где приведено значительное количество так называемых особых шефств, имеющих индивидуальные формы.

На нескольких страницах тов. Каршинский останавливается на бюджете шефств. Он стоит за добровольную организацию шефских обществ, за самообложение определенными периодическими взносами. Несомненно, эта точка зрения правильна, но запрещение некоторыми партийными и профессиональными организациями добровольных сборов также вытекает из насущной потребности: уменьшить расходы на общественные нужды рабочих, у которых общественные сборы сплошь и рядом доходят до 15 — 20% заработка.

Но, несомненно, не перебарщивая, не перегибая палки, мы, действительно, должны сохранить, как говорит т. Каршинский, одно из завоеваний революции. Такие сборы на передовых заводах практиковались усиленно и в предреволюционное время. Пожалуй, это был один из лучших способов в организации беспартийной массы около партии, ибо сборы происходили при конкуренции трех партий: с.-р., меньшевиков и большевиков. В момент сборов шла ожесточенная перепалка за симпатии непартийных.

Во всяком случае, основная масса расходов шефства, само собой разумеется, падает на тощий карман рабочего. Как он ни тощ, ни дыряв, все-таки, при его действительном содействии, шефство является реальным фактором по сближению города с деревней. И здесь перед руководителями общественного мнения

пролетарских масс является главной задачей чересчур не обременить (что у нас бывает), а, главное, убедить в необходимости несения требуемых жертв. При таком убеждении пролетариата развивается удивительная способность к выявлению на поверхность совершенно невидимых, глубоко скрытых, непредвиденных сил.

Не могу отказать себе привести выписку из описания поездки крестьян в город:

«Красильное отделение. Едкий пар от красок наполняет воздух. У непривычного человека дух захватывает.

— Тяжелая ваша работа, — говорит крестьянин. — У нас легче, у нас все на воздухе...

Прядильня. Смотрят крестьянки, нюхают воздух...

— Мы думали, в городе легко работать, а теперь сами видим, расскажем, что не такая легкая ваша работа. Ишь, какую пылищу глотаете.

Но вот клуб, — полнехонек. Ждут. Торжественный марш, — и, слегка конфузясь, входят гости. Гул приветствий. Усаживают на почетные места. Начинаются речи, взаимные приветы, гости делятся своими впечатлениями. Иногда тут же гостям подносят небольшие подарки, например, красные платочки для крестьянок (примечание: «неужели и это благотворительность?»). А в заключение спектакль и ужин в клубе, оживленная за столом беседа.

— Кто здесь раньше жил?

— Сам хозяин пировал, а теперь мы, рабочие и крестьяне.

Вечер кончается танцами. Крестьяне вместе с рабочими пляшут русскую и водят хоровод.

Уезжая, оставляют письмо за подписями 43 крестьян:

«Великий, мощный Красный Петроград, прими привет от нас, крестьянок Лодейнопольского уезда, прибывших к тебе в гости. Много мы слышали о Красном Питере, но таким увидеть, как увидели, не ожидали. Посетив музеи, ряд фабрик и заводов, мы убедились, что Петроград живет. Мы увидели, что работа у станков чуть ли не в сто раз тяжелее нашей крестьянской. Теперь мы убедились, как крепнет пролетарий и вся наша Советская Республика».

Книга заканчивается сводкой, выводами результатов шефства. Приведя перечень материальных средств, полученных деревней от шефов, автор говорит:

«Результаты шефства с качественной стороны еще более значительны. Это — укрепление и создание новых, живых, небы-

вало прочных связей между рабочими и крестьянами, хозяйственное, политическое, культурное, бытовое сближение, смычка между городом и деревней, подъем общего культурного уровня деревни».

В своем заключении автор говорит:

«Партии остается всерьез заняться шефским движением, развить, расширить шефство как всестороннюю добровольческую помощь рабочих масс города работникам деревни».

Своими значительными выписками из книги тов. Карпинского и, несмотря на сравнительную детальность разбора книги, я все же стремился не просто дать понятие читателям о книге, а именно заставить их познакомиться с ней непосредственно, — безусловно, она заслуживает этого. Отличительной чертой книги служит редкая проработанность поставленного автором вопроса, напоминающая работу старых немецких авторов.

Для меня не подлежит сомнению, что книга Карпинского «Электрификация голов» («Вопросы шефства над деревней») должна быть настольной книгой шефов.

«Беднота» от 19 апреля 1924 года, № 1795.

ПУТЬ К САМООБРАЗОВАНИЮ ДЛЯ РАБОЧЕГО И КРЕСТЬЯНИНА.

Вопрос, поставленный редакцией «Помощь Самообразованию», в высшей степени интересный. Чем дальше укрепляется Советская власть, тем чаще я также задумываюсь над ним. Именно: каким образом широкие рабоче-крестьянские массы могут добиться знаний. Собственно говоря, не знаний, а в широком смысле слова — просвещения, ибо под знанием я подразумеваю изучение какой-нибудь специальности, под просвещением же — развитие общего образования, культурности.

Сейчас ко мне приходят десятки приехавшей из провинции молодежи. стремящейся поступить в высшие, средние и специальные заведения. Мне вспоминается, что и я думал, что приобрести знание можно только через поступление в школу. А теперь для меня ясно, что в школу могут попасть только отдельные лица, — в особенности в высшую школу, — вся же огромная масса стремящихся к знанию, несомненно, останется за дверьми школы, она должна будет довольствоваться внешкольным образованием, или, по крайней мере, отложить его на несколько лет. А молодежь, не попавшая в школу, считает себя почти совершенно отрезанной от знаний и вместе с тем от наиболее полезного служения родине.

Как я получил образование в деревне.

Свое образование, или правильнее — развитие, я начал с сельской школы; учителем был крестьянин-старик, который получал что-то около рубля или меньше за зиму ученья с каждого ученика, и, насколько я помню, его поочереди кормили. Всего учеников было человек двадцать. Школа помещалась у одинокого старика в большой черной избе. Расставили несколько столов, скамеек — и школа готова.

Учился я по церковно-славянской азбуке, большинство же — по русским азбукам. Ученье шло самым первобытным образом:

все двадцать человек читали вслух, каждый свое, получался непрерывный гул.

В такой школе я пробыл месяца три, выучил буквы, двойные и тройные слоги и уже стал складывать слова.

На следующую зиму я имел возможность уже поступить в настоящую школу, в земское народное училище, где курс был четырехлетний. Там я на ученье набросился, как голодный на еду. С осени до рождества я прошел два класса — младший и полусредний, и вступил в средний.

Как только научился читать, так и набросился на книги школьной библиотеки, которая в большинстве состояла из религиозных книг, главным образом, из житий святых. За два года я окончил школу и вместе с тем прочитал школьную библиотеку. К концу мне учительница стала давать кое-что из собственных книг. Летом, хотя было и некогда читать постоянно, я все-таки урывками прочитал несколько книг из библиотеки соседнего помещика.

Таким образом, после окончания сельской школы я уже довольно сильно пристрастился к чтению, и у меня было большое желание учиться.

Учение в Петербурге.

Питерская обстановка нельзя сказать, чтобы меня поставила в очень благоприятные условия в смысле обучения, но все-таки я был мальчиком в семье, где было много учащихся, которые, со своей стороны, стремились итти навстречу моему желанию учиться, и даже, насколько помню, некоторые давали мне уроки. во всяком случае, помогали мне в том, в чем они сами разбирались. Затем они меня снабжали в достаточном количестве необходимыми книгами.

По приезде из деревни в Петербург я набросился на газеты и более всего на «Новое Время», потому что оно именно было «новое время». Я думал: вот это-то новое мне и требуется,— знать, что делается сейчас в мире. И в газетном материале меня больше всего интересовали отделы дипломатии и политический *): Разумеется, мое ученье было в высшей степени бессистемно **).

*) Т.-е. те части газеты, где говорится о сношениях русского правительства с иностранными государствами (дипломатия) и о направлении внутренней жизни государства (политика).

**) Без определенной цели, без плана.

главным образом, читал то, что попадется под руку и что было в библиотеке моих господ. Между прочим, с очень раннего возраста я стал знакомиться с нелегальной литературой *), как «Полярная Звезда», «С того берега» — Герцена и другие революционные подпольные издания. Но мое мировоззрение было очень умеренно, оно было умереннее, чем у моих господ. Из легальной **) литературы, пока я жил у Болтовских мальчиком, я прочитал русских классиков ***) почти полностью и целый ряд научных трудов, как «Жизнь животных» Брэма, Джона-Стюарта Милля и т. д. Одним словом, учение шло врассыпную, от философии ****) до беллетристики *****), и когда я поступил на завод,— литературно был уже довольно грамотный.

На общественную дорогу.

В заводе общественная жизнь у меня началась с того момента, как я встретился с туляками-рабочими. Это была молодежь, приехавшая из Тулы и поступившая на работу на Путиловский завод. Они там были в воскресной школе, кое-кто побывал в нелегальных кружках, читали, главным образом, народническую ******) литературу, как Глеба Успенского, Слепцова, Златовратского и т. д. Наша встреча как бы столкнула две культуры *******) я был знаком с русской классической литературой, но зато был слаб в народнической, туляки обратно — они мало были знакомы с нашей литературой, зато хорошо знали народническую.

---

*) Т.-е. с книгами и журналами, издававшимися революционными организациями тайно от царского правительства.

**) Свободно обращавшейся с разрешения царского правительства.

***) Русские классики, это — образцовые, лучшие русские писатели прошлого времени: Пушкин, Гоголь, Лермонтов и др.

****) Философия — наука об основах познания: философия обнимает все человеческие знания, объединяет все науки.

*****) Беллетристика иначе называется художественной, изящной литературой: это — романы, повести, рассказы.

******) Народники — общее название политических партий (народные социалисты, социалисты-революционеры и другие), которые утверждают, что Россия придет к социализму своим особенным путем, без развития капитализма и пролетарской революции, а путем постепенного развития крестьянской общины. Народники отражают взгляды мелкой буржуазии — кулаков, владельцев небольших заводов и мастерских, торговцев и т. д.

*******) Культура — умственное развитие.

При взаимном обмене мы сорганизовали кружок, библиотечку, как легальную, так и нелегальную, которую составляли из ежемесячных взносов. Около этого же времени, также через туляков, мы завели связь с нелегальной организацией, с РС-ДРП *), которая присылала нам пропагандиста **), с которым у нас были занятия месяцев восемь-девять регулярно ***). В тот же период времени я посещал техническую вечернюю школу, которую и окончил.

Затем с каждым годом начал принимать все большее и большее участие в политической работе, и в 99-м году я был арестован и сделал первую высидку в десять месяцев.

В тюрьме человек располагает большим временем: здесь работать не только не заставляли, но политикам даже было запрещено, и поэтому эти десять месяцев были целиком посвящены, если можно так выразиться, на просвещение. А потом так, год за годом обучение, или, вернее — самообразование идет параллельно течению жизни.

Недостатки и достоинства самообразования.

Теперь, если бы мне задали вопрос: чего мне нехватает в области просвещения, я бы ответил: в двух предметах ощущаю недостаток — незнакомство с иностранными языками и плохое знание русского языка. Все остальные предметы в практической жизни мне, по крайней мере, не так были необходимы. Что касается знания русского языка, я считал бы крайне необходимым лучше знать русский язык, ибо в конечном счете только тогда будет ясна собственная мысль, когда ты будешь уметь излагать ее в простой и ясной форме. А если ты хочешь еще влиять и на окружающих, — желание вполне законное вступающего в жизнь человека, — то этого можешь достигнуть только тогда, когда будешь уметь облекать свои мысли в яркую, общедоступную речь. Вот почему я считаю знание русского языка крайне необходимым каждому культурному человеку.

---

*) РС-ДРП — начальные буквы названия Российской Социал-Демократической Рабочей Партии; так называется ныне партия русских меньшевиков, так же назывались до 1918 года и большевики,

**) Так называли в те времена развитых партийных товарищей, которые помогали в занятиях самообразованием менее подготовленным товарищам.

***) Регулярно — постоянно, в заранее намеченные сроки.

При современном тесном международном общении, когда Москва делается священным местом для революционеров всех стран, незнание общеупотребительных европейских языков лишает тебя непосредственного общения с другими народами. Возможно, что другие, прошедшие такую же приблизительно школу, на практике ощущают недостатки в других областях. Несомненно, хозяйственник, вероятно, больше нуждается в математике или, по крайней мере, в знании арифметики. В период своей юности я любил заниматься и математикой. Каждый вечер, как ложиться спать, я решал одну-две задачи по геометрии, алгебре или арифметике. Но все-таки после окончания мною вечерней школы у меня очень мало осталось в голове сведений из математических наук; но вполне возможно, что работа по математике способствовала развитию вообще.

Сейчас, — да это было и раньше, — идет огромный напор молодежи к высшему образованию, это очень хорошая черта, но тем, которым не удается проскочить сквозь игольные уши в высшую школу, я бы не советовал разочарованно падать духом. Я считаю, что если вы стремитесь к образованию не с корыстными целями, т.-е. не думаете быть инженером, врачом или педагогом — профессии, требующие предварительного общего образования — в остальных простых профессиях можно общее образование растянуть на ряд лет, по необходимости превратив его в самообразование.

Наиболее отрицательная сторона самообразования и обучения по разным вечерним, заводским и т. п. курсам есть бессистемность. Человек разбрасывается и делает много лишнего, но зато у него развивается жизненная энергия, воля, что само по себе представляет величайшую ценность.

Затем, мне кажется, наступит время, когда в общественном мнении должен произойти известный поворот в сторону уравнения в глазах населения всех профессий: сапожник столь же необходим, как и врач.

Если прежде изучение этого ремесла ничего не стоило государству, ибо малыш, предполагаемый сапожник, продавался в рабство на пять-шесть лучших юных лет, — в настоящий момент рабоче-крестьянское государство не может позволить столь жестокого издевательства. Профессиональное обучение ремеслу гораздо повысилось в стоимости, хотя бы уже потому, что принимают в ученики только по окончании первой ступени. С другой стороны, расходы на высшее образование почти под-

ностью берет на себя государство, поэтому в заработок будущих работников с высокой квалификацией не будет входить возврат за расходы, понесенные ими на образование. Значит, с течением времени должно будет сближаться и соответствующее вознаграждение за труд. Все это я веду к тому, чтобы не расшибали лбы, стремясь во что бы то ни стало получить высшее образование.

«Помощь Самообразованию», №№ 2 — 3 за 1924 год.

В БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

1.

«До пролетарской революции башкирский народ не представлял из себя равноправных граждан России; лишь пролетариат уравнял башкирский народ со всеми гражданами, и не только уравнял, но и наделил его автономным управлением...»

Этими словами председатель БашЦИК'а тов. Кушаев, произносящий свою речь на башкирском языке, открывает при торжественной обстановке, в присутствии многочисленных делегатов, 4-й башкирский съезд советов.

В порядке дня съезда, на ряду с другими, стоят три важнейших для Башкирии вопроса: доклады наркомзема, наркомфина и наркомпроса.

Пролетарская революция, освободив башкир политически, по независящим от нее причинам до сих пор почти ничего не могла сделать в области улучшения их материального положения.

Революция, наградившая крестьян помещичьими землями, лишила их, вследствие национализации лесов в горно-лесных, наиболее бедных кантонах, лесной, т.-е. самой ценной в этих районах части земельного надела. И вот перед земельными органами стоит задача: на основании лесного кодекса возвратить леса местного значения крестьянам.

Главной задержкой возвращения этих лесов в Башкирии является отсутствие денежных средств на межевые отводы. Но нужда в лесе у крестьян столь велика, и этот вопрос столь важен, что башкирскому правительству необходимо в кратчайший срок изыскать эти средства.

Нелегко это, разумеется; финансовые вопросы — это больные вопросы Башреспублики. Да и не может быть иначе, если вспомнить, что граница Башкирской республики окончательно закреплена лишь год с небольшим тому назад: правительственные

органы из Стерлитамака переехали в Уфу только после определения этой границы; крестьяне сильно разорены гражданской войной и голодом 1921 года. Конечно, при таких обстоятельствах нельзя было добиться удовлетворительного положения вещей в финансовой области. И все-таки на этом съезде советов Башсовнаркомом был внесен на обсуждение ориентировочный бюджет Башкирской республики на предстоящий год. Это показывает, что республика, преодолевая стоящие на пути ее развития препятствия, постепенно переходит к плановой работе.

В очень тяжелом положении находится также дело народного образования, но тем не менее в этой области заметны уже довольно большие достижения. Лишь Советская власть дала возможность забитому башкирскому народу видеть сейчас своих детей не только в начальных школах, но и в школах второй ступени, в совпартшколах, в различных профессиональных учебных заведениях и в вузах, о чем прежде, при царизме, нельзя было даже и мечтать.

Общее положение Башкирской республики было освещено исчерпывающим образом в докладе предсовнаркома тов. Халикова. Он с цифрами в руках нарисовал яркую картину экономического и культурно-политического состояния автономной республики. Чтобы не усложнять статью цифрами, я приведу лишь некоторые из них, имеющие общее значение.

Так, например, в 1917 году рабочих лошадей на территории Башкирии насчитывалось 976 300, а в 1922 году — 333 900 голов. К 1923 г. было ввезено на государственные средства совместно с сельско-хозяйственной кооперацией до 5 377 голов. Крестьянство само, при поддержке власти, ввезло 14 500 голов. Ввезенные лошади сильно послужат восстановлению коневодства, так как из них более 50 проц. маток. За это время молодняка подросло до 60 000 голов, что значительно подняло конский состав.

Интересны данные о распространении сельско-хозяйственных машин и орудий. Машин с госсельсклада было выдано в ссуду и продано запасными частями и прочими мелкими предметами на 71 561 рубль золотом, помимо помголовских, которые распределялись на более льготных условиях, а именно: при выдаче машины брался задаток в размере 10 проц. ее стоимости, а остальная сумма засчитывалась в ссуду от 2 до 5 лет. Выплата за машины Последгола производится рожью по цене 80 коп. за пуд.

Последголовских машин распределено по республике 57 728 зол. руб. следующим образом: плугов разных — 910, борон — 243, жнеек — 46, сеялок — 111, молотилок — 35, веялок — 6 и соломорезок — 6.

Методы распределения последголовских машин, мне кажется, могут служить образцом возможного в будущем распределения нашего государственного запаса сельско-хозяйственных машин, с тем, чтобы возможные убытки от этого распределения государство взяло на себя.

Работа съезда протекала в высшей степени дружно, и все решения принимались единогласно или подавляющим большинством голосов.

2.

Воспользовавшись своим пребыванием в Башреспублике, я объехал некоторые ее районы.

Между прочим, по настоянию местных товарищей, я отправился в Тамьяно-Катайский кантон — в башкирскую деревню, куда надо было ехать около двухсот верст по сибирскому пути, а затем, со станции Запрудовки, 138 верст по узкоколейке.

Узкоколейка идет по очень красивой местности, пересекая ряд высоких гор, по которым поезд то карабкается вверх, то с большим трудом, на тормазах, спускается вниз. Высота уклонов гораздо выше, чем принято по нормальному ширококолейному пути.

По обеим сторонам обычный уральский вид: горы, заросшие лесом, лощины, покрытые значительным покровом снега.

Состав поезда был направлен непосредственно на территорию завода, откуда мы на лошадях проехали в заезжий дом завода.

Условившись с товарищами устроить митинг на Белорецком заводе вечером, мы в час дня с заезжего дома на лошадях направились в Катайскую волость, Тамьяно-Катайского кантона, отстоящую от Белорецка в 22 верстах.

На одиннадцатой версте из деревушки, опирающейся концом на тракт, выбегает толпа человек в 20 — 25 башкир с красным флагом, крича «ура» и махая флагом.

Остановились. Один из пожилых башкир выступил с приветственной речью.

В толпе были представители всех возрастов и среди них человек пять-шесть пожилых типичных башкир, с черными.

М. И. Калинин у буденовцев в 1923 г.

как бы прикрепленными, бородами в овчинных белых тулупах с открытыми воротами. Молодой, невысокий, коренастый башкир, похожий на красноармейца, держал красное знамя, ребята жались от холода.

В официальной речи было упомянуто, между прочим, и о нуждах деревни. Продналог выполнен в 60 проц., но деревня бедна, просит отложить сбор семенной ссуды на следующий год и помочь населению в приобретении лошадей. Один пожилой башкир настойчиво, с убедительностью, не терпящей возражения, говорил:

«Лошадь надо, мы не можем жить без лошади, нам без лошади нечего делать, нам надо лошадь купить, мы не можем жить без лошади», — повторял он много раз.

Я глубоко сознавал его правоту и понимал его настойчивость. Действительно, крестьянство Урала тесными узами связано с вспомогательными работами при заводах, а эти работы надо выполнять как-раз с лошадью, и отсутствие лошади ставит их в очень тяжелое положение.

Вот почему в словах башкира слышалась убежденность, правота в своем требовании к власти о необходимости дать ему лошадь.

Минут через десять тронулись дальше. Я очень сожалел, что не мог обещать удовлетворения потребности башкир в лошади, но секции по восстановлению сельского хозяйства при комитете содействия сельскому хозяйству и другим органам придется итти на помощь разоренному башкиру.

Деревня Серменово, Катайской вол., — место нашего назначения, — разделенная на четыре улуса, имеет две мечети; есть довольно много хороших домов; направо на горе великолепный дом с пристройками — бывшая резиденция земского начальника, сейчас — детский дом на 250 человек.

Как и всегда, приехали врасплох, хотя кантонные власти уверяли, что в деревне ждут нас. Нас, действительно, ждали, но на другой день и почему-то в 8 часов утра.

Заехали к председателю волсовета. Пожилой, зажиточный крестьянин. Изба разделяется на две части, в обеих очень чисто. В первой комнате камин с горящими встойку дровами, и сзади камина котел для согревания воды; во второй — русская печь и широкие нары вдоль передних окон, покрытые домотканным ковром. На одном их конце лежат свернутые кипой домотканные красивые ковры, подшитые частью войлоком и мехами. Это — постельные принадлежности, очевидно, всей семьи, а воз-

можно и приданое, — слишком оно новым выглядит для ежедневного употребления.

Собрание происходило в волисполкоме, который, между прочим, к нашему приезду, в 3 часа дня, был закрыт.

Собралось человек 120 — 150. Впереди стояли и сидели старики. Говорил один из молодых башкир, который изложил все башкирские нужды. Они, по существу, не расходятся с общими нуждами крестьян других мест: сельхозналог, семенная ссуда, нужда в школах и т. п.

Собравшиеся вели себя довольно сосредоточенно, выступающих было мало, уловить настроение, самое больное место, было чрезвычайно трудно.

Объяснялось это тем, что руководящая часть собрания была слишком однообразна: впереди сидели ряда в два-три старики в невыделанных тулупах, вся же молодежь была сзади, ее не видно было из-за темноты, и она не могла наложить на беседу своего отпечатка.

Крестьянское собрание бывает оживленным лишь тогда, когда в нем участвуют женщины и молодежь, которые своим оживлением заражают и пожилую мужскую часть, обычно более инертную.

Башкирская деревня по своей внешности не отличается от русской деревни: окна выходят на улицу; дома в большинстве покрыты тесом, сзади дома — дворы сибирского типа с навесами, как у нас в трактирах. Мне кажется, что они менее удобны, чем наши северные.

Зашли в избу бедной башкирки. Избушка аршин шесть на шесть, дверь наравне с землей, идет прямо с улицы, в комнате по двум стенам идут нары, на конце лавки, у стены, стоит небольшой столик, за ним, облокотившись, сидит пожилая башкирка, к нам спиной. Так и не повернула к нам головы, пока мы там были. Недалеко от нее на лавке сидит девочка около 13 — 14 лет, а около нее от пола до потолка был укреплен к лавке нетолстый столбик, к нему веревочкой был привязан клочок льна, и валялось веретено с намотанной пряжей. Это пряла девочка, единственный работник всей семьи. Можно себе представить их заработок. Спрашиваю: — «Какая у вас семья?» — «Мама и я, отец умер в прошлом году. С нами живет еще красноармейка; живем, пробиваюсь», — отвечает она мне.

В комнате, кроме печки, двух лавок и маленького столика, ничего нет. Мне было немножко стыдно врываться в поме-

щение; ребятишки, как всегда, бежали впереди и в избе стремились наперебой друг перед другом рассказать все, что связано с владелицей этой хибарки, безучастно сидевшей к нам спиной.

Зашли к среднему крестьянину. «Самого» не оказалось дома, уехал в Белорецк на заработки. Десятилетний мальчик, ученик башкирской школы, охотно рассказывает о своем богатстве. Пришла мать, которая также оживленно вступила в разговор. Внешность помещения здесь была средняя между хатой бедной старухи и избой председателя волисполкома, где мы остановились.

Вечером в одном из свободных помещений Белорецкого завода состоялся рабочий митинг. Рабочие столь заброшенных в глушь заводов не избалованы гастролерами из центра; наш приезд, пожалуй, явился первым таким случаем. Уральский рабочий наполовину является крестьянином. На митингах он слушает сосредоточенно, сохраняя полную тишину. Тяжелый труд металлурга, литейщика, дровосека или выжигателя угля накладывает свой отпечаток.

После митинга местные товарищи настояли на осмотре производства и, хотя некоторые цехи были уже остановлены, мы все-таки прошли по ним. Между прочим, гвоздильный трест оборудован великолепными немецкими станками.

Цех свою работу приостанавливает: нет сбыта и дорога продукция. Машина оказалась убыточной, в виду своей сложности. Из четырех мартенов два в работе.

На обратном пути заехали в Катав-Ивановский завод. На эти заводы, по словам рабочих, также никто раньше не заезжал. В действии находятся: одна домна, дающая четыре тысячи пудов чугуна в день, механический цех для обслуживания южноуральских заводов и цементный завод. По словам руководителей, завод имеет некоторую прибыль и шансы на дальнейшее развитие.

Митинг происходил в заводском клубе, на втором этаже какого-то мрачного здания. Большое продолговатое помещение было плотно набито рабочими.

В своей речи я коснулся слабости оборудования наших заводов и, вследствие этого, их слабой производительности. Председатель собрания в заключительной речи реагировал очень нервно на это замечание, говоря, что, «конечно, тов. Калинин видел много заводов лучше нашего, но мы также стараемся на экономическом фронте принести посильную помощь республике». Чтобы не вызвать недоразумения, я внес поправку, что считаю

слабо оборудованными все заводы, их же завод оборудован не хуже других.

6 декабря утром выехали по железной дороге на ст. «Иглино»; в полутора верстах расположилось богатое село Иглино, где находится и волисполком. Село большое, имеет много различных организаций — от комсомола до пожарной дружины. Порядочный народный дом, человек на триста, где своими силами дают от одного до двух спектаклей в неделю.

Собрание происходило в народном доме, народу набилось вплотную, преобладали зажиточные. Между прочим это естественно: у бедняка иногда не имеется одежды, чтобы отправиться делегатом на волостное собрание; затем волостные села, типа Иглино, имеют достаточно большой контингент бывшей «знати» — властей, торговцев, кулаков и просто служилого и прислуживающего элемента, который прежде задавал тон на всех крестьянских собраниях. Они и сейчас принимают большое участие на всех, особенно на официальных, собраниях. Большой процент их служит в советских, кооперативных и т. п. учреждениях. Но при случае они не прочь всегда подставить ножку Советской власти. Из Иглино бежало с белыми 30 домохозяев. Большинство возвратилось.

Когда собрания происходят на улицах, на выступления таких типов реагирует «галерка»; смотришь, в самом патетическом месте его речи о трудности настоящего положения из толпы раздается голос: «Полно петь Лазаря-то, знаем, как обирал, обвешивал народ, а теперь прикидываешься несчастненьким». Такой голос жалобщиков заставлял замолкать: они понимали, куда подует ветер, если разоблачат их «вчерашний» день.

После официальных речей выступает крестьянин Грузо́дов с жалобой на лесничество и другие дефекты Советской власти. Человек, видимо, искренний и политических целей своим выступлением не преследующий. За ним идет Иванов, говорит недурно, довольно умно, в своих выводах бьет дальше, чем кажется внешне. Когда была поставлена на голосование резолюция, Иванов сделал такое заявление: «Тов. Калинин не вполне понял наши просьбы, и поэтому его речь в некоторых местах является для нас тоже непонятной. Я бы в резолюцию внес несколько поправок, но так как тов. Калинин торопится уезжать, то я их вносить не буду».

Спрашиваю: «А кто это Иванов?». Мне говорят: «Бывший эсэр... Одно время был делопроизводителем у судебного следо-

вателя, теперь работает по крестьянству». Другие выступления были обычными: Кириллов жаловался на дороговизну выписок из загс'а для новорожденных, умерших и брачущихся. По-моему, он прав: очевидно, Башреспублика в этом налоге переборщила. Между прочим, Кириллов заявил, что он лишен права голоса. может ли он здесь говорить. Объясняю, что лишение избирательного голоса не есть лишение права говорить... «А за что вы лишены?». — «Да я являюсь председателем церковной общины». Другие подсказывают: «церковный староста». По закону они права голоса не лишаются. Но в церковных старостах вообще бывают кулаки и преимущественно крупные, поэтому твердой надежды я не дал, что ему будет возвращено избирательное право, поручив разобрать вопрос в кантонном исполкоме.

Выступление Маслова касалось кооперации и выгодности условий сельско-хозяйственного кредита. Он, по существу, прав: действительно, плата за кредит при падающей цене на сельскохозяйственные продукты очень разорительна для крестьянина. Выступали несколько раз одни и те же ораторы; Иванов выступал четыре раза. Но, к сожалению, ограниченность времени не дала возможности полностью выявить настроение аудитории.

Состоятельный крестьянин захватил трибуну. Из всех выступающих только один Ерохин является середняком. Его речь была на общественность.

Середняк, бедняк всегда идут на трибуну последними, их надо туда вызвать, для чего я как раз и не имел времени.

В Башреспублике, видимо, остались прочные корни эсэровщины. Возможно, что в пригородных деревнях эсэровщина разнесена в свое время уфимскими жел.-дорожными мастерскими, которые прежде были цитаделью эсэрства. Между прочим, в мастерских в настоящее время настроение исключительно хорошее. Речь была выслушана с большим вниманием и благожелательностью. Когда я кончил речь и пошел к себе в вагон, то, проводив меня до самого вагона, один рабочий просил дать ему номер эсэровского журнала «Воля России», откуда я цитировал статью Чернова. Спрашиваю: «Вы что, эсэр?».—«Да, прежде немножко считался». По-моему, было бы выгодно дать ему 17 и 18 номера журнала, но они мне самому были еще нужны, и я не мог удовлетворить его желания.

«Известия ЦИК СССР и ВЦИК», от 13 декабря 1923 г., № 285 (2022).

В ТУРКЕСТАНЕ.

1. Узбекистан.

Среди русских распространено мнение — в котором много легендарного — о наших восточных окраинах, и отсюда желание посмотреть оригинальную, непохожую на нашу, жизнь людей, населяющих Азию. Вполне естественно, что желающих ехать со мною было хоть отбавляй. 29-го января я отправился на Узбекистанский съезд партии и советов в Бухаре.

До Ташкента дорога тянулась обычно, как железнодорожное передвижение. Начиная с Самары начались непрерывные степи до Оренбурга. Сначала степи носили равнинный характер. Перед глазами сплошная белая пелена, ограниченная горизонтом. Начиная с Оренбурга степь приняла волнистый вид, целые пространства покрыты частыми кочками, как-будто едешь бескопечным болотом с редким, мелким кое-где лесом, — это знаменитый пустынный саксаул. Все покрыто небольшим слоем снега, скрывающим, что кочки являются не нашими кочками, а наметенными песком.

По степи бродят стада верблюдов, барашков и редко несколько лошадей. Я допускаю, что верблюд может найти себе корм, ибо повсюду видны колючки, которыми он и питается, но как барашки себе отыскивают корм, трудно себе представить. От Оренбурга до Ташкента дорога идет по совершенно пустынной местности, если не считать небольшие стада верблюдов и их пастухов.

Железнодорожные станции на сотни верст, пожалуй, являются наиболее людным поселком и культурным жилищем человека, но и станции носят отпечаток своей принадлежности именно к железной дороге, а не к окружающим условиям. Как-то сама напрашивается мысль: приостановись движение поездов, и в десяток лет пустыня своими песками скроет и предаст забвению работу человека на вечные времена.

Многотысячная народная встреча в Ташкенте как бы возвращает путешественника в культурное общество. Но когда знакомитесь более детально с городом, замечаете, что в Ташкенте впервые лицом к лицу встречаются две культуры: одна — молодая, идущая с Запада, другая, насчитывающая за собой тысячелетия, смотрит с Востока. И как бы ни был человек предрасположен к заслуженной старой восточной культуре, справедливость заставит его отдать предпочтение молодой, западной.

Европейская часть Ташкента — Новый Город — является действительно красивым городом-садом: широкие улицы, мощеные или шоссированные, по краям улиц идут канавы, обсаженные тополями, в жаркое время по канавам пускается для охлаждения воздуха вода. Красивые одноэтажные дома, скрывающиеся в деревьях. Пожалуй, туркестанские города в своей европейской части являются предтечами будущих городов.

Восточная часть туркестанских городов представляет, по определению Семенова-Таньшанского, богатейший материал отдаленного исторического прошлого. Когда знакомишься с восточным городом, бросается в глаза именно его ценность только историческая, а не настоящая, житейская, удовлетворяющая хотя бы в слабой степени.

Я не буду говорить о Старом Ташкенте. Он является менее типичным городом Востока, чем Бухара, более яркая представительница старой восточной культуры, — недаром ее зовут «Священной Бухарой». По словам знающих Восток, Бухара занимает там место прежней Москвы в России. Время основания города неизвестно, история начинается с первых веков нашего летосчисления. И вот, за время более 2-х-тысячелетнего существования сейчас город представляет лабиринт узких улиц-переулков, тупиков, где с трудом разъезжаются два извозчика.

В нашем понятии это не улицы, а самой причудливой формы коридорчики, начало которых совершенно не говорит, каков будет конец. Общее их, это — невысокие глинобитные стены, примерно, в два наших этажа, с обеих сторон. Попадаются ниши, в которых, как изваяния, стоят туземцы, спокойно пережидая проезда экипажа, или старая деревянная калитка, из которой выглянут несколько лиц, — и снова бесконечная стена, обрываемая в ту или другую сторону новым таким же коридором.

Ряд караван-сараев и крытых базаров, где небольшие ларьки, как у наших народных рынков, прижавшись плотно один к другому, торгуют решительно всем; много кустарей, одиноко на виду

работающих и вместе тут же продающих свои изделия. Обстановка и ассортимент продаваемых товаров бедны — близки к нашей Сухаревке. В настоящем году бухправительством построены новые торговые ряды: это — сплошная кирпичная стена, аршина 3 шириной, и с обеих сторон идут ниши — углубления в стены, аршина 2 внутрь стены, квадрат — аршина 3 высоты на 3 ширины. Это лучшие торговые постройки в городе. На площади, куда выходит бывший эмирский дворец, только что отстроен новый театр, пожалуй, лучшая постройка города, где и происходили съезды партии и советов, — это первое использование театрального здания.

Город окружен сплошной стеной, в которой 12 ворот, закрывающихся с 10 часов вечера, кроме вокзальных, где каждый выходящий должен иметь пропуск. Ключи от остальных ворот в исполкоме. Ворота открываются в 6 часов утра.

В Бухаре масса мечетей, из них много старых. Мечети представляют интерес лишь с архитектурной стороны. Внутренность их крайне скромна, да по существу в мечети и нет внутренности. Огромное здание, состоящее из сводов, порталов, ниш и навесов, вымощенная внутренность двора — в совокупности и является храмом. Никаких украшений и побочных предметов, кроме ниши или кафедры для муллы. Несмотря на то, что в мечетях наиболее полно выявилось строительное искусство, они не выделяются особенно ярко от глинобитной массы, как христианские церкви. Наоборот, в огромном большинстве сливаются с ней.

Хочешь уловить город, его особенности, как бы его внутреннюю сущность, и не можешь. Пульс общественной уличной жизни бьется лишь на базарах, на остальных улицах путники, как бы случайно застрявшие, стремятся скорей выбраться. Но и на базарах за кажущейся шумностью проглядывает медлительность как правило, ибо в каждой лавчужке почти как в забытьи сидит человек, бесстрастно ждущий покупателя. Что характерно, — не оживляют базара женские толпы. Их вообще на улицах мало. Закрадывается невольное мнение, что действительный-то город не на базарах и уличках, а там, внутри глинобитных бурых стен. Но скорей всего и там ее нет. Нет, по крайней мере, в той степени и формах, какие мы привыкли видеть в европейских городах.

С Востоком у нас в недавнем прошлом связано представление о громадных пространствах, особой, лишь свойственной

Востоку, мудрости; миллионных массах народа и несметных богатствах, скрытых у правителей восточными народами. Пожалуй, это мнение не самостоятельно создалось на Западе, а также пришло с Востока. Когда осматриваешь сейчас поверхностно жилища эмира бухарского, дворец кокандского хана, бросается в глаза их примитивность, полная неприспособленность хоть к скромному уюту и бросающаяся в глаза декоративность. А в общем, если судить европейским масштабом, — грубость и бедность. Чувствуется, эти здания строились не для выполнения желаний эмира или хана, они сами являлись придатками к этим зданиям.

Общая нищета, придавленность, исключительная восточная бедность действительно многомиллионных масс в своих грезах наполняла, увеличивала богатство своих ханов до фантастических пределов. А в действительности работа восточных народов, хотя бы Туркестана, настолько примитивна, что не могла создать действительных богатств. И, мне кажется, наполнение сказочными богатствами истории восточных городов есть также фантазия. Судя по Бухаре, главным богатством ее являются здания, уже созданные советским правительством, как театр, торговые ряды, строящееся здание университета, рабочий поселок и т. д. Можно смело сказать, — это самое (из материальных ценностей) ценное в Бухаре. Вот вам и восточные богатства.

Еще более в этом убеждаешься, когда знакомишься с бухарской деревней. Первое впечатление от нее — бедность и примитивность быта.

Деревня, в которой мы были, находится в 12 верстах от Бухары. По обеим сторонам дороги идут обычные лоскуты, квадратами, обрабатываемой поливным способом земли, или же заросли леса, а то высокий камыш - тростник. Параллельно дороге то и дело выбегает арык, который часто пересекаем. Повсюду видна заброшенность и разбитые, оставленные хозяйства, которые напоминают о своем существовании поломанными глиняными степами и кучами бурой глины от жилищ. Некоторые участки обнесены тополями, кое-где полоски озимой пшеницы. Дорога тяжелая, грязная, народ на лошадях и ослах (преимущественно верхом) идет непрерывной вереницей.

Кишлак раскинут по обеим сторонам дороги. На улицу также выходят глинобитные сплошные стены, над многими домами во втором этаже обозначены фальшивые окна, закрытые для маскировки ставнями. Улица широкая, грязная и сравни-

тельно пустынная, во всяком случае женщины ни одной не видно. Нас ожидала толпа человек в 250—300, преимущественно пожилых. Женщины ни одной. Здесь же самостоятельно стоял комсомол со знаменем, человек 25 — 35. Пришлось разместиться около небольшого помоста, значительная часть декханства стояла поодаль, как бы ожидая, что-то будет.

Беседа вначале налаживалась довольно туго. Каждое слово приходилось от крестьян вытягивать как бы насильно, но потом люди все больше втягивались в разговор и когда пришло время уезжать, обе стороны находили еще много вопросов, которые было бы желательно обсудить. Главная трудность разговора, конечно, разность языка. Как бы ни были хороши переводчики, все-таки перевод есть перевод, и главное, ты не можешь уловить интонации голоса, невольные восклицания, выражение лица оратора и т. д. В свою очередь, и ты не можешь непосредственно влиять. Переводчик по-своему делает ударения и, вероятно, очень часто вопреки тебе, в другом месте. Например, тебе хочется немного аудиторию возбудить, затронуть такой вопрос, который у нее является больным, на который она нервно реагирует. Ясно, такой вопрос можно задеть очень осторожно, настолько, чтобы аудитория насторожилась, но не вышла из себя, что, разумеется, с переводчиками очень трудно. Когда я был в Крыму в татарской деревне, там среди толпы много знающих язык, и малейшее отклонение переводчика поправляется и дополняется прямо восклицаниями из массы. В Бухаре крестьянство совершенно не знает русского языка. Но все-таки, как сказано выше, публика разговорилась. Главной темой, очевидно, темой больной, является басмачество. На какой бы вопрос крестьянин ни отвечал, он не оставит незатронутым басмачество. Слишком оно доняло и надоело крестьянам. Сейчас оно приняло форму мелкого разбойничества, крайне разорительного для декханства. Следующим по остроте, пожалуй, стоит вопрос о просвещении. И действительно, когда я просил поднять руку грамотных, поднялись три руки, не считая муллы и председателя кишлака. Но крестьянство уже глубоко сознает необходимость грамоты и потому в своих речах постоянно напоминает об открытии школ.

Быт бухарского крестьянина с внешнего, поверхностного взгляда, гораздо ниже русского. С улицы мы выходим в калитку, проходим небольшой коридор, попадаем во двор, где стоят несколько ишаков, 4 — 5, и коров штуки 3 — 4. Дворы похожи

на дворы постоялых дворов у нас, т.-е. скотина ставится под внутренним навесом двора без крыши. Проходим еще несколько двориков, где разбросаны жилые помещения.

Жилой комнатой является квадратная мазанка из глины, аршин 6 на 6, в которой одна или две калитки. Никаких окон или оконных отверстий. В комнате небольшой сундучок, кипа ковров с одеялами и небольшое углубление на полу для варки пищи. Женщин и детей нет, очевидно, спрятались. Судя по количеству скота, надо причислить хозяина к середнякам, а возможно — и выше, а так, по инвентарю, по домашнему благоустройству, по одежде — удивительная примитивность в жизни, и совершенно не обращено внимания на удобство. Что можно подметить в бухарской деревне советского, кроме кооператива, делающего оборот в месяц по 6 000 руб., это конечно, комсомол, который после собрался во дворе читальни для выявления своего чувства Советской власти. Между прочим, я в Ташкенте шел вечером у вокзала. Мне пересекает дорогу молодой стройный парень, протягивает руки с одним словом: «комсомол». Наше взаимное приветствие и ограничилось лишь одним этим словом, но оно было выразительно и понятно обеим сторонам.

Воспользовавшись продолжительностью съезда, я проехал из Бухары в Фергану, которая дает около половины всего производства хлопка в Туркестане, если не больше. Города Ферганы, как Коканд, Андижан, дают впечатление быстро растущих богатых городов, где над жителями не тяготеют старые традиции. В европейской части города улицы прямые, широкие, обсаженные, как в Ташкенте, тополями.

Старая часть города уже не носит столь резко выраженного восточного характера, хотя население ее состоит целиком, или, во всяком случае, в огромном большинстве из туземцев.

Базары ближе подходят к нашим овощным рынкам, чем, примерно, к бухарскому или ташкентскому базарам. Внутри Старого Города, где имелся раньше ряд хлопкоочистительных заводов, живет значительная часть рабочих, в том числе много безработных, ибо целый ряд заводов разрушен басмачами. Проявление капитализма в виде фабрик и рабочих значительно преобразовало туземную часть ферганских городов, превращая их как бы в рабочую часть города, а новая, европейская часть, естественно, превращалась в излюбленное место растущих богачей. И на самом деле: красивые особняки капиталистов, частных банков росли именно в европейской части города, а рабочий

район — в туземной. Восточная сторона улицы также носит смесь восточного цехового с европейским капиталистическим. Внутри Старого Города попадается дом обычной европейской постройки с окнами на улицу, непрезентабельного вида. Справляешься, какими судьбами он оказался здесь.

— Рабочее общежитие.

— А мусульмане как же мирятся с открытыми окнами?

— Это не имеет значения, живут охотно в таких домах рабочие с семьями.

Уже поздно вечером, при освещении, в Коканде был митинг в бывшем дворце хана — теперь Дом крестьянина, собрались крестьяне и батраки, представители кошш и кустарей. У батраков страстное желание захватить землю у баев — кулаков. В этом отношении правительству Узбекистана приходится быть очень осторожным, ибо, во-первых, наделы земли и так очень сильно измельчены и в конечном счете земли отобрать придется сравнительно немного, а, главное, ведь дать одну землю без инвентаря все равно, что ничего не дать. Значит, вместе с наделением землей необходимо иметь большие денежные суммы для покупки инвентаря и раздачи его вместе с землей, на что у правительства Узбекистана нет соответствующих средств.

Крестьянин Ферганы очень немного материально стоит выше крестьянина Бухары. Но инициативность, общественность, стремление к улучшению своего благосостояния сквозит на каждом шагу. Притом крестьянин Ферганы считает себя советским, глубоко сознавая, что Советская власть есть власть крестьянской бедноты. И ферганская крестьянская беднота с солидным процентом батрачества настроена очень радикально. Здесь органам Советской власти приходится не подталкивать (как, например, в Бухаре), а сдерживать, чтобы это движение не внесло расстройства в хлопковое производство, а с другой стороны, чтобы столь сильное движение, не получая быстрого экономического эффекта, не разочаровалось бы, не повторилось бы обратной реакцией. Все эти условия делают Узбекистанское правительство очень осторожным.

Мне не удалось проехать в кишлак Ферганы. Моя попытка в этом направлении окончилась неудачей. Расстояние между кишлаком, куда я поехал, и городом оказалось раза в два более, чем предполагала местная власть, а время было уже к вечеру. Проехали верст 5 — 6, нам говорят, что надо ехать еще минимум 8 верст, а дорога отвратительная; пришлось возвратиться в город.

Но, по существу, если хочешь обстоятельно поговорить с декханами, декханскую жизнь можно наблюдать и около города, ибо деревня в Андижане непосредственно соприкасается с городом. По крайней мере, мы проехали шесть верст, и шла непрерывная крестьянская стройка по обе стороны дороги. Сзади каждого декханского дома кусок земли. На улицу, по обыкновению, выходит глинобитная стена, но уже более легкой и оригинальной постройки. Стена сложена из глиняных круглых ядер, благодаря чему ее ремонт более удобен, и стена гораздо тоньше.

Прошу хозяина дома разрешения зайти к нему. В саду жена прядет из хлопка нити; тут же небольшой станок ручной для очистки хлопкового волокна от семян. Женщины не особенно прячутся, стремятся повернуться спиной к посетителю, не закрываясь.

Заходим к другому, его соседу. Семья состоит из шести человек; сзади дома виноградник. Спрашиваю молодого хозяина

— Много тратите времени на устройство кругом всей усадьбы стены?

— Да, очень много за ней работы, ее надо починять, каждый год делаем не менее полуторы тысячи новых глиняных ядер.

И так прячутся друг от друга два соседа, которые, самособой, великолепно знают, что за глинобитными стенами никакого богатства не спрятано, если не считать богатством жены хозяина, за которую своевременно уплачен калым.

Заходим непосредственно в дом. Предварительно спрашиваю согласие хозяина, которое очень охотно дается. Небольшой квадратный домик, вместо рам — ставни у самой земли, но при открытой ставне и двери в доме светло. В правом углу стоит стан, ткется местный холст. Ткет сам хозяин, очевидно, жена на стане не работает. Стан примитивной постройки, типа наших крестьянских станов, только деревянные части сделаны более примитивно. Жена сидит на маленьком стуле, отворотилась спиной, с маленькой девочкой на руках, которая, вопреки матери, проявляет удивительную любознательность к пришедшим, отбиваясь от матери, чтобы посмотреть на пришедших. В избе традиционная небольшая стопка ковров, одеял—и больше ничего. Вообще, как инвентаря, так и домашнего обихода у декханина очень мало, и наиболее культурная его часть в Туркестане все же является беднее русского крестьянина в центре. Но жизнь декханина Востока пробуждается, инициатива растет, ищет путей

своего выхода. Задача рукодителей мест найти форму ее применения, чтобы декханин наглядно видел результаты своего напряжения.

2. Туркменистан.

С большой торжественностью открывались советский и партийный съезды Туркмении. С самых отдаленных углов Туркмении являлись делегаты, которые по месяцу и больше были в дороге, делая ее преимущественно на верблюдах. Впервые перед их взором предстала культура в виде небольшого, но чистенького Полторацка с прямыми мощеными или шоссированными улицами, обсаженными деревьями; небольшие, одноэтажные, хорошенькие домики; даже традиционные глиняные стены построены под кирпич, оштукатурены. Для небольшой республики столица недурна.

Большой зрительный зал, залитый электричеством, настроение исключительно повышенное. На передних скамьях сидят декханки, немного прикрывая лица со стороны, как бы для кокетства, оставляя большую часть лица открытой. Приветствий много, но в преобладающем числе рабочие и декханские. Чувствуется, что съезды расшевелили самые отдаленные аулы, и декхане вдруг увидели, пожалуй, неожиданно для себя, что они являются полноправными гражданами рабоче-крестьянского государства.

Ограниченность времени сократила мое участие как на партийном, так и советском съездах лишь их торжественными заседаниями. Местными властями, да и мной, признано более целесообразным имеющиеся в нашем распоряжении два дня употребить на ознакомление с Туркменией. Конечно, ознакомление условное, сущность которого выражается в том, чтобы показать значение посещаемых мест.

По окончании торжественного заседания съезда советов зашли на выставку, устроенную в связи со съездами. Надо признаться, выставка скомбинирована удачно, не громоздкая, но дает полную, наглядную картину Туркмении. Как-то невольно, инстинктивно получаешь впечатление глубокой продуманности ее во всех деталях. Она не блещет богатыми экспонатами, но имеет все существенное в культуре, быте и хозяйстве Туркмении. Честь и хвала устроителям за их большую культурную работу.

Вечером с экстренным поездом с делегациями от съездов партии и советов отправились в Кизил-Арват, главный рабочий

центр Туркмении, где рабочие с дехканами окружающих аулов устроили в рабочем клубе совместный митинг. Речей не привожу,— конечно, они обыкновенны. Но надо вспомнить, что Кизил-Арват основан в 1881 году, после покорения Ахал-Текинского оазиса. На русских окружающие крестьяне смотрели, как на завоевателей, поработителей их свободы. А теперь крестьяне из виднеющихся из Кизил-Арвата юрт пришли в рабочий клуб брататься с рабочими, заявить свою симпатию Советской власти,— это уже не обыкновенное событие, это одна из сказок из тысяча одной ночи Октябрьской революции.

Наиболее замечательным сооружением русского владычества в Туркмении, если не считать Средне-Азиатскую железную дорогу, является бывшее царское Мургабское имение, куда мы и направились по железной дороге (Мерв—Кушка) до станции Иолотань, откуда на лошадях 50 верст до станции Байрам-Али Средне-Азиатской железной дороги. Недурная конная дорога идет все время параллельно водной системе. По сторонам тянутся аулы от десяти до тридцати юрт величиной, на которых и останавливается взор путешественника в пустынной степи. Впрочем, в пределах водной системы пасутся небольшие стада каракулевых овец, верблюды, реже рогатый скот и еще реже табуны лошадей. Лошади являются баловнями хозяина, что резко бросается в глаза. Несмотря на вопиющую бедность дехканина, за лошадью виден уход, от холода она покрыта одеялом; не закормлены, но в теле; и смотрят весело, не флегматично, это говорит само за себя.

Кое-где встречаются организованные группы комсомольцев. Останавливаемся. С правой стороны на особо овражистом месте раскинулся аул. Юрты неправильно, но все-таки как бы в два ряда, тянутся от дороги. Попросили стоявших в высоких папахах дехкан показать их богатство. Входим в юрту середняка. Аршин шесть в диаметре по земле. На середине горит небольшой костер саксаула в углублении. По стене расположено богатство туркменского крестьянина: четыре мешка с зерном, стопка ковриков и домашняя мелочь, начиная с охапки саксаула. Хозяйка юрты не закрывается. Верхней одежды не видно, все, что есть перед глазами, все это преимущественно кухонная утварь наибеднейшего русского крестьянина.

Перед юртой большая скирда камыша и колючек, которыми наслаждаются два верблюда, привязанные за ноги. Сбоку от полога юрты виден спуск в землю, как бы вход в туннель под

косогор. Спускаемся в большую яму, где оказывается три маленьких, недавно родившихся теленка. Коровы, очевидно, в степи. Надо думать — это и есть состояние крепкого крестьянина.

Юрта бедняка. Вдова прядет из клочка шерсти или ваты нити. Небольшая девочка мелет муку на домашнем жернове, у костра лежит, закутавшись в тряпки, мальчик. В юрте полная пустота, лишь немного оживляет ее малюсенький тлеющий костер саксаула, от которого полна юрта дыма; пожалуй, дым в момент нашего посещения является единственным богатством владелицы. Спешим на дорогу, где группа детей, расположившихся в два ряда с красным знаменем в руках, ждет нас. Школьники. Одни мальчики. Спрашиваем:

— А девочки не учатся?

— Учатся, но остались дома, — отвечает учитель.

Одежда школьников потрепана, рваная и грязная, но ребята смотрят бойко и весело. Пожелали учителю успехов, — единственно, чем мы располагаем. Мне кажется, учителей, проработавших определенное число лет в отдаленных местах Средней Азии, Сибири и Далеком Севере, надо бы вознаграждать орденом трудового Красного Знамени, как за особое геройство и самопожертвование.

Бедно и примитивно хозяйство туркменского крестьянина. Вот перед нашими глазами на лоскутке в одну восьмую десятины на паре небольших бычков пашет крестьянин. Он пашет вторую пашню, пересекая первую, чтобы рыхлее была земля. Его омач — соха состоит из выгнутого куска дерева в роде ножки русской сохи, в верхнюю часть которого прикреплена — вдолблена — оглобля, к которой привязывают волов. На другой конец ножки одевают чугунный сошник. Вот и все устройство наиболее распространенного и совершенного орудия сельского хозяйства не только Туркмении, а и всей Средней Азии. Не увлекаясь механизацией, о которой много говорят в Средней Азии, мне кажется — первоочередной задачей является заменить заслуженный, много тысяч лет прослуживший человеку омач рязанским плужком.

Какой контраст: человек рыхлит землю омачем, а рядом идет грандиозная система орошения, идущая в уровень с современной наукой. Прямые каналы, обсаженные ветлой, механические распределители, выпускающие воду в назначенное время, в строго определенном количестве на единицу пашни из громадных водохранилищ.

Лошади Мургабского имения бегут быстро, мы уже в пределах совхоза, недалеко в поле с правой стороны дороги медленно плывет приподнятая рама электро-плуга, другая, опустившись в землю, отрезывает от целины свои восемь борозд. Внешне пахота электро-плугом импозантна, производит впечатление, но не рентабельна, невыгодна по сравнению с другими видами пашни. Не успели еще потерять из виду электро-пашню, как перед нашими глазами идут один за другим три фордзона, спокойно, плавно и скоро взрыхляя целину на пять-шесть вершков в глубину. Крестьяне с любопытством спрашивают: где же та сила, которая везет?

Спрашиваю управляющего: каким способом обрабатывают совхозные земли — хозяйственным или сдачей в аренду?

— Большую часть обрабатывают черикеры, т.-е. арендаторы, берем с них одну пятую урожая, но черикеры стремятся захватить земли в полное владение, минуя посредничество совхоза, — с сожалением говорит управляющий.

Между прочим, совхоз до последнего года приносит убыток. Я выразил мысль: почему бы не сдавать в аренду уже спаханную землю, тогда бы черикеру был резон за нее платить, а вам выгодно, что главная масса ручного труда перейдет к крестьянину. (Дело касается хлопка, который требует в процессе роста частого прорезывания, окуривания и так далее).

— В настоящем году мы предполагаем часть земли сдавать вспаханной, и наделим черикера селекционными семенами.

Вот это намечающееся кооперирование совхоза с черикерами, при умелом руководстве, может в производстве хлопка сделать революцию. В самом деле: самое трудное здесь именно сочетать работу машины с ручным трудом. Регулярная аренда подготовленной земли, семена, уборка с полей сырца теми же фордзонами — в этом случае плата за землю будет являться по существу платой крестьянина за машинную работу. Выигрыш обеих сторон безусловный, и вместе с тем она явится первым шагом к промышленному хозяйству в хлопководстве.

Так, в стране кочевого хозяйства разумное применение техники подготовляет условия (сочетание ее с ручным трудом) социалистического сельского хозяйства.

ПОЕЗДКА В ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНЫЙ.

Довольно известный, хотя незначительно населенный пункт Владимирской губернии — Гусь-Хрустальный, — этот небольшой заводский городок, отметится в истории нашей коммунистической партии как одно из старейших и первых гнезд большевизма.

На-днях мне довелось разделить с рабочими Хрустального завода торжество, устроенное по случаю 25-летия здешней организации РКП.

Выехал я из Москвы накануне, и на рассвете наш вагон был отцеплен на ст. Нечаевка (175 верст от Москвы).

Выглянул в окно. Наш вагон стоит на единственном запасном пути. Станция кругом окаймлена лесом, на самой станции совершенно нет посторонних жителей. Видны только маленький вокзал и несколько пакгаузов близлежащих заводов — вот и все. Лишь саженях в 50-ти от вокзала стоит домик небольшой сельскохозяйственной коммуны. Там раньше был трактир. Во время революции приехали новые поселенцы, заняли трактир и разработали десятин 20 пахоты из-под болота.

Часов в 10 утра надели тулупы, привезенные гусевцами, сели на лошадей и тронулись в путь. Вначале дорога идет мелким лесом, приблизительно около версты, а затем она сжимается с обеих сторон высоким стройным лесом. Как будто въезжаешь в щель между двумя скалами или на узкую дорогу, обнесенную с обеих сторон высокими темно-зелеными стенами. Погода была великолепная, тепло, но не настолько, чтобы таял снег. Наши лошади по хорошей зимней дороге быстро бежали вперед. Очевидно, здесь раньше велось довольно хорошее лесное хозяйство.

Участок строевого леса сменяется полосой молодняка, затем снова строевой лес. Зимой природа слишком однообразна. Не помню, кажется, лет пятнадцать тому назад я со своей матерью также в зимнюю пору ехал сосновым бором, и она каждую минуту

восклицала: «Ах, вот слега-то, вот слега-то, рублей двадцать стоит. Вот из этой были бы хорошие косяки. А вот, смотри, выйдут две хорошие матицы (балки)». Невольно мне вспомнилось: сколько здесь балок, сколько здесь косяков, сколько здесь двадцатипятирублевиков!

Вероятно, летом в этом лесу ключом бьет жизнь, и каждая верста дороги полна своеобразных особенностей в виде полян, ручейков, лесных цветов, можжевельника и ягод; теперь же белый, беспредельный по величине саван заколдовал, усыпил этот могучий источник жизни, и лишь — остовы чудо-богатырей, — молчаливо стоят сосны и ели. Сосны еще имеют некоторую летнюю дерзость: их сучья стремятся удержать направление в высь, или же покорно склонили свою выю — тяжесть налегшего на сучья снега повелительно склонила их к земле, и они, как бы повинуясь могучей силе, покорно подчинились своей судьбе.

Полный покой, лишь скрип полозьев наших саней, легкий топот копыт и скромный, как бы стыдливый, звук бубенчиков нарушал его, быстро погасая в океане заколдованного царства.

На протяжении 18 верст мы встретили лишь два домика лесной стражи и недалеко от Гуся, с левой стороны, видна близко от дороги высокая труба кирпичного завода, сейчас не работающего. По словам ехавшего со мною товарища, оборудование завода великолепное, он может выпустить до 10 миллионов штук в сезон. Стоит за отсутствием заказов, — не сошлись с Шатурским строительством, на которое работали прошлый год.

Лес сжимал, как бы вытеснял, заводские постройки, как непрошенную занозу. Малейшее ослабление энергии рабочих Гуся — и он победит. Тов. Колотушкин уверенно говорит: «Не вырвет; наоборот, мы заставили его еще расступиться, — наш кирпич вне конкуренции».

Восемнадцать верст мы прокатили в час десять минут. Лес расступился, и перед нашими взорами раскрылась широкая долина, окаймленная синеватым лесом. В центре ее сгрудились невысокие постройки, из которых вырисовывались заводские трубы, фабричные корпуса и две церкви.

Не доезжая Гусь-Хрустального, в расстоянии четверти версты от местечка, стоит на пути небольшая слободка, домов двести. Это — поселившиеся собственники, — единственные постройки, не принадлежащие заводу. Домики небольшие, преимущественно в 3 — 4 окна, производят довольно хорошее впечатление, чистенькие.

Местечко начинается трехъэтажным домом, стоящим поодаль — рабочей казармой № 24. С правой стороны, в отдалении, видна громадный четырехъэтажный корпус, где сейчас работают до пяти тысяч рабочих, это — бумагопрядильная и ткацкая фабрика, а налево, внутри местечка, здание Хрустального завода. В местечке довольно широкие улицы с однотипными домиками.

Мы остановились в клубе коммунистической ячейки, — бывшая квартира управляющего. Моментально у клуба образовалась большая группа рабочих. До этого, как передавали, в мастерских шел горячий спор: будет кто из центра или нет.

Первая встреча с рабочими была у клуба. Клуб обставлен хорошо: на стенах развешены фотографии революционных вождей и событий, есть художественные картины, небольшая аудитория, человек на сто, где читаются лекции. Заметна близость масс к клубу.

В два часа было торжественное заседание местной коммунистической партии, всех местных органов, гостей и приглашенных рабочих и работниц. Собрание открыл секретарь местного комитета тов. Максимов, который в кратких выразительных словах очертил историю Гусевской организации, после чего начались приветствия от губкома, губисполкома и целого ряда других представителей от других организаций и беспартийных рабочих.

В промежутках между этими заседаниями и митингом мы побывали в двух рабочих казармах. В казарме № 24, где, между прочим, много лет выжил председатель местного исполкома тов. Колотушкин, показавший внутренность этой казармы. Там принята комнатная система. Комната среднего размера, аршина три-четыре ширины и аршин пять, может-быть шесть длины. В первой комнате жила вдова погибшего на гражданским фронте рабочего с тремя детьми. Внутренность комнаты бедна; из мебели: стол, пара табуреток, кровать. Ребятишки спят на антресолях,— очевидно, импровизация хозяев комнаты. Но в общем в комнате чисто. Во второй комнате, равной по величине, живет семья в десять человек безвыездно семнадцать лет.

Общая кухня довольно своеобразная, совершенно непохожая на нормальные кухни: огромная продолговатая четырехъугольная закопченная печь с рядом духовых отделений с обеих сторон; топка находится внизу, под печкой. Внешность кухни производит тяжелое, неприятное впечатление — не то, чтобы она отли-

чалась грязью, но вся архитектура ее не считалась с ее обитателями.

Заходили в коммунистическую ячейку. Комната обставлена скамейками, небольшая сцена и малюсенькая комната сзади, вероятно, для канцелярии.

Про собрание, которое здесь было, можно смело сказать: по составу оно исключительное. Там были не только матери семейства — работницы, которым всегда некогда, но старые и малые. Одни уже не выходят из казарм по старческой слабости, другие еще малы. Публика была очень довольно, что и выражала открыто. Характерно: частных жалоб почти не было, зато общий вопрос — удастся ли сохранить заводы, занимал их. Там же, в клубе, собирается союз коммунистической молодежи, учат ребятишек, не имеющих обуви, и вообще решаются все общественные вопросы казармы, в которой, к слову сказать, живет 800 человек.

Во второй казарме, идя по коридорам, которые производят довольно мрачное впечатление, вспоминаешь коридоры тюрьмы, не особенно благоустроенной. В одной из комнат происходила свадьба, раздавалось пение. Я заглянул: в комнате вокруг стола тесно сидели гости, а одна из женщин плясала на стуле. Характерно, что эта пляска является общепринятой. Очевидно, от тесноты помещения, которая не дает разгуляться вольным движениям.

Вечером митинговали в актовом зале местной гимназии. Гимназия — довольно большое двухъэтажное здание на отлете от города. У подъезда гимназии ломился народ. Помещение было уже переполнено: рабочие, их жены и ребятишки. После доклада на общеполитическую тему было несколько номеров сокольских упражнений. Всего в них участвовало человек пятьдесят, разделенных на четыре группы. За их упражнениями с огромным интересом следила аудитория. Этот интерес усиливался тем, что гимнасты являлись детьми окружающей аудитории. Затем декламация чужих и своих произведений. Одним словом, вечер прошел очень оживленно, и смело можно сказать, что юбилейный день коммунистической ячейки сделался праздником всех рабочих Гуся.

Утром были в Хрустальном заводе. Оборудование завода — среднее, но завод имеет большой запас накопленного профессионального знания. В юбилейной брошюрке говорится, что Гусь-Хрустальный основан в 1746 году помещиком Мальцевым в виде

небольшого хрустального завода. Рабочими этого завода были крепостные крестьяне Мальцева. Вольнонаемных рабочих не было.

Профессия хрустальщиков переходила от отца к сыну и далее из рода в род. Этим, нам кажется, можно объяснить то до виртуозности дошедшее мастерство, в виде хрустальных изделий, которое поставило эти изделия вне конкуренции. Мальцев, вместе с огромными барышами от завода, то и дело получал за свои изделия медали и орлы на всякого рода выставках, до всемирных включительно. Отсутствие пришлого элемента создало своеобразную тесную семью гусевских рабочих, в течение десятилетий переродившихся между собой до такой степени, что здесь все или сватья или братья.

Работа их — действительно требующая большого искусства. По словам местных товарищей, завод раньше конкурировал с самым лучшим в мире Гарраховским хрусталем.

Сначала зашли в стеклодувную, где посредине мастерской на широком фундаменте, высотой аршина в полтора, стоит большая круглая печь с раскаленной массой стекла, с отверстием во все стороны, а кругом ее, как гномы, — стеклодувы берут раскаленную массу на конец трубки и каждый выдувает, формирует изготовляемую им вещь. Простая массовая работа изготовляется при помощи пресса. Выдувают стаканы, блюдечки, у следующей печи — фигурные кувшины, у следующей — фигурные вазы и т. д.

Работа была в полном разгаре. Каждый создавал какую-нибудь вещь из общей расплавленной массы. Присутствие гостей подогревало рабочих, и каждый стремился показать свое искусство. Вот стеклодув берет на кончик трубки расплавленную массу, немного ее охлаждает, вставляет массу в форму и дует на эту, предварительно оформленную вещь, посыпает цветным бисером, сует снова в печку, оттуда вынимает, — бисер распустился, получились цветы, и через минуту готов красивый цветной кувшин.

Затем изделия идут в закалку и механическую отделку. Мастерская — длинное неширокое здание с частыми окнами, где у стен по обеим сторонам во всю мастерскую стоят довольно широкие верстаки, на которых укреплены машины с наждачными и песочными колесами. За каждым из них сидит мастер, гравирующий хрусталь: наводит грани, рисунки, шлифует пробки и т. п. Рабочие сидят близко один к другому, в длинный ряд. Посредине мастерской, также во всю ее длину, устроен стол или

нары в несколько ярусов, где хранятся изделия, готовые под упаковку или принесенные в обработку. Я опускаю целый ряд специальных деталей, которые в высшей степени интересны. Между прочим, замечу только — есть несколько гравировальных машин, на одной из них работает человек, который водит ручку по рисунку (копиру), и этот рисунок сразу передастся на двенадцать стаканов. Затем интересно изготовление термометров, которых в год завод изготовляет до полутора тысяч. По словам заводоуправления, термометры имеют довольно высокое качество. Их изготовление началось в последние годы.

Мастерская эта считается одной из самых революционных и сознательных мастерских. Общее настроение рабочих недурно: несомненно только, что всех занимает вопрос, как справится завод с хозяйственным расчетом. Вероятно, заводу придется проделать большую работу, приспособиться ко вкусам новых покупателей, ибо очень сложные, художественные вещи большой ценности в настоящий момент покупателей не найдут. Между прочим, гусевцы жалуются, что они страдают от отсутствия хороших хозяйственников; до сих пор завод себя не окупает. Целый ряд мероприятий, которые предпринимает управление, может-быть, даст возможность предприятию стать на ноги: изготовление термометров, недорогих станков, товаров на восточный рынок, кувшинов под кальян и т. п. Во всяком случае, нужно употребить все меры для сохранения высокой ценности завода.

В мастерских были краткие митинги, где выступала местная публика. Между прочим, этот завод называется именем товарища Бухарина. Меня просили довести до его сведения, что его там ждут.

Помимо Хрустального завода на Гусю еще есть большая бумагопрядильная и ткацкая сурового миткаля. В настоящее время там работает до $4^1/_2$ тыс. человек, а при полном ходе можно занять восемь тысяч рабочих. Продуктивность фабрики стоит довольно высоко, топливом завод и фабрика обеспечены, опасность лишь в недостатке хлопка.

После осмотра фабрики, в здании клуба открылась крестьянская конференция. Были собраны крестьяне ближайших волостей. Конференция прошла очень оживленно, выступило много крестьян, и, как в калейдоскопе, каждый крестьянин своей речью определял тот слой, к которому он принадлежит в крестьянстве. Вот один выступает в крытой сукном шубе и жалуется, что сильно обложены кузницы, ему кричат: «С кого же взять, как

не с кузнеца да с попа?». Другой выступает с указанием на непорядки в сборе продналога. И так, один за другим, выступают с указанием на частные недостатки, которые касаются непосредственно их. Но вот выступает один из крестьян, который разбивает каждого крестьянина в отдельности и потом говорит: «Мы можем здесь обсудить самую систему сбора — без налога обойтись нельзя; кто-нибудь платить должен обязательно, и мы не просим, чтобы уменьшен был налог, а чтобы улучшить форму его сбора». Но общим голосом было, что земля их очень плоха по урожайности; мне кажется, жалобы эти основательны, и было бы желательно их проверить и внести соответствующие исправления в интересах крестьян.

Конференция продолжалась часа три. Между прочим, крестьяне с кафедры заявляли претензии, почему гусевцы их раньше не приглашали на конференции. На это гусевцы ответили, что они причислены к другому району и что они собрали эту конференцию по случаю приезда Калинина. Крестьянской конференцией закончилось мое посещение Гусь-Хрустального.

На тех же лошадях, по той же дороге, мы через станцию «Нечаевка» проехали на митинг в Курловский завод оконного стекла, в шести верстах от ст. «Нечаевка».

Курловский завод производит до 110 ящиков простого оконного стекла в день. Будущее завода имеет за собой твердый фундамент, ибо нужда в оконном стекле огромная, и заводоуправление говорит, что производство за два месяца вперед запродано. Между прочим, топливом и сырьем завод вполне обеспечен.

В заключение должен сказать, что в Гусь-Хрустальном Советская власть имеет крепость небольшую, но твердую и надежную. Рабочим Гуся Советская власть досталась недешево.

Они перенесли жестокий голод, выделили большое количество работников на военные и другие фронты.

Основной задачей является сохранение предприятий. Эта мысль все глубже проникает в сознание рабочих. Центральные органы должны им помочь по мере своих сил.

НА УКРАИНУ ЗА ХЛЕБОМ.

1. Полтавщина.

По совместному решению Всероссийского и Всеукраинского Центрального Комитетов, на меня и председателя Всеукраинского ЦИК тов. Петровского было возложено задание объехать урожайные губернии Украины с целью подтолкнуть и усилить работу в них по борьбе с голодом, придать этой работе большее напряжение.

7-го февраля я выехал из Москвы в Харьков, а 9-го мы выехали вместе с тов. Петровским из Харькова на Полтаву.

Прежде всего, несколько слов о продовольственном положении на Украине. В Харькове было заседание центральной комиссии помощи голодающим, где был выслушан ряд докладов с мест о размерах украинского голода, — в Николаевской, Запорожской губ. и отдельных неблагополучных уездах сравнительно благополучных губерний, как Кременчугской, Одесской и др.

Для меня несомненно, что украинцы своими докладами с мест, в которых говорит сама истина, стремились вселить в нас, москалей, что сама Украина неблагополучна по урожаю.

Это и правда, что Украина в настоящем году очень даже неблагополучна по урожаю, — лишь отчаянный голод в Поволжье заслонил это неблагополучие. Но величина его измеряется пятью губерниями жестокого неурожая, а в остальных солидная половина — пестрая, и лишь в трех-четырех губерниях урожай может быть назван хорошим.

И потому в своих указаниях на местный украинский голод партийные и советские органы правы. Но эта их правота возлагает еще бо́льшую ответственность их за работу п. к. помощи голодающим Украины, ибо там, где органы Комрода выполнили свою задачу, или где им и нечего выполнять, там возможна еще работа комиссии помощи голодающим.

*

Всего Украиной собрано около 500 вагонов хлеба. Несомненно, эта сумма сбора мала, и нам кажется, — сейчас, когда остальная работа с продналогом кончается, — надо наверстать, усилить работу местных комиссий, с чем целиком согласились как ц. к. помощи голодающим Украины, так и президиум Всероссийского Центр. Исп. Комитета.

Наша первая остановка по выполнении возложенного задания была Полтава, где с утра мы попали на уездный съезд незаможных селян. Характерная особенность этого съезда — большой процент участвующих женщин; приблизительно на 200 человек — 60 женщин.

Съезд незаможных с большой чуткостью отнесся к бедствию голодающего Поволжья.

Один за другим селяне и селянки выступали с заверениями, что они, увлекаясь текущими работами, упустили из своего поля зрения голодающих, но теперь они обещают наверстать упущенное.

Всего Полтавской губернией к 1-му февраля отправлено 50 тыс. пудов, имеется неотправленных в губернии 63 вагона, не считая 10 проц. израсходованных на месте, и 200 миллионов денежными знаками, из которых 120 находятся еще на месте.

Кроме того, полтавской комиссией помощи отправлен отряд — столовая на 1 200 чел. и оборудован детский дом на 300 чел. Готовится к отправке врачебно-питательный отряд на 700 человек.

В губернии мы заехали в Миргород, Лубны, тов. Петровский в село Сорочинское — места, знакомые читателям по Гоголю.

В Миргороде на заседании совета присутствовали представители всех волостей. Каждый из них всенародно давал то или другое обязательство в смысле помощи голодающим.

Тов. Ротко (Камышинская волость):

— Помимо собранных 2 500 пуд., я надеюсь, наша волость будет кормить на 10 сытых 1 голодного.

Тт. Демидович (Устивецкой вол.), Шемах (Миргородской), Иветцк (Зубовской) выражают сочувствие и уверенность, что:

— Сборы на голодающих мы поднимем . . .

Тов. Шумейко (Зуевской вол.):

— Я болтать не умею, да и не стоит, а приказ ц. к. помгола выполню . . .

Тов. Рошко, упродкомиссар:

— Мы в панику не впадаем, но отставших подтолкнем . . .

И, наконец, председатель уездного исполкома тов. Лагейде дает уверение, что у них есть надежда каждый месяц собирать до полсотни вагонов для голодающих.

Приблизительно столь же уверенно, относительно возможности дальнейших сборов для голодающих, настроены и товарищи Лубенского уезда.

Сборы в пользу голодающих до сих пор были заслонены выполнением продналога, который собран в размере 92 проц. Теперь, по словам председателя полтавского губисполкома тов. Дробниса, они направят свои силы на помощь голодающим, перед которыми они не могут не считать себя виновными.

Будем надеяться, что Полтавщина выполнит свои обязательства перед голодающими.

2. Киевщина.

В Киевской губернии, по переписи 1920 года, числится 2 539 742 человека населения (без Переяславского уезда, присоединенного из Полтавской губ. недавно), значит, примерно, всего около 3-х милл. человек.

Сокращенная смета продналога — 13 миллион. пудов. Как же выполнила Киевская губ. свою задачу борьбы с голодом по этой линии — по линии продналога?

За прошлый 1920 г. было всего собрано по продразверстке 3 964 000 пуд. — 46, 6% задания. В настоящий операционный год заканчивают сбор продналога полностью: сейчас собрано 97%, а к первому марта предполагают закончить целиком.

В общем, государственные задания и по другим статьям могут считаться более или менее благополучными; либо они целиком выполнены, либо близки к достижению заданий центра, как, например, помольный сбор и товарообмен.

Киевщина долго славилась развитием бандитизма; Советская власть там существует впервые бессменно весь 1921 год; раньше ни одна власть столько времени не существовала.

В текущий год сдалось 46 атаманов и их помощников, 20 убито, поймано 21. Добровольно сдавшихся трое, в том числе Орлик, бывший штабс-капитан, снова пойманный после того, как он в октябре спустил несколько поездов с продовольствием под откос. Я не считаю рядовых.

Преобладающая политическая окраска бандитов — петлюровцы, лишь небольшая часть разношерстных и уголовных эле-

ментов. В тюрьме атаманы держатся независимо, на вопросы с гордостью отвечают: «Я атаман такой-то».

В настоящее время Киевская губ. считается благополучной от бандитов. Один-два еще не поймашных атаманов терроризованы и пока себя не проявляют.

Говорят, Киев один из красивейших городов юга РСФСР, в особенности летом. В данный момент, с автомобиля бросается в глаза невероятное обилие снега. По Крещатику едешь как в ветреную погоду по взморью: то поднимаешься, то опускаешься в снежные волны.

Много великолепных зданий разрушено, к чему приложили руки, помимо всяких авантюристических правительств, — поляки. Ими, между прочим, разрушен великолепный дворец, кажется, Браницкой.

После общегородских, советских заседаний я был на митинге в арсенале и железнодорожных мастерских. Арсенальцы много боролись за Советскую власть, и основательное число из них погибло. Сейчас, как ни скверно они обставлены материально, они служат опорой местной власти. В железнодорожных мастерских оппозиционное настроение идет по линии плохой, неаккуратной выплаты жалованья. Между прочим, жалованье железнодорожникам, в особенности на южных железных дорогах, как, например, в Кременчуге, до смешного мало. С пайком вместе оно составляет около 400 — 600 тыс. руб. в месяц. Начальник юго-западных ж. д. мне заявил, что если бы было возможно хоть немного улучшить положение рабочих в питании и одежде, то он ручается за возможность увеличить в два раза работу юго-западных ж. д. при нынешнем их техническом и материальном положении.

В Киеве обе эти группы рабочих являются основными, на которые опирается Советская власть, и я, несмотря на их собственное неважное состояние, взвалил на их ответственность слабое поступление в фонд помощи голодающим с Киевской губ., ибо это более сплоченная и квалифицированная часть киевского пролетариата.

Из уездов мы заехали в два: в Богуславский и Белоцерковский. В Богуславе было объединенное собрание всех городских организаций с представителями волостей и комнезамов. В прениях участвовало много народа, и горячо. Все обещали усилить работу по сбору помощи голодающим.

Вообще, можно сказать, представители деревни в Украине говорят охотно, с чувством. В этом отношении украинская

Одно из выступлений М. И. во время поездки по Украине в 1922 г.

деревня, пожалуй, общительнее российской. Хотя на такие уездные собрания деревня посылает вообще говорунов.

Резолюция о помощи принята единогласно.

Самый Богуслав типичный город черты оседлости, — узенькие, грязные улицы, плохие домишки, повсюду уличное оживление бедноты. Толпа своеобразно отражает это оживление, — она подвижна как ртуть, и если вы на нее смотрите с некоторого возвышения по головам, то представляется как бы небольшое озерко, где легкий ветерок, пагоняющий барашки; на этой поверхности вы не увидите ни одной точки зеркальной спокойной глади, наоборот, все живет, движется, — переливается внутри себя.

В Белой Церкви мы разделили с тов. Петровским работу, — он остался в городе, а я уехал в деревню. Местные власти назначили волость в 12 верстах от города «по хорошей дороге» и сопровождающим дали местного работника-галичанина. Все предвещало поездку без приключений, но местный человек нас завел куда-то в «балку», откуда мы никак не могли выбраться, ни взад, ни вперед и самим стало смешно, как мы могли забраться туда, где совершенно не оказалось дороги, — она превратилась в тропинку, спускающуюся вниз к балке.

После длительной возни автомобиль вытянули назад и выбрались на правильный путь. Местный товарищ извиняется: он такой же местный, как и мы, — лишь мы из Москвы, а он из Галиции, присланный партией сюда на работу.

Начало дороги прескверное; думаем, что дальше будет лучше, но чем дальше, тем хуже, дорога — сплошные рытвины, обрывы, выбоины и валы, и в довершение всего на четверть аршина снег, обладающий всеми свойствами песка: не только проехать, но и пешком-то итти можно с большим трудом и усилием.

Проехав верст 16, несколько раз порывались вернуться. Но мысль, что там ждут, и вернуться ни с чем, потеряв целый день, все это толкало вперед. Вот, наконец, село (Блошадцы). Остановились у волости; нас моментально окружили ребятишки. Пробуем выяснить, сколько верст нам ехать до села Гудинок. Один говорит — 7, другой — 9, третий — 11. Дорога еще хуже, чем от Белой Церкви.

Вот так фунт! Выезжали на 12 верст «хорошей дороги» — проехали 16, остается, по всем данным, не менее 10, да не будет ли и здесь еще новый «гак»?..

Решили остаться в селе Блошадцы.

Через полчаса в сельской школе начался митинг. Школа была набита вплотную.

Между прочим, она — обыкновенная халупа с земляным полом, разделенная на две половины; в одной половине живет учитель со своей семьей, а в другой — непосредственно школа. По словам учителя, он сам вставил в окна стекла.

— Вчера, — говорит, — ездил за дровами, ибо несколько дней школа не отапливалась.

И, действительно, она производит безотрадное впечатление. Квадратная комната с грязными глиняными стенами, у одной из стен холодная печь и несколько старых парт. Больше ничего, ни одного следа бумаги на стенах.

Митинг начался по всем правилам; секретарь произнес приветственную речь, а потом, чем дальше, тем языки развязывались все больше.

Оказалось, что село Блошадцы считается очень бедным селом, куда представители Советской власти являются лишь по делам службы, как сбор продналога; а так — чтобы просто поговорить или с лекцией — едут дальше в богатое село Будинки, где есть сахарный завод.

Беседа продолжалась три часа, говорили с перерывами все, в заключение вынесли резолюцию:

— Хотя мы сами и голодаем, а чем в силах — голодающим поможем.

Всего в Киевской губ. в пользу голодающих собрано: 90 072 пуда зернохлеба, 4 784 пуда 16 фунт. зернокруп, 652 пуда сахара, 478 пудов соли, 9 218 пудов разных продуктов и 2 504 709 206 руб. советскими знаками.

В хвосте сборов плетется Киевский уезд, собравший за все время кампании 2 254 пуда разных продуктов, без города Киева.

На заседании объединенного собрания всех организаций гор. Киева, губернии и представителей сел и волостей тов. Гамарник заявил, что в последнее посещение Киева тов. Троцким ему было обещано собрать полностью продналог по Киевщине.

— Сегодня мы можем заявить, что это наше обещание выполнено. Сегодня мы дали торжественное обещание тт. Петровскому и Калинину освободившиеся силы направить на помощь голодающим. Могу быть уверенным, что в хвосте наша губерния не останется.

Эти слова были поддержаны всем театром с полной уверенностью в их выполнении. Нам нет основания в этом сомневаться, ибо здесь были ответственные представители как города, так и деревни.

О работе частей Красной армии: как и везде, она идет впереди и ей напоминать о помощи голодающим — значит, ломиться в открытую дверь. Можно сказать, что с своей стороны она дает все, что можно дать, даже больше.

Поездка по Украине была прервана нами (тов. Петровским и мной) в виду необходимости быть в Москве на конференции председателей центральных исполнительных комитетов независимых республик 27 февраля.

После ее окончания мы снова выехали, и пятого марта, утром, были в Елисаветграде.

Наша цель — продолжить на Волыни и Подолии работу, проделанную нами в первую половину поездки (по Полтавской и Киевской губ.), т.-е. по мере возможности расшевелить, подтолкнуть местное население и организации, напомнить о необходимости усиления сборов в пользу голодающих.

В Елисаветград мы завернули по пути, желая, хотя поверхностно, ознакомиться с этим уездом сильно голодающей Николаевской губ. Он считается благополучным уездом в губернии, и, действительно, средняя урожая по уезду выше голодной нормы, принятой нами как неурожайная. Например, озимая рожь — 10,4, пшеница — 16,0, яровая пшеница — 11,2. Особо надо отметить цифру ржи. Она показывает урожайность 37 пуд. с десятины.

Здесь — или ошибка в статистике, или она была засеяна в немногих, высоко культурных, хозяйствах. Очень уже сомнительно, чтобы один из хлебов, имеющий все свойства остальных, так выделился высотой своего урожая перед остальными. Всего засеяно было яровой рожью 1 100 десятин. Продналог выполнен в размере 50 проц. наряда; работа по добровольному сбору слаба, на что и было указано уездному исполкому. На город наложен губернией голодный налог в размере 75 000 голодных пайков (35 тысяч на городское и 40 тысяч — на сельское население)

Кстати, Елисаветград был одним из лучших уездных городов юга РСФСР, который быстро рос и развивался; революция не только задержала его дальнейший рост, но и основательно потрепала его. Промышленность восстанавливается слабо; глав-

ным препятствием является отсутствие топлива, которое может быть доставлено только из Донбасса.

Наш путь лежал на запад — в Подолию, но одесский губисполком предложил заехать в Одессу. Мы не сочли возможным отклонить предложение одессистов, и в соответствии с этим был изменен маршрут — на юг, в Одессу. По дороге заехали в Вознесенск, лежащий при впадении Мертвовода в Буг; при Советской власти Вознесенск сделан уездным городом Одесской губернии.

Разлившийся Буг залил полгорода, а в особо затопленных местах, населенных, повидимому, главным образом железнодорожниками, люди из своих хат перекочевали в вагоны, стоявшие поблизости на путях, которые от наводнения защищены высокими насыпями. Вознесенский уезд, пострадавший наполовину от неурожая, продналог зерновых хлебов выполнил в размере 783 457 пуд., что составляет 89% задания; выполнение налога по остальным продуктам близко к процентам зерновых хлебов. Помощь голодающим, сравнительно с другими уездами, налажена недурно: собрано 16 887 пуд. продуктами и 152 милл. рублей. Поволжью послано 10 тыс. пудов.

Остаток находится в распоряжении местного помгола. Голодающих здесь насчитывается 75 тыс. из 215 тыс. человек населения уезда. Между прочим, в Вознесенском уезде продорганами продано 690 пуд. очищенного семенного материала на 415 руб. золотом и 1 860 серебром.

Уже у Вознесенска снег остался лишь в балках, на теневых сторонах холмов, или в виде остатков наметанных сугробов. С Вознесенска до Одессы он виднеется все реже, а к Одессе и совсем пропал — там уже начало весны. Хотя земля еще гола и зелень не появилась, но крестьяне готовятся к севу, чтобы захватить весеннюю влагу; солнце, ветер и довольно холодные ночи ее быстро испаряют; хотя еще только 8 марта — возможны холода, и сеять рискованно.

Железнодорожная линия проходит через рабочий квартал Одессы — Пересыпь; проезжая Пересыпь, видишь разрушенные дома, от которых остались одни стены из местного камня, а то и один какой-либо угол. Балки, рытвины, ямы, канавы наполнены грязной водой; жилые дома носят на себе отпечаток апатии живущих в них обитателей; наблюдается сравнительная пустота квартала — кое-где появится плохо одетый человек и пара грязных ребят...

Вокзал ю.-зап. жел. д. — почти центр города, его обстановка производит впечатление когда-то очень хорошего, богатого дома, даже пробитая снарядом крыша перрона, как раз над нашим поездом, не портит общего впечатления. Центр города внешне не пострадал.

В Одессе я не был раньше, но и сейчас Одесса — самый красивый, благоустроенный город юга РСФСР. Чистые улицы, сравнительно хорошие мостовые, внешнее оживление, — все говорит, что Одесса стремится удержать за собой распространенное мнение РСФСР, что она — наиболее европейский из русских городов.

Зато совершенно разрушены окраины города, — я уже указал выше на состояние Пересыпи, но и в самой аристократической части окраины, как Фонтаны, Аркадия, где было огромное количество дач, аристократических особняков, всяких лечебных учреждений для буржуазии, — в настоящий момент все разрушено, деревья вырваны с корнем, из сотни домов вы встретите один с крышей и окнами, а то сплошь одни стены или кусочки стен, а больше — груды мусора. Все это на берегу Черного моря; вода переливается различными красками, как она переливалась тысячи лет; с этих балконов, террас люди любовались, восхищались или делали вид, что любовались красотами природы, сами создавая на берегу затейливую, наперебой щеголяющую красоту.

Все разрушено, и, главным образом, разрушено наемниками буржуазии.

Тяжелые дни переживает Одесса, этот большой город, когда-то выполнявший гигантскую работу по товарообмену — достаточно напомнить, что Одесса свободно справлялась с поступлением тысячи вагонов хлеба в день и его погрузкой на иностранные суда.

Вся ее жизнь, развитие, богатство жителей были связаны с деятельностью порта, дававшего работу десяткам тысяч людей. Сейчас порт (исключая работы на американских пароходах, о которых скажу ниже) спит, и тысячи людей обречены на голодное существование. А голод в уезде удорожил до последней возможности существование рабочего в Одессе. Тяжесть положения бедноты сказывается великолепно на одесской толкучке. Граммофоны, самовары, часы и прочее из домашней обстановки продается буквально за гроши, а хлеб ценой равен московскому рынку. Лишь в последнее время появилась на рынке американская кукуруза; это — начало разгрузки пароходов АРА. Насколько

обострилось положение бедноты в Одессе видно хотя бы из того, что родные своих умерших стремятся ночью вынести на улицу, чтобы избежать непосильных расходов, связанных с похоронами.

Несмотря на столь тяжелое экономическое состояние рабочих Одессы, в общем настроение хорошее, безусловно советское. Я был на широкой беспартийной конференции водников, где увидел стремление, поиски практического выхода из создавшегося положения.

Больное место города, это — водопровод. Одесса берет воду в 45 верстах от города, с реки Днестр. За совершенным неимением дровяного топлива работа водопровода, вполне естественно, подвергается частым перебоям, а в момент таких перебоев город подвергается огромному бедствию. Начаты работы по созданию артезианских колодцев в предвидении всякой случайности, но отсутствие средств сильно тормозит работу. Несомненно, здесь придется государству пойти на помощь городу.

Сбор продналога по губернии приближается к концу; всего собрано 5 131 895 пуд.; 90 процентов составляет зерно-хлебо-фураж. Работа комиссии помгола выразилась в 67 тыс. пудов добровольного сбора, который почти полностью вывезен в Саратовскую губернию. Слабость работы мотивируется голодом самой губернии.

В заключение своих впечатлений от Одессы, я остановлюсь на разгрузке американских пароходов АРА. Разгружалось три парохода, общей вместимостью 1 600 000 пуд. Два парохода стояли в ряду причального мола и разгружались, если так можно выразиться, наполовину механическим, наполовину ручным способом, именно: из трюма кукуруза черпалась большой бадьей, вместимостью 62 пуда, и высыпалась в колодец, сложенный из мешков с кукурузой; оттуда кукуруза насыпалась в маленькую бадью в 12 пуд., из которой, в свою очередь, насыпали четыре мешка, подхватываемые носильщиками и отправляемые ими в недалеко стоящий вагон, который нагружался вроссыпь, а мешки снова возвращались для насыпания. Все делается идеально быстро; видно, что выполняется это специалистами. Рабочие — всех национальностей. Я нигде не встречал столько разнообразия в лицах, как среди рабочих порта Одессы: греки, болгары, румыны, поляки, русские, украинцы и т. д.; между прочим, преобладают пожилые, даже старики, в том числе и женщины.

Я спросил одного, работал ли он раньше когда-нибудь в порту.

— 36 лет не прерывал работы в порту, — был ответ.

Вся техническая сторона разгрузки лежит на грузчиках. Машинисты на лебедках парохода, в трюме общее руководство разгрузкой полностью в руках грузчиков. Матросы и вообще команда парохода числятся на отдыхе, на палубе их не видно. (Оказывается, это общепринятый обычай, что команда не касается разгрузки.)

Третий пароход разгружается полностью механическим путем. На нем бадья из трюма ведется на канате, краном подводится прямо к вагону и высыпается в жолоб или воронку, наклоненная часть которой на щите дверцы вагона. Это самый дешевый и быстрый способ разгрузки и нагрузки в вагон.

Мне сдается, что Одесса — лучший порт РСФСР по приему и отправке зерна.

Разгрузка пароходов окончилась своевременно, т.-е. в обусловленные 10 дней. При мне было отправлено 1 075 вагонов. Из-за недостатка порожняка приходилось разгружать часть в цейхгаузы, что увеличивает стоимость разгрузки раза в два-три. Процент утери, по заявлению уполномоченного Г. Хаппеса, не выходит из обычной нормы, хотя вначале тащили основательно; в настоящее время надзор вполне достаточный.

Приход пароходов очень оживил портовую рабочую массу. Надо видеть их на работе, чтобы понять их настроение. В их глазах — это первые вестники оживления Одесского порта. Я думаю, что они в этой мысли правы.

Из Одессы мы заехали в уездный город Балту, который на две трети в своей лучшей части разрушен бандитами всех мастей, а главным образом петлюровцами. Дома разбиты варварски. Говорят, приходящие бандиты обливали квартиры керосином и зажигали, не давая жителям тушить пожары. Уезд до недавнего времени был бандитский, лишь в последнее время ликвидированы остатки банд. Председатель исполкома тов. Гвоздицкий мне передал про одно из орудий пытки, применяемых бандитами к коммунистам; это — овальная доска в виде блюда, толщиною вершка в два. Вся она набита гвоздями, длиной дюймов в шесть-семь. Очевидно, она употреблялась для чески пеньки. На эти гвозди сажали человека и избивали до-смерти.

В настоящий момент уезд кончает продналог, усиливается приток помощи голодающим. Местные власти переходят на мирное существование.

Из Балты наш поезд идет на Подолию, о которой — речь ниже.

Жмеринка — это маленький населенный пункт Подольской губ., сделанный уездом Советскою властью. Раньше это была большая железнодорожная станция, видно, хорошо благоустроенная, с большими станционными сооружениями.

Около станции — местечко с населением преимущественно еврейским.

Железнодорожная линия рассекает местечко пополам; на одной стороне живут преимущественно железнодорожники, на другой — местечковые жители, базар, а теперь и вся уездная администрация.

В момент нашего приезда станция выметалась; пути посыпались известкой, все честь-честью, как полагается.

Недалеко от вокзала находится базар, который занимает несколько улиц. На базаре толчется много народа, из которого половина торгующих, торгующих из ларька, с лотка, с рук, женщины — в подолах. Большая часть товара, — главным образом, товара, идущего в пищу, — лежит на земле, на какой-нибудь подстилке. На улицах непролазная грязь, которая скрыта со стороны покрывающей ее толпой. Но, в общем, базар бедный, преобладает всякая домашняя рухлядь, начиная от поддонников цветочных горшков и кончая вареной картошкой—из предметов питания. Сравнительно, все дешево, лишь хлеб неудержимо идет вверх; цена ржи 300 тыс. руб. пуд.

Железнодорожники настроены недурно, — лучше, чем в больших центрах (например в Киеве). Главная причина тому, что основная их масса — окружающие крестьяне или, во всяком случае, имеющие в местечке свои хаты и лоскут земли; они привыкли из мастерских пользоваться помощью по оборудованию своих хат и домашнего инвентаря; возьмут стекло, краску, топор, кусок железа, доски, — на все это и прежде смотрелось сквозь пальцы; это давало возможность железнодорожной администрации держать в руках рабочих, пользоваться их трудом и кое-чем непосредственно материальным в виде поросеночка и т. п.

В последние четыре года, при частой смене властей, каждая такая смена давала возможность растащить, что можно, и, действительно, тащили, и даже иногда отдельные участки превращали в объект собственной эксплуатации.

На мой вопрос одному рабочему:

«А вы хотите ли смены власти?» — он, смеясь, ответил: «Интересу нет, совсем мало материала в узле и мастерских, больше потерпим убытка сами».

Само собой, в этих явлениях также заинтересована и участвовала местная администрация дороги. В настоящий момент, разумеется, все это отпало, что и дает возможность существовать железнодорожнику.

Если же туда поступит пролетарий, который вынужден существовать непосредственно на жалованье, то, конечно, он должен будет бежать или умереть с голоду. Выгодно ли такое положение самим железным дорогам, их правильному и наиболее выгодному функционированию? Разбирать это не входит в мои задачи сейчас,—я лишь указываю явления, более или менее общие всем железным дорогам.

Город Проскуров—тоже уезд Подольской губ. Проскуров ... стараюсь припомнить: как будто давно знакомое название... Хотя ничего с ним в памяти я не могу связать, между тем оно близко, как бы родное, в роде Царевококшайска... Пожалуй, оно так и есть. Вся промышленность города — пивной завод, который скоро заработает. Число же жителей около тридцати тысяч (преимущественно еврейское население), и трудно сказать, что оно делает и чем питается. С вокзала вдоль линии железной дороги идет постройка халуп, оканчивающихся выходом в поле,— очевидно, железнодорожников.

По самой линии разбросано много вагонного лома, который, вероятно, растаскивается местным населением для его утилизации; говорят, это тянется на много верст, остатки от немцев,— удивительно богатый народ здесь.

Около последней хаты работает семья, таская навоз на землю. Разговорились с хозяином; старик лет за 50, с солдатской выправкой; спрашиваем:

— Украинец?

— Нет, я русский.

Из туманного объяснения было похоже, что он старожил.

— Я был больше 24 лет жандармом здесь на станции; поляки меня звали с собой, обещали такое же место, но я отказался. Я мог бы и сейчас, даже при этой власти, итти на такое же место, да ведь мало платят, а канцелярию я знаю хорошо, как свои пять пальцев.

У старика было большое желание поговорить, перейти на интимность,— мы скорее пошли, чтобы не поставить его, да и себя, в неловкое положение.

На путях стоят маршруты; около одного из них навален большой курган вещей, привезенных рабочими и служащими

екатеринославского железнодорожного узла. У вагонов костер, едят суп. Настоящий цыганский табор. Солнце, тепло. Из вагона выглянула молодая женщина и скрылась. Перекидываемся репликами. Спрашиваем:

— Как много вам помогают местные железнодорожники?

— Ничего не хотят для нас сделать: неважный народ; мы взяли отпуск на две недели, и вот уже скоро месяц; необходимо бы отправить один вагон с нагрузкой в 500 пудов и людей человек двадцать лишних.

Я им доказываю, что екатеринославский бандитизм немало потрудился над разорением их края, и, в особенности, железных дорог, а вот теперь сами попробуйте, каково доставать хлеб. В нужде отдельный человек удивительно восприимчив к интересам государства: екатеринославцы не только поняли вред бандитизма, но и сразу, без прений, согласились, как разорительны для государства такие поездки, как ихний маршрут.

Во время разговора мы с Петровским были узнаны, и, конечно, они нажали. Петровский не выдержал, дал распоряжение отправить их вагон. Со своей стороны, они обещались усиленной работой погасить расходы правительства, восполнить их своей усиленной работой.

Самое знаменательное в Проскурове, это — председатель уисполкома тов. Нефаростый, нервный, впечатлительный, молодой интеллигентный коммунист-украинец, уже надорванный работой. Стараемся выровнять работу уезда до уровня лучших уездов по советскому строительству. Указания инструкторов нашего поезда на те или иные недочеты как бы вырезают у него из спины ремни. Вносится предложение признать работу упомгола мало интенсивной. Нефаростый горячо (обращаясь к Петровскому) говорит:

— Григорий Иванович, ведь вы же знаете, что я должен был обратить главное внимание на продналог, и ведь это — Проскуров. Вы понимаете: Проскуров, а не Миргород (тов. Нефаростый раньше был предуисполкомом Миргорода).

Григорий Иванович соглашается, что это — Проскуров, но для порядка, напоминания и назидания безапелляционно решает оставить в протоколе слово «малоинтенсивно».

Каменец-Подольск, — когда-то губернский город, — расположен в горах, — говорят, это уже предгорье Карпат (насколько это правильно, — не буду судить). Его разрезает небольшая быстро текущая речка, которая в пределах города обрезана

высокими берегами; с одной стороны берег подмывается, и получается почти отвесная стена в несколько сажен, с другой — отвесная стена отступила от воды; внизу, по намытой водой равнине, уже тянется улица с постройками. Улица между берегом и горизонтом воды является как бы террасой. Город чистенький, довольно людный, с некоторым количеством больших построек, с претензией на губернский город.

Оригинальной особенностью города является его вид со стороны: вы видите ряд белых построек, окаймленных деревьями, и получается впечатление, как будто это белые полотнища в рамах.

Местные власти предложили осмотреть нам их достопримечательность: предложили поехать на границу, румынскую или польскую; одна — в 12, другая — в 30 верстах. Поехали на польскую; туда до самой границы хорошее шоссе. Пересекли весь город. При выезде из города на господствующей горе стоит старая турецкая крепость с 4-мя башнями и рядом военных построек.

Доехали без особых приключений.

Границей служит Збруч, летом небольшая речушка, которую свободно переходят вброд, сейчас же довольно глубокая и мутная.

Дорога ведет к деревянному мосту, середина которого и является математической границей между Советской Украиной и Галицией.

Как раз на середине моста поперек положен рельс легкого типа, что и служит вещественной границей. Мы беспрепятственно дошли по мосту до рельса, за которым стояли польский солдат в серой шинели и жандарм в черной.

Разговорились. Жандарм из Кракова, во время польской войны был у нас в плену в Нижнем-Новгороде; солдат — варшавский рабочий, недурно говорит по-русски. Хотя разговаривать часовым и воспрещается, но, само собою разумеется, не только разговор, — происходят целые перебранки.

Недавно один из польских часовых издевался над нашими: я, видишь, лучше и теплее одет. Наш красноармеец ему в ответ: «У меня хоть плохое обмундирование, а свое, российское, а у вас хорошее, да чужое, французское». Сейчас обмундирование польского солдата мне не показалось лучше русского.

Несколько построек из местного камня на нашем берегу совершенно разбито: как бы в отместку, и на той стороне стоит несколько каменных развалин.

У моста, на той стороне, лавочка объединенных промышленников; очевидно, ее главная задача — переправлять контрабандные товары в Украину. В четверть версты расстояния, внизу по Збручу, галицийская деревня, наполненная, по словам наших проводников, контрабандистами и т. п. элементом. На нашей стороне, на полверсты кверху, тоже большое украинское село, волость Ляцкорунская.

На обратном пути мы остановились в исполкоме Оринской волости.

Село делится на две части: местечко, где еврейское население, и собственно село. В исполкоме сошлись все власти.

Председатель местечка — еврей, лет 50-ти. Кто-то из уездных властей, обращаясь к нему, говорит:

— Кажется, против вас есть нарекания, что вы очень близки к раввину, — на что тот живо отвечал: — Была избрана тройка, она расследовала и признала это обвинение ни на чем не основанным; никаких особых послаблений я ему не делаю.

Председатель волисполкома тоже непартийный, лет 30-ти, невысокий, здоровый, коренастый украинец, — по внешности из него был бы недурной старшина. По обыкновению, мы совершили советское грехопадение: все власти в сумме спялись, да не только власти, а сзади примазалась и большая группа оказавшихся здесь крестьян.

Подольская губерния настроена хорошо. Даже продналог не испортил настроения. Местного бандитизма нет, наоборот, крестьяне очень крепко стоят за Советскую власть. Петлюровщина своими последователями имеет, главным образом, интеллигентных одиночек: кулаков, священников и т. д. Рядовое середняцкое крестьянство ненавидит петлюровщину так, как только можно ненавидеть своих врагов.

Но деревня пограничной Украины разноплеменная: например, в Оринской волости значится учителей 50, из них часть учит в 3-х польских школах, часть — в 6-ти еврейских; остальные — украинские, русских нет; значит, население состоит из украинского, еврейского и польского народов. Несомненно, часть польского элемента сочувствует Польше, — после войны часть ушла было в Польшу, но теперь большая часть возвратилась. Из Польши назначаются ксендзы, тут работает польская дефензива, петлюровская организация, которая имеет глубокие корни среди интеллигенции, савинковщина и т. д., и т. п., затем спеку-

ляция, на чем, говорят, объединились все национальности от сущих до командированных ВСНХ.

Нельзя сказать, что Советская власть сильно улучшила положение крестьянина, ибо общее обнищание в связи с войной очень сильно, но, несомненно, она ему дала гораздо больше, чем великороссу. Достаточно напомнить, что Подолия — центр сахарной промышленности и больших имений. На мой вопрос председателю подольского губисполкома тов. Порайко, какое производство на Подолии может считаться специфически подольским, он отвечал: «Пропзводство польских помещиков».

На крестьянина падало земли-пахоты (а другой у них не было) $^1/_2$ десятины на душу, но ведь это с кулаками, а в общем, у середняков земля не превышала $^1/_4$ десятины. Сейчас они владеют почти десятиной и, конечно, более уравнительно. Они великолепно понимают, что все это они могут удержать лишь при Советской власти. Вот почему надежды Петлюры на правобережную Украину напрасны. Вообще, надо сказать, что крестьяне пограничных губерний, по всем данным, крепче держатся за Советскую власть, чем, предположим, Полтавская или Екатеринославская губ., и это очень естественно: они, как огня, боятся Польши.

В Каменец-Подольске чувствуется влияние заграницы; газеты Бухареста, Львова получаются скорее. В городе издается по-украински «Червонная Правда». Она считается лучшей газетой на Украине из тех, что на украинском языке. «Червонная Правда», видимо, тоже довольно регулярно получается за кордоном, ибо между ней и заграничной прессой идет оживленная полемика, что увлекает редакцию, заставляет ее больше обращать внимания на запад, чем на восток.

С Каменца мы повернули назад, чтобы поехать в Винницу.

Винница, бывшая петлюровская столица, сейчас — престольный город Подолии. Своей внешностью вполне подходит под губернию среднего состояния. Лишь немного узки улицы, скученность в центре, но это уж признаки черты оседлости: должно-быть страх постоянно быть обиженным заставлял людей инстинктивно скучиваться с целью самосохранения.

Что же касается самой губернии, то надо признать за ней тяжелую годину голода.

Она (как бы в виде компенсации за освобождение ее крестьян от польских помещиков) выполнила большую работу. Почти вне

всякого сомнения, она выделит хлебных рессурсов по всем статьям не менее 15 милл. пудов.

Чтобы осветить кратко работу губернии по продналогу и помощи голодающим, я приведу выписку из передовой, отчета губэкономсовещания за август — декабрь 1921 г., рисующей состояние губернии год назад, за подписью тт. Порайко и Ратихова.

Советская власть, — указывают они, — приступила к проведению новой экономической политики весной 1921 г. К этому времени Подолия находилась в условиях, при которых думать и говорить о хозяйственной работе — означало бы заниматься одними только разговорами. Подолия, являясь губернией пограничной, перенесла на своих плечах целых 7 с лишком лет жестоких войн. Здесь, на территории Подолии, беспрерывно происходили кровавые бои. Отсюда все враги Советской власти начинали свою контр-революционную работу, и здесь они оттачивали свои сабли, пробовали их на шее рабочих и крестьян, здесь они набирались духу и здесь же отступали и, задыхаясь, испускали свой последний дух...

Подолия к началу 1921 г. за все время революции в первый раз очищена от контр-революционных армий. Уходя отсюда, польские и петлюровские контр-революционные армии попрощались с нами так, чтобы мы их долго не забыли...

В Подольской губернии насчитывается 2 218 967 десятин земли-пашни. По плановому заданию, она должна дать 16 100 000 пуд. хлебофуража; к 15 марта получено 12 300 000 пуд., — миллион с губернии сбросили на возможную ошибку в исчислении количества пашни; в общем, Компрод получит возможность закончить продналоговую кампанию с большим процентом выполнения.

По единодушному заявлению лиц, участвующих в продналоговой кампании, прибегать к угрозе военной силой приходилось в исключительных, редких, единичных случаях, несмотря на то, что в настоящем году продналогом собрано уже в четыре раза больше, чем дала прошлогодняя разверстка.

Мы были в разгар семенной кампании, которая вначале очень слабо протекала, — результаты февральской работы были очень незначительны, можно было бояться за всю кампанию.

В марте дело сильно поправилось, и к 20-му марта исполком Подолии думает закончить посевную кампанию по отношению к семенам раннего посева, а к 1-му апреля и всю семен-

ную кампанию. Такую же уверенность питает уполномоченный ВЦИК по семенной кампании тов. Любович.

Что касается помощи голодающим, — основной цели нашей поездки, — то конкретно работа выражается в сборе 169 471 пуд. продуктов питания; отправлено 61 вагон, деньгами собрано 1 815 000 000 руб. Военная комиссия особо отправила 40 вагонов в места голода. В губернии насчитывается до 15 000 переселенцев, из которых большая часть направляется в Польшу. Принято из голодающих мест 4 753 детей.

Разумеется, этой работой удовлетвориться нельзя, в чем согласны и ответственные руководители губернской советской и партийной работы.

Сейчас там только-что начинает развиваться кампания о необходимости 10 сытым кормить одного голодного; они мыслят развернуть работу до размера, чтобы каждый месяц давал 190 вагонов для отправки голодающим.

Чувство ответственности перед голодающими все шире проникает в сознание ответственных работников и широких кругов рабочих и крестьян Подолии. Это можно иллюстрировать многими фактами и, наконец, полной уверенностью руководящих учреждений в возможности увеличить помощь.

В заключение укажу на большую работу, выполненную Подольской губ.: она приняла, как я уже говорил, 4 753 детей, часть их разместила среди крестьян, которые очень охотно брали детей; встречается много фактов, как крестьянки далеко за город выезжали с запасными кожухами (шубами) за детьми.

Все это говорит, что Подолия займет подобающее ей первое место не только по продналогу, но и по добровольной помощи голодающим.

В ночь на 11 июня мы выехали с Курского вокзала в голодную часть Украины.

В Москве шел очередной в настоящем сезоне дождь, который вообще-то в центральной части РСФСР в этом году является частым гостем. Все ждут тепла и солнца, избаловавшего за последние 2 — 3 года северян, а теперь обманувшего их ожидание жаркого, сухого лета, предсказанного метеорологами.

Ждали сухого лета, а дожди идут перемежающиеся, открывающие то одну, то другую часть горизонта: на тебя льет дождь, а там видно синее небо, и светит солнце.

Кажется, уехать из Москвы на десяток верст, — и найдешь лето в полном разгаре.

Проехали Тулу. Небо также покрыто негустыми перемежающимися облаками, то закрывающими, то открывающими солнце. Шли дожди, именно «шли», а не «шел»: от Орла до Курска — светит и мочит, светит и мочит.

Перегон Курск — Харьков — темные, густые тучи, настоящий проливной дождь. На рассвете подходим к Харькову. Ясный восход солнца, небо основательно промыто ночным дождем, ни одного облачка, ярко-красное солнце, парит точно в бане.

Все неровности площадей наполнены водой, улицы, пути, деревья — все чисто вымыто, как бы приготовляясь встретить большой праздник. Местная публика говорит, что целую неделю шли непрерывные дожди, это — первый жаркий день. Есть опасность для урожая, который обещает по Харьковской губернии быть очень хорошим.

Сворачиваем на юго-запад через Полтаву, Кременчуг, Николаев. Снова идут дожди, водой переполнены все водоемы.

Справляюсь в Кременчуге о состоянии погоды, о видах на урожай: погода стоит отличная, каждую неделю посещают 1—2 дождя, хлеба хороши, картофель цветет, обещая хороший урожай.

Николаев сравнительно молодой город, распланированный на прямые улицы с одноэтажными домами из местного камня. Строгой симметричностью своей планировки он сильно походит на военный город.

Промышленность города в данный момент невелика, она концентрируется на заводах бывш. «Наваль» и старом «Судостроительном», объединенных в одном управлении, с 5 000 рабочих. В период гражданской войны на них работало до 30 000 человек.

По словам местных товарищей, раньше Николаев был очень оживленным городом. Сейчас его улицы пустынны. Работа порта умерла. Город переживает трудные дни. Говорят, что март — апрель были самыми тяжелыми, с июня развернулась работа АРА. Положение рабочих, работающих на заводе, очень тяжелое, нерегулярность уплаты жалованья, пайка, низкая плата, увеличивающаяся цена хлеба — сильно подняли смертность среди рабочих.

Характерно, что повсюду в городах смертность среди взрослых на почве голода выше, чем среди детей. В деревне же эти цифры перемещаются в обратном направлении. В Николаеве

умерло от голода к 1 мая детей 178 человек, взрослых—507 человек; в уезде за тот же период детей — 1 113 человек, взрослых 570.

По настоянию местных властей, едем в Очаков, верст 70 — 75 от Николаева.

Дорога идет по правому берегу Бугского лимана, то приближаясь, то удаляясь от него, смотря по удобству проложения дороги. Настоящая степь — ни кустика на горизонте.

Возвышенности, балки, один-два холма, очевидно, насыпанных руками человека, ибо они тянутся на многие версты вдоль дороги и, обыкновенно, когда один из холмов уходит с горизонта, другой обрисовывается вновь.

В степи, примерно, засеяна третья часть. Озимые хлеба неважны, попорчены осенней гололедицей. Яровые хороши. Народ сильно голодает.

В Очакове же живут лишь бедняки-рыбаки, ловят рыбу скумбрию и продают ее в Одессу, где из нее готовят консервы.

В Херсон приехали 16 июня. Это один из сильно пострадавших от голода городов. Внешние картины города наиболее обрисовываются на окраинах города. Пробираемся в Госпитальную слободку, она же «Цыганская». Это — местечко, населенное херсонской беднотой, которая раньше работала на поденных работах. В 1920 году ее наделили землей, и большинство из них построили мазанки выше города по Днепру. Отсутствие работ в городе и неурожай в 1921 году окончательно разрушили благосостояние бедноты. За зиму продали все, что можно было продать, в марте — апреле наступил кризис, и половина местечка вымерла голодной смертью за последние два месяца. Лишь со вскрытием Днепра положение немного улучшилось, появилось подспорье — рыба.

Целый ряд халуп стоит с закрытыми ставнями, некоторые подвергаются разрушению, из них и с них расхищают все, что можно продать на базаре.

Заходим в одну из хат, застаем молодую девушку, лет 16, худую как скелет, почти голую. В хате чисто, кроме стола и одного стула, — ни одного предмета. Брат с матерью ушли на базар.

В других домиках лежат, сидят опухшие люди, обреченные на скорую смерть. В одном застали лежащую на полу женщину. Вначале мы думали, — умершая; присмотрелись — пульс еще бьется, но она уже находится в предсмертном забытье, совершенно голая, облепленная пухом и перьями. В помощи она уже

не нуждалась. Муки голода ее уже оставили, лицо спокойное, как бы отдыхающее от пережитой усталости. В хате никого и ничего, даже нет стола и табуретки.

Здесь же, за дверью, две женщины и мужчина разрушают примыкающую халупу, где семья полностью вымерла. Спрашиваю:

— Вы знаете умершую?

— Нет, мы живем с того конца слободки, а халупу купили для слома.

Одни умирают, другие хоронят, третьи, более счастливые, стремятся использовать остатки от умерших вплоть до мягких частей их тела.

По улице идет процессия из 4 человек, на двухколесной тележке везут гроб. К автомобилю подошли двое с лопатами, разговорились, — один из них был слесарем на заводе «Леснер». Они копали могилу умершей матери. За хатой, стоящей особняком, шоффер рассматривает человеческий череп.

«Цыганская» слободка жестоко пострадала, $^2/_3$ ее населения погибло, и целый ряд новеньких халуп, созданных новыми собственниками, разрушаются, погибают вслед за своими владельцами. Другие окраины Херсона пострадали столь же сильно.

На второй день поехали в Никольскую волость, в 25 верстах от Херсона, на реке Ингулец.

Всего в волости 9 000 населения, из них с 1 марта умерло от голода 800 человек, до марта смертей от голода зарегистрировано не было, и вообще, по словам крестьян, до марта смертность была обычная.

Волость имела 30 тысяч десятин земли, засеяно 9 500 дес., из которых полторы тысячи десятин озимых крестьяне считают пропавшими. Питаются на средства Помгола 4 000 человек. АРА кормит 100 детей.

Обычная норма общественного питания: в котел кладется 2 пуда — муки, чечевицы, гороха, без жиров, на 500 человек. Крестьяне постоянно просят лишь побольше воды, ибо они берут свой обед в 8 — 9 часов утра и снова его дома переваривают, прибавляя к нему всевозможные суррогаты, от капусты до макухи. Заходим в только-что открытую детскую столовую АРА. Довольно большая хата, срединная комната — приемная — разделяет ее на две половины, в одной стороне небольшая кухня, комнатка для персонала, в другой — непосредственно столовая. В ней поставлено в два ряда 8 низких столиков, взятых из детского дома. Все чисто, выбелено, производит бедное, но прият-

ное впечатление. Резко рознясь от прочей обстановки, в столовой выделяется у противоположной стороны столик из бамбука, японской работы, а на нем — недурное чучело орла.

— Откуда это у вас?

С некоторой гордостью заведующий отвечает:

— А это с соседней экономии, было прежде генерала такого-то.

Настроение всего персонала торжественное, ребят — удовлетворенное.

Возле столовой состоялся импровизированный митинг, где проявилось классовое расслоение деревни. Состоятельные крестьяне, как в волости, так и здесь, нажимали, чтобы через Помгол им дали кратковременную ссуду продуктами питания недели на 2 — 3. Затем они стремились уменьшить количество засева, степень урожайности и большое внимание уделили продналогу.

Беднота, в особенности женщины без мужей, обращаются непосредственно за помощью, урожай их не избавляет от новой голодовки зимой, и у них одна надежда: власть каким бы то ни было путем им поможет. Все выражают желание работать. Состоятельные, можно сказать, только-что вылезли из когтей голодной смерти, уже боятся лишних ртов на их урожай — своей же бедноты.

Количество всего населения в губернии 1 263 512 человек. Кормящихся 126 009, до 1 мая кормилось 42 258 человек, умерло от голода к 1 июня 16 410 человек. Таковы основные цифры голодающего населения; наиболее острый момент миновал, сейчас голодная смерть делается единичным случаем.

Николаевская губерния пережила очень острые приступы голода, понесла большое число голодных жертв. В июне месяце общими силами, в том числе и заграничными, удалось значительно смягчить остроту голода. Перспективы настоящего года, по всем данным, гораздо лучше пережитого периода.

Их Херсона, через Криворожье, мы проехали по двум уездам Запорожской губернии — Александровскому и Мелитопольскому.

Внешняя сторона голода Запорожской губернии мягче, чем в Николаевской. Возможно, что это вызвано тем, что она первая из украинских губерний признана голодающей.

В цифрах голод по Запорожской губернии рисуется в следующем виде:

1. Площадь охватываемой земли — 2 927 319 дес.

2. Всего населения в губернии 1 339 563 чел.

3. Общее количество голодающих 930 000 чел.

4. Всего кормится организациями 192 000 чел.

5. Смертность не превышала 5—6 процентов, падая в городах, повышаясь в деревне.

В настоящий момент приступили к уборке урожая, который обещает в Запорожье, в общем, быть хорошим.

ПОЕЗДКА В БАКУ.

В 7 часов вечера скорый поезд тронулся с Курского вокзала. Мороз, все пути завалены снегом. Зима в полном разгаре, и только более сильный вечерний свет говорит о близости весны. Начиная с Курска, веяние весны чувствуется сильнее: кое-где темнеющими пятнами на белом фоне появляются проталины. Ближе к Белгороду эти темные пятна все усиливаются. На станциях—грязь. Крестьяне приехали на телегах. Открылись ручьи. Поезд быстро двигается к Харькову, мы как бы торопимся к весне. Время идет навстречу расстоянию.

В Харькове вокзал и пути совершенно чисты от снега, подметено; публика в весенних костюмах. В Ростове весна окончательно вошла в свои права. Снега нет совершенно, только-кое-где на откосе маленькие сугробы быстро умирают, подвергаясь действию весеннего ветра и солнца.

Батайск — преддверье Кубани. Здесь другой мир: светит солнце ранним весенним холодным светом. Беспредельная степь, ровная, ни кустика, ни холма. Черная дорога, только что освободившаяся от снега, черные, осенью под снегом вспаханные, поля, приготовленные для ярового посева; земля как бы живая, приготовившаяся к родам, она только ждет, когда человек бросит в нее семена. Вспаханные поля сменяются огромными пространствами, покрытыми жнивом. На горизонте видны хутора: небольшая кучка сбившихся маленьких хат с подсобными строениями, с небольшим количеством деревьев, выдающих присутствие жилья. Города на Кубани имеют все черты степных городов — их не сжимают леса (как наши северные города), ни горы, ни водные пространства, ни овраги; они широко раскинулись по степи: широкие немощеные улицы, маленькие трехъ-четырехъ-оконные домики — желтые, синие, красно-кирпичного цвета, но преобладают белые мазанки: каждый домик чувствует про-

стор, как наседка, распуская крылья во все стороны, прижимаясь к земле.

На полях идут работы: начинается сев. Во многих местах клубится дым, видна широкая полоса темнокрасного пламени, идущего по степи; это пахари жгут прошлогоднюю траву, которая с трудом поддается действию огня; она еще не совсем просохла.

Мелькает станция за станцией, оставляя в памяти лишь вид невысоких, приземистых бетонных водокачек, своей архитектурой как бы символизирующих кубанца-крестьянина.

В Баку поезд приходит около трех часов почи на четвертый день. Начиная с Баладжар (конечная станция перед Баку), поезд верст 10 — 12 кружит около Баку. Вот впереди поезда с левой стороны видна красная луна. Ее серп расположен как будто более лежа, чем на севере; у нас она совершенно белого цвета, а здесь приобрела красноватый оттенок. Через две минуты луна переходит на левую сторону, немного погодя она уже сзади поезда чтобы потом снова очутиться впереди. Поезд подходит к городу. Весь город покрыт маленькими, точно игрушечными, огнями: полная иллюзия иллюминации.

Я был в Баку в 1900 году, ехал первой высылкой в Тифлис. Впечатление от города в прошлом, мне кажется, было более сильно, чем в настоящее время. Довольно старые, почерневшие здания, улицы людны, в рабочих кварталах города идет починка домов собственными средствами; город носит трудовой характер.

Проехали на Биби-Эйбатские промыслы, расположенные у моря на высоком берегу. Как раз здесь происходит засыпка так называемой Биби-Эйбатской бухты. Это очень интересная работа. Начиная с 1900 года, предполагалось засыпать до трехсот десятин для сдачи их участками под добычу нефти, которая по разведкам оказалась под водой. В настоящее время засыпано около двухсот десятин, на что израсходовано свыше 6 миллионов рублей золотом. Сейчас там строятся новые вышки и бурятся скважины. Двадцать четыре вышки уже готовы. В одной, имени тов. Сталина, забил фонтан с глубины 57 саженей, в настоящее время остановившийся. Руководители постройки говорят: «Хорошо, что остановился. Мы не были вполне подготовлены: не ждали фонтана со столь малой глубины». Сейчас в ней производят тартание, чтобы начать дальнейшее бурение. Думают, что через семьдесят саженей снова забьет фонтан.

В Баку, на базаре.

Когда мы подходили к вышке, нас остановил часовой. Предсовнарком просит пропустить.

— Пропуск?

— У нас нет, мы такие-то.

— Не могу, я вас не знаю в лицо. Я имею строгий приказ без пропуска от Азнефти к фонтанирующей вышке никого не пропускать.

Появляется бурильный мастер и под своею ответственностью ведет нас к вышке, где прибита доска: «Вышка имени тов. Сталина (Коба)».

На промыслы в бухте питают большие надежды. В ближайшее время начнут вводить в эксплуатацию вновь отстроенные вышки.

На другой день в 11 часов утра с тов. Серебровским на автомобиле мы отправились осматривать промыслы на Балаханах. Проезжая городом, тов. Серебровский очень оживленно указывал то на дом, то на завод, принадлежащий Азнефти, то на склад. Каждому заводу, складу он предпосылал или историю его возникновения или историю ремонта и возобновления.

Наконец, выехали на шоссе, по которому движутся на маленьких арбах окрестные крестьяне. Вот азербейджанец сидит на маленьком ослике-ишачке, немного побольше собаки; седок сидит на одну сторону и ногами почти задевает землю. Шоссе идет бурой степью, покрытой рытвинами, оврагами, озерами с грязной водой. Переезжаем через множество труб. Эти трубы проведены с Балаханских промыслов на наливную пристань, куда перекачивают нефть. Показались вышки. Въезжаем в Балаханы,

Улица, по которой мы едем, разделяет Балаханы и Раманы. С обеих сторон целый лес вышек в близком друг от друга соседстве, действующие вперемежку с бездействующими. Большая часть уже брошены как использованные. Бездействующие вышки не разбираются, они остаются на старом месте. Иногда, говорят, старая действующая вышка снова возобновляется: ее бурят на нижележащий слой, и она снова начинает действовать, но только уже не с первоначальной глубины, примерно 160 — 180 саж., а со следующего нефтяного слоя — 350 — 400 саж.

Старые владельцы характерно распределяли вышки; если есть у него десятина земли, то он стремится ставить вышки на ее границах; в свою очередь, и другой владелец, стремясь подсосать соседа, рядом ставит свою вышку. Две вышки работали

рядом, одна подсасывая другую, а средина промысла оставалась пустой.

Мы объехали Сураханы, Раманы, Балаханы. Большинство промыслов работают по старым традициям. Вот промыслы Нобеля — у них хорошие постройки, недурные рабочие казармы. В Раманах — Кавказское товарищество, где хорошие трехъэтажные рабочие дома. Сейчас казарменная жизнь везде заменяется комнатной.

В одном из промыслов заходим в только-что отремонтированный Азнефтью дом. Дом каменной кладки, из двух этажей, разделен на 20 квартир. Одна комната 6×6 аршин и маленькая кухня, отапливаемая газом. В такие квартирки стремятся поселить обслуживающий технический персонал промыслов: машинистов, монтеров, ремонтных слесарей и т. д. Тов. Серебровский говорит: «Вот если бы всем такие квартирки устроить, рабочие были бы довольны». Действительно, эти квартирки производят приятное впечатление: комнатка чистенькая, а в кухне так же чисто. Газовое отопление портативно и гигиенично. Газ является побочным продуктом при добыче нефти; он самопроизвольно выходит из земли, его ловят и используют для самообслуживания.

Подъезжаем к вышке, где происходит бурение; пробурено свыше ста саженей. Бурение — это не вполне верное название: бурят только новыми американскими станками, а по-старому шахту долбят. Долото состоит из большой прикрепленной к канату сечки, которая смаху падает на дно, приподнимается, ее повертывают, и она снова падает. Таким образом, сажень за саженью, пробивает породу. Время-от-времени туда опускается особый аппарат, который захватывает всю надолбленную землю, и снова продолжается долбление. Таким путем через год-полтора при нормальном течении дела вышка бывает готова.

Вращательным американским способом при благоприятных условиях можно закончить бурение вышки в 310 саж. в шесть-семь месяцев. В бурении участвуют три смены рабочих. Каждая смена состоит из пяти человек чернорабочих, одного ключника, одного тормозового и на несколько буровых (три-пять вышек) по три помощника бурового мастера. Тов. Серебровского (начальник Азнефти) часто останавливают. Вот один из помощников бурового мастера, азербейджанец, хочет, чтобы его перевели в мастера. Тов. Серебровский говорит:

— Приходите завтра туда-то.

— Нет, ты мне дай бумажку.

И тов. Серебровский вынужден был дать бумажку. Отношение к нему рабочих, чувствуется, хорошее.

Нефть добывают тремя способами: фонтанная [бьет сама, компрессорную нефть берут из буровой насосом (до 10 000 пуд. из скважины в день; разумеется, этот способ применяется только в богатых нефтескважинах) и третий самый обыкновенный — тартальный способ. Тартанием нефть добывается в наибольшем количестве вышек.

Установлены три смены по восемь часов в сутки. В каждой буровой работает по одному тартальщику. На семь буровых один мастер с помощником, на восемь — десять буровых, один масленщик. Раньше тартальщиками были только персы, в настоящее время и русские поступают на эту работу.

Апшеронский полуостров сейчас дает свыше двухсот миллионов пудов нефти. Нет никакого сомнения, что в два-три года он дойдет до старой производительности — до 400-500 миллионов пудов.

Весь капиталистический мир жадно борется за эту черную горючую жидкость, и повсюду, где она оказывается, свободные народы, живущие поблизости таких источников, подвергаются опасности быть порабощенными за благо, наделенное им природой. Жадность к благородному топливу безудержна. Властители капиталистического мира согласны утопить миллионы людей в море крови, лишь бы захватить источник бешеного дохода.

А ведь еще сохранились развалины храмов огнепоклонников, к которым целые тысячелетия люди ходили приобщиться к «священному вечному огню»*), который неугасимо горел из поколения в поколение в храмах.

Сейчас нам кажется большой наивностью считать «священным» вечный огонь, исходящий из земли. Сейчас Азнефть этот газ ловит и направляет по газовым трубам в плиты рабочих, но могли ли так относиться неграмотные, невежественные, бедные, одурманенные священнослужителями восточные народы?! В сущности, у них было больше прав на веру в сверхъестественную, стоящую над человеком, силу. Они видели в храме вечный неугасимый огонь, — огонь, который так дорог и ценен в степи первобытного человека. А ведь культурный христианский мир собственными руками создал себе богов из золота, дерева, одел их в тряпки и им поклоняется.

*) Газы нефти, постоянно пробивавшиеся из земли, иногда загорались. Этот-то огонь и считали «священным» и «вечным».

Эксплуататоры стремятся все использовать в своих интересах. Пока невежество сильно, они используют его непосредственно; когда же развитие рассеивает дым суеверия, масса загоняется насильственно в места создания богатств. Таким местом и был Баку. Около сотни тысяч рабочих разных национальностей из года в год создавали огромные богатства интернациональному капиталу — от шведа Нобеля до армянина Тер-Лианозова. И лишь сейчас идет огромная работа: создаются новые вышки, бурятся буровые, растет число рабочих, их производительность, и стремительно развивается глубокое сознание рабочих, что сейчас каждый пуд нефти не укрепляет цепи их рабства, а является свежей, здоровой кровью, вливающейся в организм Советской республики, укрепляя ее силу и мощь и в конечном счете приближая день окончательной победы труда над капиталом.

ПОЕЗДКА НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.

1. Перед Читой.

От Байкала до Владивостока с небольшими перерывами с обеих сторон железнодорожного полотна тянутся невысокие горы.

В иных местах поезд проходит сотни верст, не встречая селения, лишь редкие будки железнодорожных сторожей или станции, ограниченные железнодорожными зданиями. С левой стороны, верстах в 10 — 30 от линии, тянется глухая тайга, куда идут таежники, охотники, звероловы и золотоискатели.

С правой стороны, за хребтом, Манчжурия, на границу которой влечет неудовлетворенных земельным простором Сибири и Амура колонизаторов, любителей девственной природы и нетронутой человеком земли.

Большая часть гор покрыта редким лесом: береза, лиственница, елка, сосна, изредка кедр. Лес производит жалкое впечатление, как будто он выдержал жестокую бурю, вернее, каждый день выносит бури, выносит жары и стужи, часто нуждаясь в питании. Все эти невзгоды сделали его чахлым, нездоровым; изогнутые сучья, засушенные вершины, кривые стволы, бедность листвы ясно показывают, что его легкие не в порядке. Может-быть дальше от железной дороги и жилья, где рука человека не столь ему вредит, он мощнее, с меньшими жертвами противостоит амурскому жестокому климату. Большую часть пути преобладают береза и лиственница; лишь за Благовещенском начинают попадаться дубняк и другие представители более южных пород.

Дорога идет большею частью долинами рек Хилок, Шилка, Амур, временами пересекает хребты сопок, чтобы снова попасть в долины. На ст. Хилок был первый митинг в Прибайкальской области. Ее вокзал обращает внимание своей архитектурой —

не казенной, а нарядной, как особняк требовательного владельца с художественным вкусом.

Перед ст. Яблоновая пересекаем горный хребет. Река Хилок остается вправо, полотно идет по широкой зеленой долине, покрытой редким, мелким кустарником; таковы почти все долины, точно прижавшиеся к левому склону гор. Перед станицей долина замыкается суживающими ее с обеих сторон хребтами, и впереди стоящая сопка преграждает путь; но дальше стальная извилистая змея снова и снова делает ряд крутых поворотов, найдя более доступный путь к Тихому океану, в стремлении к которому она проявила столь огромную настойчивость.

Несколько слов о виновнике появления здесь человека (в частности, российского). Я говорю о Забайкальской и Амурской железных дорогах. Последняя еще не окончена процентов на 40 — 30; громадное большинство мостов временной постройки; не окончено и оборудование депо и, главным образом, водяное снабжение, которое казалось бы простым при обилии воды вдоль всей линии. Но жестокие долгие зимние холода, целый ряд пунктов с вечным замерзанием на глубине $1^1/_2$ — 2 аршина ставят перед техническими руководителями дороги ряд трудно разрешимых задач.

По всей линии идут восстановительные работы: строят мосты, меняют шпалы; как кроты, разбросанные небольшими партиями, рабочие, русские и китайцы, творят великое дело: сближают далекий Запад с крайним Востоком европейского и азиатского материков.

Результаты их труда налицо: вместо полагающихся семи дней путь от Читы до Владивостока был пройден нами в обратном направлении в $4^3/_4$ дня.

2. Крестьянский двор.

При остановке на ст. Яблоновая я спустился с откоса полотна, чтобы зайти в недалеко стоящий крестьянский дом. Дом с пристройками был обнесен черным от времени дощатым забором без ворот.

Хозяин дома — крестьянин лет 35 — 40, немного выше среднего роста, с большой рыжей бородой. Дом по архитектуре является типичной крестьянской избой в 3 окна с широкими ставнями, рядов 15 — 17, высота, примерно, одинаковая с великорусской избой.

В левом углу загороди — навес, к которому примыкает пристройка сарая, дырявая, без крыши и ворот. Здесь зимой, по словам хозяина, стоит скот. На мой удивленный вопрос, как в такие суровые длинные зимы может скот стоять почти буквально на улице, хозяин отвечал: «Наша скотина привыкла к открытым хлевам, в закрытых получается как бы сырость, и скот потеет».

На дворе разложен костер, куда для увеличения дыма положен навоз. Этим отгоняют мошкару от скотины; последняя, очевидно, привыкшая к единственному спасительному средству от этого жестокого бича всего Дальнего Востока, спокойно стоит в пределах расстилающегося дыма.

Крестьянин — местный уроженец. Хозяйствует девятый год. Раньше засевал десятин по пяти, в настоящий год засеял лишь две, обеднел благодаря неурожаю в течение последних четырех лет. В настоящем году хороший урожай.

— Какие вы больше сеете хлеба?

— Только яровые: рожь, ярицу, пшеницу; гречиху по сопкам, в долине сеять нельзя, пропадает от холода.

— Как же, в долинах холода, а на сопках может вызревать? — спрашиваю я. — Может ли это быть? На горах холоднее, чем у подошв гор, а у вас какие-то чудеса, как раз обратно?

— По ночам теплый воздух идет кверху; по сопкам и гречиха не мерзнет, а внизу пропадает.

Интересно практикующееся здесь землепользование; каждый разрабатывает себе участок, где найдет необходимым. Но если его разработанный участок остается незасеянным два года, им может воспользоваться любой, желающий на нем сеять.

О Чите сказать нечего, несмотря на исключительное ее гостеприимство и высокий подъем настроения читинских рабочих, главным образом, железнодорожников, в мастерских коих происходило объединенное заседание всех советских, партийных и профессиональных организаций.

3. Митинг в селе Монастырском.

Станция Приисковая — 190 верст за Читой, Нерчинского уезда.

Здесь Читой назначен митинг в селе Монастырском — три-четыре версты от станции, за рекой Шилкой. Ехали на лоша-

лях. На пароме через Шилку встретили много народа, идущего на митинг в Монастырское, преимущественно рабочие местных угольных Черновских копей. При переезде загорелся горячий спор о количестве и стоимости угля. Главным его потребителем является железная дорога. Рабочие доказывают хорошее качество угля, обвиняют железную дорогу в пристрастии к дровам. По словам железнодорожников, качество угля, действительно, невысоко, но и цена крайне невысокая, около 6 к. за пуд; однако, и при такой цене дороге все-таки выгоднее работать на дровах, которые обходятся еще дешевле.

На этой почве и шел спор.

Рабочие проявляют исключительное упорство в удешевлении угля и настойчиво ищут себе рынков. В особенности заняты внешним, в роде Китайской дороги.

Село Монастырское, в 150 дворов, раскинулось на несколько улиц. По середине села, на большой площади — церковь, перед которой и происходил митинг.

Народу собралось до тысячи, много из соседних волостей. Толпа довольно пестрая; крестьяне, перемешанные с рабочими Черновских копей, одеты разнокалиберно с преобладанием черных блуз, многие в военных фуражках. Большинство женщин в белых блузах и юбках. Вообще, наряд не оригинален, как будто находишься не в Восточной Сибири, в семи верстах от Нерчинска, а в бедном фабричном поселке центральной России. И постройки очень похожи на старые постройки наших мест: небольшие избы, черные, с широкими ставнями на окнах, крытые тесом, внешне примитивные и некрасивы.

Митинг в Монастырском явился исключительным не только для восточной окраины. И в центральных губерниях такие не часто бывают. Рабочие-партизаны, перетерпевшие все тяготы интервенции, при встрече с представителями из Москвы реально ощутили, что их жертвы не пропали даром, что их мечта—быть в единении с центром — осуществилась. Все это вылилось в речах выступавших ораторов.

Солнце жгло немилосердно; пришедшие только поглазеть быстро отошли; осталось ядро человек в 500 — 600, расселись на земле и митинговали часа четыре. Можно было продолжать и шесть, нашлось бы ораторов и вопросов, — публика осталась крепкая, интересующаяся.

Одной из первых выступает крестьянка лет пятидесяти, села Монастырского, по словам местных товарищей, пользую-

щаяся большим авторитетом среди женщин деревни, беспартийная Васильева:

— Приветствую от имени гражданского населения нашей власти дорогого товарища! Мы много страдали, что были оторваны от нашей матери родной. Сейчас глубоко радуемся, как дети, потерявшие свою мать и снова ее нашедшие. Мы так много пережили и перестрадали вообще за это время. С нами шли наши дорогие, близкие нам люди, они усеивали своими трупами тернистую дорогу. Мы, дорогие товарищи, в присутствии нашего дорогого гостя должны оставить все наши недоразумения, недочеты, вражду, которые остались по наследству от наших врагов и от наших мучителей. Мы должны сказать, что эти мучители погибли навсегда. Да здравствует коммунистическая партия! Да здравствует Советская власть!

Из целого ряда ораторов приведу речь крестьянина Ундинской волости тов. Никитина:

— Товарищи, приветствую дорогого гостя от рабочих и крестьян Ундинской волости! Горячо благодарим его за приезд и надеемся, что это не последний раз. Это нам так дорого, что и оценить нельзя и представить. Так вот, дорогой Михаил Иванович, мы бы очень хотели вас видеть там, за хребтом, в горах, где нам пришлось так много перенести страданий. Благодарим за ваш приезд, и очень горячо благодарим!

И, наконец, речь от рабочих ст. Шилка, тов. Мельникова:

— Товарищи, от имени беспартийных рабочих я приветствую приезд дорогого нам тов. Калинина. Товарищи, еще не заросли травой могилы наших дорогих товарищей, наших лучших работников, которые отдали свою жизнь за Советскую власть. Товарищи, я много не буду распространяться. От имени беспартийных рабочих я говорю, что мы можем победить только под флагом коммунистической партии и под флагом Третьего Интернационала. Мы все, товарищи-рабочие, боролись на сопках, пережили большую нужду, но мы ждали Советскую власть. Приветствую дорогого тов. Калинина, в его лице Центральный Исполнительный Комитет. Да здравствует революционное движение всего мира!

Ни одной речи про тяжесть Советской власти, налогов. Это не значит, что не было вопросов; наоборот, вопросы были почти по всем отраслям управления, и был проявлен интерес к международному положению. Вероятнее всего, присутствующие рабочие расширяли рамки крестьянского митинга.

Среди крестьян села есть добровольцы Красной армии и партизан. Крестьяне, в общем, живут бедно, огороды плохи, много табака, махорки. Но отдельные крестьяне есть зажиточные.

После митинга мы были приглашены к одному крестьянину. Дом старый, но большой и содержится в полной исправности. Большой двор, обнесенный бревенчатым забором, чисто выметен. В нем ряд пристроек: зимовка, навес, где хранятся земледельческие орудия: конные грабли, косилка, веялка и т. д. Большой огород, на три четверти использованный под табаком, остальная часть под овощами. За огородом, по словам хозяина, ухаживают только одни женщины.

Внутренность дома разделена на две половины. В первой — значительное место занимает русская печь. В правом углу большой обеденный стол и небольшой киот с образами. В следующей — стулья, на окнах горшки с цветами, в конце комнаты круглая городская железная печь.

Сам хозяин уже пожилой человек, крепкий, невысокого роста, седой; два его сына — невысокие коренастые парни, видимо, недавно возвратившиеся из Красной армии. Присутствовало несколько мужиков и уездная власть, два-три человека. Внешнее положение, в отношении к приехавшим, насколько можно было заметить по присутствующим, доброжелательное, но не заискивающее.

Урожай неважный; особенно пострадали травы, благодаря чему скот упал в цене, до 20 рублей золотом за корову. У крестьян большая забота, как прокормить в зиму скотину, принимая во внимание, что скотины у сибирского крестьянина гораздо больше, чем у русского.

Один из присутствующих крестьян говорит:

— Видимо, придется на зиму угнать скот за хребет Манчжурии, верст за 200 — 250, там прозимовать, а весной обратно. У нас так бывало.

4. В глухой тайге.

Станция Куруша. Стоим несколько часов, дожидаясь встречного поезда.

Настоящий поселок из 60 дворов и полсотни служащих. Полей не имеют, — летние морозы губят. Кругом Амурская тайга; крестьяне живут заработком от железной дороги, охотой и промывкой золота. При удаче намывают в день ползолотника,

2 р. 15 коп. по местным ценам. Золото берут все: лавка железнодорожного кооператива, китайская, поселочный кооператив и, вероятно, буфетчик на станции, китаец из Чифу. Только китаец может существовать на такой заработок, который получается от крошечного буфета на ст. Куруша.

В буфет за нами вошло до десятка местных аборигенов; пассажиров, разумеется, ни одного. Спрашиваю:

— Бывают когда-нибудь местные пассажиры?

— Очень редко, — отвечает китаец.

А между тем, только один из присутствующих не собирается ехать в Россию. Он оказался местным крестьянином, недавно возвратившимся из Красной армии; был добровольцем, работал на приисках (конечно, самостоятельно), но неудачно. Сейчас временно работает по ремонту телеграфа. На вздохи железнодорожников, как бы поскорее выбраться из этой ямы, он говорит:

— Да, здесь скучно; осенью уйду в тайгу за золотом, белкой; бьем глухарей...

Другие смеются:

— И китаезов, старателей, идущих с промыслов с сумкой...

Он спокойно:

— Бывает, только надо целить в последнего.

Я спрашиваю:

— А почему в последнего?

— Да старатели народ хитрый: первые идут пустыми.

Как бы то ни было, а жизнь берет свое, и железнодорожники привыкают к тайге: ловят зайцев, бьют белок, мясо которых едят (говорят, вкусное). Все держат коров, ибо трав здесь на сотни верст кругом. Условия здешние делают железнодорожника, с одной стороны, таежником, а с другой — здесь, в ячейке 18 человек, в РКСМ — 16.

5. На Амуре.

К Бочкареву, откуда идет ветка на Благовещенск, верст за двести горы расступаются. Поезд идет по равнине, относительной, конечно. Реки от полотна ушли, их пересекаем; появляются более частые селения; поля, засеянные пшеницей, гречихой; картофельные площади, прорезанные цветочными полосами подсолнечника. Урожай по Амурской губернии хороший.

Мы — у Благовещенска. Город молодой, насчитывает с небольшим 70 лет — возраст, доступный человеку. Имеет 60—70 тысяч жителей, расположен на берегу реки Амур. Он распланирован широкими прямыми улицами, верст на семь по Амуру и три—три с половиной версты в ширину. Преобладают небольшие красивые, в три-четыре окна домики различной окраски; много зелени.

Амур у Благовещенска принял уже большие размеры, около версты в ширину и значительную глубину. К нашему приезду горизонт его воды стоял на $2^1/_2$ сажени выше нормального. Как раз против Благовещенска расположен китайский город Сахалян. Свыше тысячи верст Амур служит границей между РСФСР и Китаем. И, как общее правило — против нашего селения на левом нашем берегу обязательно расположено, на китайском правом — китайское. Разумеется, такие селения и города растут, главным образом, на контрабанде.

Между Амурской областью и Китаем довольно тесные связи. Десятки тысяч китайцев проживают у нас в Приамурье в качестве рабочих, слуг и 90 процентов мелкой торговли находится в их руках. Несомненно, и Приамурье значительно заинтересовано китайской стороной. Между Благовещенском и Сахаляном был живой обмен; в настоящее время, благодаря пограничным недоразумениям, всякое общение, кроме официального, прекращено: ни одно судно, даже лодка, не пересекает Амур.

От Благовещенска до Хабаровска проехали на пароходе с небольшим 900 верст. На утро был великолепный ясный день; солнце здесь как будто ближе к земле, ярче и жгучей московского. Пароход по течению быстро продвигается вперед, берега с обеих сторон реки пустынны, дики и суровы. Очевидно, от времени до времени Амур напоминает о своем могуществе, заливая десятки верст бешено бегущей водой. Сейчас ложе реки наполнено до краев; еще аршина два, и бурные потоки разольются, наводнив прибрежные низины, покрытые высоким тростником.

Редко река идет одним руслом: остров за островом тянутся на десятки верст, дробя могучую водяную стихию на отдельные рукава, чтобы потом на некоторое расстояние их слить в широкую, играющую на солнце, зеркальную поверхность, несущую в себе огромные, еще не использованные запасы энергии. Изредка на берегу, на острове или в устье впадающей реки видна группа старателей, золотоискателей, в пять-шесть человек, или реку пересекает одинокая лодка — это везут контрабанду.

Первая остановка. Прошли от Благовещенска 214 верст. Пристань Иннокентьевка. Было четыре часа дня. На берегу собрались крестьяне, разбитые на несколько неорганизованных групп. Сиротливо стоит группа молодежи в семь-восемь человек под красным знаменем, в стороне — толпа женщин, кучка ребят. Недоверчиво, как бы стесняясь, стоит врассыпную на берегу толпа, человек 90 — 100. Спрашиваю:

— Казаки?

— Нет, бывшие казаки.

Хотя и была приготовлена трибуна, но дело ограничилось непосредственно разговором в толпе. Заявлений не оказалось. Народ очень осторожен, предпочитает, чтобы сведения давал председатель сельсовета или волисполкома. Так и чувствуется, что толпа на-стороже. Есть несколько основательно хвативших, которые, конечно, хотят выступить, но толпа их быстро оттирает и выпроваживает.

По всем основаниям, живут не бедно. Достаточно сказать: на 812 жителей до 1 000 лошадей, — вероятно, цифра сильно уменьшенная; дома, как вообще на Амуре, хорошие, крытые оцинкованным железом. К работе сельского кооператива относятся с иронией; сразу чувствуется, что характер иннокентьевца вырабатывается, с одной стороны, тайгой, с другой — китайской границей, как источником нелегального дохода. Недаром станица в 18-м году активно боролась против Советской власти (сейчас числится лояльной).

Примерно, такая же обстановка в Михайлово-Семеновском, на 649 верст от Благовещенска. Группа молодежи, где было много девушек, усиленно просила зайти в их помещение, находящееся в сельской школе, непрезентабельном с виду одноэтажном здании. Входная дверь ведет в широкий коридор, откуда дверь в большую комнату. Пол только-что вымыт как в коридоре, так и в комнате. В правом, переднем от двери углу — библиотека, очевидно, гордость молодежи. Я пожалел, что с собой не имел запаса новых книг, в которых так нуждаются библиотеки в столь глухих местах. Между прочим, у них уже есть запас денег, собранных для покупки новых книг. Так и чувствуешь два мира: один — на улице, недоверчивый, боящийся еще новой Советской власти, другой — вот в этой большой комнате, где вместе с библиотекой в переднем углу, в заднем помещаются театральные подмостки, приготовленные и приукрашенные для встречи советских гостей. Удивительная вещь: как-то сразу

установилось, что мы являемся родными! Одна из девушек говорит:

— Мы сами мыли, только вот осенью у нас отнимут помещение, не знаю, как и куда мы устроимся!

Я посоветовал основательно нажать на сельсовет:

— Не может быть, — сказал я, — чтобы в столь богатом селе не нашлось вам помещения.

6. В Хабаровске.

Хабаровск очень оригинальный город. Он расположен при впадении Уссури в Амур. Перед пристанью — торговая площадь, сжатая с трех сторон сопками. С пристани видать беспорядочно разбросанные по склону и на вершинах гор красивые особняки. Налево от пристани, в саду, на высоком берегу, виден памятник Муравьеву-Амурскому.

Дома разбросаны, как бы не считаясь с общим планом, каждый строитель располагался как ему удобнее и думая о том, будет ли видна далеко красивая часть его дома.

Все описываемое кажется только так с Амура, когда взглянешь с парохода, но вообще город занимает горную площадь с взаимнопересекающимися улицами, из которых одни идут параллельно хребтам сопок, другие, их перекрещивающие, похожи на американские горы, идущие то вниз, то вверх. С очень многих мест виден весь город. Заметно красят его цинковые крыши.

Недалеко от Хабаровска расположен лагерь, где был назначен красноармейский митинг. Как и полагается, красноармейцы не только хотят сами послушать, но чтобы люди из центра послушали и их самих. Выступало довольно много ораторов. Я привожу лишь две небольшие речи.

Тов. Стокмачев:

— Дорогие товарищи, мы очень даже рады, что тов. Калинин приехал. Поздравляем, ибо знаем, что наши вожди, стоящие в центральной России, поддерживают нас мнением и мыслями во все времена. Мы боролись, знали то, что боремся не одни, а есть центр, который поддержит во всякую минуту. Да здравствует объединение всероссийской федерации! Да здравствует революция на Дальнем Востоке! Ура!

Тов. Лыпо:

— Товарищи, приветствуем нашего дорогого всероссийского старосту, и должен сказать, что сам я приамурец и мне не

удалось сражаться в рядах Красной армии, потому что были отрезаны белогвардейцами; но там мы не спали, а боролись в рядах партизан, и как только были присоединены далекие окраины к Советской России, мы пошли в ряды Красной армии проходили учебу, которую теперь закончили, и надеемся при первом выступлении какой-либо белогвардейской шайки направить свои пушки и биться до тех пор, пока не побьем их. Ура!

После митинга ни за что не хотели отпустить, не показав свои спортивные успехи. Каждый полк выдвинул лучших своих спортсменов.

Красноармейцы, командный состав и политработники смешались в одну массу, как зрители, проявляя самое активное внимание к номерам спорта. Каждый полк особенно горячо аплодировал команде своего полка. Лучших номеров не отмечено: все лучше.

Несколько минут тому назад тысячи красноармейцев стояли смирно в строю, подчиняясь команде командиров. А сейчас — от высшего начальника до красноармейца — все лежат, перемешавшись на земле, особенно горячо аплодируя своим, желая свой полк выдать как лучший. И в подзорную трубу не отметишь, который красноармеец, который из них — командир.

7. Владивосток.

Еще далеко до Владивостока, а вы уже слышите дифирамбы сибиряков этому городу. Почти везде говорят: «Ну, что Чита, Благовещенск, Хабаровск! Вот увидите Владивосток. Это настоящая Европа».

И действительно, он резко выделяется из ряда других сибирских городов.

Владивосток пропорционален, его площадь соответствует вышине построек, улицы не широки, но и не узки, замощены, выметены, площади не велики, но и не малы, окружены трехчетырехъ-этажными домами; чувствуется влияние расчетливого хозяина — все делать в размер.

Кто является этим хозяином? Скорее всего интернациональный купец, ибо и русские фирмы здесь столь же интернациональны, как японские, китайские, немецкие и т. д.; все они связаны с Камчаткой, Шанхаем, Нагасаки, Харбином и т. д.

Население двухцветное: желтые и белые. Между ними идет жестокая конкуренция и, вместе с тем, завязываются родствен-

ные связи. Советизация внешне сказалась мало. Да, надо признаться, — местные власти очень осторожны, расчетливы, каждый шаг взвешивают с материальной выгоды. Бюджет города благополучен. Основными пролетарскими кадрами являются грузчики и железнодорожники, порядочная часть металлистов, главным образом, портового завода, кстати, слабо обеспеченного заказами.

Город связан с двумя железнодорожными линиями: Уссурийской и Восточно-Китайской. Главная масса транзитного груза идет с Восточно-Китайской, но за эти грузы жестоко борется Южно-Китайская дорога, находящаяся в руках японцев. Очевидно, Владивостоку придется выдержать тяжелую борьбу. Это вполне сознают местные руководители; как будто бы это сознание начинает проникать и в рабочие толщи грузчиков. Перед всеми стоит задача: удешевить провоз груза, ибо это есть единственная мера привлечь его на Владивосток.

Владивосток, пожалуй, единственный в своем роде город, где предприимчивость, хозяйственная изворотливость, старание выгодать как можно больше для государства проникают собой все наши советские экономические органы как в повседневной их работе, так и в планировке на будущее. Частно-хозяйственная инициатива не может здесь похвастать монополией изобретательности и расчетливости. Последняя в неменьшей степени свойственна здесь и государственным предприятиям, и наши работники сильно проникнуты духом выгоды; очевидно, жестокая конкуренция, ежедневная опасность быть битым на международной арене повелительно заставляют удешевлять свои услуги, всемерно сокращать накладные расходы, добиваться максимального результата для государства.

Характерно: в Сибири наблюдается перепроизводство угля, и целый ряд копей рвется пробиться на внешний рынок: между прочим, Сучанские копи также ищут туда путей. Сейчас копи стоимость своего угля довели до возможности продавать его безубыточно на внешнем рынке, заставили Уссурийскую дорогу понизить соответственно тариф. Сейчас идет жестокая перепалка с грузчиками. Портовая перевалка стоит около 3,6 копейки. Если грузчики согласятся довести перегрузку до 2 копеек, уголь пойдет, не согласятся — не пойдет. Я почти уверен, что согласятся. С одной стороны, силен нажим с заинтересованных сторон — рабочих копей железной дороги, хозяйственных организаций, да и сами грузчики понимают, что иначе груз уплывет, вернее, не попадет в порт на вывоз.

Представители местного купечества настойчиво просили у меня свидания; оно началось с выкопарной речи представителя купцов, где он от имени владивостокского купечества выражал радость, что наконец-то они воссоединены с матерью-Россией, имеют сильное правительство и надеются быть полезными своим опытом по устроению новой, лучшей жизни. Я, как человек простой, будничный, не мог проникнуться горячим патриотическим пафосом владивостокских коммерсантов и спросил их: есть ли у них какое-нибудь ко мне конкретное дело? Их вопросами было: как смотрит центр на их возможную работу в новых условиях? Затем они находят, что недавно произведенная муниципализация домов вредно отзывается на их кредите в американских банках, и они находят экономически невыгодной для города эту муниципализацию.

Моим ответом было, что, конечно, наша революция в конечном счете добивается больших экономических достижений, чем это допускал капиталистический строй, но, во-первых, увеличение материальных благ нами мыслится, в основном, как результат успешной деятельности государственных органов и предприятий, чтобы эти увеличенные блага распределялись более или менее равномерно среди всего населения; во-вторых, революция не может всегда исходить из соображений непосредственной выгоды; очень часто она требует необходимые в данный момент политические результаты. И вот частный случай: муниципализация домов вытекает из последних, ибо местная власть в данном случае действует строго на основании соответствующих декретов. Политически было бы смешно, нецелесообразно в ваших руках оставлять столь значительный капитал, который по праву победы революции принадлежит всему населению СССР.

Советская власть в определенных законных формах дает вам возможность создавать новые на припрятанные от Советской власти средства. А скажите по совести: Советская власть уже существует около года — можно вам делать дела? Ответом было: да, можно; мы работаем, и не без выгоды, лишь бы устроить вопрос с кредитом.

Кстати замечу, местная власть, насколько я мог заметить, очень осторожна: в очень многих случаях прямую национализацию стремится превратить в смешанные общества. Пожалуй, с экономической стороны это правильная тактика, принимая во внимание, что каждое предприятие во Владивостоке и в При-

морье прямо или косвенно связано с внешним рынком, где требуется огромный опыт и связи.

8. Петровка.

Перед отъездом из Владивостока я побывал в деревне Петровке. Она находится верстах в 40 — 45 от Владивостока на северо-восток, на противоположном берегу Уссурийского залива, в трех верстах от берега.

С утра шел мелкий спорый дождь, говорят, посещающий чуть ли не ежедневно Владивосток все лето. Мы шли на небольшом миноносце, отремонтированном при Советской власти. Команда в значительной степени укомплектована из комсомольцев. Суровая морская служба и бурные неприютные воды океана обветрили комсомольский идеализм. Здесь, на небольшом военном корабле, комсомольцы знакомятся с морской стихией, жестокой и беспощадной к слабым. Но все-таки коммунизм и юность берут свое. В выпускаемой корабельной газете (в рукописном виде или на машинке) молодые моряки пишут про успехи и неудачи, происшедшие на корабле, помещают рассказы, стихи и все прочее, что полагается в порядочной газете.

К вечеру разгулялся сильный ветер, нас захватила основательная качка, вызвавшая соответствующие неприятности не только среди гражданских, но и некоторых моряков. Это океан дает первые уроки комсомольским морякам.

На лошадях пришлось ехать по грязной, глинистой горной дороге, по сторонам засеянной пропавшей от ржавы пшеницей. Это, если можно так выразиться, особая эпидемия на пшеницу. Болезнь проявляется во время налива, весь стебель покрывается черными крапинками—«ржавой» и постепенно гибнет. Колос остается совершенно пустым. Этим бедствием захвачен огромный район на Дальнем Востоке. Зато очень хороши овсы, чумиза,— очевидно, засеяна корейцами. На площади перед волисполкомом стояла большая толпа крестьян, женщин и детей. Из-за дождя перешли через площадь в школу, набились туда, как сельди в бочку. По установившемуся обычаю митинг открылся краткой речью представителя губисполкома тов. Шишляникова; ее содержание служит великолепной иллюстрацией времени и места ее произнесения:

— Когда все крестьянство, весь рабочий класс принимают участие в восстановлении нашего хозяйства в Приморье, задача не

только в том, чтобы собрать налог и чтобы было участие крестьян в государственной жизни, наша задача заключается еще и в том, чтобы наше сельское хозяйство развилось настолько, чтобы ценности в государстве больше накоплялись, чтобы часть средств мы могли сейчас же использовать на поднятие нашего сельского хозяйства, на его развитие. Вот задача, стоящая перед губисполкомом, и мы теперь земельным органам сразу даем целый ряд определенных задач: по дорожному устройству и землеустройству. И третья задача, которая стоит перед нами, это — найти сбыт продуктов нашего производства. Вам придется, товарищи, платить налог и деньгами и натурой, главным образом, деньгами, а для этого надо найти сбыт своих продуктов.

Такова вся недлинная речь: сжата, деловита; вопросы поставлены ясно и отчетливо.

Петровка считается деревней зажиточной, с контр-революционным налетом, но происходит решительный перелом в сторону Советской власти. Ее население имущественно очень различно: от полного бедняка до крупного рыбопромышленника, что рельефно вылилось в прениях. Выступает представитель действительной бедноты тов. Рыльский:

— Теперь, товарищи, я слышу на общем собрании, все хлопочут, жалуются, которые по пятнадцати десятин сеют — хлопочут о земле, о рыбалках. Какое же теперь дело наше, между крестьянами временно проживающих? Работы совершенно нет, крестьянину совершенно заработка нет. Чем будем жить мы? Ни средств у нас нет, ни земли, а между прочим китайцы и корейцы целые деревни разрабатывают, а русскому крестьянину земли нет, ни хлеба нет, ни дела нет. Что ж, нам приходится голодной смертью помирать? Раньше по постройке железной дороги работали, приехали, а выехать не на что. Теперь в городе тоже дела нет, и нам пришлось разойтись по деревням, — и по деревням дела нет. Не разрешите ли нам какую-нибудь десятину-другую, нас порядочное количество, и верно — приходится голодать. Нельзя ли удалить китайцев, корейцев, а вручить эти казенные участки русскому населению и помочь в нашей беде?

Действительно, крестьянам этой категории живется очень плохо; с 1900 г. и до 1914 года на Дальнем Востоке грюндерское строительство приняло значительные размеры: достаточно вспомнить Китайскую, Круго-Амурскую железные дороги, оборудование Владивостокского и Дайренского порта, который потом

попал к японцам, как победный приз. Во многих местах строились казармы: громадные военные сооружения, все это привлекло значительные кадры рабочих; с другой стороны, росли значительные военные гарнизоны, достаточно напомнить, что в одном Владивостоке гарнизон был свыше 40 000 человек.

Правительство, поощряя переселенцев, вначале наделяло их большими (до 100 десятин на гнездо) наделами, давало ссуду, поощряло кабальную эксплуатацию желтых. Приток рабочих и интенданство поглощал полностью не только весь излишек с.-х. продуктов, а до 6 — 8 миллионов ввозилось из северной Манчжурии. Это внешнее благополучие целиком шло на государственные средства. У нас любили выражаться, что наш Дальний Восток растет, развивается по-американски; если действительно Америка так колонизирует свои земельные площади — похвального в этом мало.

Наш крестьянин, основа колонизации, и сейчас столь же слабо сросся с новой родиной, как это было два десятка лет тому назад. Его культурный уровень, несмотря на большую материальную обеспеченность в сравнении с центральной Россией, пожалуй, ниже.

И вот сейчас перед крестьянами Дальнего Востока стоит труднейшая проблема—встать на собственные ноги, суметь со своими продуктами выйти на внешний рынок, ибо грюндерство окончилось, военные гарнизоны уменьшились, а засевы значительно увеличились, получился избыток хлеба, мяса, вообще с.-х. продуктов, и они быстро падают в цене.

Выразителем настроения крестьянства этой категории, — категории, продающей значительное количество излишков на рынок, — является речь крестьянина Коробина.

— Я хотел бы получить объяснение о финансовом положении. Скоро ли кончится перевод нашей беде? Я давно стал бедствовать, денег нигде не достанешь, а приходится платить продналог. Привезешь продукты в город, там продаешь дешево, а все приходится покупать дорого.

Обеспеченная материально группа стремится воспользоваться, насколько возможно, просвещением. Вот что об этом говорит Волкогонов:

— Я должен сказать тов. Калинину насчет просвещения. В самой Петровке и окружающих волостях насчет просвещения идет очень туго. Да! А насчет просвещения второй ступени, — здесь могут только обучаться которые более зажиточны. Я скажу

за самого себя: в прошлом году я отдал девчонку во вторую ступень, и она обошлась мне столько, что нынче не вздумаю, и навряд ли другие тоже деревни, которые думали сдавать, так что дети будут выброшены за борт. Да! Я бы просил председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета посодействовать этому, подсобить Петровке. Ведь детей приходится за 25 верст отдавать, нужно нанимать квартиру, да по два рубля заплатить за право ученья; я бы просил подсобить нам в этом.

Ясно, что стонут для того, чтоб еще что-нибудь выклянчить, ибо платить только два рубля в месяц за среднюю школу — значит, учить почти бесплатно, а между тем учатся, конечно, лишь дети богатых крестьян, и выходит, что богатый крестьянин, особенно жалующийся на налоги, одним своим учеником (который, конечно, стоит государству, содержащему школу, свыше ста рублей) выбирает полностью и даже с процентами свой налог государству. Но это не мешает ему стонать и жаловаться, что государство его обирает, что очень ярко выразил Лобзев:

— Насчет продналога. Первый налог был труден, по одному рублю был с души и то труден был, а теперь с каждым месяцем все дороже, на-завтра будем платить два рубля, а тут не в состоянии пятидесяти копеек заплатить, и крестьянская жизнь все ухудшается, скот сдать некому. Вот приходили продналог спрашивать, я говорю: надо вот пшеницу собрать да и вам отдать, а самому не при чем остаться (говорится о негодной, пропавшей).

Калинин. Какой вы добрый для правительства!

Лобзев. А где же я-то возьму, если у нас ничего нет? Я остался в одной голой рубашке. С одной волости меньше берут, по одному рублю, а с нас за что? Что же, наши бабы заводские, что ли?

Калинин. Должно-быть, ваши бабы красивы. (*Смех.*)

Конечно, речей было очень много. Я выбирал наиболее резкие, но, чтобы не перегнуть в одну сторону, я привожу одну, я бы ее назвал действительно общественной речью — речь крестьянина Василенко:

— Мне кажется, что из этого положения выход есть, выход и форточка давно открыты, это — кооперация и объединение, но у нас настолько косностью поражено все местное население, что на организацию кооперации и артели ни у кого еще нет

желания, каждый думает только о себе, а перейти на новый принцип жизни артель не решается. Можно было бы и рис возделывать. Я полагаю, что настоящая нужда толкнет некоторых к этой мысли. Ведь корейцы под носом уже сеют. Здесь слышатся жалобы и стоны, но кто может помочь? Никто. Это зависит от нас. Мне кажется, самое верное — рыбная ловля, возделывание риса, не каждому в отдельности со своей сошкой, а объединиться в артель.

На обратном пути меня вез на паре крепких крестьянских лошадей здоровый, лет тридцати пяти, крестьянин-хуторянин на пролетке. Говорю:

— Не гоните, переломаете все.

— Не бойтесь, двадцать лет езжу кучером. Я доволен, что вас везу; вот досадно — я не слыхал, что вы говорили мужикам, думал, в такой дождь не поедете.

— В Петровке вам расскажут.

— Нет, расскажут не то, мне хотелось бы слышать самому. Вон, смотрите, мое поле.

— А сколько у вас десятин земли?

— У нас с братом 25, по $12^1/_2$ у каждого. Работаем не плохо. У меня две лошади, но я на них сработаю больше, чем другой крестьянин на десяти; также и коров я держу немного, но хороших.

Лошади действительно хорошие, такие, что недурно бегут и свободно возьмут пудов по пятьдесят в возу.

— Пшеница пропала, но зато другие хлеба и картофель хороши. Для поддержки дома зимой мы ловим в заливе сельдь.

Это вновь нарождающийся тип крестьянина — крепкий, энергичный, в хозяйствование вносит инициативу. Советская власть ему близка, принимая во внимание, что наш фиск обкладывает не стоимость, не качество скота, а его количество, и перед ним открыта перспектива если не прямой общественной деятельности, то во всяком случае он с новой властью связан тысячами нитей, от сына-комсомольца до ораторствования на съездах.

ПОЕЗДКА ПО КАВКАЗУ.

1. Кавказские курорты.

Позади — быстро пройденный путь: Москва, Харьков, Ростов. Подъезжаем к Минеральной — преддверию Северного Кавказа. Как-то нечаянно с правой стороны появляется гора Верблюдка, с двумя горбовидными вершинами, а с левой — гора Кинжал; название ее происходит, очевидно, от того, что ее вершина срезана острым продолговатым гребнем. Дальше, на расстоянии полверсты, идут одна гора за другой по линии железной дороги: Шелудивая, Железная, Змейка и т. д.

Площадь перед вокзалом запружена рабочими и собравшимися встретить нас станичниками. Настроение толпы весьма приподнятое. Среди присутствующих у многих в руках цветы. Вот в открытое окно вагона летит букет цветов из средины толпы, через минуту в воздухе целая баталия из летящих цветов, и вагон переполнен всевозможными букетами, от сирени до ландыша.

Рабочие настаивали устроить митинг здесь же, на станции, но я отложил митинг на два дня, с тем, чтобы за это время проехать в Пятигорск, Кисловодск и Ессентуки, на наши главные минеральные источники. Вагон был прицеплен к пассажирскому поезду Минераловодской линии, и мы тронулись к хребту Кавказа.

Чем дальше, тем больше местность приобретает горный характер. По линии встречается масса садов; деревья — вишня, яблоня, каштаны — находятся в полном цвету.

Подъезжаем к Пятигорску; на вокзале много публики с букетами. Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск — города, очень похожие

один на другой, как все курортные места, и вместе с тем каждый из них имеет свою особенность. Но эта особенность специальная, лечебно-курортная. В климатическом отношении из них самым наилучшим считается Кисловодск. Разница южного побережья Крыма от курортов Кавказа в том, что Крым, это — бывшее место отдыха богачей, аристократии; там почти каждая богатая фамилия имела дачу, дворец, виноградники и т. п. Кавказ — в своей основе — и раньше представлял лечебное место, где преобладали государственные лечебные учреждения, и поэтому в настоящий момент восстановление курортов идет довольно энергичным темпом, ибо это есть восстановление расшатанной организации государственных предприятий. Конфискация и реквизиция на кавказских курортах коснулась сравнительно ограниченного количества частных лиц.

Между прочим, все эти города обладают прекрасными парками для больных. В Пятигорске парк переходит в лес. Это огромное богатство Северного Кавказа создано курортным казенным управлением. Он производит чарующее впечатление. Для истрепанных городом, фабрикой и гражданской войной людей пребывание в таком лесу может служить лучшим средством восстановления здоровья.

Лесная дорога приводит к памятнику Лермонтова, который стоит на склоне Машука. Небольшая гранитная колонна с высеченным посредине лицом Лермонтова. Памятник обнесен железной оградой, содержится очень аккуратно. На памятнике висит ряд венков из свежих букетов. Вообще, заметно внимание местной публики к памятнику. Лицо Лермонтова обращено на вершины гор: Бештау, Железная и т. д. Очевидно, Лермонтов в этом лесу часто бывал, здесь он любовался на кавказские горы живой, а теперь многие десятки лет его каменное изваяние с места его смерти смотрит на красоты Кавказа, воспетые им.

В Ессентуках парк в 70 десятин, очень хорошо сохранившийся, и в нынешнем сезоне подготовлен во всей своей красе для приема больных. По словам управляющего Кавказскими курортами тов. Мамушина, вместимость курортов на нынешний год рассчитывается на 20 тысяч человек. Прежде больные, усталые ехали из столиц, больших городов, — люди биржи, владельцы больших и средних капиталов; сейчас будут преобладать рабочие. Уже появились первые больные из Донецкого бассейна.

Почти все больные пьют Нарзан. Кстати, о его распространении. Не ресторанная ли это роскошь? Курортное управление

прежде продавало до 20 миллионов бутылок этой воды по всей России. В настоящий момент заводы производят до 6 миллионов бутылок. Восстанавливается продажа его по всем городам, производительность, по словам руководителей завода, достигла до-военного времени, но, мне кажется, вода получается слишком дорогой на местах потребления: ее стоимость с бутылкой равна 8—9 коп. золотом (на месте). Мне думается, это слишком дорого. При таких ценах она всегда будет ресторанной роскошью. Мне кажется, нужно довести стоимость воды до 2—3 коп. за бутылку, тогда она сделается народным лечебным средством, по крайней мере, в местностях, не столь отдаленных от Кавказа.

Нарзан, серные воды, воды Ессентуки на Кавказе производят такое же психологическое действие на местное население, как источники нефти в Баку или золотые прииски в Калифорнии: каждая местность гордится своим источником, уверенная в его преимуществах перед всеми остальными, которых на Кавказе, видимо, очень много. Между прочим, я по дороге заехал в Горячеводск, где бьют горячие сернистые ключи; вода выходит из земли с температурой до 75 градусов, близкая к кипению. По трубам она впадает в большой бетонированный пруд, саженей 40 длиной и, кажется, около 20 в ширину. Так как пруд постоянно наполняется свежей горячей водой с одной стороны, то в пруде вода получается различных температур, — самая горячая в устье источника и наиболее холодная в противоположной стороне пруда.

Пруд служит местом купанья больных. Сейчас этот маленький курорт находится в руках Грознефти, для обслуживания больных рабочих. Прежде рабочие относились недоверчиво к барским затеям, в настоящий же сезон — огромная очередь. По словам медицинского персонала, рабочие-ревматики — профессиональная болезнь нефтяников — делаются в две недели здоровыми.

Я не имел времени побывать в горах Карачаевской области, но тов. Куджиев, председатель ЦИК'а Карачаевской области, успел из гор вызвать до 70 крестьян-всадников, приехавших из глубины Карачая. Затем, в самом городе собрались все граждане и гражданки Карачаева, с которыми имел краткую беседу.

На обратной дороге на Минеральной организовали под открытым небом в саду митинг. Царило необычайное даже для митингов оживленное настроение 5—7-тысячной толпы. После доклада тов. Ворошилова и моего была вынесена резолюция.

2. Военно-грузинская дорога.

Из Владикавказа выехали на автомобилях. Проект был доехать до Казбека. Пересекли почти весь город и выбрались на Военно-Грузинскую дорогу.

Вначале почти не встречается здесь жилья, но после Дарьяльского ущелья все чаще встречаются аулы, как по самой дороге, так и по склонам гор. Малейшая плоскость, расширение, разрыв хребта, и уже видишь несколько осетинских хат, церквей. Кое-где встречаются старые крепостцы.

По дороге идет довольно оживленное движение, большею частью на двуколках и четырехколесных арбах, это — в роде нашей крестьянской удлиненной телеги, иногда крытой, наполненной семьей, больными овцами и вновь народившимися ягнятами.

Мы попали как раз во время перегона баранты из Кизлярских степей на южные склоны Кавказских гор, в Грузию; шло, по словам местных товарищей, до 60 000 штук баранты. Очень интересная картина, как громадное стадо, измеряемое тысячами голов, тянется по дороге. Иногда животные поднимаются на склоны гор, где виднеются маленькими светло-желтыми точками, как большая стайка грибов. Там же, с барантой, лежит и пастух у самой вершины горы, как бы прилип к ее телу; кажется, малейшая неосторожность—и он полетит в пропасть. Иногда эти стада спускаются в каменистое ложе Терека, и только по желто-белому цвету можно отличить их от рассыпанных темно-серых камней.

По дороге овцы ягнятся, пастухи несут вновь народившихся барашков на руках. Более зрелая молодежь резвится, и, идя по стенке защиты дороги, перед большими пропастями, барашки любят с этой стены, вытянув мордочку, смотреть в пропасть, сложив все четыре ноги в одну точку.

Удивительно влияние природы: вслед за стадом идет несколько собак-овчарок, также белых с желтизной, очень похожих по внешности на баранту.

Барашек здесь — основное богатство горца. Горец зиму пасет стада в Кизлярских степях, а с весны гонит свои стада верст за 200 в горы, с тем, чтобы осенью со своими стадами итти в Кизлярские степи. Трудно сказать, сколько тысяч лет происходят эти ежегодные переселения. Любовь пастуха к своему стаду проявляется очень трогательно: не бросается ни одна

особь; смотришь: далеко позади стада один из пастухов потихоньку, терпеливо плетется с отставшей овцой.

Любопытный инцидент произошел с нами. Обгоняем одно из стад; молодой парень лет 16—17 кричит нам: «Солдат взял мой барашек!». Мы остановились; у Ворошилова перекосилось лицо. Говорит: «Не может быть. Ни одной жалобы не получал на нашу армию; какая-нибудь ошибка». Говорим: «Садись». Поехали; через версту-две нагнали отряд милиции. Пастух показывает пальцем: «Вот взял тот». Начальник отряда растерялся, лепечет, что им пастухи подарили трех барашков. Барашки сейчас же были возвращены владельцу, а начальник отряда, по распоряжению председателя ЦИК'а Горской республики, был тотчас же арестован и немедленно под конвоем отправлен во Владикавказ.

Когда мы объехали небольшой отряд красноармейцев, Ворошилов победоносно рассказывает им про случай с барашками: «Я знал, что красноармеец не сделает такой подлости!». Красноармейцы самоуверенно отвечают: «У нас таких вещей не бывает. Мы только-что отбили налет из соседнего аула ингушей, хотевших поживиться барантой».

Крестьяне, населяющие долину Терека, бедны. Жилища их примитивны; плоскостной земли имеются буквально лоскуточки. Большинство живет, по их словам, на заработки по ремонту дороги, извозным промыслом или имея несколько коров. Сено косят или, правильнее, жнут серпами, по склонам гор. Горное сено раза в два питательнее плоскостного. С высоких склонов это сено переносится иногда за несколько верст на руках на дорогу, откуда уже его и везут домой. Одежда крестьян и пастухов довольно бедна и большей частью сделана из того же барашка.

Бандитизма, по словам крестьян, в этих местах не наблюдается, лишь ингуши, невдалеке живущие, иногда грабят проходящие стада. Во всяком случае, крестьяне, жалуясь на ингушей, признаются, что в настоящем году безопасность стад более обеспечена, чем это было даже до войны.

3. Митинг в Ольгинском.

На второй день, утром 14-го мая, мы отправились в аул Ольгинское, это — осетинское село, где имеется православная церковь. Там был назначен митинг двух больших аулов: осе-

тин — жителей Ольгинского и ингушей — из аула Базоркино. Они находятся рядом, их разделяет только маленькая речка Камбилеево. Митинг был назначен на нейтральной площади. Площадь окаймляется, с одной стороны, аулом Ольгинское прямой линией, с другой — выходящими садами аула Базоркино. Другие две стороны переходят в степь. Площадь ровная, огромная, красивая, покрытая густой зеленью, служит выгоном. Когда мы подъехали, там только возводилась трибуна. Народу еще никого не было, но вот из села Ольгинского выходит организованная толпа: впереди идут дети; дальше женщины и взрослые мужчины; замыкают шествие всадники.

Эта толпа заняла две стороны около трибуны. Через несколько минут, точно так же, с другой стороны из аула Базоркино, появилась толпа: впереди дети, женщины, затем взрослые мужчины; ряды замыкали всадники. Они заняли другие две стороны трибуны. Получился правильный квадрат с широкой площадкой около трибуны.

Митинг начался с того, что мы предложили подвести вплотную к трибуне детей, как осетин, так и ингушей. Также рассадили потеснее и взрослых. Среди осетинских детей преобладали девочки, одетые более пестро; мальчики в меховых шапках. У ингушей мальчики все были в белых катаных шляпах, очевидно, из шерсти местных барашков.

Митинг продолжался несколько часов. Большая половина времени была посвящена выступлению местных жителей. Все выступающие говорили очень недурно, очевидно, из культурных слоев, живущих в аулах. Речи говорились по-русски и переводились на осетинский и ингушский язык и обратно. Удивительно: два аула, буквально упирающиеся один в другой, говорят на разных языках и не хотят понимать языка соседа. Пожалуй, в истории это в первый раз их свели вместе, ибо местные власти после долгих уговоров решились на общий митинг. Предполагалось же — сначала в одном селе, а потом — в другом.

Первым на митинге выступал тов. Мансуров (председнаркома Горской республики). После него выступил тов. Датут-Татров из осетин:

«Мы имеем счастье поднести вам хлеб-соль от горского народа. Это хлеб чисто-горский, который мы всегда едим. Мы настолько счастливы и рады вашему приезду, что обычными человеческими словами не выразить этой радости. Горцы всегда

были революционными людьми, но под давлением царизма они не могли проявлять свою революционность, так как при малейшем ее проявлении царское правительство начинало угнетать горцев. Октябрьская революция освободила горцев от гнета, и мы теперь до последней капли крови будем защищать ту власть, которая сняла с нас этот гнет. Да здравствует революционная власть Советов!

«Самое больное место в жизни осетин, которые являются исключительно рабочим классом,— земельный вопрос, и острота этого вопроса дает себя чувствовать слишком тяжело. Общество, которое раньше обрабатывало 5—6 тысяч десятин, теперь имеет не больше 2—3 тысяч десятин земли. Этой земли недостаточно, вследствие чего они вынуждены снимать землю у казаков и кабардинцев. В настоящее время они лишены и этой возможности. Слишком маленькие кусочки, имеющиеся в их распоряжении, они чрезвычайно быстро разрабатывают, а потом им приходится проводить время совершенно праздно.

«На это больное место необходимо обратить самое серьезное внимание. В этом году особенно мало пришлось на долю Осетии, так как тяжелый продналог, который выпал на их долю, заставил многих рабочих-осетин продать часть своего рабочего инвентаря. В виду этого они просят, чтобы острота земельного вопроса была сглажена в желательной форме.

«Те кусочки земли, которые имеются в распоряжении осетин, могли бы только удовлетворить их насущные потребности, но одно зло, которое господствует в нашей среде, — грабежи и воровство — тормозит наше экономическое развитие, и зло это должно быть устранено в первую очередь.

«Вы являетесь защитниками интересов рабочего класса, и те нужды, о которых я говорил, — эти нужды должны быть удовлетворены, тогда действительно навек вы будете благословляемы среди рабочего класса Осетии».

Интересно выступление 105-летнего старика Базоркинского аула, Чехиева Эстамира:

«Посылаю проклятие по адресу порочных элементов. Эта болезнь преступности посеяна между горцами старым режимом. Я думаю, что все труженики-горцы согласились бы на то, чтобы каждая семья лишилась по одному человеку из семейства, лишь бы пережить, лишь бы искоренить это зло, отмежеваться от воров и грабителей. Посылаю еще раз проклятие ворам и грабителям. Клянусь, что горцы всеми силами будут поддерживать Советскую

власть, чтобы закончить ту борьбу, которая ведется сейчас с преступным элементом».

Этот вопрос стоит остро. Привожу отрывок из речи Какаева Максима: «Я являюсь представителем селения Кумолаки, что верстах в 25 отсюда. Население Осетии и Ингушетии имеет очень много оружия, которое требует больших расходов, и очень часто бывает так, что они не покупают лошади, а покупают браунинг или маузер, который для поддержки хозяйственных работ вовсе не нужен. Поэтому наша просьба заключается в том, чтобы оградить нас от всяких воров и разбойников. Во вторую очередь мы просим произвести поголовное разоружение, потому что от оружия нечаянно получаются выстрелы и убийства, тем более, что ингуши и осетины народ очень нервный и горячий и при малейшем споре сейчас же хватаются за оружие.

«Кроме того, имеется еще одна просьба: мы убедились, что очень часто преступные элементы, попадая на скамью подсудимых, нанимают себе адвокатов, которые, хотя и знают их преступления, но все-таки их защищают. Поэтому наша просьба, наше горячее желание, на время разбирательства суда не допускать адвокатов-защитников».

После окончания митинга была общая съемка, к которой охотно присоединились как ингуши, так и осетины. И тут они смешались, а во время всего митинга они сидели каждый на своей стороне.

Во время митинга подъезжали все новые и новые всадники и целые арбы с нагрузкой в пять-шесть человек.

4. Петровский канал.

15 мая мы приехали в Петровск, Махач-Кала. Жаркий летний день, всюду пылища. К 15 числу мы торопились быть в Петровске, чтобы попасть на открытие канала, но оказалось, канал не успели закончить к сроку, и открытие его было отложено на несколько дней.

Все-таки местные работники сочли необходимым свести нас на работы канала, находящегося в 17-ти верстах от города.

Канал строится на протяжении 105-ти верст. Прорыт на 75 верст, ширина дна $1^1/_2$ сажени одиночного уклона, в среднем, при 6 саженях глубины. Местами глубина канала — до 18 сажен

Вода берется с реки Сулак. Проба наполнения канала водой была, по словам инженера, удачна.

Предполагается между Петровской товарной и Петровской пассажирской станциями построить гидравлическую электрическую станцию.

Перед Петровском строится водоем на 2 миллиона ведер запаса воды. Всего каналом предполагается оросить от 50 до 70 тысяч десятин земли. Эта довольно большая работа почти целиком ведется на местные средства уже третий год. К концу этого года или, в крайнем случае, в будущем году работа будет закончена. Проба постройки оросительного канала была несколько лет тому назад, израсходовано было несколько миллионов, но по каким-то техническим недочетам вода не пошла. Инженер-строитель глубоко убежден в большей удаче Советской власти.

Сейчас получили известие: на 75 верст вода пущена, и началось орошение.

Поздравляю дагестанцев с большой победой!

5. В Грозном.

Грозный — это самый большой рабочий центр в нефтяной промышленности Северного Кавказа. Грозный много претерпел за время революции: сжигались вышки, ломались машины и даже буровые забивались всяким железным ломом. В настоящий момент восстановительная работа в полном разгаре; руководители промышленности надеются полностью выполнить свой план заданий.

Город является самостоятельным, автономным от окружающих республик, но в нем находятся учреждения автономной Чеченской области.

Исключительно интересный митинг происходил на старых промыслах Грозного — это верст двенадцать от города. Митинг был назначен в семь часов вечера. Когда мы подъезжали к промыслам, гудели все заводские гудки. Митинг был за промыслами, на поле. Все население промыслов, как рабочие, так и их семьи, расположились около вновь сделанной трибуны. Настроение исключительное, аудитория чисто-пролетарская. Когда стемнело, быстро с промыслов протянули электрический провод и трибуну осветили. Митинг происходил несколько часов, затянулся до глубокой ночи. И в речах, и в настроении грознен-

ских рабочих чувствовалось, что они понимают ту ответственную роль, которая лежит на них, как на крепости пролетарской диктатуры среди крестьянского многонационального моря.

На второй день, по просьбе чеченских властей, мы должны были поехать в казачью станицу Петропавловскую. У нас было задание побывать в одном из больших аулов, но тов. Эльдорханов (предревкома Чеченской области) категорически заявил, что быть в ауле и не заехать в казачью станицу абсолютно невозможно, слишком обидим казаков.

6. У казаков.

Петропавловская станица находится в 12 верстах от Грозного, с числом от двух до трех тысяч жителей. Посредине станицы большая площадь со станичными учреждениями, куда вливается ряд улиц. Все дома обнесены плетнями из ореха и ясеня. Хата также разделяется на две половины.

Митинг начался с вопроса о казачьих нуждах. Не приводя речей выступавших казаков, я приведу отрывок из своей речи, которая иллюстрирует нужды станицы:

«Борьба с бандитизмом началась, и когда мы были в одном ингушском ауле, население аула клялось, что оно арестовало всех своих воров. Но вы должны понимать, что в этой борьбе мы должны быть чрезвычайно осторожны. Вы живете в этой станице, по вашим словам, свыше шестидесяти лет, значит, каждый из вас эти дома и окружающие земли считает своими, родовыми, и это правильно, что вашей родиной сейчас является станица Петропавловская; но ведь чеченцы рассматривают вас как пришельцев, которые захватили их родовую землю. И вот мы должны оправдать свое существование здесь перед чеченцами своей культурностью, и я думаю, чем культурнее мы будем, чем более братски мы будем относиться к чеченцам, тем скорее у нас будет мир и согласие. Когда я ехал сюда, я думал, что вы будете жаловаться на несправедливости со стороны чеченского правительства, но ни одной такой жалобы я здесь не слышал. Значит, чеченское правительство относится к вам справедливо, а если казаки будут себя чувствовать хорошо у чеченского правительства, то это значит, что сделан большой шаг вперед, что братство народов начинает налаживаться, и дальнейшим сближением будет, чтобы вы своих дочерей выдавали замуж за

чеченцев, чтобы казаки женились на чеченках. Если здесь замешан религиозный вопрос, то я думаю, что на этот счет можно будет сговориться: сначала пойдут к священнику, а потом к мулле».

Одна из казачек:

«Чтобы чечен убил моего мужа, а я за него выдала дочь, да никогда этого не будет!»

«Вы напрасно так горячитесь: во время империалистической войны могло быть так: немец убил вашего мужа, потом его забрали в плен, он попал случайно в вашу станицу, вы за это время узнали, что ваш муж убит, и вышли за этого немца замуж, не зная, что он является убийцей вашего мужа. Да и сам немец об этом не знает. Да я и не советую вам выходить замуж за убийц, а за честных, хороших чеченцев. По совести говоря, вы зарылись в мужчинах. Таких красавцев, как чеченская молодежь, я бы пару тысяч поженил в неделю на лучших девушках в Тверской губернии, и каждая привела бы с собой в приданое корову, а у вас за невесту еще плати калым. Невольно молодежь пойдет воровать.

«По вопросу о том, что река загрязнена, я уже говорил с представителем Грознефти, и он обещал, что они примут все меры к скорой ее очистке, но сразу этого сделать нельзя. Здесь большая работа, на которую нужны деньги, а денег у нас нет. Вы сами жалуетесь, что налоги на вас тяжелы».

После митинга мы не могли миновать казачьего обычая и отказаться от обеда. Вышел целый банкет, где участвовали приехавшие со мною лица и казачьи старики. Молодежь устроила танцы. Характерно, что казаки переняли чеченский танец. Между прочим, когда въезжали в станицу, то перед каждым домом был вынесен стол, накрытый скатертью, и хлеб с солью, и около стола стояла семья. Этот день они превратили в праздник.

7. У чеченцев.

17-го, в час дня, после городского митинга, отправились в чеченский аул Урус-Мартан, с числом жителей от 30 до 35 тысяч человек. В дороге, по обоим сторонам степи, паслись большие стада овец, коров и в особенности много лошадей. В первом ауле нас встретила делегация с хлебом-солью, где впереди стояли почетные старики. Выступивший старик изви-

нился, что их немного, народ думал, что успеет еще сходить в мечеть (в этот день был праздник Байрам, и мы проезжали как раз в час моленья), хотя их было не меньше 200—300 человек, не считая огромной толпы стоявших на флангах малышей и подростков. Такая процедура происходила и во втором ауле.

Обработка полей неважная. Поля засеяны большей частью кукурузой. По полям разбросаны грушевые деревья.

Перед аулом была почетная встреча из стариков с хлебом-солью, человек в 200.

Урус-Мартан — огромное селение. Митинг был на торговой площади, в центре аула, на которой происходят базары. Это единственное место, где окна выходят на улицу; все остальные дома либо стоят задом, либо уходят далеко в сад или во двор.

По обыкновению, митинг начался с выступления местных жителей.

Для иллюстрации высказанных мыслей привожу речь Бисултан-Оглы:

«Когда обращались к пророку Магомету и говорили, что условия жизни слишком тяжелы, что лучше умереть, а не жить, то пророк отвечал, что если власть судит справедливо, то нужно жить, а если власть не знает и не интересуется вашими нуждами, тогда лучше умереть. Этот пример я привожу для того, чтобы представители центральной власти вошли в положение чеченцев, и, если есть возможность, улучшили это положение. Прежде всего, уравнять чеченцев в земельном отношении с казаками, которые пользуются самыми лучшими землями, и затем от имени всего чеченского населения прошу оставить в силе шариатские суды, которые были первоначально дарованы Советской властью».

Целый ряд выступающих ораторов останавливался, главным образом, на политических моментах, и, как общая характерная черта, выступающие, очевидно, все были из зажиточного слоя крестьянства; это было заметно как по форме речей, так и по внешнему виду.

Почти все были в хороших черкесках, интеллигентные лица. Беднота совершенно не выступала, а, между тем, окружающая толпа была социально довольно разнообразна. В передних рядах было поставлено десятка два стульев, где сидели почетные старики и муллы. В соответствии со всем этим я построил свою речь:

«Товарищи, я очень жалею, что не могу говорить на родном языке здесь присутствующих, ибо в переводе некоторые слова теряют смысл, и, пожалуй, вам трудно будет понять, что я хочу выразить. Мне кажется, насколько меня не обманывает правильность глаза, а я изъездил всю Советскую территорию, нигде нет столько бедноты, как здесь. Наша власть есть власть бедноты, поэтому она особенно чутко относится к нуждам бедных горских жителей. Один из выступавших здесь товарищей сослался на пророка Магомета и сказал, что если власть обращается хорошо, то и бедному человеку не надо умирать, — ему можно жить. Я к этому добавляю: а власть, всякая власть только тогда будет обращаться хорошо, когда беднота будет напоминать ей о своих нуждах, будет указывать на те или иные несправедливости. Все люди родятся хорошими, и только потом в жизни они портятся; люди привыкают, чтобы им кланялись, чтобы им делали подачки, и от этого постепенно самый хороший человек делается дурным; поэтому, если беднота хочет хорошую власть, она должна смело указывать на все ошибки. Находясь в Москве, мы имеем только письменные доклады чеченской власти; вот я и приехал сюда услышать мнение самого народа об этой власти. Должен сказать, что ваша власть пока очень хорошая власть, но если беднота не будет внимательно следить за этой властью, то она может испортиться. Здесь, вдали от центра, где целые столетия не было порядочной, честной власти, здесь на людей, в особенности на бедноту, смотрели буквально как на скот. Советская власть — это власть простых людей. Я являюсь представителем этой власти, в то же время являюсь рабочим и крестьянином, поэтому любой бедняк, любой середняк может самым простым языком заявить здесь свои обиды. Эти обиды мне будут понятны. Может-быть я ошибаюсь, но здесь как будто бедноты-то на трибуне я и не встретил. Я вот вижу бедняков, стоящих кругом, и удивляюсь, почему из них никто не выходит на трибуну свидетельствовать о своей бедноте и о своих несчастьях».

Голос из толпы:

«Кто был в окопах и дрался за Советскую власть, тот теперь у нас не у власти».

Я немножко злоупотреблю, и приведу еще отрывок из своей речи:

«Вы высказали претензии Советской власти, теперь я выскажу претензии, которые имеет Советская власть к чеченскому народу.

Я был у ингушей, у осетин, в Дагестанской республике, в Карачае, посетил здешнюю казачью станицу Петропавловскую, и все повсюду жалуются на чеченцев, что чеченцы их грабят, что чеченцы убивают. Мне хотелось бы знать, правильны эти жалобы или нет. Мы по дороге встретили обоз горцев, который за десятки верст ехал продать свои горшки, чтобы купить кукурузу. Купили, а чеченцы по дороге отняли. Я считаю, что это совершенно недопустимое явление, в особенности в среде бедных горских народов».

Ата-Шаптукаев:

«В ответ на заявление тов. Калинина о том, что ему жаловались ингуши, казаки, жители Карачаевской и Дагестанской областей на то, что чеченцы не дают жить, что чеченцы занимаются воровством и грабежами, что чеченцы беспокоят другие национальности, я, как представитель здешнего общества, заявляю следующее: при царском режиме чеченцы занимались воровством и бандитизмом, потому что Николай II сдавил чеченцев в такие тиски, что они не могли приобретать никаких благ. Чтобы как-нибудь получать средства к существованию, им приходилось прибегать к бандитизму.

«Советская власть дала чеченскому народу автономию, она же должна предоставить и возможности, чтобы народ мог не воровать, а зарабатывать насущный кусок хлеба. Но Советская власть не сумела создать такой обстановки, чтобы люди могли жить не нуждаясь. Материальное благосостояние будет лучшим способом для того, что ликвидировать бандитизм и воровство».

Калинин:

«Должен открыто сказать, что речь тов. Шантукаева проникнута полным лицемерием. Разве жить трудно только одному чеченскому народу? Всем жить трудно, на всех наложены тяжелые налоги, и сама Республика наша бедна, однако, ведь не все воруют и бандитствуют, ибо воровство не увеличивает, а разрушает благосостояние народа, в том числе и вашего».

Так как был день праздника «Байрам», то местные товарищи настояли посмотреть местные бытовые танцы, которые в высшей степени оригинальны: женщина идет короткими шагами в такт, и вся суть танца заключается в неуловимой пластике танцующей, которая приковывает внимание зрителя. Мужчина вокруг выделывает разные фигуры, суть которых — поймать танцующую; во время ловли они выделывают различные фигуры. Сначала танцовали молодые джигиты, а потом вытащили старика

лет шестидесяти с молодой девушкой. Он считается лучшим танцором. Между прочим, — характерная черта, — среди танцующих была и беднота без бешметов. Все же танцующие женщины одеты хорошо. У них почти прямое платье без талии, скрывающее всю фигуру женщины, довольно длинное, лишь у некоторых продернуты резинки, стягивающие талью поясом. Между прочим, я спросил:

— А прежде танцовали богачи с беднотой?

— Нет, раньше этого не было. Это только в последнее время стало возможно.

Пляшущий старик оказался и хорошим музыкантом. Во время деникинского нападения на Чечню он был в окопах вместе с молодежью, играя им на своем инструменте.

Здесь же, саженях в пяти от танцовального кружка, сгруппировалась толпа всадников, человек в шестьдесят, напевающих однообразный мотив. Когда я пошел, слушая этот мотив, все находились ко мне спиной. Я слышал заунывную, однообразную мелодию, имеющую плясовой такт. Когда всадники заметили меня сзади, они быстро повернули лошадей лицом ко мне, и предо мною открылась оригинальная картина: два человека неестественно мотают головами, как будто бы головы у них на шарнирах, к ним присоединяется третий, четвертый. Люди приходят все в больший экстаз самоистязания — это моление.

Перед самым отъездом из аула ко мне подошли два красивых, здоровых чеченца и обратились с просьбой: они до сих пор скрываются, разыскиваемые местными властями. После короткого совещания с местными товарищами, от имени президиума, я им разрешил остаться на местах, взяв с них слово, что они не будут больше делать преступлений. Все окружающие в один голос подтвердили, что они не нарушат это слово.

Нальчик является столицей Кабарды, на реке Нальчик. На юг от него виднеются склоны гор, покрытые лесом, и хребты, затуманенные облаками, сквозь которые иногда появляются снеговые вершины.

Выехали за город, где когда-то начала развиваться дачная местность. Многие дачи, начатые постройкой, стоят неоконченными. Местность холмистая, лесная. После дождя горный воздух чист, приятен и как-то особенно наполняет легкие. Умеренное тепло делает это место великолепным местом отдыха. Недаром здесь начата постройка великолепных дач; вероятно, в будущем это будет великолепным местом для туберкулезных санаториев.

Я улучил минутку и скрылся от местных властей, чтобы побродить по городу. Небольшие домики, с большими фруктовыми садами, на улице абсолютная тишина, нарушаемая буйным концертом воробьев, чириканье которых является единственным шумом города. Вот на крылечке сидит девочка лет пяти-шести и тянет какой-то заунывный мотив, — очевидно, молитва, — совершенно не обращая внимания на проходящих. Некоторые здороваются со мной, называя фамилию — это русские крестьяне Нальчика. Местная власть из кожи лезет, чтобы превратить город в столицу, и как будто бы с успехом. По крайней мере, я видел груду камней, приготовленных для замощения наиболее непроходимых улиц.

В Кабарде 300 000 жителей. Совершенное отсутствие военных гарнизонов. В милиции 160 человек, которые выполняют и обязанности курьеров. Эта территория при царизме охранялась рядом военных постов и полиции. В настоящий момент как бандитизм, так и крупные уголовные преступления составляют редкие явления. По выражению предревкома тов. Калмыкова, единственным сторожем в городе является сторож при складе Экономсовещания. Интересна тюрьма: на 153 арестованных — два надзирателя, дежурящих в смену. Работа и весь надзор ведутся самими арестованными из группы образцовых.

8. В первой конной армии.

19-го мая мы поехали в станицу Лабинскую, чтобы присутствовать на празднования годовщины первой конной армии и вручить шефское знамя от президиума ВЦИК.

В 12 часов дня на автомобилях мы отправились через станицу на поле построения армии. Армия была построена верстах в 4-х от станицы, на широком степном просторе; центром служил курган, с которого командный состав следил за ходом парада. Войска, приблизительно версты две по фронту, были построены в карре и представляли красивую картину. На каждой стороне было по несколько дивизий.

Началось празднование с объезда армии, после было дивизионное конное учение, затем бригадное, пулеметное, вольные движения (гимнастика), вручение знамени от президиума и церемониальный марш.

На широкой степи, с кургана, в бинокль были видны военные построения огромных войсковых конных масс. Они про-

изводили удивительно красивое впечатление, но, несомненно, самым красивым моментом был церемониальный марш всей конной армии. Торжество запоздало по сравнению с расписанием на три часа, и поэтому вся программа шла более или менее ускоренным темпом.

После военных упражнений мною были вручены 14-ти красноармейцам знаки отличия Ордена Красного Знамени. После вручения ордена и поздравления красноармейцев с полученной наградой каждый кавалер Ордена Красного Знамени отвечал «служу народу».

Шефское знамя от ВЦИК было вручено тов. Буденному, который, взяв знамя и укрепив его конец к стремени, в сопровождении небольшого отряда полным карьером поскакал по фронту, поздравляя красноармейцев с получением этого знамени. Удивительно красивая картина, когда по спокойному конному фронту во весь опор скачет во главе с тов. Буденным небольшой отряд с красиво развевающимся по ветру знаменем, а в этот момент далеко-далеко несется громкое «ура», перекатываясь по фронту с быстротой несущего красное знамя.

Чтобы не отмечать и не выделять отдельных дивизий, я остановлюсь только на общей, и, по-моему, самой величественной картине этого дня. С южной стороны горизонт уже покрылся тяжелыми черными облаками с серыми просветами, через которые заметна огромная толщина облаков. Все предсказывало скорый дождь. От времени до времени небо пронизывала искра молнии, и в отдалении были слышны глухие раскаты грома. Началось прохождение церемониальным маршем первых частей конной армии. Ветер быстро изменил направление, тучи, которые, казалось, пройдут мимо военного поля, изменили свое направление, ветер дул на нас, и с отдаленным шумом дождь быстро надвигался на проходящие церемониальным маршем войска. Ворошилов отдает приказ ускорить, темп движения усиливается, галоп превращается в карьер, несется полк за полком, грозные тучи все ближе и ближе, крупные капли превращаются в проливной дождь; молния, отдаленные звуки грома, покрытый черными тучами небосклон и несущаяся конница почти без интервалов: пущены сразу две дивизии в ряд, несущиеся во весь опор, — все это представляло иллюзию полной военной обстановки.

В ГРУЗИИ.

(По поводу Тифлисской сессии ЦИК СССР.)

Несомненно, 3-я сессия ЦИК Союза оставила весьма заметный след своим пребыванием в Тифлисе.

Внешне это не сразу сказалось. Хотя у вокзала и была многочисленная народная встреча, состоящая преимущественно из железнодорожников, представителей профсоюзов и армии, а парад и общегородская демонстрация были назначены в городе, все-таки город, его рядовые жители, раскачались не сразу. Кстати заметить, Тифлис в настоящий момент, пожалуй, один из самых больших городов после Москвы и Ленинграда в Союзе.

Обыватели в первый день были как бы в нерешительности, в недоумении, что̀ прибыло из Москвы и как на это надо реагировать. Даже в демонстрации целые отряды, идущие не особенно стройными рядами, были больше полны персональным любопытством, чем сознанием политического значения 3-й сессии в Тифлисе. Лишь день за днем, когда главы общесоюзных и просто республиканских ведомств, как тов. Семашко среди медиков, провели ряд совещаний, члены ЦИК'а Союза — ряд митингов, а местные товарищи устроили этнографический вечер, где все народы Закавказской федерации соперничали один перед другим национальным искусством, — сессия сблизилась с городом. Чтобы оттенить серьезное значение этнографического вечера, достаточно напомнить, что артист тюркской оперы из Баку приехал в час ночи и прямо с вокзала явился на вечер в момент его закрытия.

Все это расшевелило Тифлис до основания, и Закавказская столица, можно сказать, слилась, спаялась с сессией ЦИК'а. В работе сессии принял участие как бы весь город.

Если на завоевание Тифлиса понадобилось несколько дней, зато, в отличие от Тифлиса, Баку именно широко развернул демон-

стративную сторону. При своих поездках я достаточно видел демонстраций и громадных народных митингов, но то, что было в Баку, выделяется яркостью картины. Представьте себе, три-четыре улицы, по которым должны ехать члены ЦИК'а на заседание Бакинского совета со всеми правительственными и общественными организациями, на всем расстоянии сплошными массами стояли рабочие и от их восторженных лиц во все время пути шел неумолкаемый гул приветствий и аплодисментов.

Значительное количество членов ЦИК'а местными товарищами были привлечены к обследованию мест Закавказской федерации. На меня выпала задача объехать западную Грузию.

Свою поездку я начал с Кутаиса.

В Кутаисе.

Кутаис раньше был губернским центром, в настоящее время значится уездным городом. Он расположен в котловине гор, своими домами взбираясь высоко по склонам. Чистенький, — веет полной патриархальностью от маленьких домиков, зазеленевшихся двориков и распускающихся деревьев. Солнце греет во-всю, градусов на 25, а перед глазами склоны гор, покрытые снегом. Все население города на улице, всюду оживление, толпа, довольно нарядна, из нее лишь выделяется группа делегатов-крестьян в живописных национальных костюмах. Население, видимо, довольно проявленным к нему уважением сессии.

Из местных достопримечательностей осмотрели вводную часть оросительного канала из реки Рион; довольно крупное сооружение, сделанное при Советской власти, орошает до 12.000 десятин; детский дом для грудных сирот и разрушенный собор, насчитывающий до 800 лет. Товарищи приглашали на свою единственную суконную фабрику, недавно открытую и переведенную из России, но не хватило времени ее осмотреть.

В грузинской деревне.

На утро была назначена поездка в деревню. Около 9-ти часов утра на автомобилях, по недурному шоссе, двинулись вперед. С обеих сторон — поля с оставшимися палками от кукурузы, потом колючий кустарник, уже начинающий зеленеть, среди которого видны синеющие фиалки. В сущности это единственные

поля, которые мы видели при выезде из Кутаиса, потом начались непрерывной лентой грузинские деревни. Я не знаю, как в другой части Грузии, что касается западной, то там одна деревня переходит в другую без перерывов.

Все время пути вы едете среди жилья, но домики не выходят на улицу, а видны среди деревьев сада. И вообще вся западная Грузия представляет из себя сплошной возделанный сад, нарушаемый участками кукурузы. Как сад, так и домики удивительно чисты.

Среди крестьян заметна, если не обеспеченность, то во всяком случае, культура, бо́льшая, чем, примерно, крестьянина центральной России. Вообще жители деревень западной Грузии близки по своему внешнему облику к городу. Совершенно городской язык, значительный процент интеллигенции, большая родственная связь с городом. Костюмы женщин ничем не отличаются от городских. Получается впечатление, как будто находишься в дачной местности, где живут городские жители. Мужчины больше придерживаются национального костюма, возможно и потому, что он довольно красив, великолепно оттеняет стройность фигуры.

Индивидуальность посещаемых деревень трудно уловить; как я уже сказал, они вливаются в одну общую деревню всей западной Грузии. Но такие, как Хони, отличаются своей зажиточностью, хотя это скорее город, чем деревня. Судя по внешнему впечатлению, труд крестьянина западной Грузии более вознаграждает земледельца, чем где-либо. Лишь значительная перенаселенность и кризис в отхожих промыслах задерживают естественный отлив излишнего населения.

На крестьянских собраниях.

Крестьянские собрания носят оживленный характер, где вся аудитория принимает самое активное участие в обсуждении поднимаемых вопросов, из которых наиболее злободневными являются вопросы местного экономического значения, как дешевая цена коконов, — об этом напоминали, буквально, в каждой деревне. Я думаю, что здесь крестьяне правы. Шелководство у них является серьезной доходной статьей хозяйства, и недобор по ней болезненно отзывается на всем бюджете. Наши государственные и кооперативные торговые органы часто близоруко

используют свое монопольное положение на рынке, ставя совершенно неприемлемые цены на крестьянские товары. С этим надо решительно бороться, давая кооперации льготы и помогая ей материально. Нельзя забывать, что для самой же кооперации полезно, если с ней будут конкурировать частные торговцы; в конкуренции с частными торговцами она научится выгодно торговать, а главное — ценить своих клиентов.

В довольно обостренном положении оказался в Грузии религиозный вопрос, и что всего интереснее, его обострение создалось именно на почве революционности деревни. Грузинская деревня прошла революционную борьбу с царизмом. На этой почве создался значительный кадр революционно-настроенных крестьян. Вполне естественно, как это у нас происходит повсюду, в особенности в деревне, вместе с революционностью часть грузинских крестьян сделалась атеистами.

С приходом Советской власти в деревню оформилась и возросла коммунистическая партия, комсомол плюс неверующие беспартийные. Все эти группы вместе составили значительный кадр в деревне настроенных против религии. Притом, революционным элементам грузинской деревни не пришлось пройти через длительную борьбу в деревне за советский строй, как это было в других частях Союза, и поэтому значительная революционная энергия оказалась неприменимой к жизни. Вполне естественно, она направилась на единственную анти-советскую легальную организацию — церковь. Одна волость перед другой стремилась выразить свою революционность. Один из крестьянских ораторов так и заявил, что «соседняя волость, менее революционная в прошлом, закрыла храм, — как же мы-то, неужели отстанем?»

Характерно, что в борьбе с церковью беспартийные принимали, да и теперь принимают, столь же активное участие, как и коммунисты. Поэтому правительству Грузии с этим стихийным течением было трудно бороться, хотя вред его очевиден, ибо против этого шла наиболее отсталая, инертная в политике крестьянская масса, а под флагом защиты религии было удобно скрываться и активным противникам советского строя, связываясь на почве ее защиты с аморфной в политике крестьянской частью.

Далее крестьянские жалобы уже разбивались, не были столь единодушными с обще-крестьянскими жалобами. Например, жалобы на отнятие земли; жалобщик говорит: «Я считаю хоро-

шим, что землю отняли от помещиков, но плохо, что пострадали и такие крестьяне, как я». У него было 11 кцев, оставили по норме 8 кцев. Предлагаю проголосовать, чтобы выяснить удовлетворенных и неудовлетворенных земельной политикой. Настаивают, что такая формула для голосования неправильна: никто не против земельной политики, а их не удовлетворяет данный передел, и не сам по себе передел, а что они явились, по их мнению, несправедливо его жертвами. Тогда я ставлю вопрос так: кто стоит за поравнение землепользования между крестьянами в пределах крестьянской земли и кто за старое владение землей, тоже только в пределах крестьянского землепользования, при чем я обещал, что если за старое досоветское землепользование выскажется значительное большинство, то я присоединюсь к их просьбе перед грузинским правительством о проведении постановления в жизнь. Голосование дало 6 — 7 человек за старое землепользование, все остальные — против.

Обсуждение по голосованию ясно говорит о высокой политической сознательности крестьян Грузии. У нас в деревне крестьяне не разбираются столь тонко с формальной стороны. Не могу сказать, насколько принимали участие в прениях меньшевики, во всяком случае в Озургетском уезде одним из ораторов был поднят вопрос о свободе печати.

Но все-таки в Гурии на поставленный прямо вопрос, как они думают: чем больше всего вызвана поддержка крестьянами выступления меньшевиков, отвечали: первым доводом было, что они ошиблись, думали, что с Советской властью покончено, и возвратились меньшевики, а следующим доводом — экономические причины и — некоторые думают — закрытие церквей. Зато в противовес им кричат, что «из-за церквей бы мы участия в движении не приняли». Но мне показалось, что это просто желание показать революционность деревни. Как я уже говорил, в этой части у них между деревнями идет соревнование.

Отличительной чертой грузинской деревни является то, что не было ни одной жалобы на низовой советский аппарат последнего избрания. Этот вопрос мною ставился упорно в различных формах и всегда единодушный ответ: нельзя жаловаться, человек честный, разумный, пользуется авторитетом. Только в одной деревне заявили претензию, что хотя председатель удовлетворяет всем требованиям и они не могут указать ни одной дурной стороны его, но все-таки им обидно, что он не из их

деревни: «Наша деревня также располагает такими людьми, но почему-то прошел кандидат, предложенный партией, из другой деревни».

Мои вопросы об уезде также дали для власти благоприятные результаты. Думать, что люди боялись, нет основания. Обе стороны, опытные парламентарии, всегда найдут форму их высказать, да и вообще наши беседы велись на-чистоту, и крестьянам хотелось, наоборот, кое-что представить в более темном виде, чем оно есть.

Рабочая сила в деревне и промышленность.

Главное зло западной Грузии, в том числе и Гурии — излишек населения. По существу там происходит то, что у нас в центральном промышленном районе было в 19 — 20 — 21 годах. Деревню заполонили приехавшие из города рабочие. Меньшевистское правительство, ведя борьбу со всеми национальностями Грузии, само получало в виде компенсации потерявших работу грузин из Баку, Одессы, Новороссийска и т. д. Несомненно, вопросы безработицы при меньшевистском правительстве сделались бы наиболее грозными и трудно решимыми вопросами. Падение меньшевиков спасло их от народной ненависти.

В настоящий момент идет развитие промышленной жизни страны довольно равномерно, и сельское население, пригнанное в деревню безработицей, постепенно возвращается в город, что является лучшим лекарством для деревни вообще, а в частности — и грузинской. Поглощение рабочей силы Баку, Батумом, Поти все увеличивается, чем освобождают грузинскую деревню от излишнего населения.

Поти является самостоятельной административной единицей. Его порт хочет конкурировать с Батумом и Туапсе, с которыми и ведет жестокую борьбу за нефтепроводы из Грозного и Баку. Руководители города, судя по первому впечатлению, хорошие хозяева, убеждены во всех преимуществах потийского порта и в телеграммах из Поти говорится, что я также разделяю эту их мысль. Я эту мысль, к сожалению, не могу разделить с товарищами-потийцами, не потому, что не сочувствую их стремлениям, а по причине того, что считаю себя в этом вопросе некомпетентным. Но я отношу к плюсу их стремление использовать каждую возможность в интересах руководимого ими города.

Аджаристан.

При всем моем сожалении, я не мог выкроить время на Аджаристанскую деревню, ограничился одним Батумом — столицей Аджаристана.

Батум с окрестностями жестоко пострадал от небывалых зимних морозов, которые доходили до 8 — 9 градусов. Целый ряд плодовых деревьев, как лимоны, апельсины, мандарины, погибли на 90%. Повсюду небольшие рощицы с пожелтевшими листьями. Удивительно: совершенно не пострадало или, во всяком случае, очень мало — чайное дерево. Вероятно, это можно объяснить тем, что они значительно были засыпаны снегом — вышина чайных кустов не выше ботвы картофеля. Чайное дерево начинает все больше прививаться и в крестьянском хозяйстве, по крайней мере, я видел чайные насаждения в Озургетском уезде.

Хозяйственники жалуются на Главчай, что он не берет батумский чай для продажи, не сходясь в цене. Я допускаю, что в Батуме чай стоит дороже китайского, ибо оплата труда китайского рабочего ни в какой степени не может быть сравнена с оплатой рабочего в Батуме. Но я считаю, в интересах государства и местного населения развить эту отрасль хозяйства очень полезно, и повышенные расходы, несомненно, будут окуплены сторицей.

Очень практично устроен в Батуме «Дом крестьянина», и видно, что у крестьян он пользуется популярностью, по крайней мере, в момент нашего посещения там было народу до 100 человек; возможно, часть городских неимущих пользуются ночевкой, но безусловно значительное число крестьян пользуются домом и как хорошей ночевкой для себя, и удобно можно поставить лошадь.

Гордостью Аджаристана является педагогический техникум. Это первое учебное заведение, где аджарцы готовят себе учителей из своего народа. Учатся как мальчики, так и девочки. Мне кажется большим прогрессом, что мусульманки готовятся в народные учительницы.

В заключение хотелось бы указать, что грузинский крестьянин, мне кажется, может в значительной степени быть удовлетворен и его вожделения вполне выполнимы, и в значительной степени они справедливы: первое — цена шелковых коконов должна быть

ни в коем случае не ниже довоенной, по крайней мере, в золоте; беспартийный крестьянин привлечен в органы управления через советы; не только открыть церкви—это уже сделано,—а внести в грузинский земельный кодекс поправку, исключающую запрещение служителям культа пользоваться трудовой нормой земли. И, наконец, смягчить в деревне, в настоящий момент довольно жесткую, торговую политику—допущением частного торговца.

ЛЕНИН И КОМИНТЕРН.

(Речь М. И. Калинина на Конгрессе Коминтерна.)

Товарищи, я думаю, еще задолго до настоящего Конгресса каждому из вас было ясно, что первое слово на Конгрессе, без сомнения, будет сказано о тов. Ленине. Это разумелось само собой. Вождь русской революции, вождь большевизма был в такой же мере и вождем Коммунистического Интернационала. И в этом не было никакой исторической случайности. То, что мы называем «ленинизмом», включает в себя самый последовательный, самый полный, самый действенный интернационализм.

Русское в Ленине выражается в том, что, будучи с ног до головы поглощен российской революцией, он ни на один момент не переставал быть интернационалистом. Напротив того, внимание его к каждому национальному движению тем более усиливалось, чем важнее становилась его роль в интернациональном масштабе. Вот это умение, эта способность никогда не замыкаться в национальные рамки и вместе с тем со всей возможной полнотой использовать в ходе международных событий движение в пределах той или иной нации составляет отличительную черту Ленина. И именно это делало его одновременно вождем и русской и международной революции.

В этом отношении изучение ленинизма, всех его этапов, представляет исключительный интерес. Сам Ленин как-то выразился, что он предпочитает делать революцию, чем писать о ней и изучать ее теорию. Но именно его делание обогатило нас, не только русских большевиков, но коммунистические партии всего мира, таким громадным опытом, из которого мы еще долгие и долгие годы будем черпать ответы на самые сложные вопросы.

Я не беру — да и не могу взять — на себя задачу осветить полностью то, что уже вошло в историю под именем ленинизма. В будущем еще потребуется ряд талантливейших историков

и политиков, чтобы выполнить эту задачу. Я ограничусь только тремя вопросами, в которых вождь большевизма сказался особенно ярко. Это союз рабочих и крестьян — идея, целиком принадлежащая тов. Ленину и практически им воплощенная в жизнь, затем—Ленин в национальном вопросе и, наконец, подход Ленина к вопросу о диктатуре пролетариата.

Вопросы объединения рабочего класса и крестьянства в борьбе с капиталистическим миром составляли очень раннюю идею Владимира Ильича. Чуть ли не в первом своем печатном труде «Что такое друзья народа», напечатанном нелегально в 93-м году, уже тогда он интересуется крестьянством, как одной из решающих революционных сил. В 1903 году тов. Ленин пишет специальную брошюру «К деревенской бедноте» — объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы, чем уже ясно дает понять, какое значение он приписывает крестьянству в предстоящей борьбе. В брошюре, предназначенной для деревенской бедноты, казалось бы, особо должна развернуться красноречивая стилистика, о тяжести настоящего положения крестьянина, и ряд ярких картин лучшего будущего, на что были такие большие мастера эсэры. Владимир Ильич прозаически спокойно, не лукавя, говорит: «Не все крестьяне будут помогать рабочим, есть богатые; нам,—говорит он,—надо узнать, сколько их по всей России, какова их сила, чтобы бедный крестьянин не на-авось шел, не с завязанными глазами, а чтобы он точно знал, каковы его друзья и каковы его враги».

Просто, скупо и безусловно понятно каждому мужику. Или: «Но когда бедному и среднему крестьянину говорят, что улучшение хозяйства и удешевление плугов поможет им всем из нужды выбиться и на ноги встать, не трогая вовсе богатых людей, то это обман. От всех этих улучшений, удешевлений и кооперации (союзов для продажи и закупок товаров) гораздо больше выигрывают богатые. Богатые становятся все сильнее, все больше теснят бедноту и средних крестьян. Покуда богатые остаются богатыми, покуда они держат в своих руках большую часть и земли и скота, и орудий и денег, до тех пор не только бедноте, но и средним крестьянам никогда из нужды не выбиться».

Из вышеприведенных слов видно, как давно идеи союза рабочих и крестьян были в голове у тов. Ленина. Даже больше. Следующие слова не только говорят об идее союза, а намечают и пути его использования в интересах рабочих и крестьянской

бедноты (под крестьянской беднотой Ленин понимает хозяйство с одной лошадью и коровой):

«Первый вопрос: может ли рабочий народ избавиться от нужды и нищеты, когда в России из двухсот сорока миллионов десятин удобной земли сто миллионов десятин принадлежат частным землевладельцам? Когда у шестнадцати крупных землевладельцев находится в руках шестьдесят пять миллионов десятин.

«Второй вопрос: может ли рабочий народ избавиться от нужды и нищеты, когда полтора миллиона богатых крестьянских дворов (из всего числа десяти миллионов) забрали в свои руки половину всех крестьянских посевов, всех крестьянских лошадей, всего крестьянского скота и гораздо больше половины всех крестьянских запасов и денежных сбережений? Когда эта крестьянская буржуазия продолжает все больше и больше богатеть, притесняя бедноту и среднее крестьянство, наживаясь чужим трудом, батраков и поденщиков. Когда шесть с половиной миллионов крестьянских дворов — разоренная беднота, всегда голодная, добывающая жалкий кусок хлеба всяческой работой по найму.

«Третий вопрос: может ли рабочий народ избавиться от нужды и нищеты, когда главной силой стали деньги, когда на деньги можно все купить: и фабрику и земли, и даже людей купить в наемные работники, в наемные рабы? Когда без денег нельзя ни жить, ни вести хозяйство. Когда мелкий хозяин-бедняк должен вести борьбу с крупным хозяином из-за добывания денег. Когда несколько тысяч помещиков, купцов-фабрикантов и банкиров забрали в свои руки сотни миллионов рублей и, кроме того, распоряжаются всеми банками, в которых собираются тысячи миллионов рублей.

«От этих вопросов никакими сладкими речами о выгодах мелкого хозяйства или кооперации не отвертишься. На эти вопросы ответ может быть один: настоящая «кооперация», которая может спасти рабочий народ, это — союз деревенской бедноты с городскими рабочими социал-демократами для борьбы против всей буржуазии. Чем скорее будет расширяться и крепнуть такой союз, тем скорее средний крестьянин поймет всю ложь буржуазных обещаний, тем скорее средний крестьянин станет на нашу сторону».

Неопровержимо доказавши экономическую необходимость деревенской бедноте итти нога в ногу с пролетариатом, Ленин по поводу расправы самодержавия в лице князя Оболенского над крестьянами Екатеринославской и Харьковской губерний

в 1902 г. говорит: «Крестьяне боролись за правое дело. Русский рабочий класс всегда будет чтить память мучеников, застреленных и засеченных царскими слугами. Эти мученики были борцами за свободу и счастье рабочего народа. Крестьяне были разбиты, но они поднимутся еще и еще, они не падут духом от первого поражения. Сознательные рабочие приложат все усилия, чтобы как можно больше рабочего народа в городах и деревнях знало о крестьянской борьбе и готовилось к новой, более успешной борьбе. Сознательные рабочие всеми силами постараются помочь крестьянам ясно понять, почему было подавлено первое крестьянское восстание (1902 год) и как надо сделать, чтобы победа осталась за крестьянами и рабочими, а не за царскими слугами».

Итак, двадцать лет тому назад у тов. Ленина вполне уже сложилась мысль о необходимости тесного союза рабочих и крестьян, что лишь соединение двух сил, лишь их суммой можно победить не только самодержавие, но и капиталистический мир. И за весь свой революционный период он не оставлял этой мысли. В своей последней, заключительной лебединой песне на одиннадцатом партийном съезде, как бы предчувствуя, что это последняя его напутственная речь партии, он говорит: «Весь гвоздь теперь в том, чтобы авангард не побоялся задачи поработать над самим собой, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное умение. Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед. Такую задачу при данном международном положении, при данном состоянии производственных сил России можно решить лишь очень медленно, осторожно, деловито, тысячу раз проверяя практически каждый шаг».

Вопросы национальные я отношу к порядку крестьянских. Этим вопросам Владимир Ильич уделял также значительное внимание, и это очень естественно, если вспомнить, что вся Россия является страной многонациональной, разноязычной, народы, ее населяющие, находятся на различных ступенях развития, что уже само собою вносит отчуждение между народами, ибо более культурный народ в буржуазном обществе почти неуклонно является эксплуататором более отсталого народа, если не прямо, то во всяком случае косвенно.

После революции 1905 года, когда возможность захвата власти пролетариатом встала на очередь для политической партии, все большее значение стал приобретать и национальный вопрос. С этих пор к его решению вплотную подходит тов. Ленин, ведя по обыкновению, и по данному вопросу жестокую борьбу с оппортунистами (соглашателями), решающими и настоящий вопрос по-либеральному. Возражая против недопущения царизмом в русскую школу инородцев, Ленин говорит:

«Интересы рабочего класса, как и вообще интересы политической свободы, требуют, наоборот, самого полного равноправия всех без исключения национальностей данного государства и устранения всяческих перегородок между нациями, соединения детей всяческих наций в единых школах и т. д. Только отбрасывая все дикие и глупые национальные предрассудки, только сливая в один союз рабочих всех наций, может рабочий класс стать силой, дать отпор капиталу и добиться серьезного улучшения в жизни.

«Посмотрите на капиталистов: они стараются разжечь национальную вражду «в простом народе», а сами отлично обделывают свои делишки: в одном и том же акционерном обществе — и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, и немцы. Против рабочих объединены капиталисты всех наций и религий, а рабочих стараются разделить и ослабить национальной враждой».

Тов. Ленин с зоркостью орла высматривает и оценивает революционное движение в других странах, немедленно реагируя и поддерживая его. Вот великолепная иллюстрация. Развитие революционного движения в Китае с его стороны вызывает восторженную поддержку: «В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там еще идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе сотни миллионов людей. Какой восторг вызывает это мировое движение в сердцах всех сознательных рабочих, знающих, что путь к коллективизму лежит через демократию. Каким сочувствием к молодой Азии проникнуты все честные демократы.

А «передовая» Европа? Она грабит Китай и помогает врагам демократии, врагам свободы в Китае».

Всякое явление, помогающее организации рабочего класса, способствующее его победе, где бы оно ни происходило, встречает горячего сторонника в тов. Ленине. Обратно: все, что ослабляет борьбу рабочего класса, все, что эту борьбу из интернациональной классовой направляет в русло местное, частное,

превращая его из демократического в либеральное, — находит в тов. Ленине неукротимого противника. Культурно-национальной автономии тов. Ленин уделил значительное количество времени, беспощадно разоблачая буржуазию, прикрывающую знаменем автономии дело разобщения трудящихся национальностей. Отвечая оппортунистам, Ленин пишет: «Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый «справедливый», «чистенький», тонкий и цивилизованный. Марксизм выдвигает на место всякого национализма — интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве, которое растет на наших глазах с каждой верстой железной дороги, с каждым международным трестом, с каждым (международным по своей экономической деятельности, а затем и по своим идеям, по своим стремлениям) рабочим союзом.

«Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но чтобы это признание не превратилось в апологию национализма (поклонение ему), надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях,— чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией».

Владея в совершенстве диалектикой, тов. Ленин удивительно умеет парировать (отражать) удары с противоположной стороны. Отвечая либералам в статье «Нужен ли обязательный государственный язык», Ленин говорит:

«Русский язык велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык. Неужели (говорят либералы) вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т. д. Все это верно, господа либералы, отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

«Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной, ибо сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, обязательный государ-

ственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. Мы думаем, что великий, могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под дубинки».

Как это великолепно сказано: «мы не хотим только одного — принудительности». Нигде вы не найдете такой убежденности, не только убежденности в правоте своей позиции, а и в том, что рабочая масса, трудовая демократия, неизбежно придут к тому, что мы проповедуем, что нам дорого. Словом, опять черта Ленина, — вера в массу, свойственная специфически большевизму. Или: «Мы полны чувства национальной гордости и именно поэтому мы особенно ненавидим свое прошлое, рабское прошлое (когда помещики-дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая), и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душить Польшу, Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство презрения и омерзения холуй и хам».

Для нас, практических работников на местах, у станков, в таких больших центрах, как Петербург, Москва, Харьков, национальные вопросы не казались актуальными. Острота борьбы с царизмом, его жестокие расправы с революционерами как бы всех уравняли. Нам казалось, что в области истинно-революционного интернационализма мы не отстаем от тов. Ленина и, однако, это не мешало ему впоследствии сказать: «С красным финским правительством, которое существовало короткое время, мы заключили договор, пошли на известные территориальные уступки, из-за которых я слышал не мало возражений, чисто шовинистических: «там, дескать, хорошие рыбные промыслы, а вы их отдали». Это такие возражения, по поводу которых я говорил: «поскрести иного коммуниста — и найдешь великорусского шовиниста».

Вот именно: интернациональность каждого познается лишь практически, на деле, когда нужно принимать то или другое

решение, в котором кровно заинтересованы стороны. Только сейчас, когда пробудились многочисленные национальности, населяющие наш Союз, мы начинаем понимать исключительную трудность провести действительную интернациональную, т.-е. соответствующую, помогающую международной революции линию. И понятно то внимание, которое уделял тов. Ленин национальному вопросу, от умелого решения которого в значительной степени зависят судьбы революции. Тов. Ленин оказал этим неоценимые услуги.

Завершением творческой деятельности в области применения и углубления марксизма у тов. Ленина является учение о диктатуре пролетариата. По обыкновению, к решению вопроса о диктатуре пролетариата тов. Ленин подошел прежде всего с целью отмести все, что прилипло к революционному марксизму и извращало его. Тов. Ленин выполнял этим насущную потребность русской революции. Вспомните, ведь, русская революция шла наперекор, вопреки представлению и желанию всех политических партий, возглавляемых Вторым Интернационалом.

Товарищи, драматические моменты в жизни не столь заметны, как на театральных подмостках, и художники упустили исключительно драматический период. Вспомните, два-три десятка лет — герои, общепризнанные вожди, вели пролетариат если не к немедленной победе, то, во всяком случае, на исключительно грандиозные бои. Чем бы такие бои ни кончились, каких бы жертв ни потребовали от пролетариата, — все это было бы окуплено и вознаграждено. Европейские рабочие массы в этих боях приобрели бы боевой закал и, говоря словами тов. Ленина, беззаветную преданность борьбе за коммунизм, волю к победе.

И все это было потеряно, благодаря отвратительной трусости вождей, которые не выдержали картины боевого поля сражения. Но этого мало. Вожди, бежавшие с поля сражения, переметнулись в лагерь врагов, оказались изменниками. Что может быть отвратительнее? Какой враг мог нанести больший удар в спину революционному пролетариату? Мы, русские рабочие, которые бросали последние резервы в защиту боевой чести пролетариата, особенно остро почувствовали этот удар. И лишь закаленная в многолетних боях Российская Коммунистическая Партия не дрогнула и, под руководством своего гениального вождя, твердо и решительно пошла к победе.

Изменники уже давно, исподтишка, осторожно прячась от масс, постепенно подменяли революционный марксизм мещанской идеологией.

И, когда один из отрядов международного пролетариата — русский — победил, филистеры (мещане) закричали «караул», открывши отвратительную травлю, не только опорочивая победу, но и тот строй, который создала победившая русская революция.

Этот строй мы называем переходным периодом диктатуры пролетариата, неизбежным и необходимым для подавления сопротивления буржуазии.

Об исторической неизбежности периода диктатуры пролетариата всего убедительнее говорят следующие слова тов. Ленина: «Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно, ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией, до Маркса, создано, и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата.

«Для Российской Коммунистической Партии нет сомнения в необходимости, в неизбежности диктатуры пролетариата для закрепления победы над буржуазной государственностью. До понимания этой мысли у нас выросли беспартийные рабочие и даже крестьяне, которые в понятие о диктатуре пролетариата вкладывают формы Советской власти. Они понимают, что только советское государство обеспечивает трудящимся классам необходимые им свободы, которых не может им дать ни одна архидемократическая республика.

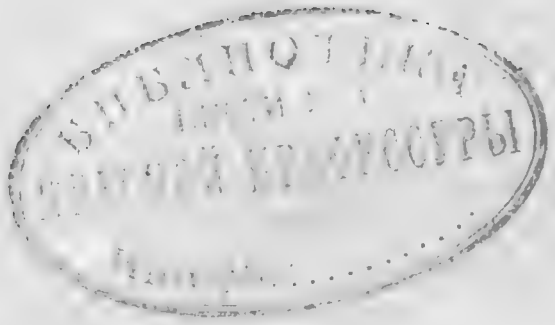
«Основной задачей Коминтерна является объединение пролетариата в сознании необходимости и неизбежности вооруженной борьбы за диктатуру пролетариата, которая единственно обеспечит трудящимся тот политический режим, тот действительный демократизм, при наличии которого они получают возможность итти к коммунистическому строю».

Тов. Ленин и созданная им Российская Коммунистическая Партия ставили и ставят перед собой основную задачу — завоевать коммунистический строй. Все остальные вопросы есть вопросы тактики, выбора оружия, при помощи которого мы приближаемся к заветной цели.

Вопросы союза с крестьянством, национальный, диктатуры пролетариата и вся постоянная обыденная работа коммунистической партии, — во всем мы должны исходить из одной мысли, что это есть орудия нашей борьбы и мы их применяем в соот-

ветствии с той полезностью, какую они приносят в борьбе за конечные цели. На вас, наследниках товарища Ленина, лежит ответственная обязанность не только сохранить, но и усилить, развить специфические особенности ленинизма, этого лучшего оружия, которое выковано пролетариатом в его борьбе за свое освобождение.

«Беднота», № 1839, от 19 июня 1924 года.



СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
От редакции	III — VI
Разговор по душам (Русской эмиграции)	7
Беседа с крестьянами Мордовской вол.	17
Беседа с казаками Котовской станицы	30
Собрание на ст. Сковородино	41
Беседа с крестьянами Бессоновской вол.	66
Беседа в Тамьяно-Катайском кантоне	73
Сходка в селе Вязовая Гай	79
Сходка в селе Петровке	100
Сходка в деревне Михайловке	122
Беседа с казаками станицы Иловлинской	126
Митинг в ауле Урус-Мартана	143
Беседа с казаками Петровской станицы	157
Собрание в станице Елизаветинской	167
Неурожай и голод 1921 г.	179
Итоги голодной кампании	187
Вопросы общины	222
Кто смыкает и кто размыкает	227
О задачах деревенских корреспондентов	236
О шефстве рабочих над деревней	248
Путь к самообразованию для рабочего и крестьянина	256
В Башкирской республике	262
В Туркестане	272
Поездка в Гусь-Хрустальный	284
На Украину за хлебом	291
Поездка в Баку	317
Поездка на Дальний Восток	325
Поездка по Кавказу	343
В Грузии (По поводу Тифлисской сессии ЦИК СССР)	360
Ленин и Коминтерн	368

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

ЛЕНИНГРАД, ДОМ КНИГИ, Просп. 25 Октября, 28. Телефоны 1-32-44, 5-70-14.
МОСКВА, Тверская, 51. Телефоны 3-92-07, 4-90-35.

М. И. КАЛИНИН.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Впечатления, беседы, речи.

М. И. КАЛИНИН.

СМЫЧКА ГОРОДА И ДЕРЕВНИ

Доклад на XIII Съезде РКП (б.) и резолюции.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Стр. 56. Обложка А. МЕНДЕЛЬСОНА. Ц. 15 к.

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ

СТАТЬИ и РЕЧИ

СБОРНИК

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Стр. 165. Обложка в две краски работы Г. ФРЕНК. Ц. 45 к.

Л. Б. КАМЕНЕВ

КУДА И КАК ВЕДЕТ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ КРЕСТЬЯНСТВО?

Стр. 193. Ц. 75 к.

М. Я. ФЕНОМЕНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

ОПЫТ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ
(д. Гадыши, Валдайского у., Новгородской г.)

Ч. I.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ ДЕРЕВНИ

Стр. 259. С 97 рис. в тексте. Приложение: 7 схем и планов. Ц. 1 р. 60 к.

Ч. II.

СТАРЫЙ И НОВЫЙ БЫТ

(Социальные навыки.)

Стр. 211. С нотами соврем. дерев. песен и рисунками в тексте. Ц. 1 р.

СТАРЫЙ И НОВЫЙ БЫТ

СБОРНИК

Стр. 143. под. редакцией проф. В Г. ТАНА-БОГОРАЗА. Ц. 60 к.

ОБНОВЛЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

СБОРНИК

Стр. 166. под редакцией проф. В. Г. ТАНА-БОГОРАЗА. Ц. 90 к.

Цена 1 р. 80 к.

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЛЕНИНГРАД, ДОМ КНИГИ, Просп. 25 Октября, 28. Телефоны 1-32-44, 5-70-14.
МОСКВА, Тверская, 51. Телефоны 3-92-07, 4-90-35.

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ

Советская власть в деревне.

Ананов, И. Н. — Местные органы Советской власти. Стр. 55. Ц. 20 к.

Игнатьев, В. И. — Кто может выбирать и быть избранным в Советы. Стр. 47. Ц. 15 к.

Игнатьев, В. И. — Советская волость и стоящие перед ней задачи. (Серия «Проблемы Советского права».) Стр. 84. Ц. 35 к.

Игнатьев, В. И. — Что такое СССР. (Беседы для рабочих и крестьян.) Стр. 55. Ц. 18 к.

Чугунов, С. И. — Вопросы организации и деятельности сельских советов. С предисловием Л. М. Кагановича. Стр. 159. Ц. 60 к.

Партия в деревне.

Канатчиков, С. — На боевом посту союза рабочих и крестьян. (Серия «Ленинская библиотека».) 3-е изд. Стр. 13. Ц. 5 к.

Карпинский, В. — Пролетарский вождь крестьянства. (Серия «Ленинская библиотека».) 2-е изд. Стр. 12. Ц. 5 к.

Ленин, В. И. — К деревенской бедноте. Предисловие В. Милютина. (Серия «Ленинская библиотека».) Стр. 86. Ц. 20 к.

Ленин, В. И. — О работе в деревне. (Серия «Ленинская библиотека».) Стр. 54. Ц. 15 к.

Молотов, В.—Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни. Стр. 35. Ц. 15 к.

Хатаевич, М. — Партийные ячейки в деревне. Стр. 55. Ц. 25 к.

О смычке города с деревней.

Зиновьев, Г. Е. — Лицом к деревне. Статьи и речи. Сборник. 2-е изд. Стр. 139. Ц. 45 к.

Зиновьев, Г. Е. — Рабочий класс и крестьянство. Что должен знать и помнить каждый рабочий и каждый крестьянин. Стр. 94. Ц. 15 к.

Калинин, М. И. — Смычка города и деревни. 2-е изд. Стр. 56. Ц. 15 к.

Молок, А. И. — Парижская Коммуна и крестьянство. Проблема смычки города и деревни в революцию 1871 года. Стр. 80. Ц. 30 к.

Ханин, Л. — Рабоче - крестьянская смычка и производительность труда. Что должен знать рабочий, чтобы поднять производительность труда. Стр. 59. Ц. 35 к.

C.289
189